

Научный журнал
Основан в 2010 г.
Выходит восемь раз в год

Учредитель
Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки
Федеральный исследовательский центр
«Коми научный центр Уральского отделения
Российской академии наук»

ИЗВЕСТИЯ

КОМИ НАУЧНОГО ЦЕНТРА
УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

№ 8 (66)

Серия «ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ»

2023

Главный редактор – акад. РАН А. М. Асхабов
Зам. главного редактора – чл.-корр. РАН С. В. Дёгтева
Зам. главного редактора – чл.-корр. РАН В. Н. Лаженцев
Ответственный секретарь – к.и.н. Д. В. Милохин

Редакционный совет:

акад. РАН В. В. Алексеев, акад. РАН А. А. Барях, акад. РАН В. И. Бердышев, д.м.н. Е. Р. Бойко,
чл.-корр. РАН И. Н. Болотов, акад. РАН В. Н. Большаков, Ph.D. (Econ.) К. Борисова-Маринова (Болгария),
д.ф.-м.н. Т. М. Бречко (Польша), к.г.-м.н. И. Н. Бурцев, акад. РАН А. Д. Гвишиани, д.ф.-м.н. Н. А. Громов,
д.и.н. И. Л. Жеребцов, д.б.н. В. Г. Зайнуллин, чл.-корр. РАН В. А. Ильин, акад. РАН С. В. Кривовичев,
И. В. Курляк, акад. РАН А. В. Кучин, чл.-корр. РАН Ю. Б. Марин, акад. РАН В. П. Матвеев,
д.и.н. В. И. Меньковский (Беларусь), акад. РАН Г. А. Месяц, чл.-корр. РАН А. А. Москалев,
д.э.н. Л. А. Попова, чл.-корр. РАН В. Н. Пучков, д.г.-м.н. А. М. Пыстин, чл.-корр. РАН И. М. Рощевская,
акад. РАН М. П. Рощевский, д.х.н. С. А. Рубцова, д.и.н. Э. А. Савельева, д.и.н. Т. С. Садыков (Казахстан),
чл.-корр. РАН А. Ф. Титов, д.б.н. С. Н. Харин, к.б.н. И. Ф. Чадин, акад. РАН В. Н. Чарушин, д.т.н. Ю. Я. Чукреев,
д.б.н. Е. В. Шамрикова, акад. РАН В. С. Шацкий, д.э.н. А. Г. Шеломенцев, к.э.н. А. А. Юдин

Редакционная коллегия серии «Историческая демография»:

д.и.н. И. Л. Жеребцов (ответственный редактор), д.и.н. В. Б. Жиромская (зам. ответственного редактора),
к.и.н. Н. М. Игнатова (зам. ответственного редактора), к.и.н. Д. В. Вишнякова (ответственный секретарь),
д.и.н. Ю. В. Аргудяева, д.и.н. Е. Т. Артемов, д.и.н. А. М. Белавин, к.и.н. И. О. Васкул, д.и.н. А. Е. Загребин,
д.и.н. О. П. Илюха, д.и.н. В. А. Исупов, д.и.н. М. Е. Колесникова, д.и.н. Г. Е. Корнилов, д.и.н. Е. Ф. Кринко,
д.и.н. Г. А. Куршева, д-р наук С. Лаллукка (Финляндия), д-р филос. А. Лезте (Эстония),
д-р филос. Д. Лозовану (Молдова), д.и.н. М. А. Мацук, д.и.н. В. И. Меньковский (Беларусь), к.филол.н. А. Г. Мусанов,
д-р филос. Э. Надь (Венгрия), д.и.н. П. Ю. Павлов, д.и.н. И. В. Побережников, д.и.н. С. А. Прокопенко,
д.и.н. И. А. Разумова, д.и.н. А. В. Репневский, акад. РАН В. Н. Руденко, д.и.н. Т. С. Садыков (Казахстан),
д.геогр.н. В. И. Силин, д.и.н. А. В. Сперанский, д.и.н. А. Ф. Старцев, к.и.н. М. В. Таскаев, д.э.н. В. В. Фаузер,
д.и.н. М. С. Черкасова, д.и.н. Ю. П. Шабает, д-р филос. М. Шмигель (Словакия)

Адрес редакции:

167982, ГСП-2, Республика Коми, г. Сыктывкар,
ул. Коммунистическая, д. 24
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, каб. 317, 318.
Тел. (8212) 24-47-79
E-mail: journal@frc.komisc.ru
www.izvestia.komisc.ru

ISSN 1994-5655

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору
за соблюдением законодательства в сфере массовых
коммуникаций и охране культурного наследия.

Свид. о регистрации средств массовой информации
ПИ № ФС 77- 26969 от 11 января 2007 г.

Подписной индекс в каталоге «Почта России» 52047

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр
«Коми научный центр Уральского отделения
Российской академии наук», 2023

Science Journal
Founded in 2010
Published 8 times a year

Established by
Federal State Budgetary
Institution of Science
Federal Research Centre
«Komi Science Centre, Ural Branch,
Russian Academy of Sciences»

PROCEEDINGS

OF THE KOMI SCIENCE CENTRE
URAL BRANCH
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

№ 8 (66)

«HISTORICAL DEMOGRAPHY» series

2023

Editor-in-chief – RAS acad. A.M. Askhabov

Deputy editor-in-chief – RAS corresp. member S.V. Degteva

Deputy editor-in-chief – RAS corresp. member V.N. Lazhentsev

Executive Secretary – Cand. Sci. (Hist.) D.V. Mitokhin

Editorial Council:

RAS acad. V.V. Alekseev, RAS acad. A.A. Baryakh, RAS acad. V.I. Berdyshev, Dr. Sci. (Med.) E.R. Bojko,
RAS corresp. member I.N. Bolotov, RAS acad. V.N. Bolshakov, PhD. (Econ.) K. Borisova-Marinova (Bulgaria),
Dr. Sci. (Phys.- Math.) T.M. Brechko (Poland), Cand. Sci. (Geol.-Mineral.) I.N. Burtsev, RAS acad. A.D. Gvishiani,
Dr. Sci. (Phys.-Math.) N.A. Gromov, Dr. Sci. (Hist.) I.L. Zherebtsov, Dr. Sci. (Biol.) V.G. Zainullin,
RAS corresp. member V.A. Ilyin, RAS acad. S.V. Krivovichev, I.V. Kurlyak, RAS acad. A.V. Kuchin,
RAS corresp. member Yu.B. Marin, RAS acad. V.P. Matveenko, Dr. Sci. (Hist.) V.I. Men'kovsky (Belarus),
RAS acad. G.A. Mesyats, RAS corresp. member A.A. Moskalev, Dr. Sci. (Econ.) L.A. Popova,
RAS corresp. member V.N. Puchkov, Dr. Sci. (Geol.-Mineral.) A.M. Pystin,
RAS corresp. member I.M. Roshchevskaya, RAS acad. M.P. Roshchevsky, Dr. Sci. (Chem.) S.A. Rubtsova,
Dr. Sci. (Hist.) E.A. Savelyeva, Dr. Sci. (Hist.) T.S. Sadykov (Kazakhstan), RAS corresp. member A.F. Titov,
Dr. Sci. (Biol.) S.N. Kharin, Cand. Sci. (Biol.) I.F. Chadin, RAS acad. V.N. Charushin,
Dr. Sci. (Tech.) Yu.Ya. Chukreev, Dr. Sci. (Biol.) E.V. Shamrikova, RAS acad. V.S. Shatsky,
Dr. Sci. (Econ.) A.G. Shelomentsev, Cand. Sci. (Econ.) A.A. Yudin

Editorial Board of the series «Historical Demography»:

Dr. Sci. (Hist.) I.L. Zherebtsov (executive editor), Dr. Sci. (Hist.) V.B. Zhiromskaya (deputy executive editor),
Cand. Sci. (Hist.) N.M. Ignatova (deputy executive editor), Cand. Sci. (Hist.) D.V. Vishnyakova (executive secretary),
Dr. Sci. (Hist.) Yu.V. Argudyaeva, Dr. Sci. (Hist.) E.T. Artemov, Dr. Sci. (Hist.) A.M. Belavin, Cand. Sci. (Hist.) I.O. Vaskul,
Dr. Sci. (Hist.) A.E. Zagrebin, Dr. Sci. (Hist.) O.P. Ilyukha, Dr. Sci. (Hist.) V.A. Isupov, Dr. Sci. (Hist.) M.E. Kolesnikova,
Dr. Sci. (Hist.) G.E. Kornilov, Dr. Sci. (Hist.) E.F. Krinko, Dr. Sci. (Hist.) G.A. Kursheva, Dr. Sci. S. Lallukka (Finland),
PhD A. Leete (Estonia), PhD D. Lozovanu (Moldova), Dr. Sci. (Hist.) M.A. Matsuk, Dr. Sci. (Hist.) V.I. Men'kovsky (Belarus),
Cand. Sci. (Philol.) A.G. Musanov, PhD Z. Nad' (Hungary), Dr. Sci. (Hist.) P.Yu. Pavlov, Dr. Sci. (Hist.) I.V. Poberezhnikov,
Dr. Sci. (Hist.) S.A. Prokopenko, Dr. Sci. (Hist.) I.A. Razumova, Dr. Sci. (Hist.) A.V. Repnevsky, RAS acad. V.N. Rudenko,
Dr. Sci. (Hist.) T.S. Sadykov (Kazakhstan), Dr. Sci. (Geogr.) V.I. Silin, Dr. Sci. (Hist.) A.V. Speransky,
Dr. Sci. (Hist.) A.F. Startsev, Cand. Sci. (Hist.) M.V. Taskaev, Dr. Sci. (Econ.) V.V. Fauzer,
Dr. Sci. (Hist.) M.S. Cherkasova, Dr. Sci. (Hist.) Yu.P. Shabaev, PhD M. Shmigel (Slovakia)

Editorial Office:

Office 317, 318 Komi Science Centre, Ural Branch, RAS
24, Kommunisticheskaya st., GSP-2,
Syktyvkar 167982, Komi Republic
Tel. +7 8212 244779
E-mail: journal@frc.komisc.ru
www.izvestia.komisc.ru

The "Russian Post" catalogue subscription index 52047

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation

© Federal State Budgetary Institution of Science Federal Research Centre "Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences", 2023

ISSN 1994-5655

Registered by the Russian Federal Surveillance Service for Compliance with the Law in Mass Communications and Cultural Heritage Protection.

The certificate of mass media registration - ПИ № ФС 77-26969 dated 11 January, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово директора Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, доктора исторических наук И. Л. Жеребцова	5
И. Л. Жеребцов, И. О. Васкул Поселения в устье реки Сысолы в древности и средневековье (к вопросу о влиянии климатических изменений на миграционные процессы).....	6
М. А. Мацук, И. И. Лейман Демографическая характеристика мещанского сообщества города Усть-Сысольска (конец XVIII века)	16
В. И. Силин Картографические источники конца XVIII–XIX века как материал для изучения системы расселения населения в Коми крае.....	20
Д. В. Вишнякова Брачная структура населения Коми края в конце XIX века.....	28
С. А. Кропачев Локальные группы русского этноса в конце XIX–первой четверти XX века : историко-демографическое исследование	34
О. А. Куратов К вопросу о переселенческой политике на Европейском Севере России в начале XX века (на примере Архангельской губернии).....	40
Н. П. Безносова, И. Л. Жеребцов, В. А. Саблин Миграции населения Коми автономии в 1920–1930–е годы.....	44
Н. М. Игнатова Спец(труд)поселки как населенные пункты в 1930–е годы (на материалах Республики Коми)	52
М. В. Медведев Формирование вооруженных сил Болгарии и их потери в боевых операциях против нацистской Германии (сентябрь 1944 – май 1945 года)	61
У. В. Лыткина Естественное движение населения Коми АССР в 1946–1959 годах.....	69
А. М. Мацук Средние специальные учебные заведения сельскохозяйственного профиля в Коми АССР в 1950–е годы : половозрастной и национальный составы учащихся.....	80
А. А. Попов, И. Н. Тяпин Социально-культурное положение северной деревни в системе сельского расселения в регионах Европейского Севера России (1950–1980–е годы).....	86
Е. В. Фадеева Брачные предпочтения женщин и мужчин из числа представителей коренных народов Нижнего Амура и Сахалина.....	92
И. Л. Жеребцов, В. В. Фаузер Кавказская компонента в динамике численности населения Европейского Севера и Республики Коми	98
А. П. Обедков Особенности постсоветской трансформации систем городского расселения Республики Коми в условиях сжимающихся городов и убывающих поселков городского типа	107
В. П. Кривоногов Современные этнические процессы у коми-ижемцев Кольского полуострова.....	117
Юбилеи	
Виктор Вильгельмович Фаузер.....	125
Лариса Павловна Рощевская.....	127
Николай Алексеевич Громов	128
События	
III Всероссийская научно-практическая конференция (с международным участием) «Социально-экономические, демографические и исторические исследования на Севере России»	130
XII Международный симпозиум по исторической демографии	131

CONTENTS

Introductory word from the Director of the Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, Dr. Sci. (History) I. L. Zherebtsov.....	5
I. L. Zherebtsov, I. O. Vaskul Settlements at the mouth of the Sysola river in ancient times and the Middle Ages (on the impact of climate change on migration processes).....	6
M. A. Matsuk, I. I. Leyman Demographic characteristics of the philistine community of the town of Ust-Sysolsk (late XVIII century)	16
V. I. Silin Cartographic sources of the late XVIII–XIX centuries as a material for studying the system of settlement of the population in the Komi territory.....	20
D. V. Vishnyakova The marital structure of the population of the Komi region at the end of the XIX century	28
S. A. Kropachev Local groups of the Russian ethnos at the end of the XIX–first quarter of the XX centuries : historical and demographic research.....	34
O. A. Kuratov On the issue of resettlement policy in the European North of Russia at the beginning of the XX century (case study of Arkhangelsk Province).....	40
N. P. Beznosova, I. L. Zherebtsov, V. A. Sablin Migrations of the population of the Komi Autonomy in the 1920s–1930s	44
N. M. Ignatova Special (labor) settlements as populated areas in the 1930s (based on materials of the Komi Republic)	53
M. V. Medvedev Formation of the Bulgarian Armed Forces and their losses in combat operations against Nazi Germany (September 1944 – May 1945)	61
U. V. Lytkina Natural movement of the population of the Komi ASSR in 1946–1959.....	69
A. M. Matsuk Secondary specialized educational institutions of agricultural profile in the Komi ASSR in the 1950s : gender, age and national composition of students.....	80
A. A. Popov, I. N. Tyapin Socio-cultural situation of the northern village in the rural settlement system in the regions of the European North of Russia (1950s – 1980s).....	86
E. V. Fadeeva Marriage preferences of women and men from among the representatives of the indigenous peoples of the Lower Amur and Sakhalin.....	92
I. L. Zherebtsov, V. V. Fauzer The Caucasian component in the population dynamics of the European North and the Komi Republic	98
A. P. Obedkov Features of the post-soviet transformation of urban settlement systems of the Komi Republic in conditions of shrinking towns and decreasing urban-type settlements.....	107
V. P. Krivonogov Modern ethnic processes among the Komi-Izhma people of the Kola Peninsula.....	117
Anniversaries	
Viktor V. Fauzer.....	125
Larisa P. Roshchevskaya.....	127
Nikolai A. Gromov.....	128
Events	
III All-Russian Scientific and Practical Conference (with international participation) «Socio-economic, demographic and historical research in the North of Russia».....	130
XII International Symposium on Historical Demography	131

**Вступительное слово директора
Института языка, литературы
и истории Коми научного центра
Уральского отделения
Российской академии наук,
доктора исторических наук
И. Л. Жеребцова**

ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
zherebtsov@mail.illhkomisc.ru

Этот номер открывает серию «Историческая демография» – новую серию научного журнала «Известия Коми научного центра Уральского отделения РАН» (входит в перечень ВАК по историческим наукам и археологии). Серию подготовил Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН под научно-методическим руководством Научного совета по исторической демографии и исторической географии РАН и его Северной секции. Серия «Историческая демография» продолжает традиции, заложенные научным журналом «Историческая демография», выпускавшимся Институтом языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН с 2008 г.; в период 2008–2022 гг. вышло 30 номеров журнала, в которых опубликованы работы исследователей из многих регионов России (от Владивостока до Мурманска и от Сочи до Якутска), ближнего и дальнего зарубежья.

Серия «Историческая демография» будет издаваться два раза в год. В ней мы намерены публиковать научные статьи и краткие сообщения по следующим проблемам: история и современное состояние историко-демографических исследований; источники для проведения историко-демографических исследований и методика их анализа; этнодемографические процессы в древности и средневековье; общее и особенное в историко-демографическом развитии стран и регионов в новое и новейшее время; современная этнодемографическая ситуация и перспективы ее развития; историческая география; методология историко-демографических и историко-географических исследований. К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, комментарии к ранее опубликованным работам, хроника научной жизни.

Серия «Историческая демография» – единственный не только в России, но и на всем постсоветском простран-

**Introductory word from the Director
of the Institute of Language,
Literature and History,
Komi Science Centre,
Ural Branch, Russian Academy
of Sciences, Dr. Sci. (History)
I. L. Zherebtsov**

Institute of Language, Literature and History, Federal Research
Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar
zherebtsov@mail.illhkomisc.ru

стве научный журнал, специализирующийся на указанной тематике. В состав редколлегии журнала входят видные ученые, занимающиеся изучением исторической, этнической и современной демографии, исторической географии, историографии и источниковедения из различных регионов России, а также Белоруссии, Венгрии, Казахстана, Молдовы, Словакии, Финляндии и Эстонии.

Демографическая ситуация в России, этнические и этнодемографические процессы в российских регионах вызывают большое внимание государства и общественности. Хорошо известно, что при возрастании роли и места какого-либо современного явления соответственно повышаются роль и место истории этого явления. Поэтому неудивителен и растущий интерес к историко-демографической проблематике.

Особенно внимательно следует анализировать ход демографических процессов в регионах Арктики и Субарктики. Необходима разработка новых концептуальных подходов к демографическому развитию Севера, учитывавших бы, помимо всего прочего, и многовековой опыт проживания человека в данном регионе. Анализ динамики роста народонаселения на протяжении длительного времени, процесса формирования исторически сложившейся структуры расселений, связей историко-демографического развития с природно-климатическими и социально-экономическими факторами имеет сегодня важное значение не только для исторической науки, но и для поиска путей решения дальнейшей судьбы всего огромного Севера России.

Приглашаем исследователей России и других стран принять участие в обсуждении этой и других актуальных научных проблем на страницах серии «Историческая демография» научного журнала «Известия Коми научного центра Уральского отделения РАН».

Поселения в устье реки Сысолы в древности и средневековье (к вопросу о влиянии климатических изменений на миграционные процессы)

И. Л. Жеребцов, И. О. Васкул

ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
zherebtsov@mail.illhkomisc.ru
vaskul@mail.illhkomisc.ru

Аннотация

В статье на основе данных археологии рассматривается история появления и исчезновения населенных пунктов на территории, прилегающей к устью р. Сысолы в пределах современного городского округа «Сыктывкар», в древности и средневековье в контексте происходивших климатических изменений и разделения уральской языковой общности.

Ключевые слова :

поселение, стоянка, миграции, климатические изменения, Сысола, Вычегда

Изучению истории столицы Республики Коми – города Сыктывкара – уделяется немалое внимание. Издано несколько обстоятельных научных и научно-популярных работ, в которых достаточно подробно рассматриваются многие аспекты политического, экономического и культурного развития города [1–8 и др.]. Информацию об археологических памятниках Присыктывкарья можно почерпнуть из работ археологов [9–11 и др.].

Демографическим процессам и, в частности, истории возникновения поселений на территории современного города уделяется существенно меньше внимания. В настоящей статье предпринята попытка проследить историю появления и исчезновения населенных пунктов на территории, прилегающей к устью р. Сысолы в пределах современного городского округа «Сыктывкар», в древности и средневековье в контексте происходивших климатических изменений и разделения уральской языковой общности.

Первые люди близ устья р. Сысолы появились в эпоху мезолита, когда небольшие группы охотников, собирателей и рыболовов, пришедшие из различных регионов, освоили практически все пространство современной Республики Коми, особенно долины крупных рек, их притоков и крупнейшие озера [12, с. 23]. В VII тыс. до н. э. (бореальный период) в Европе стало теплее, чем теперь; теплый воздух

Settlements at the mouth of the Sysola river in ancient times and the Middle Ages (on the impact of climate change on migration processes)

I. L. Zherebtsov, I. O. Vaskul

Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar

zherebtsov@mail.illhkomisc.ru
vaskul@mail.illhkomisc.ru

Abstract

The paper, based on archaeological data, considers the history of the appearance and disappearance of settlements in the territory adjacent to the mouth of the river Sysola within the modern urban district “Syktyvkar”, in ancient times and the Middle Ages, in the context of climate changes and the division of the Ural language community.

Keywords :

settlement, site, migration, climate change, Sysola, Vycheгда

проникал далеко на северо-восток; в основном растаяли северные ледниковые щиты [13, с. 40].

Именно к этому времени ученые относят самые ранние следы пребывания человека в Приустьесысолье. Они обнаружены в урочище Сыктывдиньяг на правом берегу Вычегды, у юго-западного берега оз. Эньты (озеро расположено на месте старого русла р. Вычегды; когда в эти места пришли первые люди, здесь еще текла река). Примерно в 2 км от современного пос. Седкыркеш в VII тыс. до н. э. появилось небольшое поселение древних людей, известное у археологов как поселение Эньты III. Следов от пребывания первопроходцев осталось немного: остатки наземного четырехугольного жилища площадью около 6 кв. м, вероятно, – шалаша или чума, кремневые изделия [10, с. 89]. Можно предположить, что люди оставались тут не очень долго, только в теплый сезон, особенно если поселение существовало в последние века VII тыс., когда несколько похолодало [13, с. 40].

Происхождение основателей поселения определить сложно, но ими могли быть, например, представители племен иеневской или бутовской культур Волго-Окского междуречья. Это были охотники, которые вели бродячий образ жизни, жили в недолговременных поселениях, в жилищах в виде шалашей или чумов [14–16, с. 63–65]. На вычегодские берега они могли попасть, переходя с Шекс-

ны, Унжи или иных притоков Волги в бассейн Северной Двины – на Сухону или Юг.

Место, расположенное не столь уж далеко от впадения Сысолы в Вычегду, оказалось весьма привлекательным для древнего человека, и на протяжении шести последующих тысячелетий там продолжали время от времени селиться люди. Археологи обнаружили несколько разновременных следов их пребывания на вычегодских (нынешних энзтьтских) берегах [10, с. 89–92]. Это неудивительно: поскольку реки и в те времена, и еще тысячелетия спустя, служили на крайнем Северо-Востоке Европы главными путями передвижения, то пришельцы, откуда бы они не шли (с юга – по Сыsole, с запада – по нижней Вычегде, или с востока – по верхней Вычегде), не могли миновать перекресток многих дорог – район устья Сысолы.

О следующих обитателях Сыктывдиньяга, побывавших тут в раннем неолите (стоянка Энзты V, первая половина VI тыс. до н. э.), известно, что они изготавливали керамику [10]. Возможно, они принесли с собой навыки работы с глиной из более южных регионов (где керамика появилась значительно раньше), в частности, из того же Волго-Окского междуречья [17]. Это могло иметь место, поскольку в эпоху неолита активизируются миграционные процессы, население перемещается на новые территории [12, с. 24]. А очередное улучшение климата (бореальный период в VI в. сменился еще более теплым атлантическим [13, с. 40.]) сделало Север более привлекательным для переселенцев с юга. Но однозначно решить вопрос о происхождении основателей Энзты V пока не представляется возможным [16, с. 13, 14]. О том, что представляло из себя это раннеолитическое поселение (стоянка), к сожалению, данных нет.

Во второй половине VI тыс. до н. э. люди устроились в Сыктывдиньяге несколько более основательно: археологи открыли здесь относящуюся к указанному периоду стоянку Энзты I с одной или двумя жилыми постройками, в которых имелись очаги [10, с. 89]. Следовательно, здесь можно было жить не только летом, но и зимой.

Отметим, что новая фаза потепления ознаменовалась рождением уральской языковой общности, объединявшей далеких предков нынешних финно-угорских и самодийских народов. Исследователи говорят о ее существовании уже применительно к VI тыс. до н. э. [18, с. 159; 19, с. 13]. Прародина уральских народов находилась, вероятно, в Западной Сибири [20, с. 105]. На Европейском Северо-Востоке в VI тыс. до н. э. уральских племен, надо полагать, не было. Возможно, неолитические обитатели берегов Энзты и Ваднюра были переселенцами из Верхнего Поволжья [21, с. 25], как и их мезолитические предшественники. Они могли принадлежать к племенам неолитической верхневолжской культуры (сформировавшейся на основе уже упоминавшейся мезолитической бутовской культуры), занимавшимся охотой и рыболовством и жившим в поселениях на берегах рек и озер в жилищах овальной, округлой или прямоугольной формы с очагами [21]. Именно в жилищах таких форм обитали жители усть-сысольского района в среднем неолите. Орнамент, украшающий найденную

в Энзты I посуду, также имеет аналогии в верхневолжской культуре.

В V тыс. до н. э. потепление продолжалось. Улучшение климатических условий дало возможность получать больше продуктов питания в обжитых районах. Например, потепление позволило, очевидно, вылавливать больше рыбы во внутренних водоемах – поскольку «для большинства пород рыб повышение температуры воды и продолжительности теплого периода способствует быстрому росту рыбы <...> Климатические факторы, регулирующие качество воды, могут выступать в роли физиологических стимуляторов, особенно в период размножения рыбы» [22, с. 86]. Расширились, несомненно, возможности сбора различных ягод и прочих даров леса.

В результате первая половина V тыс. до н. э. ознаменовалась в районе впадения Сысолы в Вычегду своего рода «демографическим взрывом»: тут существовало пять поселений. Четыре из них с остатками жилых построек (от одной до пяти) по-прежнему располагались возле нынешнего озера Энзты: среднеолитические стоянки Энзты I и Энзты III, поселения Энзты IV и Энзты VI. На Энзты I раскопано одно большое жилище площадью 7 x 22.5 м (157.5 кв. м), слабо углубленное в землю, на Энзты VI – два углубленных в землю прямоугольных жилища, одно из них с очагом [10, с. 89, 90]. На Энзты III обнаружены пять жилищ различных типов. Существовали, например, округлые или овальные, наземные жилища площадью от 7 до 30 кв. м, с очагом и без очага; возможно, небольшие жилища без очага являлись летними, а более крупные, с очагами – зимними. Имелись и жилища иной формы – прямоугольные, слегка или более значительно углубленные в землю, с одним или двумя выходами, площадью от 35 до 100 кв. м, с очагами; они, вероятно, являлись зимними жилищами. Таким образом, в строительстве жилищ был достигнут заметный прогресс [12, с. 25, 26].

В первой половине V тыс. до н. э. человек обжил еще одно место на правобережье Вычегды, расположенное примерно в 1.5 км от современного пос. Седкыркещ вблизи заболоченного оз. Ваднюр. Археологи открыли там поселения Ваднюр V и Ваднюр VI. На первом из них выявлены следы шести жилищ [10, с. 91]. Если бы они существовали одновременно, то для той эпохи это был бы почти мегаполис. Однако, скорее всего, между появлениями разных жилищ пролегли столетия. Вероятно, здесь периодически в течение зимнего сезона жили в одном-единственном жилище большие семьи. Потом люди уходили, а через длительные промежутки времени на их место приходили другие.

Среднеолитические жители рассматриваемой территории происходили, вероятно, с верхней Волги (как и их предшественники). Их связывают с льяловской археологической культурой [10, с. 89–91; 23, с. 323–335]. Быт приусть-сысольского населения в среднем неолите стал более оседлым и разнообразным, но в целом охотничье-рыболовецкие племена продолжали сохранять довольно подвижный образ жизни. Так что их пребывание на Европейском Северо-Востоке и близ устья Сысолы, в частности,

вряд ли носило характер окончательного переселения на новое постоянное место жительства.

В IV тыс. до н. э. население исследуемой территории, вполне вероятно, поменялось. Представители верхневолжских племен (кто бы они ни были – загадочные «палеоевропейцы», древние индоевропейцы, далекие предки балтов, славян и германцев – версий довольно много) уступили место племенам, пришедшим, возможно, со стороны Урала.

На рубеже V и IV тыс. до н. э. в процессе массовых миграций и – вследствие этого – территориального отдаления одной группы уральцев от другой, вероятно, произошло разделение уральской языковой общности на самодийскую и финно-угорскую [18, с. 122, 172]. Какая-то часть финно-угорских племен в ходе переселений, возможно, переместилась через Урал. Археолог А. Х. Халиков указывал на общность населения, жившего в IV тыс. до н. э. в бассейне Камы и на оставшейся за финно-уграми части западносибирской прародины уральцев по другую сторону Урала [24].

Климатический оптимум продолжался в течение почти всего IV тыс. до н. э. В результате могли произойти определенные изменения ландшафта: почва становилась более сухой, степи постепенно лишались растительности, становясь полупустынями, а степная полоса сдвигалась на север, где ранее располагались луга; вслед за изменением растительного мира вынуждены были перемещаться и животные (об аналогичных процессах применительно к существенно более позднему времени писал Л. Н. Гумилев [25, с. 200]).

Вследствие этого население районов, лежавших к югу от территории расселения финно-угров, спасаясь от засухи, вынуждено было, видимо, в поисках пропитания переселяться севернее, оттесняя или смешиваясь с финно-угорскими племенами (о притоке индоевропейских пришельцев с юга в IV тыс. до н. э. на былую уральскую прародину писал А. Х. Халиков [24]). Одним из результатов притока переселенцев с юга могла стать миграция оттесняемой ими с места первоначального жительства части финно-угров на запад, в сторону Волго-Окского междуречья и отчасти Европейского Севера, который в условиях весьма теплого климата той поры мог оказаться вполне привлекательным для переселенцев.

Вынужденно продвигаясь на новые территории, финно-угры, в свою очередь, могли постепенно оттеснять с занимаемых ими территорий или частично ассимилировать племена верхневолжской культуры, которые в конечном итоге оказались отрезанными от Европейского Северо-Востока и перестали посещать его и основывать там свои поселения. Правда, как правило, предполагается, что эти пришельцы явились не с востока, а с северо-запада. Но мог иметь место и более сложный и долгий переселенческий процесс, и сходство культур пришлого населения Волго-Окского междуречья и населения Северо-Запада Европы может объясняться продвижением финно-угров в IV тыс. до н. э. в оба эти региона, вплоть до Карелии и Финляндии [26, с. 41].

В первой половине IV тыс. до н. э. Приустьсьисолье оставалось, возможно, незаселенным. Но во второй половине IV – начале III тыс. до н. э. (финальная стадия неолита и начало эпохи раннего металла) здесь появились люди, основавшие поселение, известное археологам как Ваднюр I. Ученые выявили на поселении 20 жилищ. Одно из них, например, площадью около 72 кв. м, прямоугольной формы, было углублено в землю, имело шесть очагов и довольно сложную систему вентиляции и отопления жилища [27]. Это может свидетельствовать как об основательности самого жилища и поселения, так и об относительной многочисленности его обитателей.

Радиоуглеродное датирование показало, что поселение существовало в 3376–2904 гг. до н. э. Примечательно, что приблизительно в 3300–3200 гг. до н. э. на территории современной Финляндии появился народ, имевший, возможно, финно-угорские черты [26, с. 41]. Можно предположить, что и то, и другое – результаты одного мощного финно-угорского миграционного потока, затронувшего обширнейшую территорию Европейского Севера и примыкающую к нему часть Верхнего Поволжья. В литературе уже высказано мнение о продвижении уральцев и/или финно-угров в эпоху неолита на Европейский Северо-Восток [12, с. 25]. Можно предположить, что жители поселения Ваднюр I говорили на одном из говоров (диалектов, наречий) пока еще общего финно-угорского языка.

Выдвигалось предположение, что уже в эту эпоху (т. е. не позднее IV тыс. до н. э.) Европейский Северо-Восток вошел «в ареал культур финно-пермской общности, выделенной из финно-угорской» [12, с. 26]. Однако распад финно-угорской общности произошел существенно позже, на рубеже III и II тыс. до н. э. А до этого финно-угры существовали до конца неолита в относительном единстве – относительном, потому что в условиях низкой плотности населения, больших расстояний, отделявших местожительства разных родов, нечастых контактов между ними неизбежно возникали некоторые местные лингвистические различия [18, с. 171, 172] а также, вполне возможно, различия в культурно-бытовой и хозяйственной специфике разных локальных групп.

Существование поселения Ваднюр I можно соотнести с последним периодом климатического оптимума. В начале III тыс. до н. э. наступил суббореальный период, для которого были в целом характерны климатические аномалии, не способствовавшие стабильности хозяйственного развития. В начале нового, менее благоприятного климатического периода, вероятно, и перестало существовать поселение Ваднюр I.

Климатическая ситуация в первой половине III тыс. до н. э. была нестабильной. В середине III тыс. до н. э. из-за очередного изменения климата на Западно-Сибирской равнине началось интенсивное заболачивание и параллельно с этим в значительной мере изменились границы географических зон [28]. В этих условиях в финно-угорских родах и племенах вновь возникла проблема «избыточного» населения, и усилилась миграционная подвижность жителей. Часть из них переселялась на запад, за Урал, где уже имелись родственные племена – в бассейн

Камы, а также в верховья Вычегды и Печоры, а затем, возможно, и дальше [18, с. 79, 80, 161, 162; 29, с. 5].

Не исключено, что именно с этими миграциями связано появление в уже знакомых местах на правом берегу Вычегды новых поселений эпохи энеолита (III – середина II тыс. до н. э.): Эньты II, IV и VII и Ваднюр II, III, IV и VI. В поселениях располагались слегка углубленные в землю прямоугольные жилища, количество которых было различно: Ваднюр II – девять жилищ, Ваднюр III – четыре, Ваднюр IV – три, Ваднюр V – шесть. В Эньты VII обнаружены две четырехугольные полуземлянки, в Эньты II – одно углубленное прямоугольное жилище площадью 6,5 x 13 м (около 85 кв. м) [10, с. 89–91].

В итоге указанных выше переселенческих процессов началось постепенное обособление разделенных Уральскими горами финно-угорских племен на две ветви, контакты между которыми слабели. Выдвигалось даже предположение, что финно-угорская общность во второй половине III тыс. до н. э. распалась, причем именно по природно-климатическим причинам, и в Зауралье между 2600 и 2100 гг. до н. э. сложилась угорская этнолингвистическая общность [28]. Большинство исследователей, однако, датируют этот процесс существенно более поздним временем [18, с. 172; 20, с. 105, 106].

На рубеже III и II тыс. до н. э. наступило новое (не слишком продолжительное) похолодание. В Европе климат был весьма влажным [13, с. 42, 43]. Аналогичные условия сложились и по обеим сторонам Урала. В очередной раз заявила о себе проблема «избыточного населения», решавшаяся, как и прежде, за счет миграций. Часть племен финно-угров продвигались из ставших перенаселенными районов на запад, в бассейн Оки, и далее до Прибалтики, где они стали доминировать, другая часть – на юг [29, с. 7; 30, с. 101]. Двигавшиеся в расходящихся направлениях миграционные потоки привели на рубеже III и II тысячелетий к распаду финно-угорской общности на две группы: угорскую и прафинно-пермскую [18, с. 172].

Есть предположения, что в тот же период имели место и миграции в более северные районы, на Вычегду и Печору [там же, с. 162], и что распад произошел на три группы: угорскую, прафинно-волжскую и прапермскую [20, с. 105–106]. Полагаем, однако, что – поскольку похолодание рубежа тысячелетий все же существенно препятствовало освоению северных районов – более вероятно некоторое отставание по времени переселений на север от миграций в западном направлении. Северные миграции (во всяком случае, относительно массовые), видимо, начались несколько позднее, ближе к середине II тыс. до н. э., когда стало заметно теплее. А в конце III – начале II тыс. до н. э., скорее, мог наблюдаться обратный процесс – отток части населения с Севера. Возможно, с этим было связано запустение поселений Эньты II и VII.

Но большинство поселений Приустьсысоля – Эньты IV и Ваднюр II, III, IV, VI – продолжали существовать [10, с. 90, 91]. Вероятно, ситуация с добычей продуктов питания не была полностью катастрофической, и для уменьшившегося населения хватало зверя, рыбы и растительных даров леса. К тому же климатическая ситуация постепенно

улучшалась, и те поселения, которым удалось пережить относительно холодный период, получили возможность развиваться в более благоприятных условиях.

Около 1500 г. до н. э. климат и зимой, и летом практически на всей территории нынешней России был теплее и суше [13, с. 49]. С улучшением климатических условий возобновился и стал постепенно нарастать приток населения на север, достигнув пика, вероятно, к середине II тыс. до н. э. Переселенцы, вероятно, принесли с собой опыт изготовления бронзовых изделий, и на Европейском Северо-Востоке наступила эпоха бронзы. С этим миграционным потоком можно связать возникновение во II тыс. до н. э. в Приустьсысолье трех новых поселений – стоянки Лемью, поселений Вад-Нюр VI и Красная Гора [10, с. 89, 92].

Обращает на себя внимание тот факт, что стоянка Лемью и поселение Красная Гора впервые появились не на правом берегу Вычегды, а на другой стороне. Стоянка Лемью располагалась на левом берегу Вычегды, напротив Эньты; возможно, река к этому времени заметно изменила русло, и поселения Эньты.

Поселение Красная Гора¹ возникло на существенном отдалении от предыдущих мест обитания жителей Приустьсысоля и было отделено от остальных поселений того времени Вычегдой и Сысолой, на берегу которой расположилось. Возможно, выбор более изолированного места жительства был вызван иным составом первопоселенцев. Если основатели Лемью, поселившиеся вблизи Эньты, вероятно, как и эньтыцы, принадлежали к финно-уграм, то обитатели Красной Горы имели иное происхождение.

Найденный на Красной Горе бронзовый кельт связывают с сейминско-турбинским межкультурным феноменом [10, с. 92] – индоевропейскими (вероятно) племенами, сложившимися в ходе синтеза ряда культур, оставившими в лесной и лесостепной полосе Евразии серию археологических памятников со специфическими бронзовыми изделиями [32]. Объединение алтайских металлургов и коневодов и лесных охотников и рыболовов бассейна верхнего Енисея и Прибайкалья, во II тыс. до н. э. согнанных с места изменениями климата (первые – усыханием и отступлением на север степей, вторые – тайги), в поисках нового жизненного пространства стремительно продвинулось на запад до Поволжья и Европейского Северо-Востока [12, с. 29].

Разнонаправленность миграций прафинно-пермских племен (одна группа расселялась на север, другая – на запад), значительную отдаленность одного осваивавшегося региона от другого, их заметное природно-климатическое отличие, а также вполне вероятные значительные этнокультурные различия между дофинноугорскими обитателями двух этих регионов, влившимися в конце концов в состав финноязычных пришельцев, не могли не разрушить рано или поздно прафинно-пермскую языковую общность. «Спусковым крючком» распада, возможно, стали миграции носителей сейминско-турбинского меж-

¹ А. В. Збруева, побывавшая в Коми АССР в археолого-этнографической экспедиции в 1945 г., приводит название «урочище Шойна-яг, которое у современного населения носит название Красной или Золотой горы» [31, л. 4, 5].

культурного феномена и вызванное ими передвижение населения Волго-Камского региона. В середине II тыс. до н. э. прафинно-пермская общность разделилась на прафинно-волжскую и прапермскую [18, с. 199]. Обитатели приустьсыольских поселений (кроме Красной Горы) принадлежали, вероятно, к племенам прапермской общности.

Использование медных и бронзовых изделий позволило заметно облегчить труд людей. Однако металла было слишком мало для того, чтобы оснастить ими всех. Между тем рост населения требовал большего количества пищи, а в условиях присваивающего (охотничье-рыболовческо-собираательского) хозяйства с увеличением добычи пропитания в одних и тех же местах рано или поздно возникают проблемы: истребляемое во все больших количествах поголовье зверя, птицы, рыбы не успевает восстанавливаться; растительные дары леса тоже небезграничны.

Конечно, в сравнении с позднейшими временами плотность населения Приустьсыолья, несмотря на прирост, оставалась весьма низкой, однако и состояние оружия и орудий труда оставалось невысоким, а это непосредственно влияло на состояние охоты и рыболовства – повысить ее результативность с прежним инвентарем было невозможно.

Свою роль сыграли глобальные изменения климата. В первые века I тыс. до н. э. температура понизилась, что стало особенно заметно в IX в. до н. э., когда наступил холодный субатлантический период с влажными ветренными зимами и преобладанием холодных летних сезонов [13, с. 49, 50, 55; 33]. Вторая половина I тыс. до н. э. (особенно последние века) оказалась весьма холодной (в некоторых регионах – самой холодной в этом тысячелетии). Что естественным образом вновь привело к появлению относительно избыточного населения, интенсификации миграционных процессов.

Не мог помочь даже свершившийся в VIII в. до н. э. переход к раннему железному веку, к использованию более совершенных орудий труда, позволявших затрачивать существенно меньше сил на строительство более основательных и теплых жилищ, заготовку дров для их обогрева, и более эффективного охотничьего оружия. Когда все доступные уголья в окрестностях поселений были освоены охотниками, рыболовами и собирателями до такой степени, что истощились едва ли не полностью и не могли обеспечить население ни животной, ни растительной пищей не только для прироста, но даже для поддержания его численности на прежнем уровне, наступал голод, повышалась смертность населения. Оставался единственный выход: уходить в поисках пропитания в другие, более благоприятные для жизни регионы. Вполне возможно, что именно это и произошло в Приустьсыолье в ту эпоху. Вероятно, именно с похолоданием и вызванными им последствиями в I тыс. до н. э. перестали существовать все поселения у Эньты, большинство поселений у Ваднюра и поселение Красная Гора. Немногочисленные обломки глиняной посуды эпохи раннего железа известны на поселениях Ваднюр I (найден фрагмент верхней части сосуда с воротничком, декорированный наклонными от-

тисками 4-зубого штампа; раскопки Э. С. Логиновой 1975 г. [34]) и Ваднюр VI [10, с. 91, 92].

С похолоданием можно связать и начавшийся процесс распада прапермской языковой общности, которую начиная с VIII в. до н. э. исследователи связывают с памятниками ананьинской историко-культурной общности. По мнению исследователей, в тот период в Приуралье происходило сосредоточение населения на более компактных территориях [35]. Ананьинская общность в конце III в. до н. э. разделилась на гляденовскую (связанную с предками коми и коми-пермяков) и пьяноборскую (предки удмуртов) [12, с. 36]. Территория расселения племен гляденовской культуры сократилась в сравнении с предшествовавшим периодом, что в условиях ухудшения климата и неудивительно (следует отметить, что разделение ананьинской археологической культуры на две части еще не означало окончательного распада прапермской языковой общности. Процесс расхождения языков продолжался еще несколько веков, а его завершение П. Хайду относит к VIII или IX вв. н. э. [18, с. 49, 173, 200]).

Очередное запустение Приустьсыолья можно предположительно связать с влиянием масштабных миграций, вошедших в историю как Великое переселение народов. Глобальное потепление климата в середине I тыс. н. э. привело к засухе. Гунны и другие кочевые степные племена отправились на поиски новых пастбищ и водоемов, преодолевая огромные пространства Азии и Европы. Воздействие Великого переселения в значительной мере испытали на себе угорские племена, предки марийцев, мордвы, удмуртов, коми-пермяков и даже (хотя и в значительно меньшей степени) Европейский Северо-Восток. Группы скотоводческого населения (возможно, из степей Южного Зауралья) вторглись в Прикамье, оттуда в V в. – в Вычегодский край (слабозаселенный и ставший вследствие потепления более приемлемым для их образа жизни). Судя по тому, что их захоронения в виде курганов остались на Сыsole, Выми, Ижме и в бассейне верхней Вычегды [12, с. 39, 40], эти кочевники, направляясь с Сысолы на Вычегду и Вымь, несомненно, прошли через земли в устье Сысолы. Это привело к прекращению развития памятников гляденовской культурной общности в бассейне р. Вычегды. Кочевники в устье Сысолы не задержались – их курганных могильников в этих местах не обнаружено. Этническая принадлежность кочевников дискуссионна. Это могли быть племена, имевшие отношение к гуннскому союзу, угры, тюрки или смешанные по составу переселенцы, которые к VII в. слились с местным населением, войдя в состав населения вновь возникавших объединений [35; 36, с. 39; 24].

Вторжение кочевников повлияло на разделение единой общности предков коми и коми-пермяков на две разные. В VI–VII вв. в Прикамье образовалась ломоватовская археологическая культура, которая связывается с предками коми-пермяков [35]. В Вычегодском крае и на верхней Мезени складывается ванвиздинская археологическая культура VI–X вв., этническая принадлежность которой дискуссионна [12; 36; 37; 38, с. 314–317]. Большинство исследователей сходятся во мнении, что ванвиздинцы

говорили на одном из языков уральской семьи и, скорее всего, на одном из финно-пермских языков. Как отмечал, в частности, Л. Н. Жеребцов, «нет оснований выделять ванвиздинский период из круга финно-пермских культур и считать его привнесенным со стороны» [39].

Во второй половине I тысячелетия, после того как нашествие кочевников прекратилось (в VI–VII вв. несколько похолодало), близ устья Сысолы опять появились поселения, основанные ванвиздинцами. Одна группа людей снова поселилась на Красной Горе, вторая – основала поселение на юго-западной оконечности острова Нидзьяс (между основным руслом Вычегды и протокой Сертполой), примерно в 1,5 км от современного пос. Емваль [10, с. 92]. Отмечается близость материальных остатков, найденных на этих поселениях, а также на расположенном ниже по р. Вычегде поселении ванвиздинской культуры у с. Зеленец [40, с. 153–156]. Вполне возможно, что жители поселений говорили на языке, общем для далеких предков коми и коми-пермяков.

Дальнейшие климатические изменения привели к малому климатическому оптимуму VIII–XIII вв., сыгравшему весьма важную роль в истории различных народов. В начале климатического оптимума завершился распад пермской общности. В IX в. на верхней Каме и ее притоках сложилась родановская археологическая культура, принадлежавшая предкам коми-пермяков [35]. В первой трети XI в. сформировалась археологическая культура перми вычегодской – предков древних коми (зырян) [12; 37; 41; 42], на складывание которой оказал непосредственное влияние малый климатический оптимум [43–46].

В позднем средневековье в районе устья Сысолы люди (вероятно, пермяне вычегодские) обитали только на Красной Горе. А. В. Збруева выдвинула, в частности, предположение о наличии здесь могильника, сведения о котором упоминаются и в других источниках [10, с. 92; 31, л. 4, 5; 47]. Когда именно поселение на Красной Горе перестало существовать, не известно. Можно предположить, что исчезновение поселения Красная Гора связано с одним из военных столкновений, имевших место на вычегодско-сысольских берегах в конце XIV – середине XV вв.

В 1386 г. новгородцы захватили Вычегодский край, но отряды Дмитрия Донского изгнали их. В конце XIV в. Василий I Московский вступил в длительную войну с новгородцами за Заволочье, шедшую с переменным успехом. В 1392 г. состоялся поход вогулов на Усть-Вымь. В 1438 г. на устюжские земли и земли Коми края напали вятчане, разоряя и сжигая селения, жители которых «скрылись по лесам». В 1450 г. отряды с Вятки вновь напали «на Сысолу, на Вычегду, на Вымь, погосты пожгли, храмы святей грабили, церковное все поимали». Кроме того, в 1445 г. состоялся последний крупный поход новгородского войска под руководством воевод Василия Шенкурского и Михаила Яковлева в Югру, закончившийся неудачей. В 1455 г. вогулы совершили набег на вычегодские селения; от их руки погиб епископ Питирим Пермский [48].

Только после того, как во 2-й половине XV в. московское войско при участии рати вычегжан и сысольцев нанесло вогулам несколько поражений, а в XVI в. вогулы

откочевали с верховьев Вычегды и Печоры за Урал [46], коми получили возможность приступить к новому освоению земель близ впадения Сысолы в Вычегду. Эту часть демографической истории Присыктывкарья можно уже проследить по письменным источникам.

Источники и литература

1. История Сыктывкара / гл. ред. И. Б. Берхин. – Сыктывкар : Коми книжное издательство, 1980. – 288 с.
2. Сыктывкар в прошлом и настоящем (исторические очерки) / науч. ред. И. Л. Жеребцов. – Сыктывкар, 2020. – 662 с.
3. Сыктывкар и сыктывкарцы / сост. Л. А. Лыткин. – Сыктывкар, 2004. – 272 с.
4. Рогачев, М. Б. «Столица зырянского края»: Очерки истории Усть-Сысольска конца XVIII – начала XX веков / М. Б. Рогачев. – Сыктывкар, 2006, 2010. – 248 с.
5. Жеребцов, И. Л. Где ты живешь. Населенные пункты Республики Коми : историко-демографический справочник / И. Л. Жеребцов. – Сыктывкар : Коми книжное издательство, 1994. – 272 с.
6. Жеребцов, И. Л. Где ты живешь: Населенные пункты Республики Коми: историко-демографический справочник / И. Л. Жеребцов. – Сыктывкар : Коми книжное издательство, 2000. – 448 с.
7. Жеребцов, И. Л. Населенные пункты Республики Коми: историко-демографический справочник / И. Л. Жеребцов. – Москва : Наука, 2001. – 580 с.
8. Обедков, А. П. Стольный город Сыктывкар / А. П. Обедков. – Сыктывкар : Пролог, 1996. – 80 с.
9. Стоколос, В. С. Археологическая карта Коми АССР / В. С. Стоколос, К. С. Королев. – Москва : Наука, 1984. – 126 с.
10. Археологическая карта Республики Коми / отв. ред. В. Н. Карманов. – Сыктывкар : Коми республиканская типография, 2014. – 416 с.
11. Археология Республики Коми / отв. ред. Э. А. Савельева. – Москва, 1997. – 756 с.
12. Савельева, Э. А. Архаичные общества на территории Коми края / Э. А. Савельева // История Коми с древнейших времен до современности. – Сыктывкар : Анбур, 2011. – Т. 1. – С. 16–60.
13. Борисенков, Е. П. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы / Е. П. Борисенков, В. М. Пасецкий. – Москва, 1988. – 526 с.
14. Кольцов, Л. В. Мезолит Волго-Окского междуречья. Памятники бутовской культуры / Л. В. Кольцов, М. Г. Жилин. – Москва : Наука, 1999. – 155 с.
15. Сорокин, А. Н. Проблемы мезолитоведения / А. Н. Сорокин. – Москва, 2006. – 214 с.
16. Карманов, В. Н. Неолит европейского Северо-Востока / В. Н. Карманов. – Сыктывкар: Издательство Коми НЦ УрО РАН, 2008. – 226 с.
17. Цветкова, Н. А. Переход от мезолита к неолиту на Верхней Волге / А. Н. Цветкова // Самарский научный вестник. Исторические науки и археология. – 2019. – Т. 8, № 3. – С. 119–131.

18. Хайду, П. Уральские языки и народы / П. Хайду. – Москва, 1985. – 430 с.
19. Краткая история Венгрии. С древнейших времен до наших дней / отв. ред. Т. М. Исламов. – Москва, 1991. – 606 с.
20. Савельева, Э. А. Уральские народы / Э. А. Савельева // Атлас Республики Коми. – Москва, 2001. – С. 102–107.
21. Крайнов, Д. А. Верхневолжская культура / Д. А. Крайнов // Неолит Северной Евразии. – Москва, 1996. – С. 166–172.
22. Борисенков, Е. П. Климат и деятельность человека / Е. П. Борисенков. – Москва, 1982. – 133 с.
23. Карманов, В. Н. Льяловская культура на Европейском Северо-Востоке / В. Н. Карманов // Археология Волго-Уралья. – Казань : Издательство АН РТ, 2021. – Т. 1. – С. 323–335.
24. Халиков, А. Х. Древняя история Среднего Поволжья / А. Х. Халиков. – Москва, 1969. – 395 с.
25. Гумилев, Л. Н. Этногенез и биосфера земли / Л. Н. Гумилев. – Ленинград : Гидрометеиздат, 1990. – 526 с.
26. Ютиккала, Э. История Финляндии с древности до стабилизации самостоятельности в 1939 г. / Э. Ютиккала // Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов. – Ювяскюля, 1995. – С. 39–67.
27. Карманов, В. Н. Поселение эпохи раннего металла Ваднюр I на средней Вычегде (по материалам раскопок 2014 года) / В. Н. Карманов // Проблемы археологического изучения Северо-Востока Европы. – Сыктывкар : ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2018. – С. 55–85.
28. Вереш, П. Проблема определения финно-угорской прародины в свете новых данных / П. Вереш // Этнография народов Западной Сибири. – Новосибирск : Наука, 1978. – С. 95–105.
29. Какх, Ю. История Эстонской ССР / Ю. Какх, К. Сийли-васк. – Таллинн, 1987. – 233 с.
30. Ярв, А. История Эстонии / А. Ярв // Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов. – Ювяскюля, 1995. – С. 99–144.
31. Збруева, А. В. Дневник археологического отряда экспедиции Института этнографии АН СССР 1945 г. / А. В. Збруева // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 204.
32. Черных, Е. Н. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен) / Е. Н. Черных, С. В. Кузьминых. – Москва, 1989. – 320 с.
33. Борисенков, Е. П. Экстремальные природные явления в русских летописях XI–XVII вв. / Е. П. Борисенков, В. М. Пасецкий. – Ленинград, 1983. – 240 с.
34. Научный музей археологии Европейского Северо-Востока ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Кол. № 710/57.
35. История Урала с древнейших времен до 1861 г. / отв. ред. А. А. Преображенский. – Москва, 1989. – 604 с.
36. Мурыгин, А. М. Миграционный фактор в развитии средневековых культур Северного Приуралья / А. М. Мурыгин, К. С. Королев, В. А. Ляшев. – Сыктывкар, 1984. – 54 с.
37. Савельева, Э. А. Пермь Вычегодская. К вопросу о происхождении народа коми / Э. А. Савельева. – Москва : Наука, 1971. – 228 с.
38. Савельева, Э. А. Пермь Вычегодская / Э. А. Савельева, К. С. Королев, Т. В. Истомина // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. – Ижевск, 1999. – С. 299–349.
39. Жеребцов, Л. Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами / Л. Н. Жеребцов. – Москва : Наука, 1982. – 224 с.
40. Чеснокова, Н. Н. Местонахождение Нидзьяс в районе Сыктывкара / Н. Н. Чеснокова // Материалы к этнической истории Европейского Северо-Востока : Межвузовский сборник научных статей. – Пермь : Пермский университет, 1985. – С. 153–156.
41. Савельева, Э. А. Вымские могильники XI–XIV вв. / Э. А. Савельева. – Ленинград : ЛГУ, 1987. – 200 с.
42. Савельева, Э. А. Кичильковский I могильник XI–XIII вв. / Э. А. Савельева. – Сыктывкар, 2019. – 232 с.
43. Жеребцов, И. Л. Влияние изменений климата на процессы заселения Европейского Севера России / И. Л. Жеребцов. – Сыктывкар, 2007. – 32 с.
44. Жеребцов, И. Л. Изменения климата и демографическая история Европейского Севера / И. Л. Жеребцов // Идентичность и изменяющийся мир: материалы к дискуссии на V Всемирном конгрессе финно-угорских народов, г. Ханты-Мансийск, Россия. 2008 г.). – Сыктывкар : Коми НЦ УрО РАН, 2008. – С. 31–47.
45. Жеребцов, И. Л. Тысячелетие народа коми: время, климат, человек / И. Л. Жеребцов // Природа. – 2000. – № 7. – С. 71–75.
46. Жеребцов, И. Л. К вопросу о роли климатического фактора в истории финно-угорских народов / И. Л. Жеребцов // Этнодемографические и этнокультурные процессы на Крайнем Севере Евразии. – Сыктывкар, 2004. – Вып. 1. – С. 5–43.
47. Лашук, Л. П. Стоянка Красная Гора близ Сыктывкара / Л. П. Лашук // Известия Коми филиала ВГО. – Сыктывкар, 1955. – Вып. 3. – С. 72–77.
48. Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись // Родники пармы-89. – Сыктывкар : Коми книжное издательство, 1989. – С. 23–34.

References

1. Istoriya Syktyvkara [History of Syktyvkar] / Ed. I. B. Berkhin. – Syktyvkar: Komi kn. Izd-vo [Komi Book Publishing House], 1980. – 288 p.
2. Syktyvkar v proshlom i nastoyaschem (istoricheskie ocherki) [Syktyvkar in the past and present (historical essays)] / Sci. Ed. I. L. Zherebtsov. – Syktyvkar, 2020. – 662 p.
3. Syktyvkar i syktyvkartsy [Syktyvkar and Syktyvkar residents] / Comp. L. A. Lytkin. – Syktyvkar, 2004. – 272 p..
4. Rogachev, M. B. "Stolitsa zyryanskogo kraya": Ocherki istorii Ust-Sysolska konca XVIII–nachala XX vekov ["The capital of the Zyryan region": Essays on the history of Ust-Sysolsk at the end of the XVIII – beginning of the XX centuries] / M. B. Rogachev. – Syktyvkar, 2006, 2010. – 248 p.
5. Zherebtsov, I. L. Gde ty zhivesh. Naselennye punkty Respubliki Komi: istoriko-demograficheskii spravopchnik [Where do you live. Settlements of the Komi Republic:

- historical and demographic reference book] / I. L. Zherebtsov. – Syktyvkar: Komi kn. Izd-vo [Komi Book Publishing House], 1994. – 272 p.
6. Zherebtsov, I. L. Gde ty zhivesh: Naselennie punkty Respubliki Komi. Istoriko-demograficheskii spravopchnik [Where do you live: Settlements of the Komi Republic. Historical and demographic reference book] / I. L. Zherebtsov. – Syktyvkar: Komi kn. Izd-vo [Komi Book Publishing House], 2000. – 448 p.
 7. Zherebtsov, I. L. Naselennie punkty Respubliki Komi: istoriko-demograficheskii spravopchnik [Settlements of the Komi Republic: historical and demographic reference book] / I. L. Zherebtsov. – Moscow: Nauka, 2001. – 580 p.
 8. Obedkov, A. P. Stolnii gorod Syktyvkar [The capital city of Syktyvkar] / A. P. Obedkov. – Syktyvkar: Prologue, 1996. – 80 p.
 9. Stokolos, V. S. Arkheologicheskaya karta Komi ASSR [Archaeological map of the Komi ASSR] / V. S. Stokolos, K. S. Korolev. – Moscow: Nauka, 1984. – 126 p.
 10. Arkheologicheskaya karta Respubliki Komi [Archaeological map of the Komi Republic] / Ed. V. N. Karmanov. – Syktyvkar: Komi Republican Printing House, 2014. – 416 p.
 11. Arkheologiya Respubliki Komi [Archeology of the Komi Republic] / Ed. E. A. Savelyeva. – Moscow, 1997. – 756 p.
 12. Savelyeva, E. A. Arhaichnie obschestva na territorii Komi kraia [Archaic societies on the territory of the Komi region] / E. A. Savelyeva // Istoriya Komi s drevneishih vremen do sovremennosti [History of Komi from ancient times to the present]. – Syktyvkar: Anbur, 2011. – Vol. 1. – P. 16–60.
 13. Borisenkov, E. P. Tysyacheletnyaya letopis' neobychnykh yavlenii prirody [A thousand-year chronicle of extraordinary natural phenomena] / E. P. Borisenkov, V. M. Paset-sky. – Moscow, 1988. – 526 p.
 14. Koltsov, L. V. Mezolit Volgo-Okskogo mezhdurechya. Pamyatniki butovskoi kultury [Mesolithic of the Volga-Oka interfluve. Sites of Butovo culture] / L. V. Koltsov, M. G. Zhilin. – Moscow: Nauka, 1999. – 155 p.
 15. Sorokin, A. N. Problemy mezolitovedeniya [Problems of Mesolithic studies] / A. N. Sorokin. – Moscow, 2006. – 214 p.
 16. Karmanov, V. N. Neolit evropeiskogo Severo-Vostoka [Neolithic of the European North-East] / V. N. Karmanov. – Syktyvkar: Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, Publ., 2008. – 226 p.
 17. Tsvetkova, N. A. Perehod ot mezolita k neolitu na Verhnei Volge [The transition from the Mesolithic to the Neolithic on the Upper Volga] / A. N. Tsvetkova // Samarskii nauch-nii vestnik. Istoricheskie nauki i arheologiya [Samara Sci. Bull. Historical sciences and archeology]. – 2019. – Vol. 8. – No. 3. – P. 119–131.
 18. Khaidu, P. Uralskie yaziky i narody [Ural languages and peoples] / P. Khaidu. – Moscow, 1985. – 430 p.
 19. Kratkaya istoriya Vengrii. S drevneishih vremen do nashih dnei [Brief history of Hungary. From ancient times to the present day] / Ed. T. M. Islamov. – Moscow, 1991. – 606 p.
 20. Savelyeva, E. A. Uralskie narody [Ural peoples] / E. A. Savelyeva // Atlas of the Komi Republic. – Moscow, 2001. – P. 102–107.
 21. Krainov, D. A. Verhnevolzhskaya kultura [Upper Volga culture] / D. A. Krainov // Neolit Severnoi Evrazii [Neolithic of Northern Eurasia]. – Moscow, 1996. – P. 166–172.
 22. Borisenkov, E. P. Klimat i deyatelnost' cheloveka [Climate and human activity] / E. P. Borisenkov. – Moscow, 1982. – 133 p.
 23. Karmanov, V. N. Lyalovskaya kultura na Evropeiskom Severo-Vostoke [Lyalovo culture in the European North-East] / V. N. Karmanov // Arheologiya Volgo-Uralya [Archeology of the Volga-Ural region]. – Kazan: Publishing House of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2021. – Vol. 1. – P. 323–335.
 24. Khalikov, A. Kh. Drevnyaya istoriya Srednego Povolzhya [Ancient history of the Middle Volga region] / A. Kh. Khalikov. – Moscow, 1969. – 395 p.
 25. Gumilyov, L. N. Etnogenez i biosfera zemli [Ethnogenesis and biosphere of the Earth] / L. N. Gumilyov. – Leningrad: Gidrometeoizdat, 1990. – 526 p.
 26. Yutikkala, E. Istoriya Finlyandii s drevnosti do stabilizatsii samostoyatelnosti v 1939 g. [History of Finland from antiquity to the stabilization of independence in 1939] / E. Yutikkala // Pribaltiisko-finskie narody. Istoriya i sud'by rodstvennykh narodov [Baltic-Finnish peoples. History and fate of related peoples]. – Jyväskylä, 1995. – P. 39–67.
 27. Karmanov, V. N. Poselenie epohi rannego metalla Vadnyur I na srednei Vychege (po materialam raskopok 2014 goda) [Early Metal Age settlement Vadnyur I in the middle Vychege (based on excavations in 2014)] / V. N. Karmanov // Problemy arheologicheskogo izucheniya Severo-Vostoka Evropy [Problems of archaeological study of the North-East Europe]. – Syktyvkar: Inst. of Language, Literature and History, Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, 2018. – P. 55–85.
 28. Veresh, P. Problema opredeleniya finno-ugorskoj prarodiny v svete novykh dannykh [The problem of determining the Finno-Ugric ancestral home in the light of new data] / P. Veresh // Etnografiya narodov Zapadnoi Sibiri [Ethnography of the peoples of Western Siberia]. – Novosibirsk: Nauka, 1978. – P. 95–105.
 29. Kahk, J. Istoriya Estonskoi SSR [History of the Estonian SSR] / J. Kahk, K. Silivask. – Tallinn, 1987. – 233 p.
 30. Jarv, A. Istoriya Estonii [History of Estonia] / A. Jarv // Pribaltiisko-finskie narody. Istoriya i sud'by rodstvennykh narodov [Baltic-Finnish peoples. History and fate of related peoples]. – Jyväskylä, 1995. – P. 99–144.
 31. Zbrueva, A. V. Dnevnik arheologicheskogo otryada ekspeditsii Instituta etnografii AN SSSR 1945 g. [Diary of the archaeological expedition team of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences in 1945] / A. V. Zbrueva // Sci. archive of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS. F. 1. Op. 13. D. 204.
 32. Chernykh, E. N. Drevnyaya metallurgiya Severnoi Evrazii (seiminsko-turbinskii fenomen) [Ancient metallurgy of Northern Eurasia (Seima-Turbino phenomenon)] / E. N. Chernykh, S. V. Kuzminykh. – Moscow, 1989. – 320 p.
 33. Borisenkov, E. P. Extremalnie prirodnie yavleniya v russkikh letopisyah XI–XVII vv. [Extreme natural phenomena in

- Russian chronicles of the XI–XVII centuries] / E. P. Borisenkov, V. M. Pasetsky. – Leningrad, 1983. – 240 p.
34. Nauchnii muzei arheologii Evropeiskogo Severo-Vostoka IyaLI FITs Komi NTs UrO RAN [Scientific Museum of Archaeology of the European North-East of the Inst. of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS]. Coll. No. 710/57.
 35. Istoriya Urala s drevneishih vremen do 1861 g. [History of the Urals from ancient times to 1861] / Ed. A.A. Preobrazhensky. – Moscow, 1989. – 604 p.
 36. Murygin, A. M. Migratsionnii faktor v razvitii srednevekovykh kultur Severnogo Priuralya [Migration factor in the development of medieval cultures of the Northern Urals] / A. M. Murygin, K. S. Korolev, V. A. Lyashev. – Syktyvkar, 1984. – 54 p.
 37. Savelyeva, E. A. Perm Vychevodskaya [Vychevda Perm. On the problem of the origin of the Komi people] / E. A. Savelyeva. – Moscow: Nauka, 1971. – 228 p.
 38. Savelyeva, E. A. Perm Vychevodskaya [Vychevda Perm] / E. A. Savelyeva, K. S. Korolev, T. V. Istomina // Finno-ugry Povolzhya i Priuralya v srednie veka [Finno-Ugrians of the Volga and Urals in the Middle Ages]. – Izhevsk, 1999. – P. 299–349.
 39. Zherebtsov, L. N. Istoriko-kulturnie vzaimootnosheniya komi s sosednimi narodami [Historical and cultural relationships of the Komi with neighboring peoples] / L. N. Zherebtsov. – Moscow: Nauka, 1982. – 224 p.
 40. Chesnokova, N. N. Mestonahozhdenie Nidzyas v raione Syktyvkar [Location of Nidzyas in the Syktyvkar region] / N. N. Chesnokova // Materialy k etnicheskoi istorii Evropeiskogo Severo-Vostoka [Materials on the ethnic history of the European North-East]: Interuniversity collection of sci. papers. – Perm: Perm University, 1985. – P. 153–156.
 41. Savelyeva, E. A. Vymskie mogilniki XI–XIV vv. [Vym' burial grounds of the XI–XIV centuries] / E. A. Savelyeva. – Leningrad: Leningrad State University, 1987. – 200 p.
 42. Savelyeva, E. A. Kichilkoskii I mogilnik XI–XII vv. [Kichilkos I burial ground of the XI–XIII centuries] / E. A. Savelyeva. – Syktyvkar, 2019. – 232 p.
 43. Zherebtsov, I. L. Vliyanie izmenenii klimata na processy zaseleniya Evropeiskogo Severa Rossii [The influence of climate change on the processes of settlement of the European North of Russia] / I. L. Zherebtsov. – Syktyvkar, 2007. – 32 p.
 44. Zherebtsov, I. L. Izmenenie klimata i demograficheskaya istoriya Evropeiskogo Severa [Climate change and demographic history of the European North] / I. L. Zherebtsov // Identichnost' i izmenyayuschisya mir [Identity and the changing world]: (Materials for the discussion at the V World Congress of Finno-Ugric Peoples, Khaty-Mansiysk, Russia. 2008). – Syktyvkar: Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, 2008. – P. 31–47.
 45. Zherebtsov, I. L. Tysyacheletie naroda komi: vremya, klimat, chelovek [Millennium of the Komi people: time, climate, people] / I. L. Zherebtsov // Priroda [Nature]. – 2000. – No. 7. – P. 71–75.
 46. Zherebtsov, I. L. K voprosu o roli klimaticheskogo faktora v istorii finno-ugorskih narodov [On the problem of the role of the climatic factor in the history of the Finno-Ugric peoples] / I. L. Zherebtsov // Etnodemograficheskie i etnokulturnie processy na Krainem Severe Evrazii [Ethnodemographic and ethnocultural processes in the Far North of Eurasia]. – Syktyvkar, 2004. – Issue. 1. – P. 5–43.
 47. Lashuk, L. P. Stoyanka Krasnaya Gora bliz Syktyvkar [Krasnaya Gora site near Syktyvkar] / L. P. Lashuk // Izvestiya Komi filiala VGO [News of the Komi Branch of the All-Russian Geographical Society]. – Syktyvkar, 1955. – Issue. 3. – P. 72–77.
 48. Vychevodsko-Vymskaya (Misailo-Evtikhievskaya) letopis' [Vychevda-Vym' (Misailo-Evtikhiev) chronicle] // Rodniki Parmy-89 [Springs of Parma-89]. – Syktyvkar: Komi kn. Izd-vo [Komi Book Publishing House], 1989. – P. 23–34.

Информация об авторах:

Жеребцов Игорь Любомирович – доктор исторических наук, директор Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: zherebtsov@mail.illhkomisc.ru).

Васкул Игорь Орестович – кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе, заведующий отделом археологии, ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: vaskul@mail.illhkomisc.ru).

Authors:

Igor L. Zherebtsov – Dr. Sci. (History), Director of the Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation; e-mail: zherebtsov@mail.illhkomisc.ru).

Igor O. Vaskul – Cand. Sci. (History), Deputy Director on Scientific Work, Head of the Department of Archaeology, Leading Researcher of the Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Komi Republic, Russian Federation; e-mail: vaskul@mail.illhkomisc.ru).

Для цитирования:

Жеребцов, И. Л. Поселения в устье реки Сысолы в древности и средневековье (к вопросу о влиянии климатических изменений на миграционные процессы) / И. Л. Жеребцов, И. О. Васкул // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Историческая демография». – 2023. – № 8 (66). – С. 6–15.

For citation:

Zherebtsov, I. L. Settlements at the mouth of the Sysola river in ancient times and the Middle Ages (on the impact of climate change on migration processes) / I. L. Zherebtsov, I. O. Vaskul // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series «Historical demography». – 2023. – No. 8 (66). – P. 6–15.

Дата поступления статьи: 21.09.2023

Прошла рецензирование: 25.09.2023

Принято решение о публикации: 28.09.2023

Received: 21.09.2023

Reviewed: 25.09.2023

Accepted: 28.09.2023

Демографическая характеристика мещанского сообщества города Усть-Сысольска (конец XVIII века)

М. А. Мацук¹, И. И. Лейман^{1,2}

¹ ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар

² Сыктывкарский государственный университет
имени Питирима Сорокина,
г. Сыктывкар

michailmatsuk@rambler.ru
irinaleyman@gmail.com

Аннотация

В статье исследуются основные аспекты демографической ситуации в отношении мещан г. Усть-Сысольска в начале истории города (конец XVIII в.). Уделено внимание исследованию численности мещан, возможностям войти в это сообщество и выйти из него, смертности мещанского населения и результатов мобилизации усть-сысольских мещан в армию Российской империи.

Ключевые слова :

Коми край, г. Усть-Сысольск, мещане, демография, динамика численности, смертность, рекрутские наборы, XVIII век

Город Усть-Сысольск был создан в ходе реформ местного управления Российской империи, проведенных правительством императрицы Екатерина II.

Усть-Сысольск до 1780 г. был сельским поселением с богатой историей. После преобразования села в город устьсысольские государственные крестьяне автоматически перешли в категорию мещан.

Представляется актуальным составить демографическую характеристику этой самой многочисленной категории горожан нового городского поселения России в первые десятилетия существования г. Усть-Сысольска.

Мы уже обращались к данному сюжету и исследовали вопрос детности устьсысольских мещан в конце XVIII в. [1]. В данной статье авторы значительно расширили круг изучаемых вопросов, основываясь на материалах ревизской сказки г. Усть-Сысольска 1795 г. Она подготовлена к печати нами и В. В. Сморгунковым и опубликована в 2017 г. в журнале «Вопросы истории и культуры северных стран и территорий» [2].

Выявим численность усть-сысольских мещан и их полового состава.

Переписчики привели следующие итоговые данные по численности мещан г. Усть-Сысольска: в 1782 г. в городе

Demographic characteristics of the Philistine community of the town of Ust-Sysolsk (late XVIII century)

M. A. Matsuk¹, I. I. Leyman^{1,2}

¹ Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar

² Pitirim Sorokin Syktyvkar State University,
Syktyvkar

michailmatsuk@rambler.ru
irinaleyman@gmail.com

Abstract

The main aspects of the demographic situation in relation to the Philistines of the town of Ust-Sysolsk at the beginning of the town history (late XVIII century) are studied. Attention is paid to the study of the number of Philistines, the possibilities of entering and leaving this community, the mortality of the Philistine population and the results of the mobilization of the Ust-Sysolsk Philistines into the army of the Russian Empire.

Keywords :

Komi region, town of Ust-Sysolsk, Philistines, demography, population dynamics, mortality, recruitment, XVIII century

проживало 811 чел. мужского пола и 833 чел. женского пола. В 1795 г. их было соответственно 799 и 899 чел. [там же, с. 118]. Суммируя приведенные выше данные, получаем такой результат: во время переписи 1782 г. в г. Усть-Сысольске проживали 1644 чел. мужского и женского полов, являвшиеся мещанами этого города. Во время проведения переписи 1795 г. мещан обоих полов в г. Усть-Сысольске зафиксировано 1698 чел. За 12 лет число устьсысольских мещан выросло на 54 чел. Причем интересно, что рост численности мещанского населения г. Усть-Сысольска произошел за счет увеличения женского населения. Число мужчин снизилось на 12 чел., а число женщин возросло на 66 чел.

Небольшие изменения произошли и в долях мужского и женского населения в общей массе мещан Усть-Сысольска. Так, в 1782 г. мужчин среди усть-сысольских мещан было 49.33 %, женщин – 50.67 %. В 1795 г. доля мужчин в составе мещан стала равняться 47.06 %, а женщин – 52.94 %.

За время между переписями убыль мужского мещанского населения, по данным переписчиков, по причинам смерти и взятия в рекруты и от других причин составила 327 чел., или 40.32 % от численности мужчин во время переписи 1782 г. Убыль женского населения по причине

смерти и от других причин зафиксирована на количестве 392 чел. [там же], или 47.06 % от всего женского мещанского населения г. Усть-Сысольска в этом же году.

Мещанское сообщество г. Усть-Сысольска являлось незакрытым. В него могли вступать и из него могли выходить. Одним из направлений выхода был переход в купеческое сословие и наоборот. Из купеческого сословия могли переходить в мещанское сообщество. Так, Трофим Самуилов сын Комлин со своим семейством (сыновьями Максимом и Иваном, своей женой и женами и детьми сыновей) в 1782 г. зафиксирован в рядах усть-сысольского купечества. Позднее он решил отойти от предпринимательской деятельности. По словам переписчиков, «вышеписанной Трофим состоит ныне за необъявлением капитала с женою, с сыном Максимом и ево семейством в мещанех, где и написан наличными» [там же, с. 10]. В то же время его сын Иван продолжал оставаться усть-сысольским купцом со всеми вытекающими последствиями.

Михаил Артемьев сын Сидоров, бывший усть-сысольский купец во время переписи 1782 г., в 1795 г. уже мещанин: «... предписанный Сидоров со всем семейством состоит за необъявлением капитала в мещанех, где и написаны наличными», – констатировал переписчик в 1795 г. [там же, с. 11].

У купца Артемия Мартыянова сына Мартынова после его смерти оставалась жена, которая в 1795 г. занималась купеческой деятельностью. В то же время их единственный сын Василий в 1795 г. уже «состоит по необъявлению капитала в мещанех» [там же].

Захар Степанов сын Мальцов с женой и сыном также перешли из купечества в мещане: «... предписанный Мальцов с семейством своим за необъявлением капитала состоит в мещанстве, которые и записаны наличными» [там же, с. 12].

Теперь рассмотрим противоположные примеры.

За период с 1782 по 1795 г. из усть-сысольского мещанства в купечество перешли 13 семей, в которых зафиксировано 35 чел. мужского пола и 31 чел. женского [там же, с. 12–16]. На одном случае следует остановиться подробнее. Семен Афанасьев сын Латкин, внук священника Небдинской Афанасьевской церкви, в 1785 г. был со своим семейством зачислен в состав устьсысольского мещанства. Через 7 лет, в 1792 г., он решил заняться предпринимательской деятельностью, объявил необходимый капитал и был переведен из мещан в усть-сысольские купцы [там же, с. 15, 16].

Из мещанского сообщества г. Усть-Сысольска можно было перейти не только в усть-сысольское купечество. Так, например, сын усть-сысольского мещанина Ивана Васильева сына Колегова Никита был «записан по нынешней ревизии в колыванское мещанство» [там же, с. 18]. Напомним, что в настоя-

щее время Колывань – поселок городского типа Новосибирской области. Также «по Колыванской губернии в 1789 году записался» бывший усть-сысольский мещанин Павел Васильев сын Надеев [там же, с. 114].

Более радикально изменил свой статус горожанина усть-сысольский мещанин Алексей Иванов сын Колегов. По словам переписчиков, «онный Алексей и з женою при нынешней ревизии записался сей же округи в Киберскую волость во крестьяне в 1786-м году» [там же, с. 18].

Мещанское сообщество Усть-Сысольска в начале истории города пополнялось путем целенаправленных действий губернских властей. Так, по указу Вологодской казенной палаты в 1785 г. в усть-сысольское мещанство были причислены две семьи из церковнических детей Усть-сысольской округи: Павел Васильев сын Латкин, сын пономаря Небдинской волости Афанасьевской церкви, и Денис Васильев сын Степанов, сын взятого в военную службу поповского сына Корткеросской Николаевской церкви [там же, с. 116].

Были случаи перевода мещан других городов во вновь образованный город Усть-Сысольск. Так, в 1783 г. по указу Вологодского наместнического правления из яренского мещанства в усть-сысольское был переведен Афанасий Иванов сын Разсыхаев с женой [там же]. В 1786 г. по указу Вологодского наместнического правления из великоустюжского мещанства в усть-сысольское были переведены пять семей: Алексея Дмитриева сына Улитина (четыре человека), Тимофея Алексеева сына Улитина (пятеро), Александра Алексеева сына Улитина (девять), Епифана Агафонова сына Улитина (семь) и Петра Агафонова сына Улитина (восемь человек) [там же, с. 116–118]. Всего 38 чел. в первые годы истории Усть-Сысольска стали его горожанами. Если прибавить шесть человек – семью Семена Афанасьева сына Латкина, о котором речь шла выше, то за первые шесть лет мещанское сообщество г. Усть-Сысольска увеличилось на 44 чел.

Теперь остановимся на вопросе убыли мещанского населения г. Усть-Сысольска от смерти и призыва мужчин в армию.

В ревизской сказке за период с 1782 по 1795 г. поименно зафиксированы случаи смерти 231 мещанки и 220 мещан г. Усть-Сысольска. Рассмотрим динамический ряд смертности усть-сысольских мещан (табл. 1).

Таблица 1

Динамический ряд смертности усть-сысольских мещан

Table 1

Dynamic series of mortality of Ust-Sysolsk philistines

Год	Число умерших мещан	Год	Число умерших мещан	Год	Число умерших мещан	Год	Число умерших мещан
1782	34	1783	78	1784	67	1785	34
1786	23	1787	28	1788	39	1789	48
1790	21	1791	16	1792	12	1793	10
1794	24	1795	17				
Умерших в среднем по всему периоду 32.21							

Источник: [2, с. 16–116].
Source: [2, с. 16–116].

Итак, среди выстроенного динамического ряда резко выделяются 1783 и 1784 гг., когда смертность мещанского населения г. Усть-Сысольска превышала средний показатель более чем в два раза. В последующие четыре года показатель смертности устьсысольских мещан отмечен выше среднего уровня. В остальные восемь лет рассматриваемого хронологического периода количество смертей не превышало среднего уровня.

Указанные два года (1783 и 1784 гг.) и, возможно, 1789 год были годами голода или эпидемий, что вызвало повышенную смертность населения города.

Теперь обратимся к вопросу мобилизации в армию мужского населения мещан города. Для этого восстановим поименный список усть-сысольцев, мобилизованных в армию Российской империи в период с 1782 по 1795 г. (табл. 2).

Всего в период между переписями населения было проведено 14 наборов рекрутов в Вооруженные силы Российской империи, т. е. мобилизация проходила ежегодно. Всего за эти годы в армию было призвано 55 мещан г. Усть-Сысольска: в 1782 г. – два человека; в 1783 г. – три; в 1784 г. – три; в 1785 г. – три; в 1786 г. – два; в 1787 г. –

четыре; в 1788 г. – 15; в 1789 г. – шесть; в 1790 г. – четыре; в 1791 г. – один; в 1792 г. – два; в 1793 г. – один; в 1794 г. – восемь; в 1795 г. – один человек. Размер призыва зависел от конкретных нужд Российской империи и ее армии.

Итак, общая убыль мещанского мужского населения г. Усть-Сысольска от смерти и рекрутских наборов за период между ревизиями 1782 и 1795 гг. составила 275 чел.

Такой в общих чертах представляется демографическая характеристика мещанского сообщества г. Усть-Сысольска в конце XVIII в.

Источники и литература

1. Мацук, М. А. Мещане города Усть-Сысольска: уровень детности по ревизской сказке 1795 года / М. А. Мацук // Историческая демография. – 2020. – № 1 (25). – С. 13, 14.
2. Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – № 3 (39). – 120 с.

References

1. Matsuk, M. A. Meshchane goroda Ust'-Sysol'ska: uroven' detnosti po revizskoi skazke 1795 goda [The philistines

Таблица 2

Список мещан города Усть-Сысольска, мобилизованных в российскую армию в 1782–1795 годах

Table 2

List of philistines of the town of Ust-Sysolsk, mobilized into the Russian army in 1782–1795

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Год призыва	Возраст призывника, лет
1	2	3	4
1	Иван Иванов сын Вежев	1789	22
2	Семен Васильев сын Темноев	1792	32
3	Артемий Степанов сын Базов	1787	29
4	Козьма Прохоров сын Попов	1786	26
5	Андрей Алексеев сын Надеев	1791	17
6	Дмитрий Иванов сын Кузькоков	1788	23
7	Осип Михайлов сын Забоев	1794	27
8	Иван Иванов сын Забоев	1788	21
9	Андрей Иванов сын Забоев	1790	20
10	Игнатий Елфимов сын Камбалов	1792	19
11	Павел Федоров сын Маегов	1790	27
12	Иван Иванов сын Жижев	1794	24
13	Иван Степанов сын Бобин	1788	16
14	Ларион Федоров сын Сидоров	1794	17
15	Николай Козьмин сын Цывилев	1793	20
16	Андрей Петров сын Цывилев	1785	23
17	Иван Григорьев сын Цывилев	1782	21
18	Максим Миронов сын Цывилев	1794	21
19	Василий Сергеев сын Ждануков	1795	21
20	Михайло Леонтьев сын Сладкоштив	1788	20
21	Варлам Иванов сын Чукетов	1788	21
22	Степан Андреев сын Жеребцов	1787	18
23	Назар Михайлов сын Фомин	1788	20
24	Андрей Никифоров сын Санов	1785	25
25	Федор Гаврилов сын Заболоцкой	1794	22
26	Александр Яковлев сын Сидоров	1790	20

Окончание табл. 2

1	2	3	4
27	Григорий Александров сын Малыгин	1783	27
28	Никита Григорьев сын Кочов	1788	32
29	Трофим Степанов сын Коданев	1784	23
30	Василий Аммосов сын Есев	1787	24
31	Василий Иванов сын Осипов	1788	25
32	Михаил Евдокимов сын Безсонов	1794	18
33	Козьма Иванов сын Осипов	1789	18
34	Михайло Лукиянов сын Безсонов	1784	24
35	Лев Андреев сын Кудинов	1788	21
36	Антипа Яковлев сын Зарубин	1785	18
37	Леонтий Артемьев сын Безсонов	1788	33
38	Егор Никитин сын Кудинов	1783	18
39	Иван Васильев сын Тентюков	1787	28
40	Прокопий Никифоров сын Фролов	1789	25
41	Григорий Аврамов сын Сорвачов	1789	24
42	Петр Дорофеев сын Фролов	1786	20
43	Дмитрий Андреев сын Фролов	1784	16
44	Петр Гаврилов сын Посников	1783	23
45	Иван Андреев сын Шешуков	1789	23
46	Ананий Андреев сын Кузнецов	1788	28
47	Антон Климонтов сын Сорвачев	1794	20
48	Сергей Григорьев сын Демин	1782	20
49	Павел Яковлев сын Сорвачев	1788	25
50	Данило Евдокимов сын Сорвачев	1788	20
51	Данило Иванов сын Фролов	1794	17
52	Василий Семенов сын Сорвачев	1788	27
53	Максим Яковлев сын Сорвачев	1789	20
54	Петр Семенов сын Молодцов	1790	27
55	Иван Семенов сын Молодцов	1788	22

Источник: [2, с. 21, 23, 24, 27, 29, 34, 35, 38, 41, 43, 48, 52–57, 59–63, 68, 71–75, 80, 81, 83–86, 88, 90, 91, 100, 102, 103, 105–107, 109, 111, 112].

Source: [2, Pp. 21, 23, 24, 27, 29, 34, 35, 38, 41, 43, 48, 52–57, 59–63, 68, 71–75, 80, 81, 83–86, 88, 90, 91, 100, 102, 103, 105–107, 109, 111, 112].

of the town of Ust-Sysolsk: child level according to the revision lists of 1795] / M. A. Matsuk // *Istoricheskaia demografiia* [Historical demography]. – 2020. – № 1(25). – P. 13, 14.

2. *Voprosy istorii i kul'tury severnykh stran i territorii* [Problems of history and culture of northern countries and territories]. – 2017. – № 3 (39). – 120 p.

Благодарность (госзадание)

Исследование выполнено в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН по теме «Трансформации общества, власти и экономики на Европейском Северо-Востоке России» (номер государственного учета 122040800166-0).

Acknowledgements (state task)

The research was carried out within the frames of the implementation of the state task of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS on the topic "Transformations of society, government and economy in European North-East of Russia" (state registration No. 122040800166-0).

Информация об авторах:

Мацук Михаил Александрович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник лаборатории археографии и публикации документов по истории освоения Европейского Севера России Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: michailmatsuk@rambler.ru).

Лейман Ирина Игоревна – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой связей с общественностью и рекламы Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина (167001, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, Октябрьский пр-кт, д. 55; e-mail: irinaleyman@gmail.com); старший научный сотрудник лаборатории археографии и публикации документов по истории освоения Европейского Севера России Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: irinaleyman@gmail.com).

Authors:

Mikhail A. Matsuk – Dr. Sci. (History), Chief Researcher at the Laboratory of Archaeography and Publication of Documents on the History of the Development of the European North of Russia, Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167000, Komi Republic, Russian Federation; e-mail: michailmatsuk@rambler.ru).

Irina I. Leyman – Cand. Sci. (History), Docent, Head of the Dept. of Public Relations and Advertising at the Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (55, Oktyabrsky Avenue, Syktyvkar 167001, Komi Republic, Russian Federation; e-mail: irinaleyman@gmail.com); Senior Researcher of the Laboratory of Archaeography and Publication of Documents on the History of the Development of the European North of Russia at the Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167000, Komi Republic, Russian Federation; e-mail: irinaleyman@gmail.com).

Для цитирования:

Мацук, М. А. Демографическая характеристика мещанского сообщества города Усть-Сысольска (конец XVIII века) / М. А. Мацук, И. И. Лейман // *Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Историческая демография»*. – 2023. – № 8 (66). – С. 16–19.

For citation:

Matsuk, M. A. Demographic characteristics of the Philistine community of the town of Ust-Sysolsk (late XVIII century) / M. A. Matsuk, I. I. Leyman // *Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series «Historical demography»*. – 2023. – No. 8 (66). – P. 16–19.

Дата поступления статьи: 07.09.2023

Прошла рецензирование: 11.09.2023

Принято решение о публикации: 14.09.2023

Received: 07.09.2023

Reviewed: 11.09.2023

Accepted: 14.09.2023

Картографические источники конца XVIII–XIX века как материал для изучения системы расселения населения в Коми крае

В. И. Силин

ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
silinv@rambler.ru

Аннотация

В статье рассмотрены картографические источники, которые могут являться основой для изучения расселения жителей на территории Коми края. Подчеркнута значимость результатов Генерального межевания конца XVIII в. и картографических источников, составленных на их основе. Для изучения системы расселения определена значительная роль карт, составленных под руководством И. А. Стрельбицкого. Приведены данные по расселению в каждом населенном пункте края русских или зырян по результатам Этнографической карты Европейской России, выпущенной под редакцией А. Ф. Риттиха.

Ключевые слова :

Генеральное межевание, Коми край, топографические карты, Печора, Вычегда, население, зыряне

Под территорией Коми края мы рассматриваем в основном бассейн рек Печоры и Вычегды с притоками. Процесс формирования современной системы расселения населения на Европейском Северо-Востоке в течение времени претерпевал многие изменения, об этом говорят топонимическое поле и отдельные письменные источники.

Расселению населения на Европейском Северо-Востоке посвящена многочисленная литература XIX в. – отдельные специальные книги, данные ревизий, художественные издания. Много интересных сведений о народах и отдельных селениях опубликованы в вышедших с 1838 г. в Вологодских и Архангельских губернских ведомостях.

Формированию системы расселения на Европейском Северо-Востоке посвящены и многие современные работы: общие по истории региона, демографии и миграции населения; по характеристике отдельных этносов и их развития; по описанию отдельных населенных пунктов [1–3 и мн. др.]. Интересны сведения по истории и современному административно-территориальному устройству Вологодской, Архангельской областей и Республике Коми.

Многие источники приведены в библиографических указателях, например в работе «Источники по истории на-

Cartographic sources of the late XVIII–XIX centuries as a material for studying the system of settlement of the population in the Komi territory

V. I. Silin

Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar
silinv@rambler.ru

Abstract

The paper considers cartographic sources that can be the basis for studying the settlement of residents in the Komi territory. The significance of the results of the General Land Survey of the late XVIII century and cartographic sources compiled on their basis is emphasized. To study the settlement system, the importance of maps compiled under the leadership of I. A. Strelbitsky is determined. Data on the settlement of the Russians or Zyryans in each village of the region is provided based on the results of the Ethnographic Map of European Russia, published edited by A. F. Rittich.

Keywords :

General Land Survey, Komi territory, topographic maps, Pechora, Vychegda, population, the Zyryans

селенных пунктов дореволюционной России», в которой приводятся сведения по отдельным губерниям.

В задачу автора статьи входит характеристика некоторых географических карт как источников для изучения населения на территории края в конце XVIII–XIX в. Некоторые картографические карты, способные дать информацию о населении Коми края, были рассмотрены в коллективной монографии [4].

Физико-географические условия определяли типы расселения, специализацию занятости населения, что в свою очередь формировало этнографический состав жителей, миграцию и т. д. Понятно, что люди селились вдоль рек, как основных путей миграции и сообщения. Население с древних времен адаптировалось к местным физико-географическим условиям, которые в свою очередь определяли специализацию хозяйства жителей (сельское хозяйство – юг территории; лесные промыслы – среднетаежные и северо-таежные ландшафты; наличие минерализованных вод – работу на соляных промыслах; наличие болотных руд – действия железодобывающих производств, выходы крупнозернистых песчаников – существование брусяных промыслов; север территории – оленеводство и рыболовство и т. д.).

Значение старых карт для изучения истории расселения на территории Коми достаточно велико и составляет цель дальнейших исследований. Автор в печати рассматривал значение некоторых карт для изучения численности жителей на Европейском Северо-Востоке [5, 6 и др.].

В 1734 г. была составлена первая Генеральная карта Российской империи, «сочиненная трудом» географа Ивана Кирилова [7]. На этой карте изображены Пустозерск, Сольвычегодск, Устюг.

В 1745 г. издан Атлас Российской империи с пограничными землями. Атлас состоит из 13 карт Европейской России в масштабе 35 верст в дюйме [8]. Территория Коми края изображена на следующих картах: «Карта Яренской, Важской Устюжеской, Соливычегодской, Тотемской и Хлыновской Провинций и Уездов» и «Карта Мезенского и Пустозерского Уездов с близлежащими островами и Уездами». На этих картах показаны многие населенные пункты по рекам бассейнов Вычегды и Печоры. Например, в низовьях Печоры мы видим большой куст поселений: Пустозерский острог, Самоядская, Телицкая, Никитца и др., а по Ижме (наз. Большая Ухта) – лишь селение Ижемское.

Дальнейшие административные переделы привели к возникновению Архангельского и Вологодского наместничеств, а затем и губерний. В основном, внешние контуры губерний сохранились до начала XX в.

В 1792 г. был издан Атлас Российской губернии, состоящий из 46 карт [9]. Для изучения расселения интересны карты Архангельского и Вологодского наместничеств. На этих картах показано достаточно много населенных пунктов и дана их относительная географическая привязка.

В правление Екатерины II началось проведение новой Административно-территориальной реформы и работы по Генеральному межеванию территорий губерний. Проводили такие работы и на Европейском Северо-Востоке.

В 1786 г. по повелению Архангельского генерал-губернатора Т. И. Тутолмина составлен обширный атлас Архангельского наместничества, состоявший из 15 карт. Эти материалы были использованы при составлении атласа Архангельской губернии в 1797 г., который содержал информацию не только о территории одной из самых больших по площади губерний Российской империи, но и подробную информацию о городах и уездных центрах [10].

В рамках Генерального межевания осуществлены большие работы по статистическому описанию, в том числе уездов – Усть-Сысольского, Яренского и др., проведены обширные картографические работы. Методика составления и структура описаний материалов Генерального межевания рассмотрены Б. Р. Колеговым [11].

В 2023 г. Б. Р. Колегов представил к публикации статистическое описание Усть-Сысольского уезда [12], где отмечал: «Начало его (*Генерального межевания* – В. С.) пришлось на правление Екатерины II. Именно тогда были приняты радикальные методы проведения Генерального межевания. Во-первых, в основу межевания была положена крупная земельная единица – дача (исторически сложившаяся в России система учета земель вокруг селения), центром которой объявлялся уездный город или волостной центр); во-вторых, при описании границ дачи стали

использовать географические объекты дачи (большие дороги, крупные и мелкие водоемы); в-третьих, для проведения межевания была создана целая система межевых органов с четко определенными функциями» [там же, с. 3].

В таких описаниях приведены данные о населении (количество дворов, душ мужского и женского полов, занятия жителей), характеристика земель и вод, количество и качество лесов, сведения о промысле животных, составе рыб в реках. Особенно важно, что сведения приведены не только об уездных и волостных центрах, но и деревнях, входящих в волости, например: «Шешкинская волость. 7.1. Село Шешкинское. Расстояния от города: 18 в. Дворов: 29. Душ по последней ревизии мужескаго полу 141, женскаго полу 135. Налицо душ мужескаго полу 141, женскаго полу 135.

с деревнями:

Грыдинской. Расстояния от города: 12 в. Дворов: 28. Душ по последней ревизии мужескаго полу 95, женскаго полу 74. Налицо душ мужескаго полу 95, женскаго полу 74.

Градор. Расстояния от города: 12.5 в. Дворов: 3. Душ по последней ревизии мужескаго полу 17, женскаго полу 21. Налицо душ мужескаго полу 17, женскаго полу 21.

Под поселением 15 д. 82 с. Пашни 230 д. 120 с. Сеннаго покосу 812 д. 1200 с. Лесу строеваго и дровайнаго 4395 д. 491 с. Лесу дровайнаго на болоте 1140 д. 260 с. Неудобности 566 д. 1700 с.

Всего: Дворов 60. Душ по последней ревизии мужескаго полу 259, женскаго полу 230. Налицо душ мужескаго полу 259, женскаго полу 230. Земли 7159 д. 1453 с.» [там же, с. 27].

Исследуя статистические описания, на территории уезда можно полностью восстановить географические особенности и количественные показатели расселения населения.

В 1915 г. в Вологде был напечатан «Список дач Генерального и специального межевания Яренского и Устьсысольского уездов» [13]. В этой работе даны сведения по волостям, но приводятся только данные о площадях дач, например: «Шешкинское. Площадь дес. по Генеральному межеванию – неудобной – 566, всего – 7159». Зато в этой работе приведена схема составления картографических планов по Устьсысольскому уезду и сами планы. На основе результатов межевания составлен рукописный административный атлас Вологодского наместничества с планами городов (масштаб в 1 дюйме 32 версты). План Устьсысольской округи составил уездный землемер прапорщик Яков Козлов, план Яренской округи – уездный землемер, поручик Николай Баранов. По этим картам можно проследить и географически определить основные населенные пункты на конец XVIII в. Отдельными знаками показаны: уездный город, монастыри, села, погосты деревни, заводы, пристани, фабрики [14]. Таким образом, результаты Генерального межевания позволяют изучить систему расселения на тот период. Позже, в середине XIX в., проходило возникновение деревень на Ижме, Усе, Локчиме и других местах. Можно сказать, что система расселения конца XVIII в. просуществовала практически без изменений до революции.

В начале и середине XIX в. было издано большое количество атласов и отдельных карт губерний, на которых приведены многие населенные пункты, но поскольку эти карты были достаточно мелкомасштабными, большинство селений, особенно небольших, на них не указаны. Многие из этих источников автор уже рассматривал в своих публикациях.

В 1840 г. были начаты работы по геологическому картированию Европейской России. В 1843 г. один из отрядов под руководством геолога А. А. Кейзерлинга работал на территории бассейна Печоры. Результаты исследований опубликованы в 1846 г. в работе «Wissenschaftliche Beobachtungen auf einer Reise in das Petschora-Land im Jahre 1843» (Научные наблюдения при поездке в Печорский край в 1843 г.). К книге были приложены иллюстрации и две карты – «Меркаторская карта рек Печоры, Ижмы, Илыча, Вычегды, Северной и Южной Мылвы» морского офицера П. И. Крузенштерна и геологическая карта Печорского края «Geognostisch-Geographische Übersicht des Petschora Landes» А. А. Кайзерлинга. На карте П. И. Крузенштерна показана р. Печора с притоками, островами, порогами, переволоками, все населенные пункты на Верхней Вычегде и по всей Печоре [15].

Венгерский путешественник А. Регули проводил исследования на Северном Урале. Составил схематическую карту «Этнографо-географическая карта Северного Урала составленная в путешествии 1844 и 1845 гг. А. Регули. СПб, 1846», на которой показал элементы рельефа, реки, торговые пути [16]. Впервые на карту нанесены этнические границы расселения коренных жителей Урала – вогулов, остяков, самоедов и зырян. Рукописный оригинал этой карты ныне хранится в библиотеке Русского Географического общества в Петербурге. В 1898 г. маршрут экспедиции Антала Регули был повторен другим венгерским этнографом и лингвистом Йожефом Папай.

В 1844–1845 гг. чиновник Министерства внутренних дел В. А. Иславин проводил исследования в бассейне р. Печоры. Привел этнографические и географические сведения о Печорском крае, описал быт и нравы самоедов, взаимоотношения их с соседями, составил карту-схему Большеземельской тундры [17].

В 1845 г. было создано Русское географическое общество. Первая крупная экспедиция Общества была организована на север Урала и хребет Пай-Хой под руководством геолога Э. К. Гофмана. Экспедиция работала в 1847–1850 гг. Сотрудники экспедиции провели топографическую съемку, астрономические наблюдения, описали природу и быт местного населения и составили карту Севера Урала, актуальную и в наше время [18]. В 1853 г. министром Государства для исследования лесов, произрастающих в Печорском крае, был командирован штабс-капитан В. Боровский, опубликовавший описание Печорского края и составивший «Карту Печорского края...», на которой отмечены все населенные пункты по Печоре и притокам, с указанием количества дворов и жителей (мужского пола). Всего на карте указаны данные по 80 пунктам [19].

С 1826 по 1840 г. издавалась «Десятиверстка Шуберта» – Специальная карта Западной части России под ру-

ководством Ф. Ф. Шуберта, на которой были изображены почти все населенные пункты западных и центральных губерний, но территория Коми края этими съемками не охвачена.

При изучении расселения необходимо познакомиться с десятиверстной картой И. А. Стрельбицкого, издававшейся с 1865 по 1871 г. [20]. На ней нанесены практически все населенные пункты и реки. Масштаб данной карты : в 1 дюйме – 10 верст, что в метрической системе составляет примерно в 1 см – 4.2 км. Листы имели физические размеры 75 x 50 см и покрывали местность в 315 x 210 км. При изучении территории Коми края необходимо рассмотреть листы № 84–88, 102–107, 120–126. Эту карту впоследствии использовали в большинстве построений (создание этнографических, экономических карт и т. д.).

Завершая рассмотрение карт, хотелось бы несколько слов сказать об этнографических картах, на которых изображено расселение населения по этническим признакам. Первая этнографическая карта Европейской России была составлена П. И. Кеппеном (опубликована в 1851 г.) [21]. Ареал проживания зырян показан на карте цветом (светло-розовым), границы практически совпадают с современными. В рамках ареала нет других выделов.

В 1875 г. вышла Этнографическая карта Европейской России под редакцией А. Ф. Риттиха (масштаб 1 : 2 520 000) [22]. Картографической основой этой работы были карты Стрельбицкого. Этнографическую карту издавали по приказу Русского географического общества при участии и под наблюдением специальной комиссии из Вице-председателя общества П. П. Семенова и ее членов: А. И. Артемьева, Е. Г. Вейденбаума, М. Е. Венюкова, А. А. Кунина, П. И. Лерхе, Л. Н. Майкова, В. Н. Майнова и Н. В. Христиани. На этой карте изображены почти все населенные пункты на территории Коми края (кроме совсем небольших) и цветом обозначено, кто в этом пункте проживает – русские или зыряне. В таблице приведены данные, снятые с работы Риттера. Расселение зырян по деревням приведено и в исторической перспективе, и на середину XIX в. Е. К. Огородниковым в статьях к Спискам населенных мест Архангельской и Вологодской губерний.

Вопрос изучения географических источников при исследовании процессов расселения населения на Европейском Северо-Востоке в XVIII–XIX вв. требует отдельного монографического изучения. Выше приведены отдельные географические источники, которые могут быть использованы при изучении расселения. Наиболее информативными источниками на конец XVIII в. являются статистические и картографические материалы Генерального межевания. В материалах приведены названия всех населенных пунктов, сведения о населении (количество мужчин и женщин), род хозяйственных занятий, количество и качество земель. Интересны, но не изучены картографические источники межевания.

При изучении расселения и эволюции поселенческой структуры, а также межэтнических отношений в XIX в. можно использовать многочисленные работы ученых, чиновников, писателей и публицистов, в произведениях которых описаны населенные пункты, занятия жителей, их

Таблица
Национальный состав по населенным пунктам Коми края
 Table
National composition of the settlements of the Komi Territory

Продолжение табл.

№	Населенный пункт	Этнографический состав	№	Населенный пункт	Этнографический состав
1	2	3	4	5	6
Пермская губерния			48	Брикаланская	Зыряне
Р. Печора			49	Нашабожская	Зыряне
1	Юрта Вогула	Вогулы	Р. Ижма		
2	Усть-Унья	Русские	50	Роз Дин	Русские
3	Золотуха	Русские	51	Чувка Динь	Зыряне
4	Усть-Волосница	Русские	52	Нямодь	Зыряне
5	Якшинская пристань	Русские	53	Лачегская	Зыряне
Вологодская губерния			Архангельская губерния		
6	Пожег	Русские	54	Усть-Ухта	Зыряне
Р. Илыч			Р. Ухта		
8	Сирью	Русские	55	Великопоженская	Зыряне
9	Еремеева	Русские	Р. Ижма		
10	Мортюр	Русские	56	Усть-Сизью	Зыряне
11	Когильдин	Русские	57	Усть-Пеля	Зыряне
12	Лягодин	Русские	58	Винленская	Зыряне
13	Усть-Илыч	Русские	59	Поромез	Зыряне
Р. Печора			60	Кедвавомская	Зыряне
14	Троицкое (Печорское)	Русские	61	Картиельская	Зыряне
15	Покчинская	Русские	62	Щельская	Зыряне
16	Скаляновская	Зыряне	63	Ижма	Зыряне
17	Кола Бож	Зыряне	64	Сизябская и Брюкинская	Зыряне
18	Мишка Иван	Русские	65	Диорская	Зыряне
19	Евтюгинская	Русские	66	Усть-Ижма	Зыряне
20	Пашня	Русские	Р. Нерица		
21	Демина	Русские	67	Ильинская	Русские
22	Савиноборская	Русские	68	Черногорская	Русские
23	Кудзибожская	Русские	69	Нерицкая	Русские
24	Лемтыбожская	Русские	Р. Печора		
25	Лобежская	Русские	70	Полушина	Русские
26	Подчерская	Русские	Р. Пижма		
27	Усть-Шугор	Русские	71	Верхорская	Русские
28	Усть-Соплеск	Русские	72	Великопоженский скит	Русские
29	Усть-Воя	Русские	73	Чупровская	Русские
30	Позориха	Русские	Р.Цильма		
31	Берездинось	Русские	74	Цилемский выселок	Русские
Архангельская губерния			75	Филиповская	Русские
32	Оранец	Русские	76	Трусовская	Русские
33	Демид Вася	Русские	77	Рочевская	Русские
34	Красноборская	Русские	Р. Печора		
35	Кожва	Зыряне	78	Усть-Цильма	Русские
36	Соколов	Зыряне	79	Сергиева Щель	Русские
37	Усть-Лыжа	Зыряне	80	Бык	Русские
Р. Уса			81	Хабариха	Русские
38	Изба Терентьева	Русские	82	Зайцево	Русские
39	Изба Попова	Русские	83	Корованная	Русские

1	2	3	4	5	6
40	Изба Акакия	Русские	84	Кислицкий Выс.	Русские
41	Изба Рогова	Русские	85	Мыцанская	Русские
42	Изба Истомина	Русские	86	Харьинский Выс.	Русские
43	Усть-Колва	Русские	87	Россинский Выс.	Русские
43а	Усть Уса	Зыряне	88	Архип. Житель	Русские
Р. Печора			89	Климовская	Русские
44	Новик Бож	Зыряне	90	Абрамова	Русские
45	Щелья Бож	Зыряне	91	Мысово	Русские
46	Просканская	Зыряне	92	Великовисяч-ное	Русские
47	Севастополь	Русские	93	Либазная	Русские
94	Бушувская	Русские	144	Летма	Зыряне
95	Пилемская	Русские	145	Карвужемская	Зыряне
96	Пустозерск	Русские	146	Верх. Конец	Зыряне
97	Устье	Русские	147	Палауз	Зыряне
98	Екушенская	Русские	148	Ревенева?	Зыряне
99	Бедовская	Русские	Р. Визинга		
100	Макаровская	Русские	149	Б. Раска	Русские
101	Никитская	Русские	150	Раевская	Зыряне
102	Куя	Русские	151	Сарда	Зыряне
103	Нариганская	Русские	Р. Сысола		
104	Андевская	Русские	152	Морозовская	Зыряне
Бассейн Р. Вычегды			153	Каргортская	Зыряне
Р. Вычегда			155	Кочпан	Зыряне
105	Волдинская	Зыряне	156	Вильгорт	Зыряне
106	Помоздинская	Зыряне	Р. Вычегда		
107	Скородумская	Русские	157	Усть-Сысольск	Зыряне
108	Пожегодская	Русские	158	Слобода	Зыряне
109	Ваполдинская	Русские	159	Порчег	Зыряне
110	Мыльвина	Зыряне	160	Ивановская	Зыряне
Р. Нем			Р. Слуда		
111	Красноярская	Зыряне	161	Шиладорская	Зыряне
112	Усть-Нем	Зыряне	162	Слудское	Зыряне
113	Жешимская	Зыряне	Р. Вычь		
Р. Кельтма			163	Веслянское	Зыряне / русские
114	4-е Двора	Зыряне	164	Онежское	Зыряне
115	Вочь Верхняя	Русские	165	Упом	Зыряне
116	Вочевская	Русские	166	Керас (Шеще-кое)	Зыряне
Р. Вычегда			167	Княжипоготское	Зыряне
117	Керчемская	Зыряне	168	Половницкая	Зыряне
118	Донская	Зыряне	169	Кошецкая	Зыряне
119	Усть-Кулом	Зыряне	170	Сереговская	Зыряне
120	Кужская	Зыряне	171	Ляльская	Зыряне
121	Ульяново (упраздн. Спасская пустынь)	Русские	172	Устьвымское	Зыряне
122	Деревянск	Зыряне	Р. Вычегда		
123	Ежальская	Зыряне	173	Выдзинская	Зыряне
124	Нившерская	Зыряне	174	Коробавская?	Зыряне
125	Русановская	Русские	175	Подгородная	Зыряне
126	Троицкая	Зыряне	176	Межецкая	Зыряне
127	Вишера	Зыряне	177	Яренск	Русские
128	Большелужская	Зыряне			

Окончание табл.

1	2	3	4	5	6
129	Сторожевская	Зыряне	178	Тохтинская	Зыряне
Р. Вычегда			179	Малтугская	Зыряне
130	Тимофеевская	Зыряне	180	Курчим	Зыряне
131	Важкурская	Русские	181	Парановская?	Зыряне
Р. Локчим			182	Андреевская	Русские
132	Лапинская	Зыряне	183	Парженовская	Русские
133	Четдинская	Зыряне	184	Германовская	Зыряне
134	Дожская	Зыряне	185	Березник	Зыряне
135	Конинская?	Зыряне	186	Пряновская	Зыряне
136	Подзыкеровская	Зыряне	187	Павловская	Русские
Р. Вычегда			188	Сольвычегодск	Русские
137	Мажская	Зыряне	Северная Двина. Бассейн р. Мезень. Р. Мезень		
138	Дожская	Зыряне	189	Вилибская	Зыряне
139	Сейсткая	Русские	190	Ветлужская	Зыряне
Р. Сысола			191	Готовское	Зыряне
140	Верх. Сысоль- ская	Русские	192	Бутканская	Зыряне
141	Кажимская	Русские	193	Разгортская	Зыряне
142	Ужга	Зыряне	194	Чернутьская	Зыряне
143	Грива	Зыряне	195	Мелентьевская	Зыряне
196	Петраковская	Зыряне	217	Кебская	Русские
197	Кебская	Зыряне	218	Рещельская	Русские
198	Литьюжское	Зыряне	219	Русамское	Русские
199	Ратожская?	Русские	Р. Мезень		
200	Лебская	Русские	220	Вилибская	Зыряне
201	Засульская	Русские	221	Ветлужская	Зыряне
202	Койпасское	Русские	222	Готовская	Зыряне
203	Селищенское?	Русские	223	Бутканская	Зыряне
204	Смоленская	Русские	224	Разгортская	Зыряне
Дорога на Мезень			225	Чернутьская	Зыряне
205	Юромское	Русские	226	Мелентьевская	Зыряне
206	Защельская	Русские	227	Петраковская	Зыряне
Ниже по реке все деревни с рус- ским населением Р. Вашка			228	Кебская	Зыряне
207	Лоптюжская	Зыряне	229	Литьюжское	Зыряне
208	Усть-Вишерская	Зыряне	230	Ратожская?	Русские
209	Мыкинская	Русские	231	Лебская	Русские
210	Вендежское	Зыряне	232	Засульская	Русские
211	Ертомская	Зыряне	233	Койнаское	Русские
212	Чирская	Зыряне	234	Селищенское?	Русские
213	Кривонаволоц- кая	Зыряне	235	Смоленская	Русские
214	Коспонская?	Русские	Дорога на Мезень		
215	Тоимская	Зыряне	236	Юромское	Русские
216	Кондюгская	Зыряне	237	Защельская	Русские

Источник: [23].

Source: [23].

взаимоотношения. Эту информацию невозможно привести в формализованном виде, но она очень важна для историка и географа.

Отдельные сведения по расселению содержатся в многочисленных картографических материалах. С начала XIX в. стали издавать специализированные карты, и даже атласы, представляющие нам сведения о многих

особенностях жизни населения и хозяйства на территории губерний. Наиболее информативна карта Стрельбицкого, на которой показаны почти все селения, существовавшие в 60–70-е гг. XIX в.

В этнографическом плане расселение разных народов лучше всего отражено на «Этнографической карте Европейской России» А. Ф. Риттиха (1875), где показаны все населенные пункты и цветом отмечено, в какой деревне живут русские, а в какой – зыряне (таблица).

Источники и литература

1. История Коми. С древнейших времен до современности. В 2-х т. 2-е изд. – Сыктывкар, 2011. – Т. 1. – 543 с.; – Сыктывкар, 2011. – Т. 2. – 687 с.
2. Жеребцов, И. Л. Переписные книги начала XVIII века как источник для изучения численности населения Коми края / И. Л. Жеребцов // Археография и источниковедение истории Европейского Севера РФСР : тез. конф. – Вологда, 1989. – С. 108–111; Жеребцов, И. Л. Ревизские сказки как источник для изучения сельских населенных пунктов Коми края XVIII – середины XIX вв. / И. Л. Жеребцов // Актуальные проблемы археологии, источниковедения и историографии. – Вологда, 1995; Жеребцов, И. Л. Где ты живешь: Населенные пункты Республики Коми. Историко-демографический справочник / И. Л. Жеребцов. – Сыктывкар : Коми книжное издательство, 2000. – 448 с.
3. Жеребцов, Л. Н. Расселение коми в XV–XIX вв. / Л. Н. Жеребцов. – Сыктывкар, 1972.
4. Силин, В. И. Географические источники о населении Коми края до первой переписи 1897 г. / В. И. Силин // Численность и воспроизводство населения Республики Коми во второй половине XIX–XX в.: историко-демографические и историко-географические исследования Российского Севера. – Сыктывкар, 2022. – С. 17–39.
5. Силин, В. И. Хозяйство Архангельской губернии и поселения по Печоре и Ижме по данным старых карт / В. И. Силин // Историческая демография. – 2021. – № 1 (27). – С. 45–49.
6. Силин, В. И. Коми край в российских атласах конца XVIII–первой половины XIX в. / В. И. Силин // Северный регион в условиях социальных и экономических трансформаций Российского общества (Республика Коми. История и современность): сб. статей. – Сыктывкар : ГОУ ВО КРАГСиУ, 2022. – С. 26–30; Силин, В. И. Коми край в статистических и отраслевых Российских атласах второй половины XIX в. / В. И. Силин // Историческая демография. – 2022. – № 2(22). – С. 79–83.
7. Карта Российской империи 1734 г. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 10.09.2023).
8. Атлас Российской империи состоящий из девятнадцати специальных карт, представляющий Всероссийскую империю с пограничными землями. – Санкт-Петербург, 1745. – URL: <https://humus.livejournal.com/4426466.html> (дата обращения: 10.09.2023).
9. Атлас Российской империи, состоящий из 46 карт, изданный во граде св. Петра 1792 года издан в С.-Петербур-

- бурге в типографии Сытина не раньше 1793 г. (т. е. дата издания атласа, указанная на титуле, не соответствует действительной). – URL: <http://kartolog.ru/2009/07/atlas-rossijskoj-imperii-1792-g> (дата обращения: 10.09.2023).
10. Мильчик, М. И. Рукописный атлас Архангельской губернии 1797 г. / М. И. Мильчик // Известия ВГО. – 1984. – Т. 116, Вып. 6. – С. 533–538.
 11. Колегов, Б. Р. Экономические примечания к генеральному межеванию Устьсысольского уезда – завершение трансформации государственного учета земельных владений в конце XVIII века в Коми крае (источниковедческий анализ / Б. Р. Колегов // Северный регион в условиях социальных и экономических трансформаций Российского общества (Республика Коми. История и современность: сб. статей). – Сыктывкар : ГОУ ВО КРАГСиУ, 1922. – С. 18–25.
 12. Колегов, Б. Р. Коми край в конце XVIII века. Экономические примечания к Генеральному межеванию по Устьсысольскому уезду / Б. Р. Колегов. – Сыктывкар, 2023. (в печати).
 13. Список дач Генерального и специального межевания Яренского и Устьсысольского уездов. – Вологда, 1915. – 22 с.
 14. Карта Усть-Сысольской округи из атласа Вологодского наместничества. – URL: <http://www.etomesto.ru/karta5217/> (дата обращения: 10.09.2023).
 15. Меркаторская карта рек Печоры, Ижмы, Илыча, Вычегды, Северной и Южной Мылвы / сост. П. И. Крузенштерн. – URL: <https://kp.rusneb.ru/item/reader/merkatorskaya-karta-rek-pechory-izhmy-ilycha-vy-chegdy-severnoy-i-yuzhnoy-mylvu> (дата обращения: 10.09.2023).
 16. Барабанова, С. Н. Рукописная Этнографическо-географическая карта А. Регули и ее роль в Уральской экспедиции Русского географического общества / С. Н. Барабанова // Геодезия и картография. – 2020. – № 10. – С. 59–64.
 17. Иславин, В. А. Самоеды в домашнем и общественном быту / В. А. Иславин. – Санкт-Петербург : Типография Министерства государственных имуществ, 1847. – 142 с.
 18. Гофман, Э. К. Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой / Э. К. Гофман. – Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии наук, 1856. – Т. 2. – 376 с.
 19. Силин, В. И. Карта Печорского края, составленная Боровским в 1853 г. как демографический источник / В. И. Силин // Историческая демография. – 2019. – № 2(24). – С. 75–77.
 20. Специальная карта Европейской России Российской Империи / ред. И. А. Стрельбицкий. – URL: <http://www.etomesto.ru/map-karta-strelbickogo> (дата обращения: 10.09.2023).
 21. Этнографическая карта Европейской России / сост. П. И. Кеппен. – Санкт-Петербург, 1851. – URL: <https://geoportal.rgo.ru/iirview/10871> (дата обращения: 10.09.2023).
 22. Списки населенных мест Российской империи. Вологодская губерния. По сведениям 1859 года / обраб. ст. ред. Е. Огородниковым. Вып. 7. – Санкт-Петербург : Типография К. Вульфа, 1866. – 520 с. – URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/spis/nas/mest/index.htm> (дата обращения: 10.09.2023).
 23. Этнографическая карта Европейской России / сост. А. Ф. Риттих. – Санкт-Петербург, 1875 г. – URL: <http://www.etomesto.ru/karta781/>. (дата обращения: 10.09.2023).

References

1. Istoriya Komi. S drevnejshih vremen do sovremennosti [The history of Komi. From ancient times to the present]. In 2 volumes. 2nd edition. – Vol.1. – Syktyvkar, 2011. – 543 p.; – Vol.2. – Syktyvkar, 2011. – 687 p.
2. Zherebtsov, I. L. Perepisnye knigi nachala XVIII veka kak istochnik dlya izucheniya chislennosti naseleniya Komi kraja [Census books of the beginning of the XVIII century as a source for studying the population of the Komi Territory] / I. L. Zherebtsov // Arheografiya i istochnikovedenie istorii Evropejskogo Severa RSFSR [Archaeography and source studies of the history of the European North of the RSFSR]. – Abstracts of Conf. – Vologda, 1989. – P. 108–111. Zherebtsov I. L. Revizskie skazki kak istochnik dlya izucheniya sel'skih naselennykh punktov Komi kraja XVIII – serediny XIX vv. [Revision lists as a source for the study of rural settlements of the Komi region of the XVIII – mid- XIX centuries] / I. L. Zherebtsov // Aktual'nye problemy arheografii, istochnikovedeniya i istoriografii [Actual problems of archeography, source studies and historiography]. – Vologda, 1995. Zherebtsov I. L. Gde ty zhivesh: Naselennyye punkty Respubliki Komi. Istoriko-demograficheskii spravochnik [Where do you live: settlements of the Komi Republic. Historical and demographic reference book] / I. L. Zherebtsov. – Syktyvkar: Komi Book Publishing House, 2000. – 448 p.
3. Zherebtsov, L. N. Rasselenie komi v XV–XIX vv. [Settling of the Komi in the XV–XIX centuries] / L. N. Zherebtsov. – Syktyvkar, 1972.
4. Silin, V. I. Geograficheskie istochniki o naselenii Komi kraja do pervoj perepisi 1897 g. [Geographical sources about the population of the Komi region before the First census of 1897] / V. I. Silin // Chislennost' i vosпроизводство naseleniya Respubliki Komi vo vtoroj polovine XIX–XX v.: istoriko-demograficheskie i istoriko-geograficheskie issledovaniya Rossijskogo Severa [Number and reproduction of the population of the Komi Republic in the second half of the XIX–XX centuries: historical-demographic and historical-geographical studies of the Russian North]. – Syktyvkar, 2022. – P. 17–39.
5. Silin, V. I. Hozyajstvo Arhangel'skoj gubernii i poseleniya po Pechore i Izhme po dannym starykh kart [Economy of the Arkhangelsk province and settlements in Pechora and Izhma according to old maps] / V. I. Silin // Istoricheskaya demografiya. Nauchnyj zhurnal [Historical demography. Science J.]. – 2021. – № 1 (27). – P. 45–49
6. Silin, V. I. Komi kraj v rossijskikh atlasah konca XVIII – pervoj poloviny XIX v. [Komi region in Russian atlases of the late XVIII – first half of the XX centuries] / V. I. Silin // Severnyj region v usloviyah social'nyh i ekonomich-

- eskikh transformacij Rossijskogo obshchestva (Respublika Komi. Istoriya i sovremennost') [Northern region in the conditions of social and economic transformations of Russian society (Komi Republic. History and modernity)]. – Collected papers. – Syktyvkar: Komi Republican Academy of Civil Service and management, 2022. – P. 26–30. Silin, V. I. Komi kraj v statisticheskikh i otraslevykh Rossijskikh atlasah vtoroj poloviny XIX v. / V. I. Silin // Istoricheskaya demografiya [Komi region in statistical and sectoral Russian atlases of the second half of the XIX century // Historical demography]. – 2022. – №2 (22). – P. 79–83.
7. Karta Rossijskoj imperii 1734 g. [Map of the Russian Empire of 1734 / <https://ru.wikipedia.org/wiki/>
 8. Atlas Rossijskoj imperii sostoyashchij iz devyatnadcati special'nykh kart, predstavlyayushchij Vserossiyskuyu imperiyu s pograničnymi zemlyami [the Russian Empire Atlas, consisting of 19 special maps, representing the All-Russian Empire with its border lands]. – St. Petersburg, 1745. / <https://humus.livejournal.com/4426466.html>
 9. Atlas Rossijskoj imperii, sostoyashchij iz 46 kart, Izdannyj vo grade sv. Petra 1792 goda» izdan v S.-Peterburge v tipografii Sytina ne ran'she 1793 g. (t. e. data izdaniya atlasa, ukazannaya na titule ne sootvetstvuet dejstvitel'noj) [Atlas of the Russian Empire, consisting of 46 maps, published in the city of St. Peter in 1792, was published in St. Petersburg in Sytin's Printing House no earlier than 1793 (i.e., the date of publication of the atlas indicated on the title does not correspond to the actual one)] / <http://kartolog.ru/2009/07/atlas-rossijskoj-imperii-1792-g>
 10. Mil'chik, M. I. Rukopisnyj atlas Arhangel'skoj gubernii 1797 g. [Handwritten atlas of the Arkhangelsk province of 1797] / M. I. Mil'chik // Izvestiya VGO [News of the All-Russian Geographical Society]. – 1984. – Vol. 116. – Issue 6. – P. 533–538.
 11. Kolegov, B. R. Ekonomicheskie primečaniya k general'nomu mezhevaniyu Ust'sysol'skogo uezda - zavershenie transformacii gosudarstvennogo ucheta zemel'nykh vladenij v konce XVIII veka v Komi krae (istočnikovedčeskij analiz) [Economic notes to the General survey for Ustsysolsk Uyezd - completion of the transformation of state accounting of land holdings at the end of the XVIII century in the Komi region (source analysis)] / B. R. Kolegov // Severnyj region v usloviyah social'nykh i ekonomicheskikh transformacij Rossijskogo obshchestva (Respublika Komi. Istoriya i sovremennost') [Northern region in the conditions of social and economic transformations of Russian society (Komi Republic. History and modernity)]: Collected papers. – Syktyvkar: Komi Republican Academy of Civil Service and management, 1922. – P. 18–25.
 12. Kolegov, B. R. Komi kraj v konce XVIII veka. Ekonomicheskie primečaniya k General'nomu mezhevaniyu po Ust'sysol'skomu uezdu [Komi region at the end of the XVIII century. Economic notes to the General survey for Ustsysolsk Uyezd] / B. R. Kolegov. – Syktyvkar, 2023 (in print).
 13. Spisok dach General'nogo i special'nogo mezhevaniya Yarenskogo i Ust'sysol'skogo uezdov [List of dachas of the General and special land surveying of Yarensk and Ustsysolsk Uyezds]. – Vologda, 1915. – 22 p.
 14. Karta Ust'-Sysol'skoj okrugi iz atlasa Vologodskogo namestnichestva [Map of the Ust-Sysolsk district from the atlas of the Vologda governorship]. URL: <http://www.etomesto.ru/karta5217/>
 15. Merkatorskaya karta rek Pechory, Izhmy, Ilycha, Vychedy, Severnoj i Yuzhnoj Mylvy [Mercator map of the rivers Pechora, Izhma, Ilych, Vychedga, Northern and Southern Mylva] / Comp. P. I. Kruzenshtern. URL: <https://kp.rusneb.ru/item/reader/merkatorskaya-karta-rek-pechory-izhmy-ilycha-vychedy-severnoy-i-yuzhnoy-mylvy>
 16. Barabanova, S. N., Rukopisnaya Etnograficheskogeograficheskaya karta A. Reguli i eyo rol' v Ural'skoj ekspedicii Russkogo geograficheskogo obshchestva [Handwritten Ethnographic and Geographical Map of A. Reguli and its role in the Ural Expedition of the Russian Geographical Society] / S. N. Barabanova // Geodeziya i kartografiya [Geodesy and cartography]. – 2020. – № 10. – P. 59–64.
 17. Islavin, V. A. Samoedy v domashnem i obshchestvennom bytu [Samoyeds in home and public life] / V. A. Islavin. – St. Petersburg: Tipografiya Ministerstva gosudarstvennykh imushchestv [Printing House of the Ministry of State Property], 1847. – 142 p.
 18. Gofman, E. K. Severnyj Ural i beregovoj hrebet Paj-Hoj [Northern Urals and the Pai-Khoi coastal ridge] / E. K. Gofman. – St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoj Akademii nauk [Printing House of the Imperial Academy of Sciences], 1856. – Vol. 2. – 376 p.
 19. Silin, V. I. Karta Pechorskogo kraja, sostavlenaya Borovskim v 1853 g. kak demograficheskij istočnik [Map of the Pechora region compiled by Borovsky in 1853 as a demographic source] / V. I. Silin // Istoricheskaya demografiya [Historical demography]. – 2019. – № 2(24). – P. 75–77.
 20. Special'naya karta Evropejskoj Rossii Rossijskoj Imperii [Special map of European Russia of the Russian Empire] / Ed I.A. Strelbitsky. URL: <http://www.etomesto.ru/map-karta-strelbickogo> (accessed: 10.09.2023).
 21. Etnograficheskaya karta Evropejskoj Rossii [Ethnographic map of European Russia] / Comp. P.I. Keppen. – St. Petersburg., 1851. URL: <https://geoportal.rgo.ru/iipview/10871> (accessed: 10.09.2023).
 22. Spiski naselennykh mest Rossijskoj imperii. Vologodskaya guberniya. Po svedeniyam 1859 goda [Lists of populated places of the Russian Empire. Vologda province. According to information from 1859] / Processed by Ed. E. Ogorodnikov. Issue 7. – St. Petersburg: K. Wolf Printing House, 1866. – 520 p. URL: <https://www.booksite.ru/full-text/spis/nas/mest/index.htm> (accessed: 10.09.2023).
 23. Ethnographic map of European Russia / Comp. A.F. Rit-tich. – St. Petersburg, 1875 / <http://www.etomesto.ru/karta781/>.

Благодарность (госзадание)

Исследование выполнено в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН по теме «Трансформации общества, власти и экономики на Европейском Северо-Востоке России» (номер государственного учета 122040800166-0).

Acknowledgements (state task)

The research was carried out within the frames of the implementation of the state task of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, on the topic "Transformations of society, government and economy in European North-East of Russia" (state registration No. 122040800166-0).

Информация об авторе:

Силин Владимир Иванович – доктор географических наук, главный научный сотрудник сектора историко-демографических и историко-географических исследований Российского Севера Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук; ORCID: 0000-0002-616-2755 (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: silinv@rambler.ru).

Author:

Vladimir I. Silin – Dr. Sci. (Geography), Chief Researcher of the Sector of Historical-Demographic and Historical-Geographical Research of the Russian North, Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences; ORCID: 0000-0002-616-2755 (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation. Tel. +7 904 220 7886; silinv@rambler.ru).

Для цитирования:

Силин, В. И. Картографические источники конца XVIII–XIX века как материал для изучения системы расселения населения в Коми крае / В. И. Силин // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Историческая демография». – 2023. – № 8 (66). – С. 20–27.

For citation:

Silin, V.I. Cartographic sources of the late XVIII – XIX centuries. as a material for studying the system of settlement of the population in the Komi region / V. I. Silin // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "Historical demography". – 2023. – № 8 (66). – P. 20–27.

Дата поступления статьи: 06.10.2023

Прошла рецензирование: 09.10.2023

Принято решение о публикации: 12.10.2023

Received: 06.10.2023

Reviewed: 09.10.2023

Accepted: 12.10.2023

Брачная структура населения Коми края в конце XIX века

Д. В. Вишнякова

ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
vishnyakova_dari@mail.ru

Аннотация

В статье на основании материалов Первой всеобщей переписи населения Российской империи рассматривается брачная структура населения Коми края. Проводится сравнение брачного состояния сельского и городского населения. Анализируются половозрастные различия в брачной структуре.

В результате исследования определены доли всех категорий брачного состояния мужчин и женщин по отдельным возрастным группам. Выявлены особенности в демографическом поведении населения, обусловленные этнической принадлежностью, социальным статусом. В сельской местности в младших бракоспособных возрастах до 20 лет существенно преобладали лица, никогда не состоявшие в браке, что являлось следствием сложившегося в Коми крае довольно зрелого брачного возраста. Также была выявлена тенденция повышения числа вдовых среди женщин начиная с возраста 30–39 лет, с наиболее резким скачком в возрасте от 50 лет. Среди мужчин число вдовых росло незначительно, скачок этой категории лиц наблюдали в возрастной группе от 60 лет и старше. В городском населении в возрастных группах от 40 лет асимметрия брачного статуса была более выраженной, чем в сельском.

Ключевые слова :

Коми край, Европейский Северо-Восток России, Первая всеобщая перепись населения, брачная структура, брачное состояние

Важным элементом демографической оценки населения является анализ брачной структуры – распределение населения по брачному состоянию. Учет сложившихся пропорций в брачной структуре населения тесно связан с общими характеристиками брачности населения. В разные периоды времени учеными прослеживаются изменения брачности, смена типов брачности с «традиционного» на «европейский». И как показывают исследования, существует значительная вариативность внутри этих исторических типов брачности. Типы брачности во многом обуславливаются социально-экономическими и институциональными факторами, действующими на данной территории в определенный момент времени [1]. В конце

The marital structure of the population of the Komi region at the end of the XIX century

D. V. Vishnyakova

Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar
vishnyakova_dari@mail.ru

Abstract

Based on materials of the First General Population Census of the Russian Empire, the marital structure of the population of the Komi Region is considered. A comparison of the marital status of rural and urban population is carried out. The gender and age differences in marital structure are analyzed. As a result of the study, the proportion of all categories of marital status, both men and women, were determined by individual age groups. Peculiarities in the demographic behavior of the population due to ethnicity and social status are revealed. In rural areas, the younger marriageable age up to 20 years was significantly dominated by people who had never been married, which was a consequence of the fairly mature marriageable age that had developed in the Komi Region. A tendency was also revealed to increase the number of widows among women from the age of 30–39, with the sharpest jump at the age of 50. Among men, the number of widowers increased slightly, a jump in this category of persons was observed in the age group of 60 years and older. The asymmetry of marital status was more pronounced in the urban population in the age groups of 40 years and older than in the rural population.

Keywords :

Komi Region, European North-East of Russia, the First General Population Census, marital structure, marital status

XIX в. в России брачность населения являлась фактором, влияющим на рождаемость и семейную структуру. Основные демографические процессы, протекавшие в Российской империи в конце XIX–начале XX в., сохраняли свой традиционный характер, однако в их развитии наметилось отчетливое направление, которое рядом исследователей классифицируется как некий «порог» демографического перехода, означавшего кардинальные сдвиги. Изучение брачного состава населения в этот переходный период представляется необходимым для рассмотрения общей демографической картины, так как брачная структура лежит в основе формирования численности и организации домохозяйств, оказывает существенное воздействие на ряд демографических процессов.

Распределение населения по брачному статусу в различных губерниях и уездах страны могло существенно отличаться от среднероссийских показателей в силу региональной, конфессиональной и национальной специфики. Результаты отдельных работ показывают, что брачная структура населения в регионах соответствовала традиционному типу, тем не менее выявляются особенности в брачном состоянии населения [2–4]. В данном исследовании внимание уделено брачной структуре населения Коми края в конце XIX в. К рассматриваемой территории относят Усть-Сысольский и Яренский уезды Вологодской губернии, а также Печорский уезд Архангельской губернии. Указанные уезды располагались в непосредственной близости друг от друга и исторически были тесно связаны между собой. Основными этносами, представленными на территории края в конце XIX в., являлись коми (зыряне), составлявшие около 79 %, а также русские и ненцы (самоеды), на долю которых приходилось соответственно 18 и 2–3 % от общей численности жителей трех исследуемых уездов.

Брачная структура строится на основании данных переписей или репрезентативных выборочных обследований, которые дают «моментную» характеристику положения лиц по отношению к институту брака одновременно существующих людей, т. е. совокупность условного поколения. Наиболее полные сведения о распределении населения по брачному статусу конца XIX в. содержатся в материалах Первой всеобщей переписи населения 1897 г.

Для изучаемого населения была характерна этнорегиональная специфика ряда параметров, относящихся к браку. Это и относительно высокий брачный возраст, и довольно растяжимая возрастная разница между супругами, отсутствие устойчивых традиций браков между вдовыми, выраженный дефицит мужского населения в основных брачных возрастах и др. [5]. Как показывает рисунок, преобладающая доля населения Коми края в конце XIX в. состояла в браке. В сельской местности удельный вес этой категории населения был заметно выше, чем в городской. Доля вдовых среди сельских жителей была не намного, но ниже, чем среди городских. Показатели категории «никогда не состоявшие в браке» среди городского населения были более высокими.

Как правило, распределение по брачному состоянию комбинируют с группировками по полу и возрасту, получая брачную структуру как всего населения, так и населения разных пола и возраста. Каждую половозрастную группу населения подразделяют по категориям брачного состояния, определяют удельный вес той или иной категории в составе половозрастной группы. По законодательству того времени

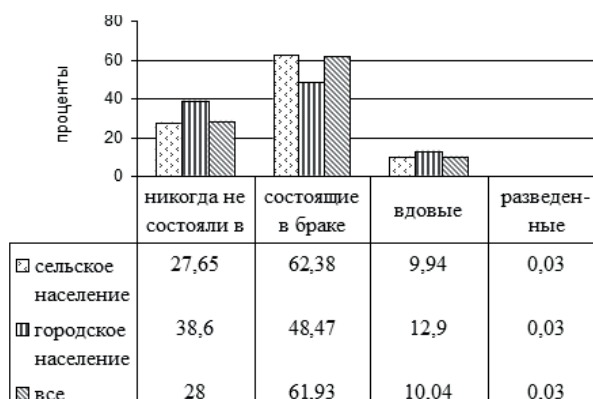

Рис. Распределение населения Европейского Северо-Востока России по брачному состоянию, 1897 год.

Источники: [6, 7].

Fig. Distribution of the population of the European North-East of Russia by marital status, 1897.

Sources: [6, 7]

вступление в брак допускалось по достижении совершеннолетия, которое определялось для девушек в 16 лет, для юношей – в 18 [8]. Однако, если до необходимого возраста оставалось менее полугода, то с разрешения местных церковных властей брак все же мог быть заключен. На основании материалов используемого источника были выделены следующие возрастные группы: 15–16 лет, 17–19, 20–29 лет, далее десятилетние возрастные группы до группы 50–59 лет, затем открытый интервал «60 лет и старше».

Рассмотрим брачную структуру населения по данным Первой всеобщей переписи населения 1897 г. В приведенных ниже таблицах выделены группы состоящих в браке, никогда не состоявших в браке, вдовых и разведенных. В табл. 1. показано распределение сельского населения изучаемой территории по брачному состоянию.

Таблица 1

Распределение сельского населения Коми края по возрасту, полу и состоянию в браке, 1897 год (число лиц данного брачного состояния на 1000 чел. соответствующего пола и возраста), %

Table 1

Distribution of the rural population of the Komi region by age, gender and marital status, 1897 (number of persons in a given marital status per 1000 people of the corresponding gender and age), %

Возраст, лет	Мужчины				Женщины			
	Никогда не состоявшие в браке	Состоящие в браке	Вдовы	Разведенные	Никогда не состоявшие в браке	Состоящие в браке	Вдовы	Разведенные
Все население 15 лет и старше	295.0	653.3	51.6	0.1	261.4	599.8	138.4	0.4
В том числе в возрасте								
15–16	999.7	0.3	0	0	993.5	6.2	0.3	0
17–19	954.9	45.1	0	0	815.4	183.4	1.2	0
20–29	432.3	564.8	2.9	0	256.0	726.6	17.1	0.2
30–39	68.0	922.0	9.8	0.2	73.7	864.0	62.0	0.4
40–49	38.2	934.2	27.2	0.4	67.0	775.8	156.4	0.8
50–59	38.2	883.6	77.8	0	113.9	500.0	385.6	0.5
60 лет и более	32.0	677.0	291.0	0.1	64.8	470.1	464.6	0.5

Источники: [6, 7].

Sources: [6, 7].

По данным табл. 1, в младших бракоспособных возрастах до 20 лет существенно преобладали лица, никогда не состоявшие в браке, что являлось следствием сложившегося в крае довольно зрелого брачного возраста. После 20 лет удельный вес этой категории снижался, причем среди женщин более резко, чем среди мужчин. В средних возрастах увеличивалась доля состоящих в браке. Наибольшее значение доли состоящих в браке отмечено в возрасте 30–39 лет как среди мужчин, так и среди женщин. Исходя из представленных данных, можно отметить раннюю тенденцию повышения числа вдовых. Доля вдовых начинала расти среди женщин с возраста 30–39 лет с наиболее резким скачком в возрасте от 50 лет, увеличиваясь в последующей возрастной группе. Среди мужчин число вдовых росло незначительно, скачок этой категории лиц наблюдали в возрастной группе от 60 лет и старше. Незначительная численность разведенных, зафиксированная переписью по уездам рассматриваемой территории, статистически не влияет на общее распределение населения по брачному состоянию, поэтому эта категория не была взята в проводимые расчеты.

Как показывают материалы переписи населения 1897 г., среди сельского населения Коми края доля состоящих в браке мужчин вплоть до 50 лет постоянно росла, доля состоящих в браке женщин повышалась только до 40 лет, а затем начинала снижаться за счет роста доли вдов. Это происходило в результате более высокой, по сравнению с женщинами, интенсивности вступления в повторный брак вдовых мужчин. Доля состоящих в браке женщин была выше, чем у мужчин в возрастном интервале от 15 до 30 лет, далее удельный вес мужчин, состоящих в браке, повышался. Доля вдовых среди всех женщин была более чем в 2,5 раза выше, чем среди мужчин. Более высокий уровень мужской смертности и более частое вступление в повторный брак вдовцов обуславливали значительный удельный вес вдовых женщин, увеличивавшийся с возрастной группы 20–29 до группы старше 60 лет, с 17 до 464 %, причем в интервале от 60 лет доля вдовых женщин практически равнялась доле женщин, состоявших в браке.

В табл. 2 представлены данные о распределении населения г. Усть-Сысольска по возрасту, полу и состоянию в браке на 1897 г. Материалы табл. 2 дают представление о распределении полов по состоянию в браке и возрасту по г. Усть-Сысольску. В возрасте до 30 лет число никогда не состоящих в зарегистрированном браке мужчин было выше, чем соответствующее число женщин. Так, значительная доля никогда не состоявших в браке мужчин в возрастных группах до 30 лет обусловлена тем, что они вступали в брак в среднем позднее, чем

женщины. В возрастах 30–40 лет эти числа примерно выравнивались, в следующих возрастных группах, как мы видим, процент никогда не состоявших в браке мужчин уменьшался и постепенно становился совсем небольшим. В возрастных группах старше 30 лет наблюдался обратный перевес числа женщин, не состоящих в браке, над соответствующим числом мужчин. Как показывают материалы переписи населения, среди жителей Усть-Сысольска доля состоящих в браке увеличивалась вплоть до 40 лет. В возрастном интервале от 15 до 30 лет доля состоящих в браке женщин была выше, чем у мужчин. В интервале от 30 лет можно заметить резкое прибавление доли вдов. Высокий уровень смертности среди мужчин в трудоспособных возрастах обусловил значительный удельный вес вдов среди женщин уже в среднем возрасте. Доля вдовых среди всех женщин Усть-Сысольска была в четыре раза выше, чем аналогичная группа среди мужчин. По данным 1897 г., из общего числа вдовых горожан около 20 % составляли мужчины и примерно 80 % – женщины. Более высокий уровень мужской смертности и более частое вступление в повторный брак вдовцов оказывали влияние на значительный удельный вес вдовых женщин, увеличивавшийся с возрастной группы 20–29 до группы старше 60 лет, с 11 до 550 %, причем, в возрастном интервале от 60 лет доля вдовых женщин превосходила долю женщин, состоящих в браке.

В возрастах старше 40 лет отчетливо вырисовывается асимметрия брачного статуса, выраженная в большем удельном весе состоящих в браке мужчин и значительном числе вдов среди женщин. В старших возрастных группах эта асимметрия усиливается. Доля вдов, как уже было отмечено ранее, перекрывает долю женщин, состоящих в браке.

Таблица 2

Распределение населения города Усть-Сысольска по возрасту, полу и состоянию в браке, 1897 год (число лиц данного брачного состояния на 1000 чел. соответствующего пола и возраста), %

Table 2

Distribution of the population of Ust-Sysolsk by age, gender and marital status, 1897 (number of persons in a given marital status per 1000 people of the corresponding gender and age), %

Возраст, лет	Мужчины				Женщины			
	Никогда не состоявшие в браке	Состоящие в браке	Вдовы	Разведенные	Никогда не состоявшие в браке	Состоящие в браке	Вдовы	Разведенные
Все население 15 лет и старше	400	557	43	0	322	499	179	0
В том числе в возрасте:								
15–16	1000	0	0	0	1000	0	0	0
17–19	982	18	0	0	912	88	0	0
20–29	602	388	6	0	355	634	11	0
30–39	116	879	5	0	143	762	94	0
40–49	114	862	24	0	131	654	214	0
50–59	96	827	77	0	88	551	360	0
60 лет и старше	66	720	208	0	157	293	550	0

Источник: [9].
Source: [9].

Брачная структура населения г. Яренска также характеризовалась преобладанием в младших бракоспособных возрастах до 20 лет числа лиц никогда не состоявших в браке (табл. 3). Среди горожанок Яренска доля женщин, состоящих в браке, во всех возрастных группах начиная от 20 лет была ниже, чем среди жительниц Усть-Сысольска. Среди мужского населения Яренска в сравнении с той же группой г. Усть-Сысольска число лиц, никогда не состоявших в браке, во всех возрастных категориях до 59 лет было выше. Число вдовых среди мужчин не имело серьезных отличий в сравнении с Усть-Сысольском, в то время как число вдовых женщин по Яренску значительно превосходило аналогичные показатели по Усть-Сысольску. Отчетливо прослеживается асимметрия брачного статуса по г. Яренску. Она также, как и по другому, ранее рассматриваемому городу, начинает превалировать в возрасте от 40 лет, но более выражено. Доля лиц состоящих в браке мужчин снижается плавно, в то время как у женщин она резко падает, вместе с тем значительно возрастает количество вдов.

Исходя из полученных данных, мы можем проследить различия брачной ситуации у городских и сельских жителей. В городском населении Коми края по переписи 1897 г. в браке состояло 538.5 ‰ мужчин и 653.3 ‰ – в сельском, женщин – 480.9 ‰ в городском населении, и 599.8 ‰ – в сельском, т. е. число состоящих в браке как мужчин, так и женщин в сельской местности было выше. Никогда не состоявшие в браке мужчины в городском населении составляли 420.7 ‰, женщины – 328.8 ‰, в сельском населении эти показатели были существенно ниже: 295 и 261.4 ‰ соответственно. Вдовых в городском населении среди мужчин было 40.8 ‰, среди женщин – 190.3 ‰, в сельском – 51.6 и 138.4 ‰ соответственно. Таким образом, видно, что наибольшее число лиц во вдовом состоянии отмечено среди женщин горожанок.

На текущем состоянии распределения населения по брачному статусу отражаются как социокультурные нормы матримониального поведения, так и ситуация на «брачном

рынке», в частности, соотношение численности полов в тех или иных категориях брачного состояния. Соотношение мужчин и женщин в определенных возрастных группах по материалам переписи 1897 г. выглядело следующим образом. Среди сельского населения Усть-Сысольского уезда в возрастных группах 15–19 лет на 100 мужчин приходилось примерно 132 женщины, 20–29 лет – 154, 30–39 лет – 132, по Яренскому уезду в тех же возрастных группах – 113, 125, 114 женщин, по Печорскому – 118, 115, 108 соответственно.

В г. Усть-Сысольске в возрастных группах 15–19 лет на 100 мужчин приходилось 118 женщин, 20–29 лет – 111, 30–39 лет – 133. Город Яренск в силу своей небольшой численности был исключен из данного подсчета. Соотношение численности проживавших в нем горожан и горожанок было примерно одинаковым, за исключением группы 20–29 лет, в которой на 100 мужчин приходилась 51 женщина. Таким образом, в основных брачных возрастах наблюдался определенный дисбаланс полов в сторону превалирования женского населения. Тем не менее следует отметить, что в сельской местности региона диспропорция полов проявлялась в большей степени, в особенности в Усть-Сысольском уезде. Среди сельского населения она усиливалась за счет оттока мужского трудоспособного населения (участие в отхожих промыслах, переселения и т.п.). В целом ситуация на «брачном рынке» для невест была не столь выигрышна, как для женихов.

Показатель доли населения, состоящего в браке (как и в любом другом брачном статусе), не совсем точно характеризует явление, так как зависит от возрастной структуры населения, которая меняется от переписи к переписи. Поэтому эти показатели необходимо стандартизовать. Наиболее удобный и информативный показатель, сглаживающий влияние возрастной структуры – показатель средней продолжительности жизни в том или ином брачном состоянии. Исходя из долей населения с тем или иным брачным статусом по возрастным группам, может быть рассчитано среднее число лет жизни в каждом брач-

ном состоянии. Этот показатель дает представление о том, сколько лет в среднем один человек проживает в том или ином брачном статусе на протяжении всей жизни (или в определенном возрастном периоде) при существующем брачном составе населения. Для его вычисления прибегают также к методу условного поколения. Условное, или гипотетическое, поколение – совокупность людей разного возраста, но живущих в одно и то же время. Люди разных возрастов, живущие в одно время, рассматриваются как принадлежащие к одному и тому же поколению [10].

Расчет прожитых в браке методом условного поколения по данным переписей населения производится по формуле. Для того, чтобы узнать

Таблица 3
Распределение населения города Яренска по возрасту, полу и состоянию в браке, 1897 год (число лиц данного брачного состояния на 1000 чел. соответствующего пола и возраста), ‰

Table 3
Distribution of the population of Yarensk by age, gender and marital status, 1897 (number of persons in a given marital status per 1000 people of the corresponding gender and age), ‰

Возраст, лет	Мужчины				Женщины			
	Никогда не состоявшие в браке	Состоявшие в браке	Вдовы	Разведенные	Никогда не состоявшие в браке	Состоявшие в браке	Вдовы	Разведенные
Все нас. 15 лет и старше	533	427	40	0	340	412	248	0
В том числе в возрасте:								
15–16	1000	0	0	0	1000	0	0	0
17–19	1000	0	0	0	906	94	0	0
20–29	824	168	8	0	406	562	15	0
30–39	265	735	0	0	193	692	115	0
40–49	100	875	25	0	243	433	324	0
50–59	111	852	37	0	217	348	435	0
60 лет и старше	61	697	242	0	136	186	678	0

сколько лет в среднем одна женщина из условного поколения провела в браке на протяжении возрастного периода от 15 до 59 лет, необходимо разделить численность замужних женщин в возрасте 15–59 лет на численность всех женщин (т. е. всех категорий брачного состояния) в возрасте 15–59 лет, а затем умножить этот результат на число лет возрастного интервала. Число лет, прожитых в остальных категориях брачного состояния, рассчитывается точно так же. Аналогично производится расчет для мужского населения [11].

По данным переписи населения 1897 г. по Европейскому Северо-Востоку России, среднее число лет жизни в браке (в возрастном периоде от 15 до 59 лет) составляло у сельского населения 28 лет у женщин и 29.2 лет – у мужчин, у городского – 23.5 и 23 года соответственно. Средняя продолжительность пребывания во вдовстве у жителей сельской местности равнялась 3.7 годам у женщин и 0.8 – у мужчин, в городах – 5 и 0.6 годам соответственно. Очевидно, что среднее число лет, проведенных в браке, у сельского населения было выше. А наибольшие показатели средней продолжительности жизни во вдовом состоянии были присущи горожанкам.

В целом брачное состояние населения формировалось под воздействием ряда социальных, экономических и демографических условий. В рассматриваемый период для населения Европейского Северо-Востока России был характерен традиционный тип брачности. Однако начавшиеся в обществе социально-экономические преобразования повлекли за собой глубинные изменения, в том числе и в брачно-семейной сфере. Этнорегиональная специфика также накладывала свой отпечаток на брачную структуру населения. Данное исследование показало, что диспропорции полов в основных «брачных» возрастах, отсутствие традиций заключения браков между вдовыми, высокая смертность мужского населения существенно влияли на асимметрию брачного статуса.

Источники и литература

1. Калабихина, Е. А. Исторические типы брачности в Европе / Е. А. Калабихина // Проблемы народонаселения в зеркале истории : Шестые Валентеевские чтения : Москва, 22–24 апреля 2010 г. МГУ им. М. В. Ломоносова : сборник докладов. Том 2 / ред. : В. В. Елизаров, И. А. Троицкая. – Москва : МАКС Пресс, 2010. – С. 148–152.
2. Зверев, В. А. Семейно-брачный строй в деревнях Западной Сибири (по материалам Всероссийской переписи населения 1897 г.) / В. А. Зверев // Вестник Томского государственного университета. История. – 2009. – № 4. – С. 63–70.
3. Барашкова, А. С. Эволюция брачности якутов (конец XIX–начало XXI века) / А. С. Барашкова // Историческая демография. – 2015. – № 1 (15). – С. 33–37.
4. Оконова, Л. В. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Как источник по изучению семейного состояния калмыцкой степи Астраханской губернии / Л. В. Оконова // Научная мысль Кавказа. – 2011. – № 1–2 (65). – С. 18–22.

5. Вишнякова, Д. В. Матримониальное поведение населения Европейского Северо-Востока России в XIX–начале XX в. : гендерные характеристики / Д. В. Вишнякова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 6–1(20). – С. 62–66.
6. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Архангельская губерния. Тетр. 3. – Санкт-Петербург, 1904.
7. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Вологодская губерния. Тетр. 2. – Санкт-Петербург, 1904.
8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 5. Отд. 1. N 3807; Свод законов гражданских. – Санкт-Петербург, 1909. – Ч. 1. – Ст. 3.
9. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Вологодская губерния. Тетр. 2. табл. V. – Санкт-Петербург, 1904.
10. Практическая демография : учебное пособие для вузов / Коллективная монография; под редакцией Л. Л. Рыбаковского. – Москва : ЦСП, 2005. – С. 81, 82.
11. Борисов, В. А. Демография : уч. для вузов, 2-е изд. / В. А. Борисов. – Москва, 2001. – С. 68.

References

1. Kalabikhina, E. A. Istoricheskiye tipy brachnosti v Evrope [Historical types of marriage in Europe] / E. A. Kalabikhina // Problemy narodonaseleniya v zerkale istorii [Population problems in the mirror of history]: Sixth Valenteev Readings: Moscow, April 22–24, 2010. M.V. Lomonosov Moscow State Univ.: Collection of reports: Vol. 2 / Eds. V. V. Elizarov, I. A. Troitskaya. – Moscow : MAKS Press, 2010. – P. 148–152.
2. Zverev, V. A. Semeyno-brachnyy stroy v derevnyakh Zapadnoy Sibiri (po materialam Vserossiyskoy perepisi naseleeniya 1897 g.) [Family and marriage system in the villages of Western Siberia (based on materials of the All-Russian population census of 1897)] / V. A. Zverev // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya [Bull. of Tomsk State Univ. History]. – 2009. – № 4. – P. 63–70.
3. Barashkova, A. S. Evolyutsiya brachnosti yakutov (konets XIX – nachalo XXI veka) [Evolution of the marriage rate of the Yakuts (late XIX – early XXI centuries)] / A. S. Barashkova // Istoricheskaya demografiya [Historical demography]. – 2015. – № 1 (15). – P. 33–37.
4. Okonova, L. V. Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleeniya Rossiyskoy imperii 1897g. kak istochnik po izucheniuyu semeynogo sostoyaniya kalmytskoy stepi Astrakhanskoy gubernii [The First General Population Census of the Russian Empire of 1897 as a source for studying the family status of the Kalmyk steppe of the Astrakhan province] / L. V. Okonova // Nauchnaya mysl' Kavkaza [Scientific thought of the Caucasus]. – 2011. – № 1–2 (65). – P. 18–22.
5. Vishnyakova, D. V. Matrimonial'noye povedeniye naseleeniya evropeyskogo Severo-vostoka Rossii v XIX – nachale XX v.: gendernyye kharakteristiki [Matrimonial behavior of the population of the European North-East of Russia

- in the XIX - early XX centuries: gender characteristics] / D. V. Vishnyakova // Istoricheskiye, filosofskiye, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice]. – 2012. – № 6-1(20). – P. 62-66.
6. The First General Population Census of the Russian Empire. Arkhangelsk province. Notebook 3. – St. Petersburg, 1904.
 7. The First General Population Census of the Russian Empire. Vologda province. Notebook. 2. – St. Petersburg, 1904.
 8. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobraniye vtoroye [Complete collection of Laws of the Russian Empire. Second collection]. – Vol. 5. – Section 1. – No. 3807; Svod zakonov grazhdanskikh [Code of Civil Laws]. – St. Petersburg, 1909. – Part 1. – Article 3.
 9. The First General Population Census of the Russian Empire. Vologda province. Notebook 2. Table V. – St. Petersburg, 1904.
 10. Prakticheskaya demografiya. Uchebnoye posobiye dlya vuzov. Kollektivnaya monografiya [Practical demography. Textbook for universities. Collective monograph] / Ed. L. L. Rybakovsky. – Moscow: Strategic Planning Center, 2005. – P. 81-82.
 11. Borisov, V. A. Demografiya. Uchebnik dlya vuzov [Demography: Textbook for universities], 2nd edition. – Moscow, 2001. – P. 68.

Благодарность (госзадание):

Исследование выполнено в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН по теме «Трансформации общества, власти и экономики на Европейском Северо-Востоке России» (номер государственного учета 122040800166-0).

Acknowledgements (state task)

The research was carried out within the frames of the implementation of the state task of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS on the topic “Transformations of society, government and economy in European North-East of Russia” (state registration No. 122040800166-0).

Информация об авторе:

Вишнякова Дарья Викторовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора историко-демографических и историко-географических исследований Российского Севера Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук; ORCID: 0000-0002-8671-4877 (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: vishnyakova_dari@mail.ru).

Author:

Darya V. Vishnyakova – Cand. Sci. (History), Senior Researcher, Department of Historical-Demographic and Historical-Geographical Research of the Russian North, Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences; ORCID: 0000-0002-8671-4877 (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation. E-mail: vishnyakova_dari@mail.ru).

Для цитирования:

Вишнякова, Д. В. Брачная структура населения Коми края в конце XIX века / Д. В. Вишнякова // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Историческая демография». – 2023. – № 8 (66). – С. 28–33.

For citation:

Vishnyakova, D. V. The marital structure of the population of the Komi region at the end of the XIX century / D. V. Vishnyakova // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series “Historical demography”. – 2023.– No. 8 (66).– P. 23–33.

Дата поступления статьи: 04.10.2023

Прошла рецензирование: 09.10.2023

Принято решение о публикации: 12.10.2023

Received: 04.10.2023

Reviewed: 09.10.2023

Accepted: 12.10.2023

Локальные группы русского этноса в конце XIX–первой четверти XX века : историко-демографическое исследование

С. А. Кропачев

Институт российской истории РАН,
г. Москва
rektor@eipk.info

Аннотация

Статья посвящена этническим группам русских конца XIX–первой четверти XX в. Все локальные группы русских автор разделяет на этнотерриториальные, этносословные, этноконфессиональные и этнографические. Они формировались в условиях развития территориально-хозяйственных и историко-культурных кластеров: южного и центрально-русского, северорусского, сибирского, дальневосточного и среднеазиатского. Субэтническим группам русских приходилось адаптироваться к иным климатическим условиям, воспринимать быт и новый тип хозяйствования, элементы материальной культуры аборигенных народов. Степень близости к последним была разной: от самоизоляции до тесных контактов и заключения смешанных браков. При этом, как правило, русские сохраняли свой язык, элементы культуры, этническое самосознание и другие базовые ценности. В статье приведены демографические показатели локальных групп русских конца XIX–первой четверти XX в.

Ключевые слова :

русский этнос, этногенез, этнические группы, субэтническое самосознание, Россия, РСФСР, конец XIX–первая четверть XX в.

Этногенез русской нации явление сложное и многообразное, насчитывающее не менее тысячи лет. Базовые этнические ценности формировались в процессе расселения славян в Восточной Европе в X–XIII вв., а также в ходе освоения новых территорий в XV–XVIII вв., расширения границ Русского централизованного государства, вхождения в него десятков этносов и субэтносов, государственных образований.

К концу XIX–началу XX в. процессы аккультурации и этнической ассимиляции стабилизируются и замедляются. Русским этносом в пользу русского языка, культуры и ментальности обращается часть народов, длительное время проживавших на сопредельных территориях в условиях полиэтничности. В начале 1920-х гг., впервые за более чем два столетия истории России, русские стали составлять большинство населения страны [1, с. 154]. По Всесоюзной переписи населения 1926 г. в республике проживало

Local groups of the Russian ethnos at the end of the XIX–first quarter of the XX centuries : historical and demographic research

S. A. Kropachev

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow
rektor@eipk.info

Abstract

The paper deals with ethnic groups of the Russians of the late XIX– first quarter of the XX centuries. The author divides all local groups of the Russians into ethno-territorial, ethno-class, ethno-confessional and ethnographic ones. They were formed in the context of the development of territorial-economic and historical-cultural clusters: Southern and Central Russian, North Russian, Siberian, Far Eastern and Central Asian. Subethnic groups of the Russians had to adapt to different climatic conditions, perceive the way of life and a new type of economy, elements of the material culture of the aboriginal peoples. The degree of closeness to indigenous peoples varied. From self-isolation to close contacts and mixed marriages. At the same time, as a rule, the Russians retained their language, cultural elements, ethnic identity and other basic values. The paper presents demographic indicators of local groups of the Russians of the late XIX–first quarter of the XX centuries.

Keywords :

Russian ethnos, ethnogenesis, ethnic groups, subethnic identity, Russia, RSFSR, late XIX–first quarter of the XX centuries

74 072 096 русских, или 73.61 % от общего числа жителей [2, с. 38, 41]. Завершаются процессы формирования русской нации, русского этноса, который становится более цельным, однородным, а культурные, языковые, религиозные и иные отличия русских нивелируются, но не исчезают.

Сотни групп возникают в ходе экспансии, освоения новых территорий, когда «передовые отряды» забегают вперед или уходят «в сторону» от основных сил. Им приходится адаптироваться в иных, иногда суровых, климатических условиях, воспринимать быт и новый тип хозяйствования, элементы материальной культуры аборигенных народов. Степень близости к ним была разной. Одни этнические группы русских в силу религиозных (например, старообрядцы) и иных причин самоизолировались, не смешивались с другими народами, сохраняли «чистоту расы» и поддерживали только эндогамные брачные связи («поляки», колымчане, марковцы, русско-устыинцы и др.).

Представители других этнических групп охотно шли на тесные контакты с местным населением, заключали смешанные браки, и ассимиляционные процессы в меньшей степени сдерживались религиозными или иными институтами общественного контроля (казачество, камчадалы, каменщики и др.). Особенно много смешанных браков, метисов было в Якутии, Забайкалье и затундренной зоне [3, с. 114]. Казаки охотно брали в жены представительниц иных этносов из-за специфики образа жизни и бытового уклада. На Дону ребенка, который родился от казака и иноземки, называли болдырем [4, с. 16]. Фамилии, производные от этого корня, сегодня широко распространены на Дону и Кубани. Казачество перенимало у соседних народов обычаи, традиции, предметы материальной культуры. Например, от кавказских народов – куначество, военную одежду (черкеска) и др. При этом русские сохраняют свой язык, элементы культуры, этническое самосознание и другие базовые ценности. У всех крупных этносов в большинстве случаев есть этнические группы, проживающие на территории страны (стран), где обитает большая часть «своей» (как правило, титульной) нации, или за рубежом.

Все локальные группы русских, сформированные за сотни лет, можно разделить на: 1) этнотерриториальные; 2) этнословные; 3) этноконфессиональные и 4) этнографические [3, с. 107–123; 5, с. 308–346].

Самые многочисленные из них – этнотерриториальные. Дадим им характеристику.

Этнотерриториальные группы – часть этноса, отделившаяся от него в результате, как правило, миграций или депортаций, но сохраняющая этническое самосознание, веру, язык и частично культуру. Проживая в иных климатических и природных условиях, члены этнотерриториальной группы вынуждены адаптироваться в новых условиях и воспринимать у аборигенных народов (народа) элементы материальной культуры, хозяйственной и бытовой жизни. Это помогает им выжить, нередко в суровых условиях, и успешно освоить новые виды занятий и промыслов. Подвергаясь ассимиляции, они сохраняют базовые ценности, которые характеризуют «материнский» этнос, прежде всего, его фундаментальные отличительные признаки.

Этнотерриториальные группы русских формировались в условиях развития территориально-хозяйственных и историко-культурных кластеров (сфер). Можно выделить пять кластеров: 1) южный и центральнорусский; 2) северорусский; 3) сибирский; 4) дальневосточный и 5) среднеазиатский.

Некоторые группы (однодворцы, саяны, ягуны, гагары и др.) одновременно можно отнести к этнотерриториальным и этнословным локальным образованиям.

I. Этнотерриториальные группы

1. Южный и центральнорусский кластеры.

<p>Полехи Горюны Саяны Севрюки Карамыши Цуканы</p>	}	<p>Группы автохтонного южнорусского и средне-русского населения, проживавшие в заокских регионах Дикого поля и частично сохранившиеся в ходе монголо-татарского нашествия и ордынского владычества.</p>
--	---	---

<p>Мещера (мещеры) [6, с. 284] Корелы Ляхи Паны</p>	}	<p>Группы иноэтничного происхождения, переселившиеся в между-речье Оки и Волги и ассимилированные русскими.</p>
---	---	---

<p>Однодворцы. В XIX в. подразделялись на – галманов; – ионков; – коннозаводских крестьян.</p>	}	<p>Потомки военнослуживших людей низших разрядов конца XVI – начала XVII в., переселившиеся на южнорусские земли. Заняли социальную лауну между крестьянами и мелкими помещиками. Имелись народные, иногда обидные, прозвища однодворцев – индюки, талагаи, щекуны [3, с. 112].</p>
--	---	---

<p>Ягуны Кагуны Мананки Поляне Мамоны</p>	}	<p>Группы помещичьих, монастырских, государственных крестьян, имевшие сложный этногенез и проживавшие в центральных губерниях России (Воронежская, Орловская, Калужская, Тульская и др.)</p>
---	---	--

<p>Кацкари</p>	}	<p>Группа, проживавшая в современной Ярославской области, историческом районе, известном начиная с XVI в., как Кацкий стан.</p>
----------------	---	---

2. Северный кластер

<p>Поморы</p>	}	<p>Потомки древних новгородцев и населения Ростовско-Суздальской земли, расселившихся начиная с XII в. по берегам Белого и Баренцева морей. Выработали свой тип северного приморского хозяйства (рыболовство, морская охота, мореходство и др.).</p>
---------------	---	--

<p>Сицкари</p>	}	<p>Группа, проживавшая в Ярославской губернии и являвшаяся следствием ростовско-суздальского освоения Русского Севера начиная с XIV в.</p>
----------------	---	--

<p>Тудовляне</p>	}	<p>Группа, проживавшая в Тверской губернии, по р. Туд, близкая по происхождению к белорусам.</p>
------------------	---	--

<p>Ягутки Гагары</p>	}	<p>Группы, проживавшие в Новгородской и Вятской губерниях и происходившие из бурлаков.</p>
--------------------------	---	--

<p>Кокшары</p>	}	<p>Группа, проживавшая в бассейне р. Кокшеньги Вологодской губернии.</p>
----------------	---	--

3. Сибирский кластер

Все группы русских, проживавших в Сибири в конце XIX–первой четверти XX в., условно можно разделить на «сибиряков» и «российских» [там же, с. 114, 115].

<p>«Сибиряки»</p>	}	<p>Потомки первопроходцев конца XVI–XVIII вв., первой волны русской колонизации Сибири. Выходцы, как правило, с Европейского Севера и Северного Приуралья, сохранившие основные элементы севернорусской культуры.</p>
-------------------	---	---

<p>«Российские», или «новоселы»</p>	}	<p>Переселенцы XIX в. из центральных и южнорусских губерний России. Численно преобладали над «сибиряками».</p>
-------------------------------------	---	--

По этнотерриториальному признаку русские, проживавшие в Сибири, делились на следующие группы:

<p>Усть-оленинские Усть-янские Верхоянские Усть-елонские</p>	}	<p>Группы русских, проживавших в Якутии, частично ассимилированные коренными народами.</p>
--	---	--

Нижнеколымчане Среднеколымчане (походчане)	}	Группы русских, проживавших на р. Колыме, имевшие ограниченные контакты с местным населением, умножившиеся за счет ссыльных.
Русско-устыинцы (индигирцы, или индигирчики) Марковцы (анадырчики, или анадырцы)		
Якутяне (ямщики, или ленские старожилы)	}	Группа русских, жителей ямщицких селений по р. Лене.
Затундренные крестьяне		
Гижигинцы	}	Группа русских, проживавших по рекам Дудинке и Хатанге, ассимилированные якутами.
Амгинцы		
		Группа русских, потомков казаков, купцов, разночинцев, которые в XVII в. в устье р. Гижиге, впадающей в Охотское море, основали город Гижигинск. Русское население имело тесные контакты с аборигенами, были распространены смешанные браки (с якутами, коряками и др. [там же]).
		Потомки русских первопроходцев и якутов, проживавших с XVIII в. в слободе (затем, селе) Амге, в Якутии, на восточном берегу р. Лены.

4. Дальневосточный кластер

Камчадалы	}	Группа русских, потомков казаков, крестьян и коренных жителей Камчатки ительменов. По переписи 1926 г. их насчитывалось 4217 чел. [2, с. 39].
Албазинцы		
		Потомки казаков-первопроходцев, которые в XVII в. основали Албазинский острог на границе с Китаем, на р. Амур. Были распространены смешанные браки.

5. Среднеазиатский кластер

Уральцы	}	Потомки уральского (яицкого) казачества, переселенные в XVIII в. после разгрома Пугачевского восстания. Проживали по рекам Амударья и Сырдарья. В последующие периоды переместились на территорию Юга Казахстана и всей Средней Азии. Являлись старообрядцами [3, с. 117].

II. Этнословные группы

Этнословные группы – часть русского и украинского этносов, именовавшиеся казаками и сложившиеся как специфическое военно-служилое сословие, отличавшееся не только особым социальным статусом, но и самобытной культурой, традициями, конфессиональной принадлежностью, особенностями хозяйственного уклада, бытовой жизни и наличием значительного количества диалектов. Славянские корни казачества не подлежат сомнению. В составе большинства казачьих сообществ доминировали славянские этносы, составляя около 95 %. Но подпитывались они и представителями народов Кавказа, Средней Азии, Казахстана, Поволжья, Сибири и Дальнего Востока (калмыки, ногаи, татары, кумыки, чеченцы, армяне, башкиры, мордва, туркмены, буряты и др.).

Казаки являлись самыми яркими и многочисленными группами русского этноса, которые отличались по сословному признаку. Как известно, в России в XVIII–начале XX в. казачество было военно-служилым сословием, а казаки представляли собой не только воинов, служилых людей, но и сельских тружеников. Накануне революции 1917 г. существовало 11 казачьих войск – Амурское, Астраханское, Донское, Забайкальское, Кубанское, Оренбургское, Семиреченское, Сибирское, Терское, Уральское и Уссурийское. Таким же статусом обладали Иркутский и Енисейский конные полки, ставшие отдельными войсками в 1917 г. В систему казачьих войск входил Якутский отдельный казачий полк.

По состоянию на 1913 г. в казачьих войсках насчитывалось 9 млн чел., из которых 4 млн, или 46 %, относились к войсковому сословию. Самыми крупными были Всеволокое войско Донское и Кубанское казачье войско, состоявшие из 2,6 млн чел. только служилого сословия [3, с. 123; 8, с. 194]. Казачье происхождение также имели некоторые другие этнические группы.

1. Казаки, члены казачьих войск России и их потомки:

- а) Донские;
 - б) Кубанские;
 - в) Оренбургские;
 - г) Забайкальские;
 - д) Терские;
 - е) Сибирские;
 - ж) Уральские (бывшие яицкие);
 - з) Амурские;
- и) Семиреченские } Вышли из уральских (яицких) казаков, поселившихся в XIX в. в Восточном Казахстане и Северной Киргизии.
- к) Астраханские;
 - л) Уссурийские;
 - м) Енисейские;
 - н) Якутские } Входили в Якутский отдельный казачий полк.

2. Казачьи этнические группы:

- Некрасовцы } Группа донских казаков, которые под предводительством атамана Игната Некрасова, после разгрома Булавинского восстания ушли с Дона на Правобережье Кубани, входившую в состав Крымского ханства. Основная масса некрасовцев оставалась на Кубани до 1770-х гг., потом эмигрировала в Османскую империю [8, с. 304].
- Некрасовцы } Первые группы некрасовцев эмигрировали в Турцию в 1708 г. В изгнании они провели более 250 лет. Некрасовцы начали возвращаться на Родину в 1910–1920-х гг. На Кубани они основали хутор Ново-Некрасовский. Последние группы вернулись в 1962 г. и поселились в Ставропольском крае (поселки Кумская долина и Новокумский) [там же].
- Новосильские } Проживали в Тульской губернии. Имели сложный этногенез и образовались из потомков служилых людей XVI–XVII вв., казаков, стрельцов, пушкарей.

III. Этноконфессиональные группы

Этноконфессиональные группы – общности, возникающие при тесном соприкосновении этноса или его части с конфессией другого народа, живущего на смежных территориях, или принудительном обращении части этноса в другую религию (конфессиональное обособление). Так, христианизация части татарского этноса привела к появлению в его составе этноконфессиональной группы «кряшены» (крещеные татары) и самостоятельного этноса «нагайбаки». Но не всегда принудительное конфессиональное обособление приводит к появлению этноконфессиональных групп. Например, обращение в христианство аборигенных этносов Российского Севера, Сибири и Дальнего Востока не имело таких последствий. Эти народы, приняв христианство, сохранили основные элементы язычества и веру в духов природных явлений, стихий и животных (широкое распространение имели анимизм, шаманизм, тотемизм и др.).

Конфессиональные группы русских, так же как и этнотерриториальные, отличались многообразием. Их можно разделить на старообрядцев, сформировавшихся в православии в XVII в. в результате церковной реформы патриарха Никона, и сектантов.

Существовали три направления раскольников:

- поповщина;
- беспоповщина;
- часовенные старообрядцы.

Они делились на многочисленные течения: толки и согласия [3, с. 110].

1. Поповщина (поповские толки):

- а) Беглопоповцы;
- б) Белокриницкая церковь;
- в) Заволжские старообрядцы;
- г) Бухтарминцы (каменщики);
- д) «Поляки»;
- е) Семейские Забайкалья;
- ж) Кержаки;

- з) Липоване-дунаки } Проживали за границей (Румыния, Болгария), частично вернулись на Родину в середине XX в. вместе с казаками – некрасовцами или под именем последних [8, с. 304].

2. Беспоповщина (беспоповские толки):

- а) Поморский (даниловцы);
- б) Филипповский;
- в) Федосеевский;
- г) Бегунский (страннический);
- д) Кулугуры.

3. Часовенные старообрядцы.

Существовало несколько согласий (школ) по именам основателей – духовных наставников.

В количественном отношении старообрядцев было относительно немного. В конце XIX в. среди населения северных губерний в процентном соотношении они составляли: в Архангельской – 1.8%; Вологодской – 0.58; Вятской – 3.17; Костромской – 2.81; Новгородской – 2.24; Олонекской – 0.81;

Пермской – 7.17; Псковской – 3.17; С.-Петербургской – 0.94% от общего числа населения [3, с. 111].

Ряд этнических групп русских, не затронутых старообрядчеством (раскольничеством), был подвержен влиянию сектантства, религиозных объединений, находившихся в оппозиции к Русской православной церкви. Сектантство в конце XVII–XIX в. было распространено в центральных и южных губерниях, Крыму, на Северном Кавказе, в Закавказье и Сибири. Назовем наиболее известные секты, некоторые из них также имели свои течения (толки):

- 1. Хлысты } Была распространена у донских казаков, откуда перешла в центральные губернии России.
- 2. Субботники } Известны с конца XVII – начала XVIII в. в центральных губерниях, у помещичьих крестьян. Идеи были распространены с середины XVIII в. у государственных крестьян Воронежской губернии. Преследовались властями. Течение в последующие годы распространилось в Малороссии, Закавказье, Сибири и Дальнем Востоке.
- 3. Духоборцы } Течение известно с 60-х гг. XIX в. среди крестьян Тамбовской губернии. Затем оно распространилось на Северном Кавказе, в Крыму, Закавказье, на Дальнем Востоке. Много молокан власти выслали в Сибирь.
- 4. Молокане }

Существовало два толка молокан:

- а) «донские»;
- б) «прыгуны».

- 5. Штундисты } Секта, распространенная с начала XIX в. в Сибири, Тобольской и Томской губерниях. Как молокане и духоборцы, преследовались властями.

Старообрядцы и сектанты в Европейской России к середине XIX в. насчитывали 759 880 чел. (из 74 271 205 чел. всего населения России), на Кавказе – 52 814 чел. [там же, с. 113].

По данным 1869 г., в Западной Сибири проживало 49 261 раскольник из 2 743 157 чел., населявших регион. Все они относились к беспоповским толкам [там же, с. 115].

IV. Этнографические группы

Этнографические группы – часть народа, возникающая при значительном расширении этнической территории (экспансия, освоение новых земель и др.) и отличающаяся отдельными элементами культуры, быта и языковыми особенностями (наличие диалектов, говоров, наречий). Этнографические группы могут быть также рудиментом не до конца исчезнувших этнических групп. В этом случае они существуют длительное время и проявляют себя в культурной и религиозной жизни (фольклорные ансамбли, религиозные общины, культурные автономии и др.). С другой стороны, этнографические группы с течением времени могут приобрести новые, существенные элементы «материнского» этноса и трансформироваться в полноценную этническую группу (русско-устыинцы, марковцы, поморы и др.).

Ниже будут представлены этнографические группы русских, которых нельзя отнести к территориальным, религиозным или сословным сообществам. Они, как правило, представляют собой следы исчезающих или исчезнувших полноценных этнических групп. Своеобразие еще присут-

ствуется в образе жизни, элементах материальной и духовной культуры, языковых особенностях, но они уже ассимилированы окружающим народом (народами) или, наоборот, становятся «полноценными» русскими.

К группам, еще существовавшим в конце XIX–начале XX в., можно отнести:

1. Устьцилемы (усть-цилемцы) } Группы, близкие к поморам. Начиная с XIV–XVI вв. территориальные группы на Русском Севере долго именовались географическими терминами (белозеры, вычегодцы, онежане, двиняне, устюжане и др.).
- Пустозеры }
Ильменские поозеры }
2. Водлозеры } Группы русских, переселившиеся в Карелию начиная с XVI в., и сохранявшие длительное время свою самобытность, несмотря на смешение с аборигенным населением.
- Выгозеры }
Заонежане }
3. Гураны } Группы русских Забайкалья. Гураны являлись потомками русских мужчин и эвенкийских (тунгусских) женщин. Кударинские – русских и буряток.
- Кударинские }
русские }
4. Челдоны } Потомки первых сибирских переселенцев XVI–XVII вв. с особым менталитетом, ценившими, прежде всего, волю и интересы общины. По одной из версий, были выходцами с Дона, где проживали по рекам Чалка и Дон [4, с. 187].
- (чалдоны, }
чолдоны) }

На настоящий момент большинство субэтносов прекратили свое существование, соединившись с материнским этносом. Но и сегодня существуют отличия одних русских от других, живущих в разных регионах одной страны. Они различаются по говорам, фольклору, обрядам жизненного цикла, особенностям менталитета, структуре питания, разным представлениям о качестве жизни и приоритетах духовных ценностей и др.

Но некоторые субэтноты живы до сих пор. Об этом, в частности, говорят переписи населения. По Всероссийской переписи населения 2010 г., указывая свою национальность, некоторые русские обратили внимание и на принадлежность к этнической группе: буртасы, ведрусы, горюны, горяне, гураны, духоборы, дырники, затундренные крестьяне, индигирцы, карымы, кержаки, колымчане, красноверцы, кулугуры, липоване, молукане, нууча, обские старожилы, русско-устыинцы, семейские, сибиряки, скобари, смоляки, староверы, тютнярцы, чалдоны, челдоны, якутяне.

Очень пестрая этническая картина. Большинство групп узнаваемы и отрадно, что эти названия и не только живы в сознании потомков. Правда, есть и весьма реликтовые группы. Например, скобари. Это даже не группа, а собирательное разговорное название жителей Пскова и Псковщины, которое давно устарело.

Обратим внимание, что в названии некоторых этнических групп раньше и теперь присутствует этноним «русские». Как своеобразная этническая метка, знак принадлежности к великой нации. Например, русско-устыинцы, кударинские русские, русские поморы, русская мещера, русские казаки и др.

Особняком в этом ряду стоят казаки, поморы и камчадалы, указанные отдельными строками. Они, по переписи

2010 г., насчитывали соответственно 67 533, 3113 и 1927 чел. [9, с. 9–21].

Во-первых, это говорит о наличии у этих групп глубоких исторических корней и стабильном субэтническом самосознании. На волне возрождения казачества, в начале 1990-х гг., около 1 млн жителей Краснодарского края, т. е. каждый пятый, самоидентифицировали себя в качестве потомков казаков, заявили о своей принадлежности к казачьему сословию («казачьему роду»). Во-вторых, это стало следствием заботы государства о коренных малочисленных народах, народах, подвергшихся репрессиям. В частности, в отношении казачества была принята Федеральная целевая программа государственной поддержки казачьих обществ на 1999–2000-е гг., им выделялись земельные наделы, оказывалась широкая нормативно-правовая, организационная и экономическая помощь [10, с. 489–509].

Сегодня этническое разнообразие русских проявляется в многочисленных диалектах, говорах, наречиях, фольклоре, обрядах, обычаях, традициях, разнообразной духовной и материальной культуре [11, с. 118, 119]. В том числе в этих элементах отражается история русского этноса и его многочисленных субэтносов. Они говорят о сложном, длительном пути сотен народов, этнических групп к единой нации, обладающей общерусским самосознанием, великим русским языком, являющимся языком межнационального общения во многих странах, уникальной историей и культурой.

Источники и литература

1. Поляков, Ю. А. Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население / Ю. А. Поляков. – Москва: Наука, 1986. – 272 с.
2. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XVII. Союз Советских Социалистических Республик. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. – Москва: Издание ЦСУ Союза ССР, 1929. – 111 с.
3. Русские / отв. ред. В. А. Александров, И. В. Власова, Н. С. Полищук. – Москва: Наука, 1999. – 828 с.
4. Ремчуков, В. Н. Толковый казачий словарь / В. Н. Ремчуков. – Волгоград: Станица – 2, 2011. – 208 с.
5. Бузин, В. С. Малые этнические и этнографические группы / В. С. Бузин, С. Б. Егоров // Сб. статей, посвященный 80-летию со дня рождения проф. Р.Ф. Итса (Историческая этнография. Вып. 3). – Санкт-Петербург: Новая Альтернативная Полиграфия, 2008. – С. 308–346.
6. Народы России: Энциклопедия / гл. ред. В. А. Тишков. – Москва: Большая Российская энциклопедия, 1994. – 479 с.
7. Большая Российская энциклопедия: В 30 т. / Председатель Научно-ред. совета Ю. С. Осипов; отв. ред. С. Л. Кравец. Т. «Россия». – Москва: Большая Российская энциклопедия, 2004. – 1007 с.
8. Энциклопедия Кубанского казачества / под общ. ред. В. Н. Ратушняка. – Краснодар: Традиция, 2011. – 504 с.
9. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.: в 11 т. / Федер. служба гос. статистики. Т. 4. Националь-

ный состав и владение языками, гражданство. Кн. 1. – Москва : ИИЦ «Статистика России», 2012. – 847 с.

10. Бугай, Н. Ф. Проблемы национальной политики Российской Федерации : состояние изучения, опыт регулирования этнических процессов (1990-е – 2015 гг.) / Н. Ф. Бугай. – Москва : Аквариус, 2022. – 695 с.
11. Кропачев, С. А. Этнос России по Всесоюзной переписи населения 1926 г. : справочно-информационное издание / С. А. Кропачев. – Москва : Директ-Медиа, 2022. – 132 с.

References

1. Polyakov, Yu. A. Sovetskaya strana posle okonchaniya grazhdanskoj voyny: territoriya i naselenie [Soviet country after the end of the Civil War: territory and population] / Yu. A. Polyakov. – Moscow: Nauka, 1986. – 272 p.
2. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 g. [All-Union Population Census of 1926]. Vol. XVII. Union of Soviet Socialist Republics. Nationality. Native language. Age. Literacy. – Moscow: Edition of Central Statistics Office of the USSR, 1929. – 111 p.
3. Russkie [The Russians]. – Moscow: Nauka, 1999. – 828 p.
4. Remchukov, V. N. Tolkovii kazachii slovar' [Explanatory Cossack dictionary] / V. N. Remchukov. – Volgograd: Stanitsa – 2, 2011. – 208 p.
5. Buzin, V. S. Malie etnicheskie i etnograficheskie gruppy [Small ethnic and enographic groups] / V. S. Buzin, S. B. Egorov // Collection of papers dedicated to the 80th birth anniversary of Prof. R.F. Its (Historical Ethnography. Issue 3). – St. Petersburg: New Alternative Polygraphy, 2008. – P. 308-346.
6. Narody Rossii: enciklopediya [Peoples of Russia: Encyclopedia] / Ch. Ed. V. A. Tishkov. – Moscow: Great Russian Encyclopedia, 1994. – 479 p.
7. Bolshaya Rossiiskaya enciklopediya [Great Russian Encyclopedia]: in 30 volumes. Vol. "Russia". – Moscow: Great Russian Encyclopedia, 2004. – 1007 p.
8. Enciklopediya Kubanskogo kazachestva [Encyclopedia of the Kuban Cossacks] / Ed. V.N. Ratushnyak. – Krasnodar: Tradition, 2011. – 504 p.
9. Itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2010 g. [Results of the All-Russian Population Census of 2010]: in 11 volumes / Federal State Statistics Service. Vol. 4. National composition and language proficiency, citizenship. Book 1. – Moscow: "Statistics of Russia" Publ. Center, 2012. – 847 p.
10. Bugai, N. F. Problemy nacionalnoi politiki Rossiiskoi Federacii: sostoyanie izucheniya, opyt regulirovaniya etnicheskikh processov (1990-e – 2015 gg.) [Problems of national policy of the Russian Federation: state of study, experience in regulating ethnic processes (the 1990s – 2015)] / N. F. Bugai. – Moscow: Aquarius, 2022. – 695 p.
11. Kropachev, S. A. Etnosy Rossii po Vsesoyuznoi perepisi naseleniya 1926 g.: spravochno-informacionnoe izdanie [Ethnoses of Russia according to the All-Union Population Census of 1926: reference and information publication] / S. A. Kropachev. – Moscow: Direct-Media, 2022. – 132 p.

Информация об авторе:

Кропачев Сергей Александрович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, Scopus Autor ID: 38261839200, <http://orcid.org/0000-0002-2655-4779> (117036, Российская Федерация, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19; e-mail: rektor@eipk.info).

Author:

Sergei A. Kropachev – Dr. Sci. (History), Leading Researcher at the Institute of Russian History, RAS, Scopus Autor ID: 38261839200, <http://orcid.org/0000-0002-2655-4779> (19, Dm. Ulyanov st., Moscow 117036, Russian Federation; e-mail: rektor@eipk.info).

Для цитирования:

Кропачев, С. А. Локальные группы русского этноса в конце XIX–первой четверти XX века: историко-демографическое исследование / С. А. Кропачев // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Историческая демография». – 2023. – № 8 (66). – С. 34–39.

For citation:

Kropachev, S. A. Local groups of the Russian ethnos at the end of the XIX–first quarter of the XX centuries: hisatorical and demographic research / S. A. Kropachev // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "Historical demography". – 2023.- No. 8 (66).- P. 34–39.

Дата поступления статьи: 07.09.2023

Прошла рецензирование: 11.09.2023

Принято решение о публикации: 14.09.2023

Received: 07.09.2023

Reviewed: 11.09.2023

Accepted: 14.09.2023

К вопросу о переселенческой политике на Европейском Севере России в начале XX века (на примере Архангельской губернии)

О. А. Куратов

ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
olegkuratov@mail.ru

Аннотация

В статье рассмотрены вопросы, связанные с государственными мерами в области переселенческой политики на территории Европейского Севера России в начале XX в. (на примере Архангельской губернии). Особое внимание уделено правовой базе, политическим и экономическим факторам, влиявшим на процесс переселения. Также исследованы основные этапы формирования правовых основ переселенческой политики российского правительства в указанный период, проанализированы законодательные решения царской власти и их значение. В статье автор демонстрирует влияние переселенцев на методы и формы хозяйствования, а также изменения в государственной политике в условиях нарастающего общенационального кризиса.

Ключевые слова :

переселенческая политика, начало XX в., Европейский Север России, Архангельская губерния

Вторая половина XIX в. в России характеризовалась обострением противоречий между развивающимся капитализмом и пережитками крепостничества, ускоряя процесс обезземливания крестьянства, в связи с чем возросла роль слабо развитых в сельскохозяйственном отношении территорий страны в приеме переселенцев, которые искали свободные, удобные и доступные для разработки земли. При этом в пореформенную эпоху миграционная политика государства менялась и развивалась. Внутренние миграции населения в Российской империи были до определенного момента бессистемными, а самовольные переселения государство пресекало. Центральные государственные органы не были организационно структурированы, а законодательная база, регулирующая миграционные процессы, не разработана.

В начале 1880-х гг. произошли заметные изменения в отношении правительства к переселенческой проблеме, вызванные рядом факторов [1, с. 115]. Среди них особо выделяются обострение социальных противоречий в сельской местности в конце 1970–начале 1980-х гг., а также развитие железнодорожного строительства, благодаря

On the issue of resettlement policy in the European North of Russia at the beginning of the XX century (case study of Arkhangelsk Province)

O. A. Kuratov

Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar
olegkuratov@mail.ru

Abstract

The paper deals with issues related to state measures in the field of resettlement policy in the territory of the European North of Russia at the beginning of the XX century (case study of Arkhangelsk Province). Particular attention is paid to the legal framework, political and economic factors that influenced the resettlement process. The main stages of the formation of the legal foundations of the resettlement policy of the Russian government during this period are also investigated, legislative decisions of the tsarist government and their significance are analyzed. The paper demonstrates the influence of immigrants on the methods and forms of management, as well as changes in state policy in the context of the growing national crisis.

Keywords :

resettlement policy, early XX century, European North of Russia, Arkhangelsk Province

которому Урал и Зауралье стали значительно ближе к центральным губерниям [2, с. 230].

10 июля 1881 г. утверждены «Временные правила о переселении крестьян на свободные казенные земли» [3]. Согласно этому документу, было разрешено переселение на свободную казенную землю тех крестьян, которые нуждались в этом из-за своего экономического положения, в основном малоземельных, на условиях краткосрочного пользования (6–8 лет) до 8 десятин на душу с выплатой поземельного оброка. При этом переселенцы сохраняли все свои прежние недоимки. В 1883 г. правительство предложило губернаторам высказать свои мнения по улучшению «Временных правил». В итоге было решено, что государству необходимо активнее вмешиваться в переселенческие процессы с целью предоставления земли преимущественно крестьянам из экономически неблагополучных губерний и уездов.

Принятый 13 июля 1889 г. закон «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли и о порядке перечисления лиц означенных сословий, переселившихся в прежнее время» сделал легальный ста-

тус переселенцев более привлекательным, предоставляя возможность получения денежных ссуд на обустройство хозяйства и практически не ограничивающий в вариантах использования ресурсов на осваиваемой территории [4, с. 535]. Наличие соответствующих нормативно-правовых актов указывает на то, что правительственные органы были готовы взять на себя контроль над переселенческими мероприятиями и признали их как задачу общегосударственного значения. Это подтверждается принятием закона от 6 июня 1904 г. – «Временных правил о добровольном переселении сельских обывателей и мещан-землевладельцев», согласно которому прежняя политика препятствий и прямого запрета переселений была заменена политикой их поощрения и активизации [5, с. 723].

Таким образом, на рубеже XIX и XX вв. подходы к реализации переселенческих мероприятий были скорректированы, и в деятельности правительства можно наблюдать общую тенденцию – миграционный процесс был подчинен интересам решения аграрного вопроса как неотъемлемой части экономического развития государства. Представляет интерес изучение процесса реализации переселенческой политики на территории севера Европейской России, к которой в том числе относится Архангельская губерния, и которая в известной степени оставалась в стороне от процесса массовой крестьянской миграции.

Основным источником информации по истории внутренней миграции в Архангельской губернии в начале XX в. являются материалы губернского Управления государственных имуществ, которое с 1905 г. находилось в ведении центрального учреждения – Главного управления землеустройства и земледелия. Делопроизводственные документы, содержащие сведения о работе Управления, располагают ценными сведениями о количестве населения, деревень, землевладений крестьян, их переселении.

После издания Высочайшего указа от 4 марта 1906 г., появилось новое административное учреждение, которое занималось вопросами землеустройства и землепользования. Этот указ предусматривал создание губернских и уездных землеустроительных комиссий, определяя их структуру и компетенцию. Хотя формально эти комиссии подчинялись Главному управлению землеустройства и земледелия, на практике они были межведомственными организациями. Губернская землеустроительная комиссия действовала под прямым контролем губернатора. Комиссии определяли потребность крестьян в земле, участвовали в решении вопросов о приобретении имений банком, определяли стоимость земли и оказывали помощь крестьянам в процессе его покупки. Также комиссии могли оказывать содействие крестьянам в переселении на государственные земли, в аренде таких земель помогали улучшить ее использование и разрешали спорные вопросы между общиной и частными владельцами. Правительство разрабатывало нормативную базу для работы этих учреждений, предоставляя губернаторам различные инструкции, которые устанавливали задачи и полномочия губернских и уездных землеустроительных комиссий.

Порядок устройства земельного быта населения в пределах северных и северо-восточных губерний Европей-

ской России были предусмотрены циркуляром Главного Управления землеустройства и земледелия № 21 от 30 мая 1908 г. Согласно данному документу, губернаторам предоставляется право окончательного разрешения ходатайств крестьян о переселении. Управление государственных имуществ губернии являлось контролирующим процесс переселения органом, ведущим учет казенных участков. Что же касается иногубернских крестьян, то порядок переселения их был установлен примечанием 2 к статье 2 «Правил о переселении на казенные земли». Согласно ему, Главное управление землеустройства и земледелия может образовывать из казенных земель участки для «водворения переселенцев в тех местностях Европейской России, где нарезка таковых участков будет признана возможною» [6]. В случае возникновения противоречий между решениями губернского Управления и губернатора спор разрешался Главным управлением землеустройства и земледелия.

С точки зрения крестьянской переселенческой активности Архангельская губерния имеет свои особенности. Несмотря на значительную площадь, население губернии было невелико, и на ее территории имелись обширные пустующие пространства, пригодные для сельскохозяйственной обработки. Так, например, в конце XIX в. Печорский уезд Архангельской губернии был одной из самых слабозаселенных территорий Европейского Севера России – по данным переписи 1897 г., здесь проживало всего 35 тыс. чел. [7, с. 34]. Поэтому переселение местных крестьян на восток здесь не носило столь масштабный характер, как в центральных губерниях России, и запрос на свободную землю частично компенсировался за счет миграций внутри губернии. Тем не менее отток населения имел место в связи с климатическими условиями местности. В своей статье о Печорском уезде для Брокгауза и Ефрона Н.В. Латкин отметил, что климат в крае суровый, а лето длится всего 2.5 месяца. Кроме того, по словам Латкина, земледелие является только дополнительным способом заработка для жителей, и то только в южной части края [8, с. 549].

Местная власть при этом видела перспективу в притоке мотивированного к труду населения для дальнейшего экономического развития края. Интерес к северным территориям постепенно возрастал, и в 1910 г. по инициативе Главноуправляющего землеустройством и земледелием А.В. Кривошеина в Архангельской губернии с помощью ресурсов губернского Управления проводится масштабное исследование, направленное на выработку административных мер по вопросу образования переселенческих участков для крестьян из других губерний, а также участков для продажи. В рамках исследования с каждого уезда губернии собирались сведения о количестве поданных прошений о переселении за период с 1900 по 1910 г. (как о переселении внутри уездов, так и извне), а также о количестве неразрешенных дел по прошением крестьян. К конкретным и быстрым решениям данное исследование, однако, не привело, а дальнейшие политические события затормозили процесс решения аграрного вопроса в стране.

Таким образом, в начале XX в. правительственная политика по вопросу переселения крестьян начала изменяться путем смягчения запретительных норм для крестьян-переселенцев и упорядочения механизма наделения крестьян участками казенной земли. Этот процесс был связан с аграрным кризисом, малоземельем и избытком рабочей силы в центральных губерниях страны. Цель этой политики – рационализация и поощрение миграции в восточном направлении, что следовало общей логике развития аграрного сектора в России. Архангельская губерния, а также и другие северные губернии в целом, а особенно те их уезды, которые располагались на Крайнем Севере, оставались на периферии основного переселенческого потока. При этом новые управленческие механизмы решения проблемы крестьянского малоземелья позволяли местной власти эффективнее распределять ресурсы казенного земельного фонда с учетом своих экономических интересов.

Источники и литература

1. Грицай, В. В. Основные тенденции развития миграционных процессов в Российской империи в конце XIX – начале XX в. / В. В. Грицай, И. В. Яблонский // Общество и право. – 2019. – № 1 (67). – С. 114–118.
2. Есикова, М. М. Аграрный кризис конца XIX – начала XX века / М. М. Есикова // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2009. – № 3. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/agrarnyy-krizis-kontsa-hih-nachala-hh-veka> (дата обращения: 28.08.2023).
3. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Третье. Т. I. 1881 г. – Санкт-Петербург : Государственная типография, 1891. – URL : <https://runivers.ru/bookreader/book10002> (дата обращения : 28.08.2023).
4. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Третье. Т. IX. 1889 г. – Санкт-Петербург : Государственная типография, 1891. – URL : <https://runivers.ru/bookreader/book10002> (дата обращения : 28.08.2023).
5. Полный свод законов Российской империи в 2-х книгах / под ред. А. А. Добровольского. – Санкт-Петербург : издание книжного магазина «Законоведение», 1911. – Т. IX, Кн. XVIII. – URL : <https://www.prilib.ru/item/358704> (дата обращения: 28.08.2023).
6. ГААО. Ф. 115. Оп. 11. Д. 1026. Л. 6 об.
7. Вишнякова, Д. В. Половозрастная структура населения Коми края (по материалам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.) / Д. В. Вишнякова // Известия Коми научного центра УрО РАН. Серия «История и филология». – 2020. – № 5. – С. 33–41.
8. Латкин, Н. В. Печорский уезд / Н. В. Латкин // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXIIIа. – Санкт-Петербург, 1898. – С. 548–550.

References

1. Gritsai, V. V. Osnovnye tendencii razvitiya migracionnyh processov v Rossijskoj imperii v konce XIX – nachale XX v. [The main trends in the development of migration processes in the Russian Empire in the late XIX – early XX century] / V. V. Gritsai, I. V. Yablonsky // Obshchestvo i pravo [Society and Law]. – 2019. – No.1 (67). – P. 114–118.
2. Esikova, M. M. Agrarnyj krizis konca XIX – nachala XX veka [Agrarian crisis of the late XIX – early XX century] / M. M. Esikova // Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo social'no-ekonomicheskogo universiteta [Bull. of Saratov State Socio-Economic Univ.]. – 2009. – No.3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/agrarnyy-krizis-kontsa-hih-nachala-hh-veka> (accessed: 28.08.2023).
3. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sbranie Tre'te. [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 3]. – Vol. I. – 1881. – St.Petersburg: State Printing House, 1891. – URL: <https://runivers.ru/bookreader/book10002> (accessed: 28.08.2023).
4. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sbranie Tre'te. [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 3]. Vol. IX. 1889. – St. Petersburg: State Printing House, 1891. – URL: <https://runivers.ru/bookreader/book10002> (accessed: 28.08.2023).
5. Polnyj svod zakonov Rossijskoj imperii v 2-h knigah [Full Code of Laws of the Russian Empire in 2 books]. Ed. A.A. Dobrovolsky. – St.Petersburg: Bookstore edition “Zakonovedenie” (Law), 1911. – Vol. IX. Book XVIII. – URL: <https://www.prilib.ru/item/358704> (accessed: 28.08.2023).
6. ГААО [State Archive of the Arkhangelsk region]. F. 115. Op. 11. D. 1026. L. 6 ob.
7. Vishnyakova, D. V. Polovozrastnaya struktura naseleniya Komi kraja (po materialam Pervoj vseobshchej perepisi naseleniya Rossijskoj imperii 1897 g.) [Gender and age structure of the population of the Komi Territory (based on the materials of the First national census of the Russian Empire of 1897)] / D. V. Vishnyakova // Izvestiya Komi Nauchnogo centra UrO RAN. Seriya «Istoriya i filologiya» [Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS. Series “History and Philology”]. – 2020. – No. 5. – P. 33–41.
8. Latkin, N. V. Pechorskij uezd [Pechora Uyezd] / N. V. Latkin // Enciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona [Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron]. Vol. XXIII. – St. Petersburg, 1898. – P. 548–550.

Благодарность (госзадание):

Исследование выполнено в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН по теме «Трансформации общества, власти и экономики на Европейском Северо-Востоке России» (номер государственного учета 122040800166-0).

Acknowledgements (state task)

The research was carried out within the frames of the implementation of the state task of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS on the topic "Transformations of society, government and economy in European North-East of Russia" (state registration No. 122040800166-0).

Информация об авторе:

Куратов Олег Александрович – младший научный сотрудник сектора историко-демографических и историко-географических исследований Российского Севера Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук; ORCID: 0000-0002-2575-0698 (167000, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: olegkuratov@mail.ru)

Author:

Oleg A. Kuratov – Junior Researcher of the Sector of Historical-Demographic and Historical-Geographical Research of the Russian North, Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences; ORCID: 0000-0002-2575-0698 (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Komi Republic, Russian Federation; e-mail: olegkuratov@mail.ru)

Для цитирования:

Куратов, О. А. К вопросу о переселенческой политике на Европейском Севере России в начале XX века (на примере Архангельской губернии) / О. А. Куратов // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Историческая демография». – 2023. – № 8 (66). – С. 40-43.

For citation:

Kuratov, O. A. On the issue of resettlement policy in the European North of Russia at the beginning of the XX century (case study of Arkhangelsk Province) / O. A. Kuratov // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series «Historical demography». – 2023. – No. 8 (66). – P. 40-43.

Дата поступления статьи: 25.09.2023

Прошла рецензирование: 28.09.2023

Принято решение о публикации: 02.10.2023

Received: 25.09.2023

Reviewed: 28.09.2023

Accepted: 02.10.2023

Миграции населения Коми автономии в 1920–1930-е годы

Н. П. Безносова¹, И. Л. Жеребцов², В. А. Саблин³

¹ Независимый исследователь,
г. Москва

² ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар

³ Вологодский государственный университет
г. Вологда

nbeznoсова@mail.ru
zherebtsov@mail.illhkomisc.ru
sablin@inbox.ru

Аннотация

В статье исследованы внутренние и внешние миграции населения в Коми автономии со времени ее создания в 1921 г. до конца 1930-х гг. Авторы рассмотрели некоторые характеристики миграционных процессов в Коми автономии 1920–1930-х гг.: направленность миграций, роль внутренних и внешних, добровольных и принудительных миграций в 1920-е и 1930-е гг., соотношение миграционного и естественного приростов, влияние миграций на расширение заселенной территории и этнический состав населения, основные типы новых поселений. Отмечено, что в 1920-х гг. миграционный прирост уступал естественному. Миграционные процессы, возникновение новых поселений и расширение заселенной территории происходили за счет внутренних демографических ресурсов в ходе добровольных переселений и сельскохозяйственной колонизации неосвоенных ранее земель. В 1930-е гг. миграционный прирост преобладал над естественным за счет принудительного вселения в регион спецпереселенцев и заключенных, направляемых для работы на добычу леса, освоение угольных и нефтяных месторождений и строительство. К концу 1930-х гг. изменились система поселений и этнический состав населения Коми автономии.

Ключевые слова :

переселения, Коми автономия, внутренняя колонизация, сельские поселения, принудительные миграции, спецпереселенцы, заключенные, прирост населения, этнический состав

Миграционные потоки оказывают огромное влияние на динамику численности, этнический, половозрастной и социальный составы населения, его размещение по территории, на изменение соотношения городского и сельского населения и т. д. Коми автономия принадлежала к регионам с интенсивной миграцией населения, поэтому изучение миграционных процессов имеет очень важное

Migrations of the population of the Komi Autonomy in the 1920s–1930s

N. P. Beznosova¹, I. L. Zherebtsov², V. A. Sablin³

¹ Independent researcher,
Moscow

² Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar

³ Vologda State University,
Vologda

nbeznoсова@mail.ru
zherebtsov@mail.illhkomisc.ru
sablin@inbox.ru

Abstract

The internal and external migrations of the population in the Komi Autonomy from the time of its creation in 1921 to the end of the 1930s are studied. The authors considered some characteristics of migration processes in the Komi Autonomy of the 1920s – 1930s: the direction of migrations, the role of internal and external, voluntary and forced migrations in the 1920s and 1930s, the ratio of migration and natural increase, the influence of migrations to expand the populated territory and the ethnic composition of the population, the main types of new settlements. It is noted that in the 1920s migration growth was inferior to natural one. Migration processes, the emergence of new settlements and the expansion of the populated territory occurred due to internal demographic resources during voluntary resettlement and agricultural colonization of previously undeveloped lands. In the 1930s migration growth prevailed over natural growth due to the forced resettlement of special settlers and prisoners into the region, sent to work in timber extraction, development of coal and oil fields and construction. By the end of the 1930s the system of settlements and the ethnic composition of the population of Komi Autonomy changed.

Keywords :

resettlement, Komi Autonomy, internal colonization, rural settlements, forced migrations, special settlers, prisoners, population growth, ethnic composition

значение для воссоздания полной картины ее демографического развития.

Проблемы демографического развития населения Коми региона в XX в. получили освещение в трудах В. П. Подоплелова [1], В. В. Фаузера [2 и др.], И. Л. Жеребцова [3; 4 и др.], Н. М. Игнатовой [5–8 и др.], Н. П. Безносовой [9 и др.], Д. В. Вишняковой [10–12 и др.] и иных исследова-

телей. Историография проблемы достаточно подробно рассмотрена в серии специальных статей [13–17]. Особо следует отметить обстоятельную разработку вопросов численности и воспроизводства населения в коллективной монографии «Численность и воспроизводство населения Республики Коми во второй половине XIX–XX в.: историко-демографические и историко-географические исследования Российского Севера» [18], а также межрегиональном научном сборнике «Динамика численности городского и сельского населения России» [19]. Миграционные процессы получили сравнительно меньшее освещение, но ряд важных аспектов (связанных, в первую очередь, с принудительными миграциями) стал предметом изучения [20–24].

Цель настоящей статьи – рассмотреть некоторые характеристики миграционных процессов в Коми автономии 1920–1930-х гг.: направленность миграций, роль внутренних и внешних, добровольных и принудительных миграций в 1920-е и 1930-е гг., соотношение миграционного и естественного прироста, влияние миграций на расширение заселенной территории и этнический состав населения, указать основные типы новых поселений.

В 1920 г., накануне создания Коми автономии, территория современной Республики Коми входила в состав нескольких административно-территориальных единиц: Яренского и Усть-Сысольского уездов Северо-Двинской губернии (с центром в Великом Устюге), Печорского и Усть-Вашского уездов Архангельской губернии, Чердынского уезда Пермской губернии, Орловского уезда Вятской губернии. Большая часть этой территории вошла в образованную в 1921 г. Коми автономную область [25]. Однако окончательное складывание внешних границ Коми автономии заняло длительный промежуток времени и в рассматриваемый период (1920–1930-е гг.) не завершилось. Верхнепечорские волости вошли в состав Коми автономии в несколько этапов в 1922–1950-е гг. В районе водораздела Вычегды и Камы вопрос с административным подчинением ряда населенных пунктов был решен в 1951 г. Граница Коми автономии на Лузе и Летке в основном сформировалась в 1929–1943 гг., окончательно – в 1961 г. В верхнем течении р. Сысолы граница автономии оформилась в 1959 г. Формирование северных границ Коми автономии происходило с 1922-го по 1960-й г. [26]. В настоящей работе рассматривается территория, входившая в изучаемое время сначала в состав Коми автономной области, а затем – в образованную в 1936 г. Коми АССР.

По данным Коми областного статистического бюро, на 1 января 1921 г. на территории, вошедшей в августе 1921 г. в Коми автономную область, проживало 181 тыс. чел. [27] – на 11 тыс. чел. меньше, чем до начала гражданской войны в 1918 г. [28]. Коми область оставалась одним из самых малонаселенных регионов европейской России. По переписи 1926 г. в Коми автономной области насчитывалось 225,6 тыс. чел. Средняя плотность населения составляла 0,5 чел. на 1 кв. версту. Сельское население насчитывало 95,6 %; в области имелись три город-

ских поселения: г. Усть-Сысольск и поселки городского типа Кажим и Ньючим [18, с. 75].

Общий прирост населения Коми АО в 1921–1926 гг. составил 33,5 тыс. чел., в том числе сельского – 31,5 тыс. чел., городского – около 2 тыс. чел. [29, л. 12, 17]. В отличие от городской местности, где миграционный прирост на протяжении 1921–1926 гг. был положительным, в сельской местности этот показатель не имел стабильности (табл. 1). В 1921–1923 гг. в городской местности миграционный прирост на протяжении всех лет существенно превышал естественный. В 1924–1925 гг. разница между миграционным и естественным приростами населения заметно сократилась, а в 1926 г. миграционный прирост уступил место естественному. В целом за 1921–1926 гг. миграционный прирост в городских поселениях был более чем в два раза выше естественного. В сельской местности в 1921–1922 гг. миграционный прирост также существенно превышал естественный. В последующие годы решающую роль в общем приросте населения играл естественный прирост. В 1923–1924 и 1926 гг. на селе наблюдается отрицательный миграционный прирост. В 1921–1926 гг. миграционный прирост на селе составил 32,3 % общего прироста, естественный – 67,7 %.

Основная часть жителей Коми АО в 1920-е гг. сосредоточена в селениях, расположенных на берегах основных рек: Вычегды, Сысолы, Выми, Вашки, Мезени, Лузы, Летки, Печоры, Ижмы. На их притоках селений имелось немного, и они, как правило, были небольшими. Это оставляло простор для внутренней колонизации не только на менее освоенных просторах Ижмо-Печорского края, но и в старожильческих районах. Переселения стимулировались нехваткой удобных для сельского хозяйства площадей вблизи существовавших населенных пунктов. В условиях несовершенства орудий крестьянского труда и сельскохозяйственных технологий (существовавшая экономика крестьянского двора на севере нуждалась в модернизации [30, 31]), а также неразвитой местной промышленности относительно избыточное население районов старого проживания могло найти применение своему труду и об-

Таблица 1
Естественный и миграционный приросты населения
Коми автономной области за 1921–1926 годы, чел.

Table 1
Natural and migration growth of the population
of Komi Autonomous Area for 1921–1926 (people)

Годы	Городское население		Сельское население	
	Естественный прирост	Миграционный прирост	Естественный прирост	Миграционный прирост
1921	91	460	2819	7516
1922	97	306	3191	6012
1923	80	208	1881	-185
1924	101	136	4188	-1729
1925	107	125	3181	1262
1926	144	128	6090	-2695
Прирост за 1921–1926 гг.	620	1363	21350	10181

Источник: [29, л. 12, 17].
Source: [29, l. 12, 17].

ретенение «жизненного пространства» только на необжитых землях – на починках, выселках, хуторах в относительной близости от старых волостных центров и в более отдаленных окраинных районах.

В 1920–1925 гг. количество сельских населенных пунктов в Коми (в сопоставимых границах) выросло более чем на две сотни. Большинство новых селений появилось на Летке, Лузе и Сысоло. Размеры территории на верхней Летке, заселенной коми, значительно увеличились. В Летской волости в 1920–1925 гг. было основано 29 починков: Абрамстан, Ворчанка, Вылынкерос, Гайнатылашор, Горакерос, Градобоевский, Гыбад, Денюкполе, Евкашор, Иванчик, Изьяель, Казаковский, Кокочиха, Комаровка, Лоббож, Лобдин, Лунвож, Орцасель, Рузгаельусти, Ручкерос, Симоновская, Сордкардон, Струбакоджд, Турилиц, Уленька, Черемиска, Чукилево, Цапля, Ягпашняшор. В 1926–1930 гг. к ним добавились еще девять: Барский, Бебера, Вождин, Гришпущук, Верхний Кузьнорыс, Кузьнорыс, Огаппикоджд, Полелог, Шуттемельусти [32, с. 163–210; 33].

В самых верховьях Лузы в 1920–1925 гг. возникли 11 починков (Багай, Ботовка, Верхний Вазюк, Копышево, Яганово и др.). В Вильгортской волости в 1920–1925 гг. образованы починки Анькыща, Брагашор, Вожаелью (Луч), Денисовский, Красная звезда, в 1926 г. к ним добавился починок Кокыль. В Визингской волости в 1920–1925 гг. появились починки Копса, Кумлос (Нильвидзь), Лысьчомшор, Чурк, в Ибской волости – Гарьяяг, Гордшорбок, Гырочшор, Каргортдал, Кумбок, Лопикерос, Начера, Сергейтыла, Юскалоп. В Киберской волости к 1926 г. возникли починки Аньгаусти, Вольшорил, Илью, Куритчан, Пятково, Растегай, Рытбомвож, Седняйтбок, Сердьюмодпол, Сизьвидзь, Улляншор, Шугром, Ыджыдшордор, Якимтуй. На р. Кобре к 1929 г. основаны починки Мишуньполе (Сарга), Потанбандор и Суран второй [23; 32, с. 163–210].

На Ижме к 1929 г. возникли выселки Лёвагоп (Офоньдор), Раскурья (Раскурьяберд), Раскурья-и, Усть-Тобыш, Катыдвидзьдиюр, Владь-Вась, Кинишма, Ельгорд. Вежавож, Нибыль и Переволок. На Усе и Колве к 1925 г. появились выселки Дяг, Исак (Виктор), Пищаль (Няша), Хыльма, Циль-Егор, Пагаювом, Егор-Вань, Илья-Вань. Некоторые ранее существовавшие селения прекратили свое существование в 1920–1925 гг.: выселки Васьявисвом, Луньдиюр (Беляев), Никитьювом, Тарьювом, Свядейвис. На Печоре и ее притоках (кроме названных выше) к 1929 г. были основаны выселки Гордьюусти, Войская гора, Гажаласта, Камчатка, Кедровый, Курьяусти, Яранкурья, Лов-яг, Таралина, Уляшево, Матвеевка, Коштывисвом, Войская гора, Воробьевка, Гажаласта, Лыскоди, Лек-Кожва, Котинкеркадор, Яньювом, Игестав, Егралягаусти, Укьюусти, Вадзеганюр, Паськыдкосабож, Лемьяди и др. [23; 32, с. 163–210; 33].

В верховьях Вычегды к 1929 г. появились Джудждуму, Курья-дор, Ивановка и др., на Вишере и Нившере – Очноргыс, Левакерос и др., на Северной Кельтме и ее притоках – Люблин, Сотчемув, Григорьевка (Дема), Роч-Петыр-керка (Петыр-Павел). На Удоре к 1929 г. возникли пять починков (Вильвидзь, Васюгди и др.). Новые населенные пункты появились в 1920–е гг. и в других волостях [23; 33].

Особо отметим основание трех починков на р. Тимшор – притоке Южной Кельтмы, впадающей в Каму. В 1930 г. они относились к Вочевскому сельсовету и были, вероятно, основаны выходцами из Вочевской волости. Первый из них возник в 1920–1925 гг., в середине 1925 г. здесь (починок Тимсер) имелось четыре крестьянских хозяйства, 18 жителей. Два других починка появились в 1925–1926 гг. и отмечены в переписи конца 1926 г.: по одному крестьянскому хозяйству, в одном – семь жителей, в другом – один. В списке населенных пунктов 1930 г. отмечены починки Тимшор 1-й, Тимшор 2-й и Тимшор 3-й в 75, 80 и 100 км от центра Вочевского сельсовета. В 1939 г. в Вочевском сельсовете имелись деревня Тимшор 1-й (69 жителей) и хутор Тимшор 2-й (23 жителя). Тимшор 3-й, самый отдаленный от с. Нижний Воч, отмечен на картах того периода, но в перечне селений Вочевского сельсовета не указан. Возможно, его к тому времени уже административно переподчинили Коми-Пермяцкому национальному округу Пермской области. Тимшор 1-й и 2-й в последующее время, вероятно, получили новые названия: Касево (Тимшор 1-й) и Липино (Тимшор 2-й). В 1951 г. населенные пункты Касево и Липино, административно подчинявшиеся Вочевскому сельсовету, переданы в подчинение Коми-Пермяцкому округу Молотовской (Пермской) области, на территории которого они фактически и располагались [23; 26; 33].

В целом в 1920–е гг. заселенная территория в пределах Коми автономии значительно расширилась за счет возникновения большого количества малонаселенных селений, в основном, в стороне от старожильческих районов, в ходе добровольных переселений. Конечно, добровольность миграций была в известном смысле условной, поскольку хотя люди и принимали решение о переселении самостоятельно, однако их вынуждали к этому обстоятельства – нехватка земли под пашню и т.п. Кроме давно привычных для региона миграций, связанных с сельскохозяйственной колонизацией территории, в 1920–е гг. в переселенческом движении появляются и новые черты. Делались первые шаги в индустриализации автономии; для предприятий требовалась рабочая сила. Кроме того, Коми область, менее пострадавшая от мировой и гражданской войн и экономической разрухи, стала предпочтительным местом как возвращения бывших жителей края, так для поселения обитателей расположенных поблизости регионов.

На рубеже 1920–1930-х гг. ход демографического развития Коми области стал кардинально меняться под влиянием резких перемен политической и социально-экономической ситуации в стране. Миграция населения была поставлена под жесткий контроль государства. Коллективизация привела к тому, что, во-первых, объединенные в колхозы крестьяне лишились права свободных переселений (постановления ЦИК и СНК СССР «Об установлении единой паспортной системы по СССР и обязательной прописке паспортов» 1932 г. и «О порядке отходничества из колхозов» 1933 г. [34, с. 225]), что вызвало постепенное прекращение внутренней сельскохозяйственной колонизации в Коми автономии. Во-вторых, раскулачивание и политика спецпереселений имели своим результатом принудительное переселение больших масс крестьянства в отдаленные

регионы, в том числе и в Коми АО. С 1930 г. значительную роль в динамике населения автономии играет миграционный прирост, более двух десятилетий являвшийся основным источником формирования населения.

Спецпереселенцев использовали в качестве рабочей силы, в первую очередь, для лесозаготовительной промышленности региона. В 1930 г. в Коми АО образовали 23 спецпоселка, сюда отправили около 17 тыс. высланных. На следующий год в области находилось уже более 40 тыс. спецпереселенцев, число спецпоселков удвоилось. Основную массу спецпереселенцев составляли русские, имелись также немцы, татары, мордвины, чуваша, киргизы, чехи, армяне, поляки и евреи. В 1932 г. спецпереселенцы составляли 16 % населения Коми автономии (без учета заключенных). К концу 1935 г. число спецпереселенцев в Коми АО из-за высокой смертности и побегов сократилось до примерно 17 тыс. и в последующие годы оставалось на этом уровне [18, с. 138–140, 143].

Второй группой вынужденных переселенцев стали заключенные нескольких лагерей. Планы по их созданию появились еще в 1921 г., но реализовали их лишь в 1929 г. Первый лагерь в Коми АО был образован в 1929 г. для строительства железной дороги Усть-Сысольск–Пинюг. В 1930 г. здесь работало более 14 тыс. чел. Вслед за ним возникли Ухто–Печорский (9566 заключенных в 1931 г., 89 тыс. – в 1938 г.), Пезмогский (2450 заключенных в 1933 г.), Локчимский (18 937 заключенных в 1937 г.), Усть-Вымский (11 974 заключенных в 1939 г.) и другие лагеря [20; 24]. Отметим, что среди заключенных были не только привезенные в Коми автономию из-за ее пределов, но и местные жители, однако их было несопоставимо меньше.

В ходе принудительных миграций на территории Коми автономии появилось значительное количество поселений лагерного типа и спецпоселков. Эти новые поселения, в основном, создавались в необжитых местах, как и крестьянские селения в предыдущий период, однако по своей населенности они, как правило, значительно превосходили починки, выселки и хутора 1920–х гг. Если в новых крестьянских селениях насчитывалось от одного до двух–трех десятков жителей, то в спецпоселках размещалось по несколько сотен человек. Например, в 1932 г. в спецпоселке Сапыч было 662 жителя, в Расью – 632, в других спецпоселках, расположенных в Сыктывдинском районе, – от 331 до 686 [18, с. 142]. Лагерные поселения в большей степени варьировались по размеру – наряду с крупными лагерными отделениями существовали и относительно небольшие лагпункты и командировки [24].

Учет миграционного движения «вольного» населения в 1930–е гг. проводили только в городских поселениях, к которым в 1930–1937 гг. относились г. Сыктывкар и рабочий поселок Ньючим; в 1938 г. к ним добавился рабочий поселок Чибью. Формирование городского населения шло в основном за счет выходцев из села. Ускорившаяся индустриализация требовала привлечения значительного количества рабочих рук, в том числе и за счет сельского населения. В городских поселениях в 1930–1931 гг. наблюдался устойчивый миграционный прирост (табл. 2). За два года городское население увеличилось с 10.3 тыс.

до 19.8 тыс. чел., при этом миграционный прирост составил почти половину общего прироста.

Таблица 2

Миграционное движение населения в городе Сыктывкаре и поселке Ньючим в 1930–1939 годы, чел.

Table 2

Migration movement of the population in the town of Syktyvkar and the village of Nyuvchim in 1930–1939 (people)

Годы	Прибыло	Выбыло	Механический прирост
1930	4880	2804	2076
1931	4557	1992	2565
1932	7664	Нет сведений	-
1934	6901	5374	1527
1935	10 576	8677	1899
1936	12 830	9550	3280
1939	9329	8168	1161

Источники: [29, л. 12; 35, д. 266, л. 5, 6, 8, 25–41; д. 270, л. 29; д. 275, л. 19–57; д. 280, л. 24–66; д. 1017, л. 28].

Примечание. «-» – нет сведений.

Source: [29, l. 12; 35, D. 266, l. 5, 6, 25–41; D. 270, l. 29; D. 275, l. 19–57; D. 280, l. 24–66; D. 1017, l. 28]

С 1934 г. объемы миграционного оборота в городских поселениях региона увеличились, но показатели миграционного прироста снизились, что можно объяснить прибытием и убытием колхозников и сельской молодежи на учебу (краткосрочные курсы) и быстрым насыщением рынка труда, поскольку промышленное производство в автономии в эти годы было еще маломощным. По официальным данным переписей 1926 и 1939 гг., за межпереписной период численность «вольного» населения Коми автономии увеличилась с 225.6 до 320.3 тыс. чел. (на 94.7 тыс. чел.), причем естественный прирост (58.1 тыс.) превышал миграционный (36.6 тыс.). Однако с учетом данных спецпереписей НКВД (спецпереселенцы, заключенные, военнослужащие) общая численность населения Коми АССР в 1939 г. составляла 450.9 тыс. чел. и возросла с 1926 г. вдвое – на 225.3 тыс. чел. Действительный миграционный прирост за 1926–1939 гг. равнялся 167.2 тыс. чел., что превышало естественный прирост почти в три раза.

Если в конце 1920–х гг. национальный состав населения Коми автономии, несмотря на наличие иноэтничного компонента (русские, украинцы, белорусы, латыши, поляки, немцы, евреи, татары, чехи, литовцы, молдаване, финны, карелы, эсты, цыгане, чукчи, армяне, осетины и др.) оставался довольно однородным, и коми составляли более 90 %, то к концу 1930–х гг. ситуация заметно изменилась. В 1939 г. коми насчитывали 72.5 % населения, русские – 22, украинцы – 1.9, белорусы – 1.1, немцы – 0.8, татары – 0.2, прочие – 1.5 %.

Изменилась и система населенных пунктов. В 1930–е гг. рост количества сельских поселений постепенно прекратился, а к концу 1930–х гг. их число стало сокращаться. В 1939 г. на территории Коми АССР насчитывалось 1218 таких поселений. Возникло большое количество спецпоселков и – в ходе развития лесной промышленности – поселков лесозаготовителей (11 % населенных пунктов по переписи 1939 г.), а также лагерных пунктов.

Таким образом, на всем протяжении рассматриваемого периода в Коми автономии активно шли миграционные процессы. Но если в 1920-х гг. имели место добровольные внутренние переселения, вызванные потребностью местного крестьянства осваивать новые сельскохозяйственные угодья, и эти переселения не сопровождались сколь-либо значительным изменением этнического состава населения Коми области, то в 1930-х гг. доминирующее положение заняли принудительные внешние (из-за пределов автономии) миграции, одним из результатов которых стали существенные перемены в национальном составе жителей.

Источники и литература

1. Подоплелов, В. П. Население Республики Коми на рубеже веков: исторический опыт и перспективы развития / В. П. Подоплелов, В. В. Фаузер, И. Л. Жеребцов // XXI век : взаимодействие языков и культур (бесконфликтное существование). – Сыктывкар, 1999. – С. 45–52.
2. Фаузер, В. В. Финно-угорские народы : история демографического развития / В. В. Фаузер. – Сыктывкар : ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2005. – 24 с.
3. Жеребцов, И. Л. Население Коми края в конце XV–начале XX века : численность, миграции, этнический состав / И. Л. Жеребцов. – Сыктывкар : ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2000. – 28 с.
4. Жеребцов, И. Л. Тысячелетие народа коми : время, климат, человек / И. Л. Жеребцов // Природа. – 2000. – № 7. – С. 71–75.
5. Игнатова, Н. М. Особенности формирования архивных фондов в 1930–40-е гг. по истории спецпереселений / Н. М. Игнатова // Политические, социальные и экономические аспекты общественных трансформаций в регионах Европейского Севера России (исторический опыт и современность). – Сыктывкар, 2023. – С. 96–102.
6. Игнатова, Н. М. Численность спецпереселенцев в Коми республике в 1950-е годы (по архивным данным) / Н. М. Игнатова // Историческая демография. – 2008. – № 1. – С. 65–70.
7. Игнатова, Н. М. Численность спецпереселенцев в Коми АССР в 1930–1950-е гг. / Н. М. Игнатова // Этнодемографические и этнокультурные процессы на Крайнем Севере Евразии. – Сыктывкар, 2004. – С. 136–156.
8. Игнатова, Н. М. Особенности учета эвакуированных граждан и эвакуированных трудпереселенцев в Коми республике в 1941–1945 годах / Н. М. Игнатова // Историческая демография. – 2013. – № 1. – С. 49–55.
9. Безносова, Н. П. Новые документы по статистике населения Коми АССР за 1937–1989 гг. / Н. П. Безносова // Историческая демография. – 2018. – № 1. – С. 94–113.
10. Вишнякова, Д. В. Трудовая структура населения Коми края в конце XIX – начале XX века / Д. В. Вишнякова // Индустриализация Европейского Северо-Востока России : предпосылки, способы осуществления и влияние на социально-экономическое, политическое, этнодемографическое и культурное развитие региона. – Сыктывкар, 2013. – С. 40–48.
11. Вишнякова, Д. В. Подворно-экономическое исследование селений Печорского уезда как источник по демографическим процессам населения Печорского края в начале XX в. / Д. В. Вишнякова // Исторические аспекты освоения Европейского Северо-Востока (исследования, источники, историография). – Сыктывкар, 2018. – С. 65–71.
12. Вишнякова, Д. В. Заболеваемость и смертность населения г. Усть-Сысольска в конце XIX – начале XX в. / Д. В. Вишнякова // Политические, социальные и экономические аспекты общественных трансформаций в регионах Европейского Севера России (исторический опыт и современность). – Сыктывкар, 2023. – С. 69–73.
13. Игнатова, Н. М. Спецколонизация как трансформация колониальной политики Севера (историографический аспект) / Н. М. Игнатова // Социальные трансформации северного региона : исторический опыт и современность. – Сыктывкар, 2021. – С. 126–131.
14. Безносова, Н. П. Историография рождаемости и смертности населения Республики Коми в 1920–1980-е годы / Н. П. Безносова // Социально-политические, экономические, культурные и демографические процессы на Европейском Севере России : историографический и источниковедческий обзор. – Сыктывкар : ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2018. – С. 110–116.
15. Назарова, И. Г. Демография, труд, расселение населения в Республике Коми : историография середины XX – начала XXI вв. / И. Г. Назарова, И. Л. Жеребцов, Г. Н. Фаузер // Историческая демография. – 2019. – № 2. – С. 58–62.
16. Жеребцов, И. Л. Историография работ по демографии, экономике труда и социологии, выполненных на материалах Республики Коми и Севера России / И. Л. Жеребцов // Историческая демография. – 2017. – № 1. – С. 87–98.
17. Меньковский, В. И. Историко-демографические исследования в Республике Коми (1980-е – 2016 гг.) / В. И. Меньковский, И. Л. Жеребцов, А. М. Таскаев. – Сыктывкар : ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2016. – 24 с.
18. Игнатова, Н. М. Численность и воспроизводство населения Республики Коми во второй половине XIX–XX в.: историко-демографические и историко-географические исследования Российского Севера / Н. М. Игнатова, Д. В. Вишнякова, А. П. Обедков, В. И. Силин. – Сыктывкар, 2022. – Вып. 1. – 276 с.
19. Динамика численности городского и сельского населения России / отв. ред. : И. Л. Жеребцов, Н. М. Игнатова. – Сыктывкар, 2018. – 160 с.
20. Безносова, Н. П. Динамика численности и источники формирования населения Республики Коми в 1926–1940 гг. / Н. П. Безносова, И. Л. Жеребцов // Уральский исторический вестник. – 2017. – № 4. – С. 73–80.
21. Игнатова, Н. М. Ссылные и ссыльнопоселенцы в Республике Коми в 1930–1950-е годы / Н. М. Игнатова // Этнодемографические процессы на Севере Евразии. – Сыктывкар : ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2005. – С. 94–103.
22. Игнатова, Н. М. Влияние принудительных миграций на социально-демографическую ситуацию в Республике

- Коми / Н. М. Игнатова // Историческая демография. – 2013. – № 2. – С. 41–44.
23. Рогачев, М. Б. Этнодемографическая ситуация в Коми крае (конец XIX века – 1980-е годы) / М. Б. Рогачев, И. Л. Жеребцов. – Сыктывкар : Коми НЦ УрО РАН, 1993. – 28 с.
 24. Морозов, Н. А. ГУЛАГ в Коми крае. 1929–1956 / Н. А. Морозов. – Сыктывкар, 1997. – 189 с.
 25. Лейман, И. И. Создание Коми автономии как результат национальной политики большевиков / И. И. Лейман, И. Л. Жеребцов // История. Журнал Белорусского государственного университета. – 2021. – № 4. – С. 44–53.
 26. Безносова, Н. П. Формирование внешних административных границ Коми автономии в XX веке / Н. П. Безнослова, И. Л. Жеребцов. – Сыктывкар : ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2014. – 40 с.
 27. Жеребцов, И. Л. Административно-территориальные и демографические изменения в Коми крае в 20–30-е гг. XX в. / И. Л. Жеребцов // История Коми с древнейших времен до современности. – Сыктывкар : Анбур, 2011. – Т. 2. – С. 264–271.
 28. Жеребцов, И. Л. Численность населения Коми края по данным переписей 1916–1918 гг. / И. Л. Жеребцов // Крестьянство Европейского Севера России в XVII–XX веках: проблемы изучения. – Сыктывкар : Коми НЦ УрО РАН, 1993. – С. 54–62.
 29. НАРК. Ф. 140. Оп. 1. Д. 357.
 30. Саблин, В. А. Экономика крестьянского двора на Европейском Севере России в 1920-е годы : (к проблеме модернизации аграрной подсистемы) / В. А. Саблин. – Москва; Вологда : Русь, 2006. – 172 с.
 31. Саблин, В. А. Аграрная революция на Европейском Севере России, 1917–1921 (Социальные и экономические результаты) / В. А. Саблин. – Вологда : Полиграфист, 2002. – 344 с.
 32. Записная книжка и календарь-справочник волостного статистика и корреспондента Автономной области Коми на 1926 год. – Усть-Сысольск : Облстатбюро, 1926. – 308 с.
 33. Список населенных мест Коми области. – Сыктывкар : Коми облплан, 1930. – 124 с.
 34. Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 1. 1900–1939 гг. / отв. ред. Ю. А. Поляков. – Москва, 2000. – 463 с.
 35. НАРК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 266, 270, 275, 280, 1017.
 3. Zherebtsov, I. L. Naselenie Komi kraja v konce XV-nachale XX veka: chislennost', migracii, etnicheskii sostav [Population of the Komi region at the end of the XV – beginning of the XX centuries: number, migrations, ethnic composition] / I. L. Zherebtsov. – Syktyvkar: Inst. of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, 2000. – 28 p.
 4. Zherebtsov, I. L. Tysyacheletie naroda komi: vremya, klimat, chelovek [Millennium of the Komi people: time, climate, people] / I. L. Zherebtsov // Priroda [Nature]. – 2000. – No. 7. – P. 71–75
 5. Ignatova, N. M. Osobennosti formirovaniya arhivnih fondov v 1930–40e gg. po istorii specpereselenii [Features of the formation of archival funds in the 1930–1940s. on the history of special resettlement] / N. M. Ignatova // Politicheskie, socialnie i ekonomicheskie aspekty obschestvennyh transformacii v regionah Evropeiskogo Severa Rossii (istoricheskii opyt i sovremennost') [Political, social and economic aspects of social transformations in the regions of the European North of Russia (historical experience and modernity)]. – Syktyvkar, 2023. – P. 96–102
 6. Ignatova, N. M. Chislennost' specpereselencev v Komi respublike v 1950-e gody (po arhivnym dannym) [Number of special settlers in the Komi Republic in the 1950s (according to archival data)] / N. M. Ignatova // Istoricheskaya demografiya [Historical demography]. – 2008. – No. 1. – P. 65–70.
 7. Ignatova, N. M. Chislennost' specpereselentsev v Komi ASSR v 1930–1950-e gody [Number of special settlers in the Komi ASSR in the 1930–1950s] / N. M. Ignatova // Etnodemograficheskie i etnokulturnie processy na Krainem Severe Evrazii [Ethnodemographic and ethnocultural processes in the Far North of Eurasia]. – Syktyvkar, 2004. – P. 136–156.
 8. Ignatova, N. M. Osobennosti ucheta evakuirovannykh grazhdan i evakuirovannykh trudpereselencev v Komi respublike v 1941–1945 godah [Peculiarities of accounting for evacuated citizens and evacuated labor migrants in the Komi Republic in 1941–1945] / N. M. Ignatova // Istoricheskaya demografiya [Historical demography]. – 2013. – No. 1. – P. 49–55.
 9. Beznosova, N. P. Novie dokumenty po statistike naseleniya Komi ASSR za 1937–1989 gg. [New documents on population statistics of the Komi ASSR for 1937–1989] / N. P. Beznosova // Istoricheskaya demografiya [Historical demography]. – 2018. – No. 1. – P. 94–113.
 10. Vishnyakova, D. V. Trudovaya struktura naseleniya Komi kraja v konce XIX-nachale XX veka [Labor structure of the population of the Komi region at the end of the XIX – beginning of the XX centuries] / D. V. Vishnyakova // Industrializaciya Evropeiskogo Severo-Vostoka Rossii: predposilki, sposoby osuschestvleniya i vliyanie na socialno-ekonomicheskoe, politicheskoe, etnodemograficheskoe i kulturnoe razvitie regiona [Industrialization of the European North-East of Russia: prerequisites, methods of implementation and impact on the socio-economic, political, ethnodemographic and cultural development of the region]. – Syktyvkar, 2013. – P. 40–48.

References

1. Podoplelov, V. P. Naselenie Respubliki Komi na rubezhe vekov: istoricheskii opyt i perspektivy razvitiya [Population of the Komi Republic at the turn of the centuries: historical experience and development prospects] / V. P. Podoplelov, V. V. Fauzer, I. L. Zherebtsov // XXI vek: vzaimodeistvie yazykov i kultur (beskonfliktnoe suschestvovanie) [XXI century: interaction of languages and cultures (conflict-free existence)]. – Syktyvkar, 1999. – P. 45–52
2. Fauzer, V. V. Finno-Ugric peoples: history of demographic development / V. V. Fauzer. – Syktyvkar: Inst. of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, 2005. – 24 p.

11. Vishnyakova, D. V. Podvorno-ekonomicheskoe issledovanie selenii Pechrskogo uezda kak istochnik po demograficheskim processam naseleniya Pechorskogo kraja v nachale XX v. [Household economic study of the villages of the Pechora Uyezd as a source on the demographic processes of the population of the Pechora region at the beginning of the XX century] / D. V. Vishnyakova // Istoricheskie aspekty osvoeniya Evropeiskogo Severo-Vostoka (issledovaniya, istochniki, istoriografiya) [Historical aspects of the development of the European North-East (research, sources, historiography)]. – Syktyvkar, 2018. – P. 65–71
12. Vishnyakova, D. V. Zabolevaemost' i smertnost' naseleniya g. Ust'-Systska v konce XIX-nachale XX v. [Morbidity and mortality of the population of Ust-Sysolsk at the end of the XIX - early XX century] / D. V. Vishnyakova // Politicheskie, socialnie i ekonomicheskie aspekty obschestvennykh transformatsii v regionah Evropeiskogo Severa Rossii (istoricheskii opyt i sovremennost') [Political, social and economic aspects of social transformations in the regions of the European North of Russia (historical experience and modernity)]. – Syktyvkar, 2023. – P. 69–73.
13. Ignatova, N. M. Spekolonizatsiya kak transformatsiya kolonizacionnoi politiki Severa (istoriograficheskii aspekt) [Special colonization as a transformation of the colonization policy of the North (historiographical aspect)] / N. M. Ignatova // Socialnie transformatsii severnogo regiona: isatoricheskii opyt i sovremennost' [Social transformations of the northern region: historical experience and modernity]. – Syktyvkar, 2021. – P. 126–131.
14. Beznosova, N. P. Istorografiya rozhdaiemosti i smertnosti naseleniya Respubliki Komi v 1920-1980-e gody [Historiography of the birth and mortality rate of the population of the Komi Republic in the 1920s–1980s] / N. P. Beznosova // Socialno-politicheskie, ekonomicheskie, kulturnie i demograficheskie processy na Evropeiskom Severe Rossii: istoriograficheskii i istochnikovedcheskii obzor [Socio-political, economic, cultural and demographic processes in the European North of Russia: historiographical and source study review]. – Syktyvkar: Inst. of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, 2018. – P. 110–116.
15. Nazarova, I. G. Demografiya, trud, rasselenie naseleniya v Respublike Komi: istoriografiya serediny XX-nachala XXI vv. [Demography, labor, population settlement in the Komi Republic: historiography of the mid-XX – early XXI centuries] / I. G. Nazarova, I. L. Zherebtsov, G. N. Fauzer // Istoricheskaya demografiya [Historical demography]. – 2019. – No. 2. – P. 58–62.
16. Zherebtsov, I. L. Istorografiya rabot po demografii, ekonomike truda i sociologii, vypolnennykh na materialah Respubliki Komi i Severa Rossii [Historiography of works on demography, labor economics and sociology, carried out on materials from the Komi Republic and the North of Russia] / I. L. Zherebtsov // Istoricheskaya demografiya [Historical demography]. – 2017. – No. 1. – P. 87–98.
17. Men'kovsky, V. I. Istoriko-demograficheskie issledovaniya v Respublike Komi (1980e–2016 gg.) [Historical and demographic studies in the Komi Republic (1980s – 2016)] / V. I. Men'kovsky, I. L. Zherebtsov, A. M. Taskaev. – Syktyvkar: Inst. of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, 2016. – 24 p.
18. Ignatova, N. M. Chislennost' i vosproizvodstvo naseleniya Respubliki Komi vo vtoroi polovine XIX–XX v.: istoriko-demograficheskie i istoriko-geograficheskie issledovaniya Rossiiskogo Severa [Number and reproduction of the population of the Komi Republic in the second half of the XIX – XX centuries: historical-demographic and historical-geographical studies of the Russian North] / N. M. Ignatova, D. V. Vishnyakova, A. P. Obedkov, V. I. Silin. – Syktyvkar, 2022. – Issue. 1. – 276 p.
19. Dinamika chislennosti gorodskogo i sel'skogo naseleniya Rossii [Dynamics of the urban and rural population of Russia] / Eds. I. L. Zherebtsov, N. M. Ignatova. – Syktyvkar, 2018. – 160 p.
20. Beznosova, N. P. Dinamika chislennosti i istochniki formirovaniya naseleniya Respubliki Komi v 1926-1940 gg. [Dynamics of number and sources of formation of the population of the Komi Republic in 1926-1940] / N. P. Beznosova, I. L. Zherebtsov // Uralskii istoricheskii vestnik [Ural Historical Bull.]. – 2017. – No. 4. – P. 73–80.
21. Ignatova, N. M. Ssyl'nye i ssyl'noselentsy v Respublike Komi v 1930-1950-e gody [Exiles and exiled settlers in the Komi Republic in the 1930-1950s] / N. M. Ignatova // Etnodemograficheskii processy na Severe Evrazii [Ethnodemographic processes in the North of Eurasia]. – Syktyvkar: Inst. of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, 2005. – P. 94–103.
22. Ignatova, N. M. Vliyanie prinuditel'nykh migratsii na socialno-demograficheskuyu situatsiyu v Respublike Komi [The influence of forced migration on the socio-demographic situation in the Komi Republic] / N. M. Ignatova // Istoricheskaya demografiya [Historical demography]. – 2013. – No. 2. – P. 41–44.
23. Rogachev, M. B. Etnodemograficheskaya situatsiya v Komi krae (konec XIX veka – 1980-e gody) [Ethnodemographic situation in the Komi region (late XIX century – the 1980s)] / M. B. Rogachev, I. L. Zherebtsov. – Syktyvkar: Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, 1993. – 28 p.
24. Morozov, N. A. GULAG v Komi krae. 1929-1956 [GULAG in the Komi region. 1929-1956] / N. A. Morozov. – Syktyvkar, 1997. – 189 p.
25. Leyman, I. I. Sozdanie Komi avtonomii kak rezultat natsionalnoi politiki bolshevikov [The creation of Komi autonomy as a result of the national policy of the Bolsheviks] / I. I. Leyman, I. L. Zherebtsov // History. J. of Belarusian State University. – 2021. – No. 4. – P. 44–53.
26. Beznosova, N. P. Formirovanie vneshnih administrativnykh granits Komi avtonomii v XX veke [Formation of external administrative boundaries of Komi autonomy in the XX century] / N. P. Beznosova, I. L. Zherebtsov. – Syktyvkar: Inst. of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, 2014. – 40 p.
27. Zherebtsov, I. L. Administrativno-territorialnie i demograficheskie izmeneniya v Komi krae v 20-30-e gg. XX v. [Administrative-territorial and demographic changes in the Komi region in the 1920-1930s of the XX century] / I. L. Zherebtsov // Istoriya Komi s drevneishih vremen do

- sovremennosti [History of Komi from ancient times to the present]. – Syktyvkar: Anbur, 2011. – Vol. 2. – P. 264–271.
28. Zherebtsov, I. L. Chislennost' naseleniya Komi kraya po dannym perepisei 1916–1918 gg. [Population of the Komi region according to census data of 1916–1918] / I. L. Zherebtsov // Krestyanstvo Evropeiskogo Severa Rossii v XVII–XX vekah: problemy izucheniya [Peasantry of the European North of Russia in the XVII–XX centuries: problems of study]. – Syktyvkar: Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, 1993. – P. 54–62.
29. NARK [National Archive of the Komi Republic]. F. 140. Op. 1. D. 357.
30. Sablin, V. A. Ekonomika krestyanskogo dvora na Evropeiskom Severe Rossii v 1920-e gody: (k probleme modernizatsii agrarnoi podsistemy [Economy of a peasant household in the European North of Russia in the 1920s: (to the problem of modernization of the agricultural subsystem)] / V. A. Sablin. – Moscow; Vologda: Rus', 2006. – 172 p.
31. Sablin, V. A. Agrarnaya revoliutsiya na Evropeiskom Severe Rossii, 1917–1921 (Socialnie i ekonomicheskie rezultaty) [Agrarian revolution in the European North of Russia, 1917–1921 (Social and economic results)] / V. A. Sablin. – Vologda: Polygraphist, 2002. – 344 p.
32. Zapisnaya knizhka i kalendar'-spravochnik volostnogo statistika i korrespondenta Avtonomnoi oblasti Komi na 1926 god [Notebook and calendar reference of the volost statistician and correspondent of the Autonomous Region of Komi for 1926]. – Ust-Sysolsk: Oblstatbyuro [Regional Statistics Bureau], 1926. – 308 p.
33. Spisok naselennykh mest Komi oblasti [List of populated places in the Komi region]. – Syktyvkar: Komi oblplan [Komi Regional Planning Committee], 1930. – 124 p.
34. Naselenie Rossii v XX veke. Istoricheskie ocherki [Population of Russia in the XX century. Historical essays]. Vol.1. 1900–1939 / Ed. Yu. A. Polyakov. – Moscow, 2000. – 463 p.
35. NARK [National Archive of the Komi Republic]. F. 140. Op. 2. D. 266, 266, 270, 275, 280, 1017.

Информация об авторах:

Безносова Наталья Павловна – независимый исследователь (Российская Федерация, г. Москва; e-mail: nbeznosova@mail.ru).

Жеребцов Игорь Любомирович – доктор исторических наук, директор Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: zherebtsov@mail.illhkomisc.ru).

Саблин Василий Анатольевич – доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории и мировой политики Вологодского государственного университета (160000, Российская Федерация, Вологодская область, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15; e-mail: sablin@inbox.ru).

Author:

Natalia P. Beznosova – Independent researcher, Moscow, e-mail: nbeznosova@mail.ru.

Igor L. Zherebtsov – Dr. Sci. (History), Director of the Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation; e-mail: zherebtsov@mail.illhkomisc.ru).

Vasily A. Sablin – Dr. Sci. (History), Head of the Department of World History and World Politics, Federal State Budgetary Institution of Higher Education “Vologda State University” (15, Lenin st., Vologda 160000, Russian Federation; e-mail: sablin@inbox.ru).

Для цитирования:

Безносова, Н. П. Миграции населения Коми автономии в 1920–1930-е годы / Н. П. Безносова, И. Л. Жеребцов, В. А. Саблин // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Историческая демография». – 2023. – № 8 (66). – С. 44–51.

For citation:

Beznosova, N. P. Migrations of the population of the Komi Autonomy in the 1920s–1930s / N. P. Beznosova, I. L. Zherebtsov, V. A. Sablin // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series «Historical demography». – 2023. – No. 8 (66). – P. 44–51.

Дата поступления статьи: 15.09.2023

Прошла рецензирование: 18.09.2023

Принято решение о публикации: 21.09.2023

Received: 15.09.2023

Reviewed: 18.09.2023

Accepted: 21.09.2023

Спец(труд)поселки как населенные пункты в 1930-е годы (на материалах Республики Коми)

Н. М. Игнатова

ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
ignatova11@rambler.ru

Аннотация

В 1930/31 г. в Коми автономной области были организованы спецпоселки (в 1933 г. переименованы в трудпоселки) для спецпереселенцев-«бывших кулаков» (в 1933 г. переименованы в трудпереселенцев), высланных в принудительном порядке с мест постоянного проживания из районов сплошной коллективизации. Трудоспособные спецпереселенцы и члены их семей были переданы тресту «Комилес» для работы на лесозаготовках. В лесозаготовительных районах области организовано более 40 спецпоселков в труднодоступных местах, изолированных от местных населенных пунктов. Проблемы, связанные с отсутствием дорог, удаленность от районных центров, недостаточное снабжение, организация поселков в болотистых местностях привели к ликвидации отдельных спец(труд)поселков и сокращению их общего числа к концу 1930-х гг. Несмотря на низкий уровень строительства жилых помещений, спец(труд)переселенцы также строили здания для социально-культурных учреждений, школ, больниц, клубов и других, что позволило создать внутреннюю инфраструктуру поселков.

Ключевые слова :

спецпереселенцы, трудпереселенцы, спецпоселки, трудпоселки, раскулачивание, лесозаготовки, населенные пункты

В 1930-е гг. в Коми автономной области (далее – Коми АССР) возникла сеть спецпоселений – поселки для проживания спецпереселенцев. К спецпоселениям относили спецпоселки (далее – сп), организованные в 1930/31 г. В 1933 г. происходит переименование спецпоселков в трудпоселки, размещенных в них спецпереселенцев-«бывших кулаков» стали именовать трудпереселенцами. Спецпереселенцев, размещенных в спец(труд)поселках, в рамках репрессивных мер в массовом порядке высылали с мест постоянного проживания по решению административных органов (не судебных) без предъявления обвинения в отдаленные районы страны. Спецпереселенцев высылали семьями, их лишали избирательного права и права свободного передвижения. В регионах, куда спецпереселенцы были высланы, в том числе в Коми АССР, их относили

Special (labor) settlements as populated areas in the 1930s (based on materials of the Komi Republic)

N. M. Ignatova

Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar
ignatova11@rambler.ru

Abstract

In 1930-1931 in the Komi Autonomous Region, special settlements were organized for special settlers – “former kulaks” who were forcibly expelled from their places of permanent residence from areas of complete collectivization. Able-bodied forced migrants and members of their families were transferred to the Komiles Trust to work in logging. In the logging areas of the region, more than 40 special settlements were organized in hard-to-reach places, isolated from local settlements. Problems associated with the lack of roads, remoteness from regional centers, insufficient supplies, and the organization of settlements in swampy areas led to the liquidation of individual special (labor) settlements and a reduction in their total number by the end of the 1930s. Despite the low level of residential premises construction, forced migrants also built buildings for socio-cultural institutions, schools, hospitals, clubs and others, which made it possible to create the internal infrastructure of the settlements.

Keywords :

special settlers, labor settlers, special settlements, labor settlements, dispossession, logging, populated areas

к постоянному населению и учитывали наряду с местным населением при переписных мероприятиях.

Из современных работ общероссийского уровня по изучению системы расселения в XX в. необходимо отметить исследование Л. Н. Мазур и Л. И. Бродской на материалах Среднего Урала в XX в., в котором представлен комплексный анализ системы сельского расселения в условиях становления индустриального общества и урбанизации. Помимо сельских поселений авторы исследуют горно-заводские и лесопромышленные поселения (лесозаготовительные спецпоселки) [1]. Большое внимание спецпоселкам как промышленным населенным пунктам уделяет И. В. Зыкин в монографии, посвященной работникам лесопромышленного комплекса в 1930-е гг. [2].

Источниками для изучения расселения спецпереселенцев в Коми АССР служат материалы треста «Комилес», Комиоблисполкома, Коми областного комитета ВКП(б), Госземтреста, хранящиеся в Национальном архиве Республики Коми (далее – НА РК).

Первыми массовыми административными принудительными переселениями с ограничением прав граждан стали спецпереселения в ходе раскулачивания во время коллективизации. В 1930/31 г. было выселено из районов сплошной коллективизации с отправкой в отдаленные и малонаселенные районы страны 381 026 семей «бывших кулаков», общей численностью 1 803 392 чел. Большинство раскулаченных выселяли с мест постоянного проживания на спецпоселения и определяли как спецпереселенцев (выселенных в административном порядке), меньшую часть составляли ссыльные (отправленные в ссылку на сроки) и административноссыльные (отправленные в ссылку навечно) [3]. Спецпереселенцев из районов Поволжья, Центральной Черноземной области, Украины, Северного Кавказа и Средней Азии высылали на Север, Урал, в Сибирь, Казахстан. Расселение проводили на Дальнем Востоке, в Ленинградской области, Нижегородском и Северокавказском краях, в Средней Азии. Основную часть переселяемых направляли в малонаселенные регионы. Всего в 1930–1932 гг. в СССР существовало 22 спецпоселенческих региона [4].

В документах высших органов власти в начале 1930 г. указывалось: «В связи с массовой коллективизацией и социалистической переделкой мелких и мельчайших крестьянских хозяйств и решительной политикой ликвидации кулачества, как класса, в высших органах разрабатывается проект расселения кулацкого элемента деревни преимущественно в северных частях Союза с возможностью для этого элемента заниматься полезным трудом. Переселение намечается в принудительном порядке» [5]. Целью массового принудительного переселения в северные регионы была заготовка леса: «В мероприятиях по выполнению решения ЦК ВКП(б) о 65 млн. куб. древесины одной из важнейших должно составить вовлечение новых крупнейших лесных массивов края. Больше 50 % лесных запасов Северного края находится на территории Коми области. Коми область самая малозаселенная по сравнению со всеми округами» [6].

Государственная политика спецпереселения подразумевала закрепление спецпереселенцев с семьями на территориях, куда они были высланы, и создание спецпоселений в виде структур, способных обеспечить жизнедеятельность и высокую производительность труда спецпереселенцев. Главное, ради чего спецпереселенцев заселяли в Коми регион – это развитие лесозаготовительной промышленности и в итоге индустриальное освоение малозаселенного района. Спецпереселения были спланированными операциями. Местные власти были обязаны подготовить к заселению спецпереселенцев жилые площади и запасы продовольствия. Но подготовительные работы, как правило, оставались на бумаге. Вследствие этого, условия жизни на спецпоселениях складывались

крайне неблагоприятные. Одна из причин – огромные масштабы переселений в крайне сжатые сроки.

К началу мая 1930 г. в Северный край было выселено 46 562 семьи в количестве 230 065 чел. [7, с. 233, 234]. Постановлением коллегии Наркомзема РСФСР «О местах поселения кулацких хозяйств, выселяемых из районов сплошной коллективизации» от 1 апреля 1930 г. определялось, что для расселения кулаков необходимо создавать поселки в количестве от 20 до 100 семей. Одним из требований было расположение поселков по возможности дальше от железнодорожных, водных и шоссейных путей. Места для поселения определяла комиссия в составе представителей земорганов, ОГПУ, административных управлений Облисполкомов. На местах вводили особый режим проживания. Управление поселками возлагалось на комендатуры НКВД [8]. В производственном отношении спецпереселенцы подчинялись начальникам лесопунктов. Представителями от райисполкомов в начале 1930-х гг. в спецпоселках были завхозы. Несмотря на тщательную регламентацию вопроса заселения спецпереселенцев, на практике вся работа по их устройству проводилась стихийно. В первую очередь это показала доставка спецпереселенцев к местам проживания.

В Коми автономную область спецпереселение в 1930-е гг. происходило в два этапа, в 1930 и 1931 гг., всего за два года численность спецпереселенцев достигла около 41 тыс. чел. Раскулаченных с железнодорожных станций доставляли в Сыктывкар на подводах или баржах, из Сыктывкара развозили на баржах по рекам, пешим этапом и на телегах по суше до райцентров. Затем их временно размещали в селах и деревнях, близлежащих к будущим местам заселения, либо сразу направляли на место будущих спецпоселков – в лес. В лучшем случае на месте которых имелись ветхие бараки сезонников-лесозаготовителей, но, как правило, «новую жизнь» приходилось начинать с нуля. Первое время спецпереселенцы жили в палатках, шалашах и землянках и лишь потом их перемещали в построенные ими же бараки.

К месту сп. Ичет-ди около 1500 чел. спецпереселенцев из Воронежской области везли до Котласа в вагонах для скота, по пять-шесть семей в вагоне, потом погрузили на баржу и по р. Вычегде довели до с. Помоздино. Оттуда до Троицко-Печорска 1.5 км шли пешком по лесной дороге. На подводах везли вещи и маленьких детей. В Троицко-Печорск прибыли поздней осенью и пароходы по Печоре уже не ходили, для доставки людей использовали лодки местных жителей, плыли вниз по Печоре до пос. Ичет-ди. Высланные жили первые два года в землянках на берегу руч. Мича-шор, на котором впоследствии была построена мельница [9]. В сп. Новый Бор, определенный под заселение в Усть-Цилемском районе, спецпереселенцы, выселенные из Архангельской области летом 1931 г., добирались морским путем, по Белому морю из г. Архангельска до Нарьян-Мара паромом, затем от Нарьян-Мара на баржах по р. Печоре до Нового Бора [10].

Тяжелая дорога для семей с детьми и престарелыми занимала долгое время, в большинстве случаев около ме-

сяца и более. Смертность спецпереселенцев в пути была высокой, но не фиксировалась, статистические данные на сегодняшний день по потерям в период доставки отсутствуют. По мнению исследователя В. Н. Земскова, убыль при транспортировке составила около 200 тыс. чел. из общего числа (1.8 млн чел.) [11].

В 1930 г. в Коми область было вселено около 17 тыс. чел. и организовано 23 спецпоселка, которые 4 мая 1931 г. официально были переданы Коми Областным земельным управлением тресту «Комилес» вместе «со всем находящимся в них живым и мертвым инвентарем» и постройками. Как видно из данных табл. 1, из 23 поселков в производственном плане было определено шесть как сельскохозяйственных и 17 как лесопромышленных.

Таблица 1

Спецпоселки в Коми автономной области в 1930 году

Table 1

Special settlements in the Komi Autonomous Region in 1930

№	Район/ хозяйственное направление	Спецпоселок	Человек
Сельскохозяйственные			
1	Прилузский	Чес-Ель (№ 31)	548
2		Усть-Вель (№ 3)	752
3		Вельдорью (№ 0)	483
4		Сорель (№ 6)	430
5		Немецкий (№ 8)	
6	Визингский	Ниашор	1586
Всего			4441
Лесопромышленные			
7	Визингский	Яр (Видзью)	741
8		Воквад (Вад)	1843
9	Сыктывдинский	Вор-ю (Ибский)	495
10		Расью (Маджа)	565
11		Соль	337
12		Мес-ель (Емельстан)	314
13		Сторожевский	Боровой (Нившера)
14	Одью		392
15	Усть-Вымский	Мещура	307
16		Усть-Коин	309
17		Ветью	368
18	Усть-Куломский	Вежаю	640
19		Окос	771
20		Крутобор	692
21		Лопью-Вад	579
22		Чуд	352
23		Ындын	742
Всего			13229
Итого			17670

Источник: [12].

Sources: [12].

При строительстве спецпоселков должен был соблюден комплекс условий. В частности, в инструкции Беломорско-Балтийского комбината ОГПУ по выбору мест для переселенческих поселков комбината указывалось, что при выборе места для поселка необходимо учитывать не только наличие сельскохозяйственных угодий, но и близость водоснабжения и путей сообщения. Однако главное

требование заключалось в наличии запасов древесины в «ближайших районах, обеспечивающих работу переселенцев на ближайшие 8–10 лет», размер поселка устанавливали в среднем в 250 семей [13]. Аналогичные требования учитывали при организации поселков и в Коми автономной области.

Строительство спецпоселков шло трудно и медленно. К осени 1930 г. в Северном крае, в состав которого входила Коми область, было построено только 66 постоянных жилищ из 4071 запланированных, а требовалось около 6 тыс. План строительства для спецпереселенцев в крае был выполнен на 1.4 %, потребность в жилье удовлетворена на 1 % [14]. Одна из причин медленных темпов строительства состояла в нехватке рабочих рук, обуви и спецодежды. Трест «Комилес» издавал приказы, по которым директора ЛПХ-ов должны были переключать спецпереселенцев с лесозаготовок на строительство спецпоселков для того, чтобы срочно до зимы закончить строительство жилья. Предполагавшаяся застройка спецпоселков типовыми домами была переориентирована на строительство по барачной системе [15]. К ноябрю по Коми области было построено 268 жилых домов (бараков) из 700 требуемых [16].

Для развития лесозаготовительной промышленности имеющиеся трудоспособные спецпереселенцы не покрывали потребности в рабочей силе, поэтому в 1931 г. были дополнительно переселены в Коми область более 4 тыс. семей спецпереселенцев-«бывших кулаков». В сентябре 1931 г. в тресте «Комилес» числилось с членами семей 38 420 чел. [17].

В 1931 г. было проведено обследование мест к заселению. В апреле 1931 г. заключен договор между Коми областным филиалом Государственного треста по организации территорий и подготовке земельных фондов (далее – Госземтрест) и лесопромышленным трестом «Комилес» о проведении детального обследования мест, предназначенных к заселению спецпереселенцами, по которому Госземтрест должен был представить акты обследования местностей [18]. В результате проведенной работы Госземтрест должен был сдать «Комилесу» следующие материалы: карты ЛПХ-ов, схемы распланировки поселков, схематические чертежи мест, подвергнутых детальному обследованию, а также почвенную и гидрологическую карты. После проведенных работ возник ряд документов – акты обследования местностей, предназначенных для постройки спецпоселков. В данные акты входило описание участка с географической точки зрения, описание почв, растительности, путей сообщения, распределение земли по угодьям, нормы наделения спецпереселенцев земельными участками и лесоматериалами: в тех случаях, когда поселок уже существовал, указывались главные и второстепенные занятия спецпереселенцев, необходимые мероприятия по устройству поселка; в обоих случаях прилагались план поселка и карта лесоучастка [19].

В подавляющем большинстве обследования проводили уже в организованных в 1930 г. спецпоселках, в которые предполагалось допереселение. Кроме того, обследования осуществляли осенью и зимой, а не летом, что необходимо было по договору. Так, в спецпоселках Зинстан

и вынужден обследования проводили в декабре. В зимних условиях провести тщательное обследование, например почв, было невозможно, поэтому вышеупомянутые акты обследований, как указывал один из работников Госземтреста, были неточными до 40 % [20]. Поселки были организованы в неблагоприятных местах относительно как путей сообщения, так и природных условий. Кроме того, не учитывались природные и географические условия для ведения сельского хозяйства, часто в спецпоселках, организованных среди болот, не хватало лесоматериалов для строительства домов. В заключении обследований многих спецпоселков комиссия сделала вывод об их непригодности к заселению. Например, при обследовании переселенческого участка под сп. Тимшер указывалось, что почва непригодна для ведения сельскохозяйственных работ, а удаленность водоемов непосредственно от поселка не будет способствовать его благоприятному развитию [21].

В актах обследования территорий для лесозаготовительных спецпоселков разяснялись «задачи колонизации». Отмечалось, что «основным направлением хозяйств спецпоселка нужно считать лесоразработки и подсобными – сельское хозяйство с животноводческим уклоном, охота, рыболовство». Указывалось также, что сырьевой запас леса для заготовок должен быть предусмотрен на 10–15 лет интенсивных работ [22].

При организации поселков не учитывались сложности с доставкой продовольствия и необходимых товаров. Следуя требованию размещения спецпоселков в удалении от железнодорожных, водных и шоссейных путей, ближайшие населенные пункты находились от них не ближе 30 км. Связь с населенными пунктами и райцентром осуществлялась по воде. Сухопутные пути, как правило, отсутствовали. Например, дорога до ближайшего населенного пункта от сп. Крутобор шла лесной тропой, которая была «совершенно неустроенна на всем протяжении 39 км», до райцентра дорога включала путь по четырем рекам длиной в 250 км [23]. В отчете обследования состояния строительства пос. Пивью отмечено следующее: «Подбор места под поселок произведен совершенно неправильно, без всякого основания. Продукты в поселок забрасываются с переборами, доставка идет через 4 населенных пункта и 4 реки. Летом реки мельчают, и передвижение лодок очень затруднено. Из промышленных товаров в поселке (на время обследования, сентябрь 1931 г. – Н.И.) имеются только лапти» [24].

Ориентация на «производственные требования будущих поселков», а не на условия проживания, привела к необходимости закрытия отдельных поселков уже через год из-за невозможности проживания. В августе 1931 г. встал вопрос о переносе спецпоселков Окос и Крутобор. В частности, по сп. Окос в заключении специальной комиссии указывалось: «В 7 км от поселка находится болото Руба-Кум, площадью больше 1000 га, в дождливое время сплошь покрыто водой. Окружение болотами создает замкнутость по дальнейшему устройству и по угольям. Отдаленность сухих путей создает трудность в снабжении» [25]. В тресте «Комилес» инженер по хозяйственному отделу спецпереселения дал следующее заключение: «Спецпоселки нужно рассматривать как рабочие поселки лесной

промышленности. Вопрос о целесообразности оставления поселков должен быть решен вне зависимости от сельхоз возможностей, а от потребности в рабочей силе данного микрорайона. Расходы на дорожное строительство не могут служить основанием к ликвидации поселка» [26]. Несмотря на данные заключения, сп. Окос продолжал функционировать.

Строительство спецпоселков должно было производиться по типовым проектам, составленным «Комилесом» и утвержденными областными органами управления строительного контроля. Нормы жилой площади в 1931 г. должны были быть доведены до 4 кв.м на одного человека. В 1931 г. требовалось построить 130 жилых домов площадью 10 786 кв. м [27]. В НА РК в фонде треста «Комилеса» хранится ряд документов, включающих проекты и сметы на строительство в спецпоселках, относящиеся к 1931–1935 гг. [28]. Были утверждены проекты как жилых, так и административных зданий. Первые предусматривались нескольких типов: жилой дом 4-квартирный, 12-комнатный жилой дом, основным типовым проектом был проект жилого дома-барака на восемь семейств [29]. Под квартирами понимались комнаты. Одна комната на семью, при жилой площади на одного человека – 3–4 кв. м [30]. В вышеупомянутых документах также имеются проекты больниц различных типов : на 4, 6, 8, 10, 16, 20 коек. Разрабатывались проекты строительства барачков для заразных больных на 510 коек [31], а также школ, столовых, хлебопекарен, ларьков, овощехранилищ, ледников для хранения продуктов, бань, дезокамер, пожарных депо, скотных дворов, столярных мастерских, кузниц и даже чертежных столов. Школы проектировались, как правило, двух типов – пятилетки и начальные двухкомплектные школы. К проектам прилагались сметы на строительство того или иного типа. В реальности в 1930-е гг. эти проекты оставались только на бумаге. Первыми построенными зданиями в спецпоселках были бараки, бани, магазины и здания почты. Под какие-либо другие нужды выделялись помещения в бараках.

По итогам 1932 г. всего по Коми области на 8090 семей спецпереселенцев (около 40 тыс. чел.), проживающих в 45 спецпоселках, было построено 499 домов жилой площадью 97 075 кв. м, по плану должно было быть возведено 669 домов общей площадью 103 505 кв. м. В конце 1932 г. строилось 149 домов. Помимо жилых домов в спецпоселках на 1932 г. возвели : бани-дезокамеры – 34, магазины (ларьки) – 31, почтовые агентства –27, школы –7, красные уголки – 5, медпункты – 2, столовые – 2, клуб – 1, больницы – 0 [32].

Строившиеся бараки не соответствовали санитарно-гигиеническим и техническим нормам, они представляли большие сараи, внутри которых располагались сплошные нары в два-три яруса, окна почти все забивали наглухо для сохранения тепла. Бараки, строившиеся наспех из сырого леса, были продуваемые и холодные. Типичная для первого года переселения спецпереселенцев ситуация отмечена в пос. Зинстан, организованном в июне 1931 г., через полгода после заселения: «Дома строятся по казарменному типу с жилой площадью 300 кв. м. вмеща-

ющих 100 человек (по 3 кв. м на 1 человека). Жилищные условия крайне плохие. По берегу р. Пруп стоит около 200 землянок. В каждой из которых проживает до 10 человек и больше. На зиму эти землянки совершенно не пригодны, а меры по строительству домов не принимались. В новых бараках переселенцы не живут, т. к. они не закончены. А живут все на расстоянии 3 км от поселка» [33]. С середины 1930-х гг. по мере строительства новых бараков в некоторых поселках был произведен «переход на комнатную систему». В одной комнатке жили по две-три семьи, семь-десять человек примерно на 18–24 кв. м. Средняя жилая площадь на одного человека в спецпоселках республики составляла от 1 до 2,5 кв. м [34].

Одна из важных причин отставания в строительстве заключалась в плохой организации руководства на местах. Как указывалось в документах, не во всех поселках сразу были выделены коменданты, а также уполномоченные по строительству от райкомов и райисполкомов и десятники-строители от ЛПХ, которые должны были работать в спецпоселках [35].

В марте 1932 г. Коми Обком ВКП(б) ставил задачу «форсировать строительство в спецпоселках и закончить его не позднее 1 сентября», но к 1933 г. план строительства не был выполнен [36]. Отмечалось несколько причин плохого «освоения» спецпереселенцев и медленных темпов строительства. Главным занятием спецпереселенцев была лесозаготовка, поэтому с начала заселения часть из них работала в лесу, а на строительстве поселков оставалось несколько бригад. Кроме того, ощущалась острая нехватка строительных инструментов и строевого леса. Официальными причинами невыполнения плана по строительству «Комилес» назвал отсутствие строевого леса, а также «недостаточный отпуск продлимитов на строительство». На работающих на строительстве спецпереселенцев было выделено 27,6 т муки, 2,8 т крупы и 36 т овса, что составляло лишь 29 % от необходимого количества [37]. В поселки отпускались продукты по фондам лесозаготовителей, работающие на строительстве поселков зачастую продуктами питания не обеспечивались вовсе. Например, в Локчимских участках 5370 спецпереселенцев питались продуктами, завезенными на 3020 чел. [38].

На заседании Президиума Северного краевого комитета ВКП (б) «О хозустройстве спецпереселенцев» 22 июня 1933 г. было констатировано, что хозорганизациями, «особенно низовыми» – ЛПХ, ЛТХ и лесопунктами – учет средств, предназначенных на строительство и хозустройство, не налажен, средства расходуются не по назначению [39]. В ноябре 1933 г. на 5415 семей (около 25 тыс. чел.) спецпереселенцев было построено 545 домов, т.е. один дом (барак) на 10 семей. При этом в течение года был построен только один дом, как следует из данных табл. 2.

В 1933 г. в каждом спецпоселке функционировало культурно-просветительское учреждение в отдельном здании или специально приспособленном помещении. Клубы были одними из первых официальных зданий в спецпоселках, потому что там проходили все собрания и вечера. Здесь же праздновались официальные праздники. К 1933 г., как видно из данных табл. 3, было организовано 10 клубов, а также 11 изб-читален и 16 красных уголков [41].

Школы и дошкольные учреждения в Коми крае начали строиться одновременно со строительством жилья в поселках. К июлю 1932 г. сдано в эксплуатацию 13 школьных зданий, остальные школы были организованы в приспособленных помещениях [42]. Школы работали с первого года организации спецпоселков. К 1935 г. число школ, как видно по данным табл. 4, сократилось до 38, так как часть поселков была ликвидирована.

В период 1931–1933 гг. численность спецпереселенцев сократилась более чем в два раза, прежде всего ввиду высокого уровня смертности. В Коми области в 1931 г. численность спецпереселенцев составила 40 325 чел. [44]. В 1932 г. спецпереселенцев насчитывалось в январе – 39 184, а в мае – 38 103 чел. [7, с. 252], к 1933 г. их

Таблица 2

Строительство в спецпоселках Коми автономной области в 1933 году

Table 2

Construction in special settlements of the Komi Autonomous Region in 1933

№	Леспромхоз	Число семей	Запланировано домов	Построено домов на 1.01.33	Строится домов	Построено домов на 1.12.33	Комнат на 1.12.33
1	Усть-Куломский	1427	150	161	-	161	1459
2	Сторожевский	419	67	54	-	51	402
3	Сыктывдинский	300	38	35	3	36	340
4	Сысольский	1009	128	121	17	121	1159
5	Усть-Вымский	1249	128	121	7	121	1543
6	Троицко-Печорский	680	46	37	9	37	506
7	Кожвинский	338	21	20	1	20	310
	Всего	5415	578	545	37	546	

Источник: [40].

Sources: [40].

Таблица 3

Учреждения культуры в спецпоселках в 1933 году

Table 3

Cultural institutions in special settlements in 1933

№	Район	Клубы	Избы-читальни
1	Сысольский	2	7
2	Троицко-Печорский	1	3
3	Прилузский	2	3
4	Сыктывдинский	-	4
5	Сторожевский	-	1
6	Усть-Вымский	2	4
7	Усть-Куломский	1	5
8	Усть-Усинский	1	-
9	Усть-Цилемский	1	-
	Всего	10	27

Источник: [41].

Sources: [41].

Школьная сеть в спецпоселках Коми АССР в 1935/36 учебном году

School network in special settlements of the Komi ASSR in the 1935-1936 academic year

№	Район	Начальные школы	Ученики, чел.	Неполные средние школы	Ученики, чел.	Всего
1	Сыктывдинский	6	457	1	248	705
2	Сысольский	2	481	2	244	725
3	Прилузский	4	227	1	91	318
4	Сторожевский	3	85	-	-	85
5	Усть-Вымский	5	543	1	127	670
6	Усть-Куломский	7	431	1	158	589
7	Усть-Усинский	1	68	-	-	68
8	Троицко-Печорский	2	448	2	277	725
	Всего	30	2740	8	1171	3911

Источник: [43].
Sources: [43].

численность сократилась до 24 932 чел. [там же, с. 217]. В 1934 г. спецпереселенцев было 17 859 чел. [45], а к концу 1935 г. – 16 954 чел. [46]. Во второй половине 1930-х гг. число раскулаченных на спецпоселениях в республике остается стабильным – около 17 тыс. чел. В частности, на 1 октября 1938 г. было учтено 17 955 чел., с учетом проживающих в сп. Новый Бор – около 20 тыс. чел. [47].

В Коми автономной области в 1932 г. проживало 38 тыс. спецпереселенцев, размещенных в девяти районах области. Наибольшее число спецпереселенцев на 1 января

1932 г., как видно по данным из табл. 5, было размещено в Усть-Куломском районе – 8235 чел., где функционировали 10 спецпоселков.

С 1933 по 1935 г. по причине неблагоприятного размещения были ликвидированы поселки Лемью, Видзью-Яр, Крутобор, Чудью, Одь, население которых переведено в ближайшие спец(труд)-поселки. При ликвидации трудпоселков Певк и Вуктыль для проживавших в них трудпереселенцев был организован новый тп. Теплогорка на р. Локчим. Трудпоселок Вожаель в 1938-1939 гг. – передан Усть-Вымлагу.

Ориентация поселков по профилю на сельскохозяйственные и лесозаготовительные в середине 1930-х гг. была отменена. Наркомлесом СССР 26 мая 1936 г.

было принято постановление, по которому трудоспособный контингент был прикреплен в течение года исключительно на производственные лесозаготовительные работы. Сельское хозяйство в виде сельхозартелей в каждом трудпоселке стало носить подсобный характер, с использованием только «неполноценной рабочей силы», которая не может быть применена на работе в лесу [51]. Но тп. Новый Бор имел постоянный сельскохозяйственный профиль, в северных условиях были созданы большой колхоз и крупный маслозавод. Организовывал поселок «Мясолтрест», в 1933 г. его передали Ухтпечлагу, в 1938 г. трудпоселок был передан Воркутлагу и стал сельхозотделением Воркутстроя НКВД.

Созданная в 1930-е гг. сеть специальных поселений имела размещение по дисперсному типу расселения, при котором отдельные, небольшие населенные пункты практически не взаимодействуют, находясь на значительном расстоянии друг от друга. Поселки создавались как изолированные от местного населения и административных центров поселения, что привело к проблемам с их снабжением и созданием инфраструктуры. Основным фактором расположения была близость к лесоучасткам, пригодным для лесозаготовки. При этом в спец(труд)поселках строились жилые помещения, были организованы учреждения образования, медицинские и культурно-просветительские и социальные учреждения, к которым относятся школы, детские сады, клубы, избы-читальни, больницы и медпункты, столовые, бани, детские и инвалидные дома. В конце 1930-х гг. на территории Республики Коми существовало 36 трудпоселков, в которых проживало около 20 тыс. трудпереселенцев. В 1940-е гг. система спецпоселений значительно расширилась и легла в основу системы рабочих поселков лесозаготовителей, окончательно оформившейся в 1950-е гг.

Спецпоселки в Коми автономной области в 1932-1933 годах

Special settlements in the Komi Autonomous Region in 1932-1933

№	Район/спецпоселок	Год организации	Сельсовет, в который входит спецпоселок	Человек в 1932 г.	Человек в 1933 г.
1	2	3	4	5	6
1	Вежаю	1930	Помоздинский	631	529
2	Окос	1930	Вочевский	619	481
3	Лопью-вад	1930	Мыелдинский	1070	532
4	Крутобор	1930	Усть-Куломский	640	342
5	Ындын	1930	Усть-Немский	699	556
6	Чуд	1931	Пожегодский	706	160
7	Пивью	1931	Усть-Куломский	679	295
8	Зинстан	1931	Керчемский	1006	656
9	Тимшер	1931	Пожегодский	938	512
10	Лесной Чер	1931	Помоздинский	1247	449
Усть-Куломский район				8235	4512
11	Ворью	1930	Ибский	561	626
12	Расью	1930	Маджский	679	570
13	Емельстан	1930	Мординский	318	298
14	Вуктыль	1931	Лопыдинский	821	575
15	Сапыч	1931	Мординский	785	446
16	Соль	1931	Лопыдинский	500	246
17	Веж(а)	1931	Лопыдинский	667	409
18	Певк	1931	Мординский	704	437
Сыктывдинский район				5075	3430

1	2	3	4	5	6
19	Одью	1930	Нившерский	367	191
20	Боровой	1930	Нившерский	797	404
21	Лопью	1931	Нившерский	785	146
22	Шудог	1931	Небдинский	502	232
23	Лева-Керос	1931	Нившерский	448	134
Сторожевский район				3318	1107
24	Мещура	1930	Веслянский	807	544
25	Усть-Коин	1930	Веслянский	1175	628
26	Ветью	1930	Турьинский	1480	1132
27	Вожаель	1931	Княжпогостский	1640	716
28	Божьюдор	1931	Веслянский	1262	739
29	Вильордым	1931	Княжпогостский	451	390
30	Лемью	1931	Княжпогостский	419	Ликвид.
Усть-Вымский район				6815	4149
31	Ниагор	1930	Пыелдино	1612	1453
32	Вок-вад	1930	Гривенский	1794	1647
33	Яр (Видзув-Яр)	1930	Ужгинский	714	615
34	Рабог	1931	Ужгинский	946	612
35	Воктыл(а)	1931	Гривенский	495	346
Сысольский район				5561	4673
36	Вельдорью	1930	Ношульский	451	430
37	Усть-вель	1930	Ношульский	767	638
38	Сор-ель	1930	Ношульский	469	454
39	Немецкий	1930	Ношульский	625	622
40	Чесь-ель	1930	Ловлинский	531	437
Прилузский район				2843	2581
41	Сойю	1931	Савиноборский	726	579
42	Ичет-Ди	1931	Савиноборский	1682	1104
43	Горт-ель	1931	Щугорский	927	643
44	Пиня-из	1931	Щугорский	1124	Нет св.
Троицко-Печорский р-н				4459	2326
45	Песчанка	1931	Кожвинский	1358	857
46	Новый Бор	1931	Усть-Цилемский	1580	Нет св.
				39 184	23 635

Составлено по: [48-50].
Compiled from: [48-50].

Источники и литература

1. Мазур, Л. Н. Эволюция сельских поселений Среднего Урала в XX веке. Опыт динамического анализа / Л. Н. Мазур, Л. И. Бродская. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2006. – 564 с.
2. Зыкин, И. В. Социокультурный облик работников лесопромышленного комплекса Советского Союза в 1929 г. – первой половине 1941 г. / И. В. Зыкин – Москва : Новый Хронограф, 2022. – 432 с.
3. Зеленин, И. Е. Ликвидация кулачества как класса / И. Е. Зеленин // История СССР. – 1990. – № 6. – С. 31.
4. Ивницкий, Н. А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов) / Н. А. Ивницкий. – Москва : Магистр, 1996. – С. 231.
5. НА РК. Ф.Р.-144. Оп. 1. Д. 3125. Л. 4.
6. НА РК. Ф.Р.-701. Оп. 1. Д. 36. Л. 13.

7. Спецпоселки в Коми Области : сборник документов / сост. : Г. Ф. Доброноженко, Л. С. Шабалова. – Сыктывкар : СГУ, 1997. – С. 225.
8. Бугай, Н. Ф. Кавказ: народы в эшелонах (20–60-е годы) / Н. Ф. Бугай, А. М. Гонов. – Москва : ИНСАН, 1998. – С. 114.
9. Ичет-ди. Воспоминания // Общее дело. – 1997. – № 2. – С. 19–26.
10. Плюснина, Л. В. Спецпоселение Новый Бор (совхоз № 77) на Печоре / Л. В. Плюснина // Общее дело. – 1997. – № 2. – С. 88, 89.
11. Земсков, В. Н. Сталин и народ. Почему не было восстания / В. Н. Земсков. – Москва : Алгоритм, 2014. – С. 11.
12. НА РК. Ф.Р.-144. Оп. 1. Д. 1575. Л. 8.
13. ГУЛАГ в Карелии. 1930–1941 гг. : сборник документов и материалов / сост.: А. Ю. Жуков [и др.]; науч. ред. В. Г. Макуров; Карел. науч. центр. Ин-т языка, лит. и истории, Центр. гос. арх. Респ. Карелия. – Петрозаводск : КНЦ РАН, 1992. – С. 93.
14. НА РК. Ф.Р.-1. Оп. 2. Д. 808. Л. 66.
15. Там же. Ф.П.-1. Оп. 1. Д. 808. Л. 42.
16. Там же. Л. 114.
17. НА РК. Ф.Р.-144. Оп. 1. Д. 1575. Л. 36.
18. Там же. 1592. Л. 21.
19. Там же. Д. 1576, 1579, 1586, 1589, 1612, 1619, 1628, 1911, .
20. Там же. Д. 1592. Л. 44.
21. Там же. Д. 1586. Л. 10.
22. Там же. Д. 1586. Л. 42.
23. Там же. Д. 1662. Л. 118.
24. Там же. Д. 1573. Л. 10.
25. Там же. Д. 1662. Л. 113.
26. Там же. Л. 111.
27. Там же. Д. 1573. Л. 65–74.
28. Там же. Д. 1663, 1664, 1672, 1673, 1674, 1675, 1679, 1680, 1682, 1683.
29. Там же. Д. 1663, 1664, 1673.
30. Там же. Д. 1662, Л. 120.
31. Там же. Д. 1663, 1672, 1673, 1674.
32. НА РК. Ф.Р.-3. Оп. 1. Д. 2386. Л. 14, 25.
33. НА РК. Ф.Р.-144. Оп. 1. Д. 1573. Л. 31, 104.
34. НА РК. Ф.П.-1. Оп. 3. Д. 137. Л. 1.
35. НА РК. Ф.Р.-144. Оп. 1. Д. 1681. Л. 9.
36. НА РК. Ф.Р.-398. Оп. 1. Д. 971. Л. 132.
37. НА РК. Ф.Р.-3. Оп. 1. Д. 2422. Л. 9.
38. Там же. Д. 2371. Л. 45.
39. НА РК. Ф.Р.-374. Оп. 1. Д. 2.
40. НА РК. Ф.Р.-3. Оп. 1. Д. 2419. Л. 76
41. НА РК. Ф.Р.-148. Оп. 1. Д. 690. Л. 36.
42. НА РК. Ф.Р.-18. Оп. 3. Д. 344 «а». Л. 2.
43. НА РК. Ф.Р.-148. Оп. 1. Д. 1019. Л. 55.
44. Там же. Д. 576. Л. 121.
45. НА РК. Ф.Р.-144. Оп. 1. Д. 3192. Л. 15.
46. НА РК. Ф.Р.-136. Оп. 1. Д. 389. Л. 72.
47. НА РК. Ф.Р.-148. Оп. 1. Д. 638. Л. 83.

48. НА РК Ф.Р.-3. Оп. 1. Д. 2375. Л. 163.
49. НА РК. Ф.П.-1. Оп. 3. Д. 137. Л. 24.
50. НА РК. Ф.П.-1. Оп. 3. Д. 461. Л. 37.
51. НА РК. Ф.Р.-144. Оп. 1. Д. 3371. Л. 29.

Referenses

1. Mazur, L. N. Evolyuciya sel'skikh poselenij Srednego Urala v XX veke. Opyt dinamicheskogo analiza [Evolution of rural settlements of the Middle Urals in the XX century. Dynamic analysis experience] / L. N. Mazur, L. I. Brodskaya. – Ekaterinburg: Ural Univ. Publ., 2006. — 564 p.
2. Zykin, I. V. Sociokul'turnyj oblik rabotnikov lesopromyshlennogo kompleksa Sovetskogo Soyuza v 1929 g. – pervoj polovine 1941 g. [The sociocultural appearance of workers in the timber industry of the Soviet Union in 1929 – first half of 1941] / I. V. Zykin. – Moscow: Novyj Hronograf [New Chronograph], 2022. – 432 p.
3. Zelenin, I. E. Likvidaciya kulachestva kak klassa [Elimination of the kulaks as a class] / I. E. Zelenin // Istoriya SSSR [History of the USSR]. – 1990. – № 6. – P. 31.
4. Ivnit'sky, N.A. Kollektivizaciya i raskulachivanie (nachalo 30-h godov) [Collectivization and dispossession (early 1930s)] / N.A. Ivnit'sky. – Moscow: Magistr, 1996. – P. 231.
5. Nacional'nyj arhiv Respubliki Komi [National Archives of the Komi Republic]. F.R.-144. Op. 1. D. 3125. L. 4
6. Ibid. F.R.- 701. Op. 1. D. 36. L. 13.
7. Specposelki v Komi Oblasti. Sbornik dokumentov [Special settlements in the Komi Region. Collection of documents]. – Syktyvkar: Syktyvkar State Univ., 1997. – P. 225.
8. Bugai, N. F. Kavkaz: narody v eshelonah (20–60-e gody) [Caucasus: peoples in echelons (1920–1960s)] / N. F. Bugai, A.M. Gonov. – Moscow: INSAN, 1998. – P. 114.
9. Ichet-di. Vospominaniya [Ichet-di. Memories] // Zhurnal «Obshchee delo» [“Common Cause” Magazine]. – 1997. – № 2. – P. 19–26.
10. Plyusnina, L. V. Specposelenie Novyj Bor (sovhoz № 77) na Pechore [Special settlement Novyj Bor (state farm No. 77) on Pechora] / L. V. Plyusnina // Zhurnal «Obshchee delo» [“Common Cause” Magazine]. – 1997. – № 2. – P. 88–89.
11. Zemskov, V.N. Stalin i narod. Pochemu ne bylo vosstaniya [Stalin and the people. Why there was no uprising?] / V. N. Zemskov. – Moscow: Algoritm, 2014. – P. 11
12. National Archives of the Komi Republic. F.R.-144. Op. 1. D. 1575. L. 8.
13. GULAG v Karelii. 1930–1941 gg. Sbornik dokumentov i materialov [GULAG in Karelia. 1930–1941. Collection of documents and materials] / Petrozavodsk: Karelian Sci. Centre, RAS, 1992. – P. 93.
14. Nacional'nyj arhiv Respubliki Komi [National Archives of the Komi Republic]. F.R.-1. Op. 2. D. 808. L. 66.
15. Ibid. F.P.- 1. Op. 1. D. 808. L. 42.
16. Ibid. F.P.- 1. Op. 1. D. 808. L. 114.
17. Ibid. F.R.-144. Op. 1. D. 1575. L. 36.
18. Ibid. F.R.-144. Op. 1. D. 1592. L. 21.
19. Ibid. F.R.-144. Op.1. D. 1576, 1579, 1586, 1589, 1911, 1612, 1619, 1628.
20. Ibid. F.R.-144. Op. 1. D. 1592. L. 44.
21. Ibid. F.R.-144. Op. 1. D. 1586. L. 10.
22. Ibid. F.R.-144. Op. 1. D. 1586. L. 42.
23. Ibid. F.R.-144. Op.1. D. 1662. L. 118.
24. Ibid. F.R.-144. Op.1. D. 1573. L. 10.
25. Ibid. F.R.-144. Op.1. D. 1662. L. 113.
26. Ibid. F.R.- 144. Op.1. D. 1662. L. 111.
27. Ibid. F.R.-144. Op.1. D. 1573. L. 65–74.
28. Ibid. F. 144. Op.1. D.1664, D. 1672, D. 1675, D. 1674, D. 1673, D. 1663, D. 1682, D. 1680, D. 1679, D. 1683.
29. Ibid. F.R.-144. Op.1. D. 1664; D. 1663, D. 1673.
30. Ibid. F.R.-144. Op.1. D. 1662. L. 120.
31. Ibid. F.R.-144. Op.1. D. 1663, D. 1673, D. 1674, D. 1672.
32. Ibid. F. R.-3. Op. 1. D. 2386. L. 14, 25.
33. Ibid. F.R.-144. Op.1. D. 1573. L. 31, 104.
34. Ibid. F.P.-1. Op. 3. D. 137. L. 1.
35. Ibid. F.R.-144. Op. 1. D. 1681. L. 9.
36. Ibid. F. R.-398. Op. 1. D. 971. L. 132.
37. Ibid. F.R.-3. Op. 1. D. 2422. L. 9.
38. Ibid. F.R.-3. Op. 1. D. 2371. L. 45.
39. Ibid. F. R.-374. Op. 1. D. 2.
40. Ibid. F.R.-3. Op. 1. D. 2419. L. 76.
41. Ibid. F.R.-148. Op. 1. D. 690. L. 36.
42. Ibid. F.R.-18. Op. 3. D. 344 “a”. L. 2.
43. Ibid. F.-148. Op. 1. D. 1019. L. 55.
44. Ibid. F.R.-148. Op. 1. D. 576. L. 121.
45. Ibid. F.R.-144. Op. 1. D. 3192. L. 15.
46. Ibid. F.R.-136. Op. 1. D. 389. L. 72.
47. Ibid. F.R.-148. Op. 1. D. 638. L. 83.
48. Ibid. F. 3. Op. 1. D. 2375. L. 163.
49. Ibid. F.P.- 1. Op. 3. D. 137. L. 24.
50. Ibid. F.P.- 1. Op. 3. D. 461. L. 37.
51. Ibid. F.R.-144. Op. 1. D. 3371. L. 29.

Благодарность (госзадание):

Исследование выполнено в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН по теме «Трансформации общества, власти и экономики на Европейском Северо-Востоке России» (номер государственного учета 122040800166-0).

Acknowledgements (state task)

The research was carried out within the frames of the implementation of the state task of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS on the topic “Transformations of society, government and economy in European North-East of Russia” (state registration No. 122040800166-0).

Информация об авторе:

Игнатова Надежда Максимовна – ведущий научный сотрудник, заведующий сектором историко-демографических и историко-географических исследований Российского Севера Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук; ORCID: 0000-0002-1075-9382 (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: ignatova11@rambler.ru).

Author:

Nadezhda M. Ignatova – Leading Researcher, Head of the Sector of Historical-Demographic and Historical-Geographical Research of the Russian North of the Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Komi Republic, Russian Federation; e-mail: ignatova11@rambler.ru; ORCID: 0000-0002-1075-9382).

Для цитирования:

Игнатова, Н. М. Спец(труд)поселки как населенные пункты в 1930-е годы (на материалах Республики Коми) / Н. М. Игнатова // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Историческая демография». – 2023. – № 7 (65). – С. 52–60.

For citation:

Ignatova, N. M. Special (labor) settlements as populated areas in the 1930s (based on materials of the Komi Republic) / N. M. Ignatova // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "Historical demography". – 2023. – No. 7(65). – P. 52–60

Дата поступления статьи: 27.09.2023

Прошла рецензирование: 02.10.2023

Принято решение о публикации: 05.10.2023

Received: 27.09.2023

Reviewed: 02.10.2023

Accepted: 05.10.2023

Формирование вооруженных сил Болгарии и их потери в боевых операциях против нацистской Германии (сентябрь 1944 – май 1945 года)

М. В. Медведев

Институт всеобщей истории Российской академии наук,
г. Москва
m1max@mail.ru

Аннотация

Проанализированы потери болгарских вооруженных сил во время боевых операций против нацистской Германии. Рассмотрена особенность перехода вооруженных сил Болгарии на сторону союзных войск в борьбе против нацистской Германии в период с сентября 1944 г. по май 1945 г. Изучены проблемы, предшествующие переломному моменту, дана характеристика действиям 3-го Украинского фронта Красной армии на территории Балканского полуострова, в оперативное подчинение которого была передана Болгарская народная армия. Исследованы этапы реформирования болгарских войск в единую 1-ю болгарскую армию. Отражены вопросы взаимодействия советских и болгарских войсковых соединений в рамках выполнения общих боевых задач. Участие болгарских войск в союзе с Красной армией в крупных операциях Великой Отечественной войны позволило отстоять Болгарии свою довоенную территорию и достичь общемирового признания на заключительном этапе разгрома нацистской Германии.

Ключевые слова :

Болгария, СССР, Вторая мировая война, 1-я болгарская армия, потери, Болгарская народная армия, Красная армия, 3-й Украинский фронт

Проблемы взаимоотношений СССР и Болгарии в годы Второй мировой войны являются одним из наиболее спорных и обсуждаемых вопросов в историографии обозначенной темы. В послевоенные десятилетия и в наши дни советско-болгарским отношениям было посвящено немало работ отечественных и болгарских исследователей. Основное внимание в первых научных работах уделено борьбе болгарского народа против монархистского профашистского режима и роли в этом сил сопротивления коммунистической партии [1–4]. В дальнейшем происходило наращивание документальной базы исследований, вместе с тем расширялась и их тематика с акцентом на социально-политическую характеристику сил, действовавших в данных процессах [5–8]. Лишь с прекращением

Formation of the Bulgarian Armed Forces and their losses in combat operations against Nazi Germany (September 1944 – May 1945)

M. V. Medvedev

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow
m1max@mail.ru

Abstract

The losses of the Bulgarian armed forces during combat operations against Nazi Germany are analyzed. The paper considers the peculiarity of the transition of the Bulgarian armed forces to the side of the Allied forces in the fight against Nazi Germany in the period from September 1944 to May 1945. The problems preceding the turning point are analyzed, the characteristics of the actions of the 3rd Ukrainian Front of the Red Army on the territory of the Balkan Peninsula, to whose operational subordination the Bulgarian People's Army was transferred, are given. The stages of the reformation of the Bulgarian troops into a single 1st Bulgarian army are investigated. The issues of interaction between Soviet and Bulgarian military formations in the framework of the implementation of common combat tasks are reflected. The participation of Bulgarian troops in alliance with the Red Army in major operations of the Great Patriotic War allowed Bulgaria to defend its pre-war territory and achieve worldwide recognition at the final stage of the defeat of Nazi Germany.

Keywords :

Bulgaria, USSR, World War II, 1st Bulgarian Army, losses, Bulgarian People's Army, Red Army, 3rd Ukrainian Front

идеологических ограничений и рассекречиванием архивов стало возможным обращение к ранее запретным темам советско-болгарских отношений [9–13]. Тем не менее на историографию проблемы по-прежнему влияют политические и идеологические факторы, усилившиеся в мире в последние годы, поэтому требуется дополнительное исследование обозначенной темы.

Автор данной статьи предпринял попытку систематизировать периоды и выявить проблемы взаимодействия вооруженных сил Болгарии и союзных войск, в частности Красной армии, на заключительном этапе Второй мировой войны. В методологическую основу были положены институциональный и комплексный подходы, отразившиеся в изучении процессов налаживания связи Болгарии

и СССР и их совместных действий в последующих событиях как комплекса сложных политических факторов на основе ряда опубликованных и неопубликованных источников.

В начале Второй мировой войны Болгария придерживалась нейтралитета. В правящих кругах болгарского правительства не существовало единого мнения по поводу отношения к нацистской Германии. Серьезное влияние на царя Бориса III и его окружение оказывали сильная зависимость болгарской экономики от капитала Германии и успехи гитлеровской армии в компании 1940 г. Уступив политическому и экономическому давлению со стороны Германии, 1 марта 1941 г. Болгария присоединилась к Берлинскому (Тройственному) пакту. В тот же день германские войска вступили на территорию Болгарии, чтобы оттуда нанести удар против Греции и Югославии. Так Болгария оказалась втянута во Вторую мировую войну [14, с. 39]. Тем не менее позиция царя позволила болгарским войскам избежать прямого участия в войне. Гитлер отводил Болгарии роль охранника юго-восточных рубежей фашистского союза. Под влиянием Германии 12 декабря 1941 г. Болгария объявила войну США и Англии, надеясь, что она останется символической [15, с. 325].

Планируя войну против СССР, Германия придерживалась стратегии в продвижении на восток без прямого участия Болгарии. Были учтены и давние симпатии болгарского народа к русскому. Правительство Болгарии не стало объявлять войну СССР и не направило на советско-германский фронт свои войска. Важной особенностью было и то, что Болгария, будучи союзницей Германии, сохраняла официальные дипломатические отношения с Советским Союзом. Такие отношения были выгодны советской стороне, так как кроме неучастия болгарских войск в войне на советско-германском фронте, советская разведка имела возможность действовать на болгарской территории.

После заключения союза с Германией в Болгарии стала меняться внутривластная обстановка. Возникло движение сопротивления, которое было представлено различными политическими силами – как коммунистами, так и либеральными партиями. Заметную активность проявляла Болгарская коммунистическая партия, которая после начала войны Германии против СССР взяла вектор на силовое противостояние. Уже летом 1942 г. по инициативе Болгарской коммунистической партии был создан Отечественный фронт, став широкой коалицией антифашистских сил в Болгарии. В дальнейшем состав Отечественного фронта был переформирован в новое объединение. Все партизанские отряды и боевые группы становились подразделениями единой Народно-освободительной повстанческой армии, которая была создана в марте 1943 г. под командованием Х. Михайлова, ранее возглавлявшего Центральную военную комиссию в компартии. Болгария была поделена на 12 повстанческих зон. Вскоре деятельность партизан приобрела активный характер, особенно после разгрома немецких войск под Сталинградом. В период с марта по август 1943 г. силами болгарских повстанцев было проведено 286 операций [11, с. 24].

Партизаны осуществляли диверсионную деятельность на объектах военного значения, срывали работу на предприятиях, нападали на хранилища, отбирали оружие, выполняли подрыв на железнодорожных маршрутах германских сил. Однако большинство столкновений партизан происходило с местной жандармерией и полицией.

Смерть царя Бориса III в конце августа 1943 г. вызвала политический кризис в Болгарии. В правящих кругах усилились сомнения по поводу продолжения прогерманского курса. При этом набирала обороты деятельность сопротивления, включая либеральные слои общества. Усилилось противостояние партизан и участников антифашистского сопротивления с жандармерией и полицией. В период с апреля по август 1944 г. произошло 1909 столкновений. Народно-освободительная повстанческая армия насчитывала не менее 30 тыс. бойцов [16, с. 405, 406]. Боевые стычки отличались особой жесточечностью.

В период трехлетней оккупации Болгарии страна была вовлечена в работу на германскую экономическую систему. Кроме того, германские военные власти грубым образом вмешивались в жизнь и обычаи болгарского народа, нарушая их национальные чувства [17, л. 25]. В апреле 1944 г. германский посол А. Беккерле в ноте болгарскому правительству предупредил, если оно не примет всех мер по борьбе с партизанами, то эта задача будет поручена германским войскам. После этого началось массовое преследование партизан. Только по официальным данным за период прогерманского курса Болгарии было объявлено 200 смертных приговоров; 8908 чел. осуждено к тюремному заключению, 25 тыс. чел. были отправлены в концлагеря [17, л. 25, 26].

Внутривластная ситуация в Болгарии резко обострилась после приближения войск Красной армии к Балканскому полуострову и свержения режима И. Антонеску в Румынии. 26 августа 1944 г. болгарское правительство во главе с И. Багряновым, пытаясь избежать поражения, объявило о строгом нейтралитете в войне и потребовало от Германии вывести свои войска с территории Болгарии.

В начале сентября 1944 г. новое правительство К. Муравиева упразднило правовые нормы, запрещавшие функционирование политических партий, ликвидировало жандармерию, объявило амнистию политзаключенным, разорвало дипломатические отношения с Германией и объявило ей войну. Но момент уже был упущен. 5 сентября 1944 г. Советский Союз объявил войну Болгарии. Болгарское правительство обратилось к СССР с просьбой о перемирии, приказало своим войскам не оказывать сопротивления Красной армии и способствовать ее продвижению [18, с. 200, 201].

8 сентября 1944 г. войска 3-го Украинского фронта перешли болгаро-румынскую границу. В ночь на 9 сентября власть в стране перешла к Отечественному фронту, а его кабинет возглавил К. Георгиев. Члены прежнего правительства были арестованы [19, с. 102, 103].

В связи с тем, что болгарское правительство прекратило отношения с Германией и попросило советское правительство начать переговоры о перемирии, Ставка ВГК, согласно указанию Государственного Комитета Обороны

СССР, приказала с 9 сентября 1944 г. закончить операцию по занятию намеченных по плану населенных пунктов и с этого момента прекратить в Болгарии военные действия. Войскам Красной армии было приказано закрепиться в полосе, которую они контролировали на тот момент [20, л. 37].

15 сентября 1944 г. советские войска вступили в Софию. На следующий день, в целях скорейшего разгрома германских войск, командующий 3-м Украинским фронтом маршал Ф. И. Толбухин обратился к военному министру Болгарии генерал-майору Д. Велчеву с вопросом об оперативном подчинении болгарской армии командованию 3-го Украинского фронта, на что 18 сентября был дан положительный ответ со стороны военного министерства Болгарии [19, с. 107, 108]. 20 сентября Д. Велчев издал приказ, в котором рассматривались изменения, произошедшие после вступления советских войск на территорию Болгарии. Особое внимание уделялось проблемам дисциплины в болгарских войсках [17, л. 37]. В связи этим, командование Красной армии приняло меры для укрепления боеготовности Болгарской народной армии – были проверены на укомплектованность и готовность 2-я, 7-я, 8-я, 9-я и 11-я пехотные дивизии [21, л. 86, 87].

29 сентября 1944 г. состоялись переговоры командующего 3-м Украинским фронтом маршала Ф. И. Толбухина с болгарской делегацией с целью установления дружественных отношений и урегулирования имевшихся проблем. Делегация подняла вопросы о координации совместных действий Красной армии и болгарских войск на линии соприкосновения, а также разоружения 4-й пехотной дивизии и 2-го пограничного полка болгарских войск, использования аэродрома в Софии и др. После достижения соглашений переговоры были закончены [20, л. 42–46].

2 октября 1944 г. распоряжением заместителя командующего 3-м Украинским фронтом генерала-полковника С. С. Бирюзова в качестве представителей высшего советского командования и для оказания необходимой помощи в болгарскую армию была направлена группа офицеров: полковник И. С. Титов – в 6-ю пехотную дивизию; полковник С. Г. Галиакбеков – в 9-ю пехотную дивизию; полковник П. М. Татарчевский – в 4-ю пехотную дивизию [22, с. 21].

Войска Болгарской народной армии в этот период обеспечивали южный фланг Красной армии на территории Югославии и овладели долиной р. Моравы, Вардарской Македонией, Косовом и Метохией. С 8 октября 1944 г. и до конца этого месяца было осуществлено несколько операций. 2-я армия под командованием генерала-майора К. Станчева нанесла главный удар по направлению София–Ниш–Приштина. Разработаны и осуществлены две операции – Нишская и Косовская. Наступление болгарской армии поддержала 17-я воздушная армия 3-го Украинского фронта. Переломный момент наступил 10 октября, когда в районе Мерошины была разгромлена 7-я дивизия СС «Принц Евгений» [23, с. 432].

Косовская операция 2-й армии началась 25 октября после получасовой артиллерийской подготовки и последующих действий авиации. Несмотря на численное пре-

восходство болгарские войска столкнулись с упорным сопротивлением противника. Выиграв время, германские войска получили возможность на вывод своих сил из Греции. Неоднократные атаки и перегруппировка сил в течение недели не дали ожидаемых результатов. После нескольких неудачных попыток преодолеть Страцинскую позицию, 25 октября армия овладела последним препятствием к Куманово. После успешного взятия мощного оборонительного рубежа на берегу р. Пчини соединения 1-й армии были усилены 11-й пехотной дивизией. В течение нескольких дней болгарские войска отбросили противника и овладели Куманово [24, с. 169, 170].

Важным событием стало подписание в Москве 28 октября 1944 г. соглашения о перемирии между правительствами СССР, Англией и США, с одной стороны, и правительством Болгарии – с другой. Правительство Болгарии обязалось разоружить германские вооруженные силы и их сателлитов, а также передать их в качестве военнопленных союзным сторонам. Кроме того, болгарское правительство обещало содержать и предоставлять сухопутные, морские и воздушные силы, которые должны были перейти под общий контроль советского и болгарского командования. После окончания военных действий против Германии болгарские вооруженные силы необходимо было демобилизовать и перевести под наблюдение Союзной контрольной комиссии, которая создавалась во главе с маршалом Советского Союза Ф. И. Толбухиным. Эти и многие другие условия были зафиксированы и вступили в силу с момента подписания соглашения [19, с. 130–133].

3 ноября 2-я болгарская армия силами 4-й дивизии при поддержке бронетанковой бригады нанесла противнику существенный урон, после чего он начал отступать. На соседнем участке, вблизи Приштины, 12-я дивизия имела успех в наступлении, но продвижение ее частей задерживалось частыми контратаками противника. Угроза потери позиций в районе Косового поля принудила германские силы укрепить свою оборону. В долине р. Брегалница 4-я армия к 8 ноября преодолела ряд препятствий противника и перешла к преследованию гитлеровцев в направлении Скопье. 13 ноября болгарские силы совместно с югославскими частями с Народно-освободительной армией Югославии (далее – НОАЮ) овладели столицей Македонии – городом Скопье. После завершения Страцинско-Кумановской и Брегалницко-Струмицкой операций создались условия для помощи 2-й армии по овладению Косова поля [24, с. 170].

При поддержке частей 1-й армии с юга 2-я армия вновь перешла в наступление широким фронтом. Вскоре болгарские войска вошли на территорию Косова поля и 19 ноября овладели Приштиной. Данными действиями завершилась стратегическая операция Болгарской народной армии по освобождению Южной Сербии и Македонии в союзе с югославским сопротивлением.

1-я болгарская армия в течение осени 1944 г. под командованием генерала-майора В. Стойчева нанесла вспомогательный удар по направлению Кюстендил–Скопье. С 8 октября по 19 ноября она провела Страцинско-Кумановскую операцию. С воздуха 1-ю армию прикрывала

болгарская авиация. За это время была освобождена восточная Македония. Войска 4-й армии наступали по направлению Горна Джумая–Велес и провели Брегалницко–Струмицкую операцию с 14 октября по 15 ноября 1944 г. [25, с. 209–212].

К середине ноября 1944 г. болгарские войска во многом выполнили свои обязательства, вытекающие из соглашения от 9 сентября, – начали военные действия против германских войск. После освобождения Болгарии, боевые действия велись уже на территории Югославии при полном согласии с правительством маршала Тито. На фронт Болгария мобилизовала 454 653 чел., а в период с 9 сентября по 10 ноября 1944 г. в военных действиях против Германии болгарская сторона понесла потери убитыми и ранеными 16 187 чел. [19, с. 138, 139]. В Восточной Сербии, Вардарской Македонии и Косово болгарские войска совместно с 3-м Украинским фронтом продвинулись на глубину на 200 км, разгромили пять крупных немецких соединений, убиты и взяты в плен 35 тыс. чел. Уничтожены и захвачены 32 танка, 377 орудий и минометов, 3276 автомобилей и тягачей, свыше 1 тыс. пулеметов [25, с. 212].

В ноябре 1944 г. началась реорганизация всей болгарской армии, прежние соединения были перегруппированы. По приказу болгарского генерального штаба от 21 ноября 1944 г. сформирована одна – 1-я болгарская армия. В нее вошли шесть пехотных дивизий, сведенных в 3-й и 4-й корпуса общей численностью 130 тыс. чел. На должность командующего армии был назначен генерал-лейтенант В. Стойчев, помощником командующего стал генерал-майор Ш. Атанасов [22, с. 60, 61].

Армии предстояло участвовать в военных действиях под руководством командующего 3-м Украинским фронтом. Расходы по ее содержанию взяло на себя Болгарское государство, а все вопросы относительно действий армии и ее снабжения решались болгарским генеральным штабом совместно с командованием 3-го Украинского фронта [там же, с. 69].

К концу ноября 1944 г. болгарские войска завершили выполнение наступательной операции на территории Южной Сербии. Севернее г. Косовска-Митровица германские части спешно отступали. В связи с тем, что 1-я болгарская армия, перебрасываемая в район западнее Белграда для действий в составе войск 3-го Украинского фронта, укомплектовывалась автотранспортом и средствами усиления за счет расформированной 2-й армии, командующий болгарской армией обратился с просьбой разрешить отвод 2-й армии на территорию Болгарии [26, с. 595]. Перегруппировка войск позволила ускорить формирование и укомплектование объединенной 1-й болгарской армии.

С 22 декабря 1944 г. 1-я болгарская армия перешла в наступление, имея задачу совместно с НОАЮ прорвать оборону противника на участке Сотин–Шид, овладеть Грабово, а затем развивать наступление на Вуковар и Осиек [17, л. 66, 67]. В результате ожесточенных боев войска 1-й болгарской армии сковали значительные силы противника, не дали ему отступить и оказать помощь будапештской группировке.

Ввиду того, что 1-я болгарская армия входила в состав войск 3-го Украинского фронта и вела бои с общим противником уже на территории Венгрии, она была оторвана от своих основных баз снабжения. Поступление средств материального обеспечения было нарушено в связи с транспортными затруднениями, что отражалось на материальном обеспечении войск. Исходя из этого, Военный совет 3-го Украинского фронта 13 января 1945 г. постановил: взять 1-ю болгарскую армию на продфуражное снабжение по нормам, установленным для Красной армии; выделить горюче-смазочные материалы, выдать 10 тыс. пар ботинок, 800 комплектов трофейных шин и необходимое количество запасных частей для автотранспорта [27, с. 64].

17 января 1945 г. противник силами более одной пехотной дивизии, 40 танков и самоходных орудий перешел в наступление против югославских частей в междуречье рек Дуная и Савы. Маршал Тито через советскую миссию обратился к Ф. И. Толбухину за помощью – чтобы хотя бы одной болгарской пехотной дивизией усилить оборону частей НОАЮ. Однако 1-я болгарская армия была полностью переведена на западный берег Дуная, поэтому ее помощь в междуречье не имела бы должного эффекта. В итоге на помощь югославам были направлены летчики советской 10-й штурмовой и 236-й истребительной авиадивизий [19, с. 263, 264].

С 6 по 15 марта 1945 г. проходила Балатонская оборонительная операция, которая проводилась силами 3-го Украинского фронта при содействии 1-й болгарской и 3-й югославской армий в районе озера Балатон. 7 марта 1945 г. командование 3-го Украинского фронта приказало силами в том числе 1-й болгарской армии ликвидировать противника на плацдарме севернее хорватского города Доньи-Михоляц [17, л. 71]. В связи с затяжкой военных действий на участке 4-го корпуса 1-й болгарской армии в районе Доньи-Михоляц командование 3-го Украинского фронта 9 марта 1945 г. отдало приказ 1-й болгарской армии о переброске из ее резерва 16-й пехотной дивизии с Западного на Дравский участок обороны. К концу 18 марта объединенными усилиями советских и болгарских войск противник на всей территории плацдарма был повержен [22, с. 123].

29 марта 1945 г. в рамках Венской стратегической наступательной операции, проводившейся войсками 2-го, 3-го Украинских фронтов и 1-й болгарской армии при поддержке югославских партизан, началась Надьканижско-Кёрмендская операция. Боевые действия проходили на левом фланге советских войск, продвигавшихся в направлении Вены. В течение 1 апреля 1945 г. 1-я болгарская армия силами 10-й и 12-й пехотных дивизий 3-го армейского корпуса в ходе упорных боестолкновений отбросила противника на западный берег канала Принципалис. Силы 8-й пехотной дивизии заняли берег канала Мурекерестур [28, д. 22].

В начале апреля 1945 г. на венском направлении противник сосредоточил крупные боевые группы из состава войск, отошедших с боями из района озера Балатон. 4 апреля на фронте 1-й болгарской армии противник пы-

тался силой до шести батальонов пехоты при поддержке девяти батарей артиллерии перейти в наступление по правому берегу рек Драва, Мура, Чуковец, но был отброшен войсками армии в западном направлении. 5 апреля 1-я болгарская армия преследовала противника частями 10-й, 12-й, 16-й пехотных дивизий и кавалерийским полком [28, л. 93, 94].

С особым ожесточением происходили бои на ближних подступах к Вене. 10 апреля 27-я и 57-я армии своими правыми флангами на фронте прорвали укрепленную оборонительную полосу противника, состоявшую из трех-четырёх линий траншей и нескольких рядов проволочных заграждений, и продвинулись до 5 км. За этот день было уничтожено более 4440 чел., пленено 2438 немецких и венгерских военнослужащих [28, л. 101, 200].

16 апреля 1945 г. командиру 1-й болгарской армией генералу В. Стойчеву поступил приказ принять боевой участок 57-й армии на линии р. Мур. С 18 апреля устанавливалась разграничительная линия между 57-й и 1-й болгарской армиями [17, л. 78]. В течение последней декады апреля 1-я болгарская армия продолжала вести наступательные бои южнее р. Драва.

7 мая 1945 г. в междуречье рек Мур и Драва части противника начали отступление в западном направлении [29, л. 52]. 1-я болгарская армия частями 12-й пехотной дивизии преследовала арьергарды противника. К исходу 11 мая 1945 г. 1-я болгарская армия передала контролируемый участок фронта в районе г. Марибор в ведение 3-й югославской армии. В свою очередь, 1-я болгарская армия сменила части 57-й армии на участке около австрийского города Лайбница [28, л. 50, 90]. В итоге 1-я болгарская армия была выведена с территории Югославии на рубежи в Австрии. В этот период активные боевые действия были уже прекращены, только отдельные отряды армии проводили проческу контролируемых зон с целью выявления разрозненных групп противника, не признавших капитуляцию.

Таким образом, переход на сторону антигитлеровской коалиции стабилизировал международное положение Болгарии. Страна избавилась от прогерманского курса и получила право на борьбу за свое мирное будущее. Болгарские воины совместно с советскими войсками завершили изгнание германских захватчиков с территории своей страны. В оперативном подчинении 3-го Украинского фронта 1-я болгарская армия участвовала в крупных операциях Великой Отечественной войны – Балатонской оборонительной и Венской стратегической наступательной операциях, а также в Надьканижско-Кёрмендской и Грацско-Амштеттенской фронтовых наступательных операциях. Болгарские войска внесли вклад в освобождение Югославии, Венгрии и Австрии. 1-я болгарская армия дошла до подножья Альпийских гор и встретилась с частями 8-й британской армии. Части Болгарской армии вели бои до 15 мая 1945 г. В войне против нацистской Германии и ее сателлитов 1-я болгарская армия в подчинении 3-го Украинского фронта потеряла 10 124 чел. убитыми и 21 541 чел. ранеными. В общем безвозвратные и санитарные потери составили 31 665 чел. [30, с. 450].

Однако командование 3-го Украинского фронта не всегда отмечало высокий уровень боеготовности болгарских войск. В донесении штаба 3-го Украинского фронта от 18 января 1945 г. выражалась обеспокоенность дисциплиной в рядах болгарской армии, так как «многие солдаты и офицеры не понимают освободительных целей войны против Германии, не проникнуты боевым духом, не вдохновлены идеями освобождения народов от гитлеровской тирании» [11, с. 309, 310]. В середине марта 1945 г. И. В. Сталин заявлял Г. Димитрову, что «болгарские части не особо хорошо сражаются», а в конце марта секретарь компартии Болгарии Т. Костов отвечал, что слабость болгарской армии заставила болгарское руководство серьезно задуматься и принять ряд мер для повышения боеготовности своих войск [11, с. 310].

Тем не менее совместный вклад в разгром гитлеровской Германии дал право болгарской делегации на Парижской мирной конференции отстоять свою довоенную территорию. Представители СССР, Чехословакии и Польши поддержали болгарскую позицию, указывая на реальный вклад, который болгарская армия внесла на заключительном этапе Второй мировой войны.

Источники и литература

1. Горненски, Н. Въръжената борба на българския народ за освобождение от хитлеристката окупация и монархо-фашистката диктатура (1941–1944 г.) / Н. Горненски. – София : Българската Комунистическа партия, 1958. – 336 с.
2. Валев, Л. Б. Болгарский народ в борьбе против фашизма (Накануне и в начальный период Второй мировой войны) / Л. Б. Валев. – Москва : «Наука», 1964. – 372 с.
3. Димитров, И. Буржоазната опозиция в България. 1939–1944 гг. / И. Димитров. – София : Наука и изкуство, 1969. – 248 с.
4. История на антифашистката борба в България 1939–1944: в 2 т. Т. 2: Март 1943 – 9 септ. 1944. – София : Партиздат, 1976. – 487 с.
5. Панайотов, Ф. Двубой в ефира. 1941–1944 / Ф. Панайотов. – София : Партиздат, 1975. – 244 с.
6. Тошкова, В. България и Третият Райх: политически отношения / В. Тошкова. – София : Наука и изкуство, 1975. – 256 с.
7. Советско-болгарские отношения и связи: документы и материалы : в 3 т. Т. 1 : Ноябрь 1917 – сентябрь 1944 / ред. Л. Б. Валев. – Москва : Наука, 1976. – 649 с.
8. Антифашистката борба в България: документи и материали : в 2 т. Т. 1 : Септември 1939 – февруари 1943 / гл. ред. Б. Стойнов. – София : Партиздат, 1984. – 454 с.
9. Исусов, М. Сталин и България / М. Исусов. – София : Университетско издателство Св. Климент Охридски, 1991. – 226 с.
10. Тошкова, В. Советские геостратегические замыслы на Балканах в 40-е годы XX века (по материалам Национального архива США) / В. Тошкова // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. – Санкт-Петербург : Алетей, 2002. – С. 307–322.

11. Болгария в XX веке: очерки политической истории / отв. ред. Е. Л. Валева. – Москва : Наука, 2003. – 463 с.
12. Никова, Г. Болгария между Германией и Советским Союзом (социальный и экономический ракурс) / Г. Никова // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2002. – С. 276–290.
13. Волокитина, Т. В. Парадоксы историографии : Красная Армия в Болгарии осенью 1944 г. / Т. В. Волокитина // Славянский мир в третьем тысячелетии : межкультурный и межконфессиональный диалог славянских народов. – Москва : Институт Славяноведения РАН, 2011. – С. 284–291.
14. История южных и западных славян : в 2-х т. Т. 2. Новейшее время : учебник / под ред. : Г. Ф. Матвеева, З. С. Ненашевой. 2-е изд. – Москва : МГУ, 2001. – 271 с.
15. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны : сб. док. / А. А. Громыко (гл. ред.) [и др.] – Т. 1. – Москва : Политиздат, 1978. – 434 с.
16. Краткая история Болгарии : С древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Г. Г. Литаврин. – Москва : Наука, 1987. – 586 с.
17. Документальная коллекция Научно-исследовательского института военной истории Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации (далее – Документальная коллекция НИИ-ВИ ВАГШ ВС РФ). Ф. 189. Оп. 231. Д. 3. 87 л.
18. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны / ред. С. Майоров. – Москва : ОГИЗ, 1946. – Т. 2. – 682 с.
19. Русский архив: Великая Отечественная. Т. 14 (3–2). Красная Армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах, 1944–1945 : Док. и материалы. – Москва : Терра, 2000. – 646 с.
20. Документальная коллекция НИИВИ ВАГШ ВС РФ. Ф. 189. Оп. 231. Д. 4. 340 л.
21. Центральный архив Министерства обороны РФ (далее – ЦАМО РФ). Ф. 243. Оп. 2900. Д. 308. 241 л.
22. Советско-болгарские отношения 1944–1948 гг. : Документы и материалы / Л. Ф. Ильичев (гл. ред.) [и др.]. – Москва : Политиздат, 1969. – 508 с.
23. Краткая история Болгарии : С древнейших времен до наших дней / отв. ред. Г. Г. Литаврин. – Москва : Наука, 1987. – 586 с.
24. Зафиров, Д. Болгарская народная армия в борьбе против гитлеровского вермахта / Д. Зафиров // Сборник доклады от българо-руска научна конференция «65 години от победата над фашизма, края на Втората световна война и приноса на България» (18.02.2010 г., София). – София, 2010. – С. 158–177.
25. Залепеев, В. Н. Участие болгарского народа во Второй мировой войне / В. Н. Залепеев // Русский сборник. – Брянск, 2016. – Вып. 8/2. – С. 209–213.
26. Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил в Европе во второй мировой войне: Документы и материалы / под ред. П. А. Жилина [и др.]; автор-сост. А. И. Бабин [и др.]. – Москва : Воениздат, 1985. – 640 с.
27. Советско-болгарские отношения и связи: Документы и материалы в 2 т. Т. II. Сентябрь 1944–декабрь 1958 / отв. ред. Р. П. Гришина, В. Божинов. – Москва : Наука, 1981. – 770 с.
28. ЦАМО РФ. Ф. 243. Оп. 2900. Д. 2017. 529 л.
29. Там же. Ф. 243. Оп. 2900. Д. 2029. 196 л.
30. Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил : Стат. исслед. / под общ. ред. Г. Ф. Кривошеевой. – Москва : ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 607 с.

References

1. Gornenski, N. Vorzhenata borba na bolgarskiya narod za osvobozhdeniye ot khitleristkata okupatsiya i monarkho-fashistkata diktatura (1941–1944 g.) [The armed struggle of the Bulgarian people for liberation from the Nazi occupation and the monarcho-fascist dictatorship (1941–1944)] / N. Gornenski. – Sofia: Bulgarian Communist Party, 1958. – 336 p.
2. Valev, L. B. Bolgarskij narod v bor'be protiv fashizma. (Nakanune i v nachal'nyj period Vtoroj mirovoj vojny) [The Bulgarian people in the fight against fascism (On the eve and in the initial period of the Second World War)] / L. B. Valev. – Moscow: Nauka, 1964. – 372 p.
3. Dimitrov, I. Burzhoaznata opozitsiya v Bolgariya. 1939–1944 gg. [Bourgeois opposition in Bulgaria. 1939–1944] / I. Dimitrov. – Sofia: Science and Art, 1969. – 248 p.
4. Istoriya na antifashistkata borba v Bolgariya 1939–1944 [History of the anti-fascist struggle in Bulgaria 1939–1944]: in 2 vols. Vol 2: March 1943 – September 9, 1944. – Sofia: Partizdat, 1976. – 487 p.
5. Panayotov, F. Dvuboy v efira [Duel in the air] 1941–1944 / F. Panayotov. – Sofia: Partizdat, 1975. – 244 p.
6. Toshkova, V. Bolgariya i Tretiyat Raykh. Politicheski ot-nosheniya [Bulgaria and the Third Reich: political relations] / V. Toshkova. – Sofia: Science and Art, 1975. – 256 p.
7. Sovetsko-bolgarskie otnosheniya i svjazi [Soviet-Bulgarian relations and contacts]: documents and materials: in 3 vols. Vol. 1: November 1917 – September 1944 / Ed. L. B. Valev. – Moscow: Nauka, 1976. – 649 p.
8. Antifashistkata borba v Bolgariya: dokumenti i materiali [The anti-fascist struggle in Bulgaria: documents and materials]: in 2 volumes. Vol. 1: September 1939 – February 1943 / Ch. Ed B. Stoinov. – Sofia: Partizdat, 1984. – 454 p.
9. Isusov, M. Stalin i Bolgariya [Stalin and Bulgaria] / M. Isusov. – Sofia: Univ. Publishing House St. Kliment Okhridski, 1991. – 226 p.
10. Toshkova, V. Sovetskie geostrategicheskie zamysly na Balkanah v 40-e gody XX veka (po materialam Nacional'nogo arhiva SShA) [Soviet geostrategic plans in the Balkans in the 1940s of the XX century (based on the materials of the US National Archives)] / V. Toshkova // Chelovek na Balkanah v epohu krizisov i etnopoliticheskikh stolknovenij XX v. [Man in the Balkans in the era of crises and ethno-political clashes of the XX century]. – St. Petersburg: Aleteiya, 2002. – P. 307–322.
11. Bolgariya v XX veke: ocherki politicheskoy istorii [Bulgaria in the XX century: essays on political history] / Ed. E. L. Valeva. – Moscow: Nauka, 2003. – 463 p.

12. Nikova, G. Bolgarija mezhdu Germaniej i Sovetskim Sojuzom (social'nyj i ekonomicheskij rakurs) [Bulgaria between Germany and the Soviet Union (social and economic perspective)] / G. Nikova // Chelovek na Balkanah v epohu krizisov i etnopoliticheskikh stolkovenij XX v. [Man in the Balkans in the era of crises and ethno-political clashes of the XX century]. – St. Petersburg: Aleteiya, 2002. – P. 276–290.
13. Volokitina, T. V. Paradoksy istoriografii: Krasnaja Armija v Bolgarii osen'ju 1944 g. [Paradoxes of historiography: The Red Army in Bulgaria in the autumn of 1944] / T. V. Volokitina // Slavjanskij mir v tret'em tysjacheletii: mezhkul'turnyj i mezhekfessional'nyj dialog slavjanskih narodov [The Slavic world in the third millennium: intercultural and interreligious dialogue of Slavic peoples]. – Moscow: Institut Slavjanovedenija RAN [Institute of Slavic Studies, RAS, 2011. – P. 284–291.
14. Istorija juzhnyh i zapadnyh slavjan [History of the southern and western Slavs]: in 2 vols. Vol. 2. Modern times: Textbook / Eds. G. F. Matveeva, Z. S. Nenasheva. – 2nd edition. – Moscow: Moscow State Univ., 2001. – 271 p.
15. Sovetskij Sojuz na mezhdunarodnyh konferencijah perioda Velikoj Otechestvennoj vojny [The Soviet Union at international conferences during the Great Patriotic War]: collection of documents / Ch. Ed. A. A. Gromyko [et al.]. – Moscow: Politizdat, 1978. – 434 p.
16. Kratkaja istorija Bolgarii: s drevnejshih vremen do nashih dnei [A Brief History of Bulgaria: From Ancient Times to the Present Day] / Ed. G. G. Litavrin. – Moscow: Nauka, 1987. – 586 p.
17. Dokumental'naja kollekcija Nauchno-issledovatel'skogo instituta voennoj istorii Voennoj akademii General'nogo shtaba Vooruzhennyh Sil Rossijskoj Federacii [Documentary collection of the Research Institute of Military History of the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation]. F. 189. Op. 231. D. 3. 87 l.
18. Vneshnjaja politika Sovetskogo Sojuza v period Otechestvennoj vojny [Foreign policy of the Soviet Union during the Patriotic War] / Ed. S. Mayorov. – Moscow: OGIZ [Association of State Book and Magazine Publishing Houses], 1946. – Vol. 2. – 682 p.
19. Russkij arhiv: Velikaja Otechestvennaja. T. 14 (3–2). Krasnaja Armija v stranah Central'noj, Severnoj Evropy i na Balkanah, 1944–1945 [Russian archive: Great Patriotic War. Vol. 14 (3–2). The Red Army in Central and Northern Europe and the Balkans, 1944–1945]: Documents and materials. – Moscow: Terra, 2000. – 646 p.
20. Dokumental'naja kollekcija Nauchno-issledovatel'skogo instituta voennoj istorii Voennoj akademii General'nogo shtaba Vooruzhennyh Sil Rossijskoj Federacii [Documentary collection of the Research Institute of Military History of the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation]. F. 189. Op. 231. D. 4. 340 l.
21. Central'nyj arhiv Ministerstva oborony RF [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation]. – F. 243. Op. 2900. D. 308. 241 l.
22. Sovetsko-bolgarskie otnoshenija 1944–1948 gg.: Dokumenty i materialy [Soviet-Bulgarian relations 1944–1948: Documents and materials] / Ch. Ed. L. F. Ilyichev [et al.]. – Moscow: Politizdat, 1969. – 508 p.
23. Kratkaja istorija Bolgarii: S drevnejshih vremen do nashih dnei [A Brief History of Bulgaria: from ancient times to the present day] / Ed. G. G. Litavrin. – Moscow: Nauka, 1987. – 586 p.
24. Zafirov, D. Bolgarskaja narodnaja armija v bor'be protiv gitlerovskogo vermahta [The Bulgarian People's Army in the fight against the Nazi Wehrmacht] / D. Zafirov // Sbornik dokladov bolgarno-rossijskoj nauchnoj konferencii «65 let so dnja pobedy nad fashizmom, okonchanie Vtoroj mirovoj vojny i vklad Bolgarii». (18.02.2010, Sofia) [Collection of reports from the Bulgarian-Russian sci. conference «65 years of victory over fascism, the end of the Second World War and the contribution of Bulgaria» (18.02.2010, Sofia)]. – Sofia, 2010. – P. 158–177.
25. Zalepeev, V. N. Uchastie bolgarskogo naroda vo Vtoroj mirovoj vojne [Participation of the Bulgarian people in World War II] / V. N. Zalepeev // Russkij sbornik [Russian collection]. – Bryansk, 2016. – Issue 8/2. – P. 209–213.
26. Osvoboditel'naja missija Sovetskikh Vooruzhennyh Sil v Evrope vo vtoroj mirovoj vojne: Dokumenty i materialy [Liberation mission of the Soviet Armed Forces in Europe in the Second World War: Documents and materials] / Ed. P. A. Zhilina [et al.]; author-comp. A. I. Babin [et al.]. – Moscow: Military Publishing House, 1985. – 640 p.
27. Sovetsko-bolgarskie otnoshenija i svjazi: Dokumenty i materialy [Soviet-Bulgarian relations and contacts: Documents and materials] in 2 vols. Vol. II. September 1944–December 1958 / Ed. R. P. Grishina, V. Bozhinov. – Moscow: Nauka, 1981. – 770 p.
28. Central'nyj arhiv Ministerstva oborony RF [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation]. F. 243. Op. 2900. D. 2017. 529 l.
29. Ibid. F. 243. Op. 2900. D. 2029. 196 l.
30. Rossija i SSSR v vojnah XX veka. Poteri vooruzhennyh sil [Russia and the USSR in the wars of the XX century. Losses of the armed forces]: statistical research / Ed. G. F. Krivosheev. – Moscow: OLMA-PRESS, 2001. – 607 p.

Благодарность (госзадание)

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00405, <https://rscf.ru/project/22-28-00405/>.

Acknowledgements (state task)

The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 22-28-00405, <https://rscf.ru/project/22-28-00405/>.

Информация об авторе:

Медведев Максим Валерьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук (Российская Федерация, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32 а; e-mail: m1max@mail.ru).

Author:

Maksim V. Medvedev – Cand. Sci. (History), Senior Researcher at the Institute of World History, RAS (32a, Lenin Avenue, Moscow, Russian Federation; e-mail: m1max@mail.ru).

Для цитирования:

Медведев, М. В. Формирование вооруженных сил Болгарии и их потери в боевых операциях против нацистской Германии (сентябрь 1944 – май 1945 года) / М. В. Медведев // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Историческая демография». – 2023. – № 8 (66). – С. 61–68.

For citation:

Medvedev, M. V. Formation of the Bulgarian Armed Forces and their losses in combat operations against Nazi Germany (September 1944 – May 1945) / M. V. Medvadev // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series «Historical demography». – 2023.– No. 7(65).– P. 61–68.

Дата поступления статьи: 12.04.2023

Прошла рецензирование: 17.04.2023

Принято решение о публикации: 29.09.2023

Received: 12.04.2023

Reviewed: 17.04.2023

Accepted: 29.09.2023

Естественное движение населения Коми АССР в 1946–1959 годах

У. В. Лыткина

ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
ulytkina@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена естественному движению населения Коми АССР в 1946–1959 гг. На послевоенный период пришелся наиболее выраженный этап демографического перехода республики. Рассмотрены проблемы статистического учета движения населения послевоенных лет. Проанализирована динамика абсолютных и относительных показателей рождаемости, смертности, брачности и разводимости. Оценено влияние пола, возраста, национальности и типа населенного пункта на интенсивность естественного движения. Рассмотрена трансформация структуры причин смертности, в том числе младенческой. Выявлены территориальные различия в показателях естественного движения населения на уровне городских населенных пунктов и сельсоветов.

Ключевые слова :

естественное движение населения, рождаемость, смертность, причины смерти, демографический переход, Республика Коми

Первые послевоенные годы – один из самых малоизученных периодов демографической истории Республики Коми XX в. Они пришлись на самый длинный 20-летний советский межпереписной период 1939–1959 гг., что затрудняет получение достоверных сведений о демографических явлениях. Именно в послевоенные годы произошла самая выраженная фаза демографического перехода – рост продолжительности жизни и сокращение рождаемости, что делает этот период интересным для дальнейшего изучения.

Цель статьи – выявление основных тенденций и закономерности в естественном движении населения Коми АССР в 1946–1959 гг. Хронологические рамки исследования находятся между окончанием Второй мировой войны и первой послевоенной переписью населения. Территориальные рамки соответствуют существовавшим на тот момент границам Коми АССР.

Естественное движение населения Республики Коми в годы Второй мировой войны довольно хорошо изучено [1, 2]. Намного меньше внимания уделено первым послевоенным десятилетиям. В работах, охватывающих всю советскую эпоху [3–6], по 1946–1959 гг. обычно рассматривается

Natural movement of the population of the Komi ASSR in 1946–1959

U. V. Lytkina

Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar
ulytkina@yandex.ru

Abstract

The paper deals with the natural movement of the population of the Komi ASSR in 1946–1959. The post-war period was the most pronounced stage of the demographic transition in the republic. The problems of statistical accounting of the population movement in the post-war years are considered. The dynamics of absolute and relative indicators of fertility, mortality, marriage and divorce are analyzed. The influence of gender, age, nationality and type of settlement on the intensity of natural population movement is estimated. The transformation of the structure of causes of mortality, including infant mortality, is considered. Territorial differences in indicators of natural population movement at the level of urban settlements and Village Soviets are revealed.

Keywords :

natural population movement, fertility, mortality, causes of death, demographic transition, Komi Republic

только динамика основных показателей – рождаемости и смертности, но не изучаются детально их структура, территориальная дифференциация, эволюция причин смерти. Это же касается и немногочисленных работ, посвященных непосредственно естественному движению населения Коми АССР в рассматриваемый период [7, 8]. Данная статья нацелена на заполнение этого пробела.

Историческую трансформацию рождаемости и смертности чаще всего описывают в теориях демографического и эпидемиологического переходов. Каждое общество проходит ряд стадий, результатом которых является переход от традиционной модели воспроизводства населения к современной – с малодетной семьей и высокой продолжительностью жизни [9–11]. Изменения рождаемости и смертности в изучаемый период были впечатляющими. Если в 1939 г. суммарный коэффициент рождаемости в Коми АССР составлял 5.66, то в 1959 г. – 3.34. Ожидаемая продолжительность жизни за этот же период увеличилась с 38.7 до 66.1 года [6, с. 118, 163; 12]. Подобные трансформации в естественном движении населения не могли произойти без изменений уровня жизни и развития здравоохранения. Говоря об уровне жизни в послевоенные годы, необходимо

разделять рабочих (преимущественно городских жителей) и колхозников, проживавших в сельских местностях.

Для рабочих и служащих в Коми АССР после войны были восстановлены ежегодные отпуска, 8-часовой рабочий день на производстве, льготы для работающих в районах Крайнего Севера, отменен военный налог с населения, повышен размер необлагаемого минимума заработной платы в 1946 г., отменена карточная система в 1947 г. За 1946–1950 гг. заработная плата работающих увеличилась в 1.8 раза, а к 1960 г. – в 2.8 раза относительно уровня 1946 г. Тем не менее и в конце 1950-х гг. две трети доходов расходовались на питание. Существенно выросла сеть предприятий розничной торговли и общественного питания. Улучшился рацион. За 1945–1958 гг. количество мяса, молока и молочных изделий на душу населения выросло в 1.5 раза. Улучшилось обеспечение рабочих и служащих путевками в дома отдыха и санатории, расширилась сеть детских дошкольных учреждений, пионерских лагерей. Несколько улучшилась и ситуация с жильем [13].

В изменении уровня жизни колхозников после Великой Отечественной войны можно выделить два этапа. В 1946–1952 гг. доходы колхозников сокращались, а выдача зерновых была ниже довоенного уровня. На селе наблюдался острейший социальный кризис. Меры по помощи деревне начали принимать с 1953 г. Резко были повышены государственные заготовительные и закупочные цены. В Коми АССР на скот они были увеличены в 5.5 раза, на картофель – в три, на молоко и масло – в два раза, на овощи – на 25–40 %. Средний размер денежных выплат за трудодень увеличился в 1952–1958 гг. в 7.6 раза, но доход оставался ниже, чем в других отраслях народного хозяйства. Значительных улучшений в размерах выдачи натуральных продуктов не отмечалось. Поэтому общий доход вырос не столь существенно (за 1954–1958 гг. – менее чем вдвое). Основную роль в обеспечении колхозной семьи продуктами питания продолжало играть личное подсобное хозяйство [14].

В послевоенные годы в Коми крае быстро развивалась инфраструктура здравоохранения. С 1940 по 1960 г. число больничных учреждений выросло в 2.8 раза (с 62 до 171), а их мощность – в 4.9 раза (с 1.8 до 8.8 тыс. чел.); число амбулаторно-поликлинических учреждений увеличилось в 3.2 раза (с 80 до 255). Численность врачей и среднего медицинского персонала за этот период возросла в пять раз. Улучшились и относительные показатели: если в 1940 г. на 10 тыс. чел. приходилось восемь врачей, то в 1960 г. – 18. Численность среднего медицинского персонала увеличилась с 44 до 78 чел. на 10 тыс. чел. населения, а число больничных коек – с 54 до 105 [15, с. 95, 96].

Появление более массовой и доступной медицины, улучшение санитарного состояния, качества питания и рост материального благополучия предопределили изменения в естественном движении населения.

Материалы из годовых отчетов по естественному движению населения Коми АССР за 1946–1959 гг. собраны в Национальном архиве Республики Коми (далее – НА РК) [16]. Они включают сведения о числе зарегистрированных актов гражданского состояния, о родившихся по порядку

и очередности, об умерших по возрасту и полу, о младенческой смертности по месяцам и другие таблицы. В отчетах за 1955 и 1959 гг. есть распределение рождений и смертей на местном уровне (по городам, поселкам и сельским советам). Благодаря тому, что в 1959 г. прошла перепись населения, за этот год удалось получить общие коэффициенты рождаемости и смертности на местном уровне, а также построить детальные карты-схемы естественного движения населения. В анализе естественного движения поселений использовали классификацию городских населенных пунктов по специализации, рассмотренную в предыдущей работе [17]. В отчете за 1959 г. также имеются данные о рождаемости по национальности матери. Для расчета относительных показателей использовали материалы о численности населения, полученные в Комистате.

Наибольшие трудности вызвал сбор сведений об умерших по полу, возрасту и причинам смерти. Так, за 1946 г. имеются данные о причинах смерти только по Сыктывкару, в 1950 г. – известна причина смерти всего у 17 % умерших в сельской местности, в 1955 г. – у 52 %. В 1959 г. учетом причин смерти уже охвачено все население республики. Также в таблицах отсутствует группировка по классам причин смерти. Поэтому она была выполнена автором статьи, опираясь на номенклатуру причин смерти, основанную на Международной статистической классификации болезней и проблем, связанных со здоровьем.

Представление о проблемах с организацией статистического учета естественного движения населения в конце 1940–начале 1950-х гг. дает переписка, содержащаяся в материалах годовых итогов естественного движения населения 1950 г. НА РК [18, л. 7–27, 63]. Так, проверки районных инспекторов ЦСУ СССР обнаружили случаи пропуска регистрации родившихся и умерших (приводятся конкретные примеры с именами неучтенных людей), выявили необеспеченность ряда сельсоветов бланками гербовых свидетельств о рождении. Отмечено, что в больничных учреждениях Койгородского района не ведется журнал записей родившихся и умерших. В Айкинском сельсовете зафиксированы случаи, когда роды принимались на дому медицинскими работниками, а в родильном доме такие случаи рождений не регистрировались. В некоторых городских поселениях содержалось значительное количество актов о смерти с неправильно заполненным пунктом о причине смерти (приводятся 15 актов). Часто причина смерти записывалась из пункта «диагноз» свидетельства о смерти. Много подобных случаев выявлено в Воркуте. В некоторых врачебных свидетельствах указывали более одной причины смерти, что затрудняло определение причины смерти в статистике. Статистическим управлением РСФСР выявлены ошибки в годовых отчетах о естественном движении населения, в том числе сомнительные случаи причин смерти.

Начальник статуправления Коми АССР в письме заместителю начальника статуправления РСФСР сообщил, что «в большинстве лечебных учреждений Коми АССР отсутствуют бланки врачебных свидетельств о смерти, особенно в сельских местностях. В таких случаях медицинскими работниками выдаются справки на маленьких клочках

Абсолютные показатели естественного движения населения Коми АССР, 1946–1959 годы
Table 1
Absolute indicators of natural movement of the population of the Komi ASSR, 1946–1959

Год	Число родившихся	Число умерших	Умерших в возрасте до 1 года	Естественный прирост (убыль)	Число браков	Число разводов
1946	12 025	5636	1123	6389	5271	13
1947	13 670	8539	2277	5131	4658	24
1948	14 196	6336	1731	7860	5001	59
1949	19 775	5644	2223	14 131	4878	101
1950	20 087	6002	2529	14 085	5786	161
1951	21 062	6474	2783	14 588	6617	148
1952	21 491	6185	2347	15 306	7313	212
1953	20 299	5944	2005	14 355	9688	207
1954	23 243	6029	2101	17 214	10 197	281
1955	23 049	5617	1861	17 432	12 501	340
1956	23 446	5252	1597	18 194	14 281	481
1957	25 149	5660	1567	19 489	12 802	697
1958	24 252	4982	1373	19 270	12 242	883
1959	26 328	5209	1350	21 119	11 277	1037
1946–1959	288 072	83 509	26 867	204 563	122 512	4644

Источник: [16].

Source: [16].

бумаги, на которых зачастую отсутствуют записи возраста умершего и другие необходимые показатели. Прошу принять соответствующие меры к высылке достаточного количества бланков врачебных свидетельств Министерством здравоохранения РСФСР» [там же, л. 12]. Значительный объем переписки между статистическими управлениями и учреждениями здравоохранения подтверждает остроту этой проблемы.

Статистический учет вели в лечебных учреждениях городских поселений, Помоздинского, Прилузского, Сыктывдинского и Усть-Куломского районов [там же, л. 13]. В 1950 г. данные по исправительно-трудовым лагерям разрабатывались в отдельных таблицах и в общие итоги включены не были, а регистрация умерших в местах заключения проводилась только в Сыктывкарском и Ухтинском городских ЗАГСах по полученным из лагерей материалам [там же, л. 27].

Огромные потери СССР в Великой Отечественной войне вызвали необходимость срочного принятия мер к стимулированию рождаемости. Основой послевоенной пронаталитской политики стало Постановление Совета народных комиссаров от 20 ноября 1944 г., существенно увеличившее объем оказания помощи беременным женщинам, многодетным, одиноким матерям, детям [19]. Позднее были утверждены Постановление Совета Министров СССР от 18 мая 1949 г. № 2004 «О мероприятиях по расширению сети детских учреждений и родильных домов и улучшению их работы», Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 мая 1949 г. «Об улучшении дела государственной помощи многодетным и одиноким матерями, улучшении условий труда и быта женщин» и другие акты [20]. Многие исследователи отмечают, что принятые меры не были эффективными [11; 21].

За изучаемый период родились 288.1 тыс. чел., а умерли – 83.6 тыс. чел. (табл. 1). Естественный прирост населения за полтора послевоенных десятилетия составил 204.5 тыс. чел. и был сравним по величине с механическим. Более 30 % умерших были в возрасте до 1 года. В начале периода Республика Коми находилась на втором этапе эпидемиологического перехода («эпоха отступающих пандемий» [9]), поскольку ожидаемая продолжительность жизни была около 40 лет, а коэффициент младенческой смертности был ниже 200 на 1000 родившихся. К концу периода республика преодолела основной путь к третьему этапу («эпоха дегенеративных и антропогенных заболеваний и болезней, вызываемых стрессом»), на котором продолжительность жизни растет благодаря улучшению здравоохранения, санитарии, качества питания, личной гигиены и жилищных условий.

За период 1946–1959 гг. заключено 122.5 тыс. браков, а расторгнуто всего 4.6 тыс. – в 26 раз меньше. Причина в том, что Указом Президиума Верховного Совета от 8 июля 1944 г. существенно усложнилась процедура разводов – разрешение на них давали суды, а в сложных случаях – прокуратура. Как по всему СССР, так и в Коми АССР количество разводов всего за год снизилось почти в 30 раз. Если в 1944 г. было 278 разводов, то в 1945 г. – всего 10, в 1946 г. – 13, в 1947 г. – 24, в 1948 г. – 59. К концу 1950-х гг. относительные показатели разводимости вернулись к прежнему уровню, а пятью годами позже – и абсолютные.

В динамике относительных показателей естественного движения населения (табл. 2) можно выделить два этапа. В 1946–1949 гг. был послевоенный восстановительный период. Рождаемость выросла до самого высокого в советской истории уровня – 49.9 ‰ в 1949 г. Смертность за исключением 1947 г. была ниже довоенного уровня (14–17 ‰). Естественный прирост достиг максимального значения в 1949 г. – 35.7 ‰. Коэффициент младенческой смертности сильно изменялся под влиянием резкого послевоенного увеличения рождаемости и голода в СССР 1946–1947 гг. Относительные показатели брачности сокращались, а разводимости – очень медленно росли.

В 1950–1959 гг. отмечен период наиболее выраженного демографического перехода. Общий коэффициент рождаемости сокращался в среднем на 1.8 ‰ в год, а смертности – на 0.8 ‰. Коэффициент младенческой смертности за эти годы снизился в 2.5 раза. В середине 1950-х гг. зафиксированы наивысшие значения коэффициента брачности. Коэффициент разводимости вырос за десятилетие в пять раз, но оставался низким.

Изменилась структура рождений по возрасту и очередности (табл. 3). Доля первых рождений выросла с 38.7 до 42.1 %, вторых – с 19.2 до 28.2 %. Удельный вес третьих

Таблица 2
Относительные показатели естественного движения населения Коми АССР, 1946–1959 годы, ‰
Table 2
Relative indicators of natural movement of the population of the Komi ASSR, 1946–1959, ‰

Год	Общий коэффициент		Коэффициент			
	рождаемости	смертности	младенческой смертности	естественного прироста (убыли)	брачности	разводимости
1946	36.7	17.2	93.4	19.5	16.1	0.0
1947	38.0	23.7	166.6	14.3	13.0	0.1
1948	38.9	17.3	121.9	21.5	13.7	0.2
1949	49.9	14.3	112.4	35.7	12.3	0.3
1950	45.7	13.7	125.9	32.0	13.2	0.4
1951	44.4	13.7	132.1	30.8	14.0	0.3
1952	42.3	12.2	109.2	30.1	14.4	0.4
1953	37.2	10.9	98.8	26.3	17.8	0.4
1954	39.9	10.4	90.4	29.6	17.5	0.5
1955	36.4	8.9	80.7	27.5	19.8	0.5
1956	33.5	7.5	68.1	26.0	20.4	0.7
1957	33.3	7.5	62.3	25.8	17.0	0.9
1958	30.5	6.3	56.6	24.2	15.4	1.1
1959	32.0	6.3	51.3	25.7	13.7	1.3

Источник: [16].
Source: [16].

рождений не изменился, а рожде-
ний всех остальных порядков –
сократился. Так, доля четвертых
рождений снизилась в 1.5 раза,
пятых – в 1.8, седьмых – в 2.3, де-
сятых и последующих – в 4.1 раза
(среди родившихся, для которых
очередность рождения известна).
Рождения высоких очередностей
во все годы приходились в основ-
ном на женщин в возрасте от 40 до
44 лет. В 1950-х гг. начало резко
сокращаться число многодетных
матерей в возрасте от 30 до 34 лет.

Рождаемость различалась по
национальности и типу поселения
(табл. 4). Возрастные коэффици-
енты рождаемости в 1959 г. были
выше у коми женщин, чем у русских
во всех возрастах. В среднем раз-
ница составила 30 ‰, а особенно
сильной она была в возрастах от
30 до 49 лет (около 80 ‰). Разница

Таблица 3
Рождения по возрасту матери и очередности в Коми АССР, 1946 и 1959 годы

Table 3

Births by mother's age and priority in the Komi ASSR, 1946 and 1959

Возраст матери	Очередность рождения											Итого
	1-й	2-й	3-й	4-й	5-й	6-й	7-й	8-й	9-й	10-й и более	Не указано	
1946 год												
Моложе 16 лет	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
16-19	258	6	-	-	-	-	-	-	-	-	18	282
20-24	2288	517	140	25	6	2	-	-	-	-	291	3269
25-29	1044	879	545	238	80	27	7	4	-	1	241	3066
30-34	348	445	537	451	305	158	85	18	14	10	220	2591
35-39	118	184	252	244	256	175	151	79	41	50	177	1727
40-44	30	20	44	65	96	76	65	48	41	86	53	624
45-49	6	5	5	12	12	7	10	5	7	13	10	92
50-54	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3	2	5
55 лет и старше	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Возраст неизвестен	145	43	31	35	21	16	7	6	3	4	58	369
Итого	4237	2099	1554	1070	776	461	325	160	106	167	1070	12 025
1959 год												
Моложе 16	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2
16-19	946	55	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1001
20-24	6090	1935	343	49	8	1	1	-	-	-	1	8428
25-29	2527	2952	1299	515	158	45	7	4	-	-	1	7508
30-34	1116	1815	1459	746	462	232	96	39	9	7	1	5982
35-39	331	575	522	347	314	230	135	63	32	21	1	2571
40-44	44	80	100	96	70	82	76	52	33	53	-	686
45-49	5	2	6	8	9	13	15	13	7	14	-	92
50-54	1	-	-	-	-	-	-	1	-	2	-	4
55 лет и старше	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Возраст неизвестен	20	15	5	3	8	-	-	-	-	-	3	54
Итого	11 082	7429	3734	1764	1029	603	330	172	81	97	7	26 328

Источник: [22, л. 11; 23, л. 13–15].
Source: [22, p. 11; 23, p. 13–15].

Рождаемость по возрасту и национальности матери, 1959 год

Table 4

Birth by age and ethnic group of mothers, 1959

Возраст матери	Коми			Русские			Прочие		
	Всего	Город	Село	Всего	Город	Село	Всего	Город	Село
Моложе 16 лет	321	1	320	123	122	1	104	80	24
16–19	247	90	157	496	387	109	268	216	52
20–24	2506	784	1722	4075	2987	1088	1847	1429	418
25–29	3182	812	2370	3096	2168	928	1230	918	312
30–34	2341	535	1806	2389	1629	760	1252	997	255
35–39	1084	221	863	865	577	288	622	512	110
40–44	368	48	320	214	122	92	104	80	24
45–49	62	8	54	22	10	12	8	6	2
50–54	4	–	4	–	–	–	–	–	–
Неизвестный возраст	23	2	21	19	3	16	12	10	2
Итого	10 138	2501	7637	11 299	8005	3294	5447	4248	1199
Возрастные коэффициенты рождаемости (на 1000 женщин соответствующего возраста), ‰									
15–19*	65.5	27.7	88.4	52.9	55.8	42.8	79.3	77.9	85.3
20–29	226.9	186.3	248.0	179.3	169.8	209.4	195.3	196.3	192.1
30–39	164.0	114.4	186.9	90.7	78.4	135.7	110.8	107.3	127.7
40–49	25.7	12.6	30.4	14.5	10.6	27.1	16.0	15.1	19.8
Итого (15–49 лет)	141.6	109.2	157.0	108.7	100.0	138.0	122.5	119.4	135.0

Примечание. * число рождений у матерей 19 лет и моложе на 1000 женщин в возрасте 15–19 лет.

Источник: [23, л. 9–12].

Note. * number of births in mothers 19 years of age and younger per 1,000 women aged 15–19.

Sources: [23, p. 9–12].

между коми и русскими в городских поселениях составляла всего 9 %, а в сельских – 14 %. Можно сделать вывод, что итоговые различия во многом связаны с более высокой урбанизацией у русских. При примерно одинаковом общем числе рождений у коми и русских, рождений в возрасте от 45 лет и старше у коми было втрое больше (66 и 22 соответственно). Велика разница и в группе от 40 до 44 лет. Это говорит о некотором запаздывании демографического перехода среди коми населения. У женщин прочих национальностей в городах отмечали более высокую рождаемость, чем у коми и русских, а в сельской местности – более низкую. В среднем рождаемость в сельской местности была на 44 % выше, чем в городской.

Микроперепись населения 1994 г. дает важные сведения о репродуктивных установках разных поколений женщин. У вступивших в первый брак в 1945–1949 гг. опрошенных женщин было в среднем 3.2 рожденных ребенка, в 1950–1954 гг. – 2.9, в 1955–1959 гг. – 2.6 (в сельской местности – 4.1, 3.8 и 3.6 соответственно) [24, с. 39, 40]. У коми женщин, вступивших в брак в 1945–1959 гг., среднее число рожденных детей было на 0.63 выше, чем у русских [25, с. 47]. То есть различались не только рождаемость в разные моменты времени, но и итоговое число детей, рожденных женщинами разных поколений в течение всей жизни.

Если рассмотреть распределения смертей по возрастам, то можно отметить (табл. 5) снижение доли умерших в возрасте от 5 до 19 лет (с 11.9 до 4.6 %), а увеличение – в возрасте от 70 до 89 лет (с 11.9 до 18.5 %). Однако без понимания изменений возрастного состава населения эти цифры не могут быть убедительным доказательством сни-

жения уровня смертности. Поэтому следует рассмотреть возрастные коэффициенты. Наиболее достоверные данные о возрастном составе дают итоги переписей. Сравним 1939 и 1959 гг. Младенческая смертность за межпереписной период сократилась в 4.6 раза у мальчиков и в 4.8 раза у девочек. Смертность в возрасте 1–4 года снизилась еще сильнее – в 10.2 и 10.4 раза соответственно. В возрасте 5–9 лет уже были сильные различия по полу. У мальчиков смертность снизилась в 4.1 раза, у девочек – в 7.3. Коэффициенты смертности снизились почти во всех возрастах. Увеличились они только для возрастов от 85 лет, что может быть связано с некачественной возрастной статистикой или статистическими выбросами из-за малого числа долгожителей. В целом республика за межпереписной период проделала огромный путь в сокращении смертности, что выразилось в увеличении ожидаемой продолжительности жизни населения на 27.4 года.

Если рассмотреть распределение во времени смертей младенцев, то окажется, что на первом месяце жизни умирали около четверти младенцев независимо от пола. Примерно по 10 % смертей младенцев приходилось на второй–пятый месяцы жизни. На 11 и 12 месяцы – всего по 3–4 % смертей младенцев (табл. 6).

Чтобы подтвердить, что эпидемиологический переход действительно происходил в послевоенные годы, рассмотрим изменения структуры причин смерти (табл. 7). В таблицах причин смерти изучаемых лет имеется строка «кроме того, неточно обозначенные и не вошедшие в классификацию болезни и причины смерти». В 1950 г. на нее приходилось 7.6 % умерших, в 1955 г. – 10.6 % в го-

Таблица 5
Смертность населения Коми АССР по полу и возрасту, 1939–1959 годы
Table 5
Mortality of the population of the Komi ASSR by gender and age, 1939–1959

Возраст	Число смертей				Возрастные коэффициенты смертности			
	1946 год		1959 год		1939 год		1959 год	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Моложе 1 года	634	489	760	590	283.7	240.4	62.0	50.2
1–4 года	300	261	161	147	39.6	37.6	3.9	3.6
5–9 лет	174	137	61	38	6.1	6.6	1.5	0.9
10–14	84	73	27	25	3.3	4.0	1.2	1.2
15–19	107	98	64	26	7.1	4.4	2.0	1.0
20–24	105	76	174	54	7.5	5.9	2.4	1.3
25–29	87	65	174	48	8.0	5.5	3.0	1.2
30–34	125	71	194	63	9.8	5.6	3.9	1.4
35–39	136	92	122	71	13.1	7.3	4.7	2.5
40–44	160	84	97	58	15.2	8.4	4.9	2.9
45–49	173	98	149	74	20.0	8.8	8.2	3.7
50–54	173	104	134	86	26.7	11.8	11.4	5.8
55–59	155	153	145	121	36.1	13.9	20.5	9.7
60–64	181	156	147	126	54.7	22.7	38.1	14.9
65–69	131	159	120	137	65.7	44.5	46.5	19.9
70–74	131	186	117	196	89.0	70.1	69.9	37.4
75–79	70	142	109	204	159.7	119.2	114.9	63.6
80–84	33	62	73	147	232.5	160.9	170.6	108.3
85–89	15	30	32	87	228.3	148.8	222.2	160.2
90–94	1	10	12	25	300.0	260.9	413.8	294.1
95–99	1	4	3	11	142.9	375.0	428.6	354.8
100 и более лет	–	1	–	–	500.0	500.0	–	–
Возраст неизвестен	56	53	–	–	–	–	–	–
Итого	3032	2604	2875	2334	27.0	21.4	6.9	6.0

Источники: [22, л. 21; 23, л. 28; 26].
Sources: [22, p. 21; 23, p. 28; 26].

Таблица 6
Распределение смертей младенцев в Коми АССР по месяцам, 1945–1959 годы
Table 6
Distribution of infant deaths in the Komi ASSR by months, 1945–1959

Год	Месяц смерти												Всего
	1-й	2-й	3-й	4-й	5-й	6-й	7-й	8-й	9-й	10-й	11-й	12-й	
Мальчики													
1946	145	80	74	64	44	36	36	32	43	22	20	23	619
1950	275	124	153	125	140	116	118	92	67	79	51	55	1395
1955	287	96	100	89	76	67	60	59	47	41	38	38	998
1959	226	81	65	82	68	54	42	33	31	30	23	24	759
Девочки													
1946	116	62	54	45	54	32	24	24	19	19	16	13	478
1950	217	125	104	128	102	93	95	61	59	60	50	36	1130
1955	228	79	69	100	88	56	49	31	60	35	35	32	862
1959	146	50	63	61	64	42	39	31	22	34	24	14	590

Источники: [18, л. 42; 22, л. 22; 23, л. 32; 27, л. 54].
Sources: [18, p. 42; 22, p. 22; 23, p. 32; 27, p. 54].

родских поселениях, и 15.1 % – в сельской местности, в 1959 г. 4.5 % – в городских и 11.4 % – в сельских. То есть в 1950–х гг. доля населения с необозначенной причиной смерти сначала увеличивалась (в основном на селе – при

охвате учетом новых сельских территорий), а затем – снижалась. Вероятно, это объясняется накоплением на местах опыта ведения учета смертности.

Номенклатура причин смерти в отчетах о естественном движении населения в изучаемый период изменялась. В 1946 г. указано 86 причин, включая строку «прочие причины смерти». В 1950 г. к ним добавилась причина «механические травмы непроизводственного и неустановленного (на производстве или вне его) характера». К 1955 г. номенклатура претерпела существенные изменения. Общее число причин достигло 116, причем многие из них изменились. Перестали учитывать такие причины смерти, как «врожденная слабость» и «старческая дряхлость». В 1959 г. изменения были минимальными: исчезла причина «аборт, самопроизвольный неустановленного характера», добавилась – «прочие локализации атеросклероза и без указания».

Наиболее заметное изменение за период – сокращение смертности от инфекционных и паразитарных болезней. Если в 1946 г. на них приходилось 31.8 % смертей, то в 1950 г. – 20.0 %, в 1955 г. – 9.8 %, в 1959 г. – 8.3 %. Доля умерших от туберкулеза снизилась более чем в пять раз – с 20.9 до 3.9 %. Вспышки дизентерии отмечались в отдельные годы. Например, в городском поселении в 1950 г. 5.8 % людей умерли от дизентерии. В 1946 г. довольно большое число смертей (6.7 %) списывали на старческую дряхлость. В 1950 г. у 12.0 % умерших причиной указана токсическая диспепсия – в основном младенцы и дети до 5 лет в городской местности.

Увеличился удельный вес внешних причин смерти и новообразований, некоторых заболеваний органов дыхания и системы кровообращения. Доля убийств и самоубийств возросла в 1950–х гг. втрое. Среди других внешних причин выделяются немеханические травмы и отравления неустановленного характера, производственные травмы и отравления, и механические травмы неустановленного характера. В сумме они дают 477 смертей в 1959 г. Устойчиво рос удельный вес новообразований, от которых в 1946 г. умерло 0.6 % чел., в 1950 г. – 2.8 %, в 1955 г. – 6.5 %, в 1959 г. – 8.6 %. Это свидетельствует как об эпидемиологическом переходе, так и о развитии системы диагностики заболеваний. Существенно вырос удельный вес гиперто-

Число умерших по причине смерти в Коми АССР, 1946–1959 годы

Number of deaths due to causes of death in the Komi ASSR, 1946–1959

Таблица 7

Table 7

Причины смерти	Год						
	1946	1950		1955		1959	
	Сыктывкар	Город	Село	Город	Село	Город	Село
От всех причин	645	2381	607	2120	1672	2281	2933
От инфекционных и паразитарных болезней	205	501	98	192	178	178	257
Из них:							
от туберкулеза	135	258	65	105	91	73	130
от дизентерии	0	138	2	18	12	54	33
От новообразований	4	66	18	161	86	232	217
Из них:							
органов пищеварения (злокачественных)	2	37	12	84	53	131	132
От болезней эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ	5	13	1	18	30	13	27
От болезней системы кровообращения	129	217	95	313	244	412	631
Из них:							
от гипертонической болезни	96	35	139	189
от атеросклероза мозга	17	56	17	21	37	55	84
От болезней органов дыхания	72	395	111	297	293	330	496
Из них:							
от пневмонии	66	368	105	232	215	228	250
От болезней органов пищеварения	53	438	79	223	188	198	262
Из них:							
от токсической диспепсии	14	339	19	128	121	105	184
От осложнений беременности, родов и послеродового периода	14	162	30	191	150	190	144
Из них:							
от преждевременного рождения	8	83	19	107	46	74	53
От врожденных аномалий	3	33	5	18	10	34	33
От несчастных случаев, отравлений, травм	33	217	39	420	199	536	444
Из них:							
убийства	3	14	1	41	6	49	28
самоубийства	4	26	9	62	19	102	80
От болезней мочеполовой системы	8	15	5	13	11	18	29
От прочих причин смерти	71	142	80	49	30	38	59
Из них:							
от старческой дряхлости	43	5	16	0	0	0	0
Кроме того, неточно обозначенные и не вошедшие в классификацию болезни и причины смерти	48	182	46	225	253	102	334

Примечание. В данных 1946 и 1950 гг. гипертоническая болезнь среди причин смерти не выделялась. Источники: [18, л. 80–85; 22, л. 39, 40; 23, л. 44–51; 27, л. 59–62;].

Note. in the data of 1946 and 1950, hypertension was not on the list of causes of death.

Sources: [18, p. 80–85; 22, p. 39–40; 23, p. 44–51; 27, p. 59–62].

нической болезни. В 1950 г. она отсутствовала в перечне причин смерти, в 1955 г. на нее пришлось 3.5 % смертей, а в 1959 г. – 6.3 %. Доля «прочих причин смерти» уменьшалась.

Если главной причиной младенческой смертности в 1946 г. были инфекционные болезни, то в 1955–1959 гг. – болезни органов дыхания, прежде всего пневмония, на которую приходилось более четверти умерших младенцев. От 17.6 до 28.3 % смертей связаны с болезнями органов пищеварения (в основном – токсическая диспепсия, около 20 %). Вдвое за период возросла доля умерших от осложнений беременности, родов и послеродового периода. Среди них наиболее распространенным в 1959 г. было «преждевременное рождение без других указаний».

ков), Интинский горсовет (один поселок и два сельсовета), Койгородский район (один поселок и два сельсовета), Сыктывдинский район (три сельсовета). Если выбивающиеся из общих закономерностей значения в сельсоветах могут быть статистическими выбросами, то низкая рождаемость в рабочих поселках была закономерной из-за их специализации на добывающих отраслях, что приводило к низкому удельному весу женщин на первых этапах освоения углеводородного сырья, при создании транспортной и добывающей инфраструктуры. В сельсоветах с преобладанием коми медианный ОКР выше, чем в сельсоветах с преобладанием русских (39.1 и 34.0 % соответственно).

Значения общего коэффициента смертности (далее – ОКС) тоже различаются для поселений разных типов.

Рассмотрим территориальные различия в рождаемости и смертности за 1959 г. на местном уровне. На карте–схеме отмечены 194 точки (рисунок). Из них пять соответствуют городам (Сыктывкар, Воркута, Инта, Печора, Ухта), 29 – рабочим поселкам (Горняцкий, Промышленный, Комсомольский, Северный, Железнодорожный, Микунь, Войвож, Октябрьский, Заполярный, Ярега, Хальмер-Ю, Верхняя Инта, Кожва, Краснозатонский, Каджером, Нижняя Омра, Вожаель, Кожым, Тракт, Кажым, Водный, Елецкий, Хановей, Мульда, Абезь, Косью, Нювчим, Ошкурья, Кырта), 160 – сельским советам. Медианная численность населения города – 40.6 тыс. чел., рабочего поселка – 5.5 тыс., сельского совета – 1.8 тыс.

Наибольшее медианное значение общего коэффициента рождаемости (далее – ОКР) демонстрируют сельсоветы (37.7 ‰). У городов значение составило 28.6 ‰, у поселков городского типа (далее – пгт) – 27.0 ‰. Территориально сельсоветы с высоким значением ОКР (свыше 45 ‰) расположены в основном в северной части и на окраинах республики – в Ижемском и Усть-Цилемском районах, по пять таких сельсоветов. Низкие значения ОКР (менее 25 ‰) зафиксированы в основном в рабочих поселках и некоторых сельсоветах. Поселки расположены преимущественно в районах нового освоения, а сельсоветы – в разных частях республики: Железнодорожный район (два поселка и четыре сельсовета), Воркутинский горсовет (пять посел-

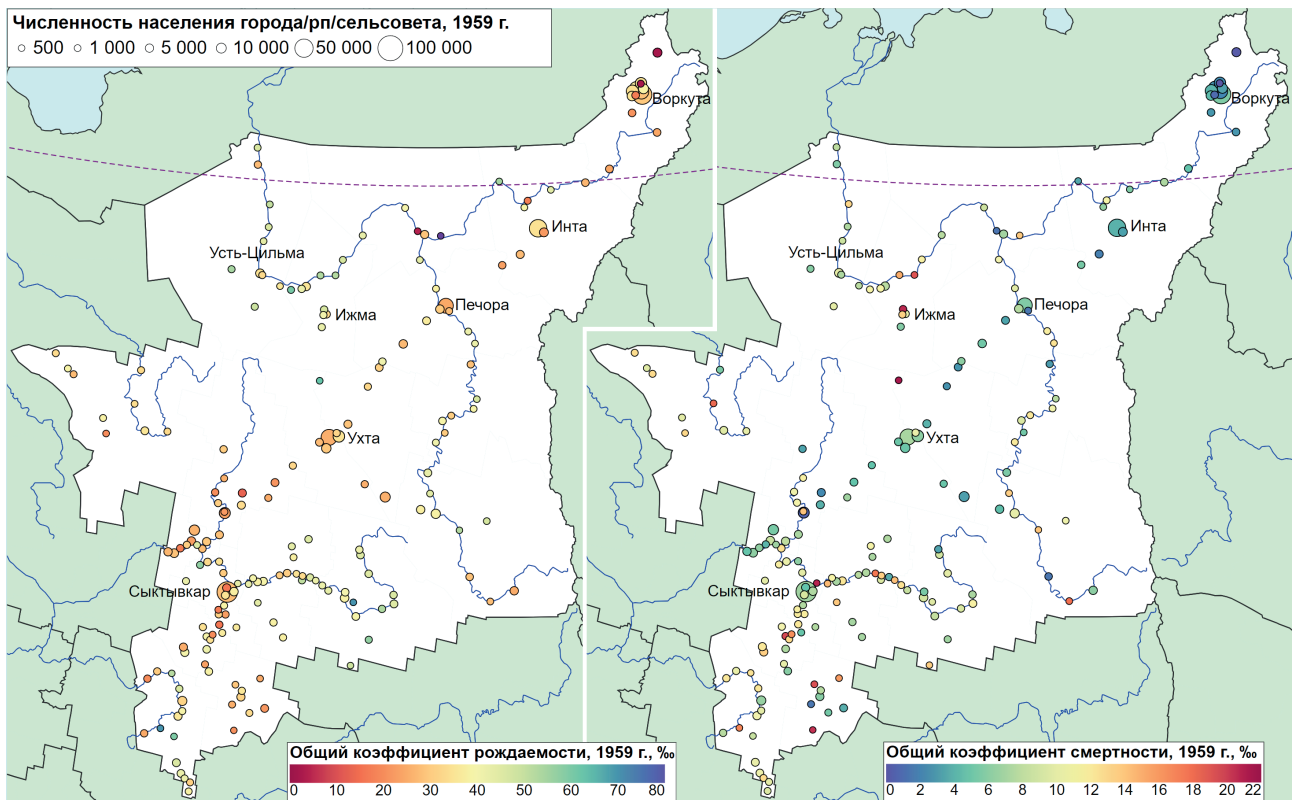

Рис. Общий коэффициент рождаемости (слева) и смертности (справа) по городам, рабочим поселкам и сельским советам Коми АССР в 1959 году. Источники: [23, л. 72–79].

Fig. Total fertility (left) and mortality (right) rate by towns, working settlements and Village Soviets of the Komi ASSR in 1959. Sources: [23, p. 72–79].

В сельских поселениях медианный ОКС самый высокий – 9.7 ‰, в городах несколько ниже – 5.9 ‰, в пгт еще ниже – 3.7 ‰. Высокие значения ОКС (свыше 13 ‰) зафиксированы в 29 поселениях. Из них по четыре – в Ижемском и Сысольском районах, по три – в Койгородском, Корткеросском, Сторожевском, Удорском и Троицко-Печорском. Совсем нет территорий с высокой смертностью в Сыктывдинском, Интинском, Кожвинском, Летском, Помоздинском, Усть-Вымском районах, а также в Сыктывкарском и Воркутинском горсоветах. В четырех сельсоветах ОКС превысил 20 ‰: Сизябский, Коберский, Озельский, Кедвинский. Низкое значение ОКС (менее 4 ‰) в 32 местах (среди них г. Инта и 13 рабочих поселков, 10 из которых расположены в Воркутинском горсовете). Низкий показатель смертности в самых северных угледобывающих поселениях можно объяснить тем, что на производстве угля трудились относительно молодые работники. Кроме того, шахтеры, благодаря системе преференций, имели больше возможностей переезжать из северных территорий после завершения трудовой деятельности («вывозная смертность»). Общий коэффициент смертности был выше в сельсоветах с преобладанием коми населения (10.6 ‰), чем с доминированием русских (7.4 ‰).

Исследование позволило ввести в научный оборот новые сведения о естественном движении населения Коми АССР послевоенного периода. Они касаются возрастных и национальных различий в рождаемости и смертности, трансформации структуры причин смертности, территориальных различий в показателях естественного движения

населения на уровне городских поселений и сельсоветов. Показано, что послевоенный период стал ключевым в демографическом и эпидемиологическом переходе республики к современному типу воспроизводства населения. Столь быстрых изменений интенсивностей рождений и смертей (за исключением влияния войн, голода и эпидемий) не было ни до, ни после.

Источники и литература

1. Безносова, Н. П. Население Республики Коми в годы Второй мировой войны (1939–1945) / Н. П. Безносова. – Саарбрюкен : LAP Lambert Academic Publishing, 2014. – 75 с.
2. Масалимова, В. Г. Республика Коми. История и статистика военных лет / В. Г. Масалимова, Н. В. Азаренкова, Е. В. Чувьюрова [и др.]. – Сыктывкар : Комистат, 2015. – 105 с.
3. Жеребцов, И. Л. Демографические процессы в Коми в XX веке / И. Л. Жеребцов, В. В. Фаузер. – Сыктывкар : Коми НЦ УрО РАН, 2000. – 36 с.
4. Фаузер, В. В. Республика Коми в XX веке: демография, расселение, миграция / В. В. Фаузер, Е. Н. Рожкин, Г. В. Загайнова. – Сыктывкар : Коми НЦ УрО РАН, 2001. – 124 с.
5. Игнатова, Н. М. Численность и воспроизводство населения Республики Коми во второй половине XIX–XX в. : историко-демографические и историко-географические исследования Российского Севера / Н. М. Игнатова.

- ва, Д. В. Вишнякова, А. П. Обедков, В. И. Силин. – Сыктывкар : Коми НЦ УрО РАН, 2022. – 276 с.
6. Фаузер, В. В. Республика Коми на рубеже веков : демография, миграция, расселение / В. В. Фаузер. – Ижевск : ООО «Принт», 2023. – 308 с.
 7. Безносова, Н. П. Характеристика смертности населения Коми в 1930–1950-е годы / Н. П. Безносова, И. Л. Жеребцов, М. В. Таскаев // Здоровье, демография, экология финно-угорских народов. – 2010. – № 2. – С. 55–58.
 8. Безносова, Н. П. Динамика и размеры младенческой смертности в Республике Коми в 1921–1990 гг. / Н. П. Безносова // Историческая демография. – 2013. – № 2 (12). – С. 37–40.
 9. Омран, А. Р. Теория эпидемиологического перехода : взгляд 30 лет спустя / А. Р. Омран // Демографическое обозрение. – 2019. – Т. 6 (1). – С. 177–216.
 10. Вишневский, А. Г. Смертность в России : несостоявшаяся вторая эпидемиологическая революция / А. Г. Вишневский // Демографическое обозрение. – 2014. – № 4 (4). – С. 5–40.
 11. Захаров, С. В. История рождаемости в России : от поколения к поколению / С. В. Захаров // Демографическое обозрение. – 2023. – Т. 10 (1). – С. 4–43.
 12. Республика Коми к 80-летию государственности (1921–2001 гг.) : статистический сборник. – Сыктывкар : Госкомстат Республики Коми, 2001. – 163 с.
 13. Турубанов, А. Н. Уровень жизни рабочих и служащих Коми АССР во II половине 40-х – 50-е годы / А. Н. Турубанов, Н. М. Игнатова, В. О. Светопольская, Н. И. Сурков // История Коми с древнейших времен до современности. Т. 2. 2-е изд. / под общ. ред. : И. Л. Жеребцова, А. А. Попова и А. Ф. Сметанина. – Сыктывкар : ООО «Анбур», 2011. – С. 506–512.
 14. Сметанин, А. Ф. Материальное положение колхозников Коми АССР / А. Ф. Сметанин, Д. В. Милохин // История Коми с древнейших времен до современности. Т. 2. 2-е изд. / под общ. ред. : И. Л. Жеребцова, А. А. Попова и А. Ф. Сметанина. – Сыктывкар : ООО «Анбур», 2011. – С. 484–490.
 15. Республике Коми – 90 лет. Историко-статистический сборник / В. Я. Сквозников, О. И. Конакова, Ж. А. Свириева, В. Г. Масалимова, Т. А. Шерстюкова. – Сыктывкар : Комистат, 2011. – 420 с.
 16. НА РК. Ф. Р-140. Оп. 2. Д. 2153, 2155, 2156, 2162, 3227, 3235, 3239, 3245, 3248, 5218, 5222, 5227, 5229, 5233.
 17. Smirnov, A.V. Economic specialization and demographic development of settlements in the Northern region / A.V. Smirnov, U.V. Lytkina // Population and Economics. – 2022. – Vol. 6(2). – P. 14–34.
 18. НА РК. Ф. Р-140. Оп. 2. Д. 3227.
 19. Зырянова, М. А. Семейная политика в первые десятилетия развития советского общества в России и ее северных регионах (на примере Республики Коми) / М. А. Зырянова // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. – 2022. – № 1. – С. 73–84.
 20. Зырянова, М. А. Правовое поле советской семейной политики в 1946–1990 гг. в контексте оценки демографических изменений в РСФСР и Коми АССР / М. А. Зырянова // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2021. – № 4 (93). – С. 47–54.
 21. Накачи, М. Анализ пронаталистской семейной политики в СССР в 1940-х – 1960-х годах / М. Накачи // Демографическое обозрение. – 2022. – Т. 9 (1). – С. 34–55.
 22. НА РК. Ф. Р-140. Оп. 2. Д. 2153.
 23. Там же. Д. 5233.
 24. Демографическая характеристика населения Республики Коми : статистический сборник (по данным микропереписи) 1994 года. – Сыктывкар : Госкомстат Республики Коми, 1995. – 74 с.
 25. Республика Коми в человеческом измерении. – Сыктывкар : Госкомстат Республики Коми, 1997.
 26. НА РК. Ф. Р-140. Оп. 2. Д. 1016.
 27. Там же. Д. 5218.

References

1. Beznosova, N. P. Naselenie Respubliki Komi v gody Vtoroi mirovoi voiny (1939-1945) [The population of the Komi Republic during the Second World War (1939-1945)] / N. P. Beznosova. – Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2014. – 75 p.
2. Masalimova, V. G. Respublika Komi. Istoriya i statistika voennykh let [The Komi Republic. History and statistics of the war years] / V. G. Masalimova, N. V. Azarenkova, E. V. Chuvyurova [et al.]. – Syktyvkar: Komistat, 2015. – 105 p.
3. Zherebtsov, I. L. Demograficheskie protsessy v Komi v XX veke [Demographic processes in Komi in the XX century] / I. L. Zherebtsov, V. V. Fauzer. – Syktyvkar: Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, 2000. – 36 p.
4. Fauzer, V. V. Respublika Komi v XX veke: demografiya, rasselenie, migratsiya [The Komi Republic in the XX century: demography, settlement system, migrations] / V. V. Fauzer, E. N. Rozhkin, G. V. Zagainova. – Syktyvkar: Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, 2001. – 124 p.
5. Ignatova, N. M. Chislennost i vosproizvodstvo naseleniya Respubliki Komi vo vtoroi polovine XIX – XX v.: istoriko-demograficheskie i istoriko-geograficheskie issledovaniya Rossiiskogo Severa [Population number and reproduction in the Komi Republic in the second half of the XIX – XX centuries: historical-demographic and historical-geographical studies of the Russian North] / N. M. Ignatova, D. V. Vishnyakova, A. P. Obedkov, V. I. Silin. – Syktyvkar: Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, 2022. – 276 p.
6. Fauzer, V. V. Respublika Komi na rubezhe vekov: demografiya, migratsiya, rasselenie [The Komi Republic at the turn of the century: demography, migration, settlement] / V. V. Fauzer. – Izhevsk: OOO Print, 2023. – 308 p.
7. Beznosova, N. P. Kharakteristika smertnosti naseleniya Komi v 1930-1950-e gody [Characteristics of mortality of the Komi population in the 1930s-1950s] / N. P. Beznosova, I. L. Zherebtsov, M. V. Taskaev // Zdorovyie, demografiya, ekologiya finno-ugorskikh narodov [Health, demography, ecology of Finno-Ugric peoples]. – 2010. – № 2. – P. 55–58.
8. Beznosova, N. P. Dinamika i razmery mladencheskoi smertnosti v Respublike Komi v 1921-1990 gg. [Dynamics

- and dimensions of infant mortality in the Komi Republic in 1921-1990] / N. P. Beznosova // Istoricheskaya demografiya [Historical demography]. – 2013. – № 2(12). – P. 37-40.
9. Omran, A. R. Teoriya epidemiologicheskogo perekhoda: vzglyad 30 let spustya [The theory of epidemiological transition: a view 30 years later] / A. R. Omran // Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review]. – 2019. – Vol. 6 (1). – P. 177-216.
 10. Vishnevsky, A. G. Smertnost v Rossii: nesostoyavshayasya vtoraya epidemiologicheskaya revolyutsiya [Mortality in Russia: the failed second epidemiological revolution] / A. G. Vishnevsky // Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review]. – 2014. – № 4 (4). – P. 5-40.
 11. Zakharov, S. V. Istoriya rozhdanosti v Rossii: ot pokoleniya k pokoleniyu [Birth rate history in Russia: from generation to generation] / S. V. Zakharov // Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review]. – 2023. – Vol. 10 (1). – P. 4-43.
 12. Respublika Komi k 80-letiyu gosudarstvennosti (1921-2001 gg.) [The Komi Republic on the 80th anniversary of statehood (1921-2001)]: Statistical compilation. – Syktyvkar: Goskomstat Respubliki Komi [State Statistics Committee of the Komi Republic], 2001. – 163 p.
 13. Turubanov, A. N. Uroven zhizni rabochikh i sluzhashchikh Komi ASSR vo II polovine 40-kh – 50-e gody [The standard of living of workers and employees of the Komi ASSR in the second half of the 1940s – 1950s] / A. N. Turubanov, N. M. Ignatova, V. O. Svetopolskaya, N. I. Surkov // Istoriya Komi s drevneishikh vremen do sovremennosti [The history of Komi from ancient times to the present]. Vol. 2. 2nd edition. – Syktyvkar: OOO Anbur, 2011. – P. 506-512.
 14. Smetanin, A. F. Materialnoe polozhenie kolkhoznikov Komi ASSR [The financial situation of collective farmers of the Komi ASSR] / A. F. Smetanin, D. V. Milokhin // Istoriya Komi s drevneishikh vremen do sovremennosti [The history of Komi from ancient times to the present]. Vol. 2. 2nd edition. – Syktyvkar: OOO Anbur, 2011. – 484-490.
 15. Respublika Komi – 90 let. Istoriko-statisticheskii sbornik [The Komi Republic is 90. Historical and statistical collection] / V. Ya. Skvoznikov, O. I. Konakova, Zh. A. Sviryaeva, V. G. Masalimova, T. A. Sherstyukova. – Syktyvkar: Komistat [Komi Statistics Office], 2011. – 420 p.
 16. NARK [National Archives of the Komi Republic]. F. R-140. Op. 2. D. 2153, 2155, 2162, 2156, 3227, 3235, 3239, 3245, 3248, 5218, 5222, 5227, 5229, 5233.
 17. Smirnov, A. V. Economic specialization and demographic development of settlements in the Northern region / A. V. Smirnov, U. V. Lytkina // Population and Economics. – 2022. – Vol. 6(2). – P. 14-34.
 18. NARK [National Archives of the Komi Republic]. F. R-140. Op. 2. D. 3227.
 19. Zyryanova, M.A. Semeinaya politika v pervye desyatiletiya razvitiya sovetskogo obshchestva v Rossii i ee severnykh regionakh (na primere Respubliki Komi) [Family policy in the first decades of Soviet society in Russia and its northern regions (case study of the Komi Republic)] / M. A. Zyryanova // Vestnik PNIPU. Sotsialno-ekonomicheskie nauki [Bull. of Perm National Res. Polytechnic Univ. Socio-economic sciences]. – 2022. – № 1. – P. 73-84. – DOI: 10.15593/2224-9354/2022.1.6
 20. Zyryanova, M. A. Pravovoe pole sovetskoi semeinoi politiki v 1946-1990 gg. v kontekste otsenki demograficheskikh izmenenii v RSFSR i Komi ASSR [Legal field of Soviet family policy in 1946-1990 in the context of assessment of demographic changes in the RSFSR and the Komi ASSR] / M. A. Zyryanova // Uchenye zapiski OGU. Seriya: Gumanitarnye i sotsialnye nauki [Sci. notes of Orel State Univ. Series: Humanities and Social Sciences]. – 2021. – № 4 (93). – P. 47-54.
 21. Nakachi, M. Analiz pronatalistskoi semeinoi politiki v SSSR v 1940-kh – 1960-kh godakh [Analysis of pronatalist family policy in the USSR in the 1940s-1960s] / M. Nakachi // Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review]. – 2022. – Vol. 9 (1). – P. 34-55. – DOI: 10.17323/demreview.v9i1.14572.
 22. NARK [National Archives of the Komi Republic]. F. R-140. Op. 2. D. 2153.
 23. Ibid. F. P-140. Op. 2. D. 5233.
 24. Demograficheskaya kharakteristika naseleniya Respubliki Komi [Demographic characteristics of the population of the Komi Republic]. – Statisticheskii sbornik (po dannym mikroperepisi) 1994 goda [Statistical collection (according to microcensus) of 1994]. – Syktyvkar, Goskomstat Respubliki Komi [State Statistics Committee of the Komi Republic], 1995. – 74 p.
 25. Respublika Komi v chelovecheskom izmerenii [The Komi Republic in the human dimension]. – Syktyvkar: Goskomstat Respubliki Komi [State Statistics Committee of the Komi Republic], 1997.
 26. NARK [National Archives of the Komi Republic]. F. R-140. Op. 2. D. 1016.
 27. Ibid. F. P-140. Op. 2. D. 5218.

Благодарность (госзадание):

Исследование выполнено в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН по теме «Трансформация общества, власти и экономики на Европейском Северо-Востоке России» (номер государственного учета 122040800166-0).

Acknowledgements (state task)

The research was carried out within the frames of the implementation of the state task of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS on the topic "Transformations of society, government and economy in European North-East of Russia" (state registration No. 122040800166-0).

Информация об авторе:

Лыткина Ульяна Владимировна – аспирант, младший научный сотрудник сектора историко-демографических и историко-географических исследований Российского Севера Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук; ORCID: 0000-0002-4875-6929 (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: ulytkina@yandex.ru).

Author:

Ulyana V. Lytkina – Junior Researcher at the Department of Historical-Demographic and Historical-Geographical Studies of the Russian North at the Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Komi Republic, Russian Federation, e-mail: ulytkina@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-4875-6929).

Для цитирования:

Лыткина, У. В. Естественное движение населения Коми АССР в 1946-1959 годах / У. В. Лыткина // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Историческая демография». – 2023. – № 8 (66). – С. 69–79.

For citation:

Lytkina, U. V. Natural movement of the population of the Komi ASSR in 1944-1959 / U. V. Lytkina // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "Historical demography". – 2023.– No. 8 (66).– P. 69–79.

Дата поступления статьи: 03.10.2023

Прошла рецензирование: 06.10.2023

Принято решение о публикации: 09.10.2023

Received: 03.10.2023

Reviewed: 06.10.2023

Accepted: 09.10.2023

Средние специальные учебные заведения сельскохозяйственного профиля в Коми АССР в 1950-е годы: половозрастной и национальный составы учащихся

А. М. Мацук

ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
almmatsuk@gmail.com

Аннотация

В статье на основе архивных источников рассмотрены вопросы возрастного, гендерного и национального составов учащихся средних специальных учебных заведений, готовивших специалистов сельскохозяйственного профиля в Коми АССР в 1950-е гг. Сделан вывод о том, что значительную долю среди учащихся занимали представители женского пола. В разрезе возрастных групп учащихся на протяжении изучаемого периода возрастала доля представителей наиболее старшей группы как среди учащихся-женщин, так и мужчин. Показано, что в изучаемых учебных заведениях обучение проходили представители многих национальностей. Однако по численности учащихся их соотношение было неравнозначно.

Ключевые слова :

среднее специальное образование, возраст, гендер, национальность, сельское хозяйство, Коми АССР, 1950-е гг.

В 1950-е гг. в Коми АССР, наряду с аналогичным процессом в стране, начинается трансформация сельскохозяйственного сектора народного хозяйства: колхозы, как недостаточно рентабельные небольшие сельхозпредприятия, заменяются на крупные сельскохозяйственные предприятия промышленного типа – совхозы. Вводится единая форма государственных закупок производимой данными предприятиями продукции. Машинно-тракторные станции, до этого поставлявшие технику и принимавшие от сельхозпредприятий натуральную оплату, были реорганизованы в ремонтно-технические, что позволило сельскохозяйственным предприятиям уже к концу 1950-х гг. выкупить в свое пользование значительное количество техники и использовать ее круглогодично [1].

Для иллюстрации описанных процессов приведем информацию о том, что если в начале 1950-х гг. в Коми АССР насчитывалось 400 колхозов и только два совхоза, то в начале 1960-х гг. их стало 129 и 11 соответственно [2, с. 86; 3, с. 62]. Значительно возросло и количество используемой в сельском хозяйстве республики техники: например, чис-

Secondary specialized educational institutions of agricultural profile in the Komi ASSR in the 1950s: gender, age and national composition of students

A. M. Matsuk

Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar
almmatsuk@gmail.com

Abstract

Based on archival sources, the paper considers the problems of age, gender and national composition of students of secondary specialized educational institutions that trained agricultural specialists in the Komi ASSR in the 1950s. It is concluded that a significant proportion of students were female. In the context of the age groups of students during the study period, the proportion of representatives of the oldest group, both among female and male students, increased. It is shown that representatives of many nationalities were trained in the educational institutions under study. However, in terms of the number of students, their ratio was unequal.

Keywords :

secondary specialized education, age, gender, nationality, agriculture, Komi ASSR, the 1950s

ло тракторов увеличилось с 738 в 1950 г. до 1303 в 1960 г., грузовых автомобилей – со 168 до 778, комбайнов – с 84 до 200 и др. [2, с. 85, 97; 3, с. 64; 4, с. 93].

Указанные изменения в сельском хозяйстве привели к значительному увеличению выработки продуктов земледелия и животноводства, а также изменению специализации регионального сельскохозяйственного сектора, в котором основной упор к началу 1960-х гг. был сделан на развитие животноводства, овощеводства и картофелеводства [4, с. 59]. Это иллюстрирует рост государственных закупок сельхозпродукции в Коми АССР: например, закупки картофеля выросли с 13.3 тыс.т. в 1950 г. до 14.2 – в 1960 г., овощей – с 2.5 до 7.8 тыс.т., скота и птицы – с 3.3 до 9.1 тыс.т. [3, с. 79, 85].

Отметим, что весомый вклад в развитие данной сферы народного хозяйства республики вносили специалисты средней квалификации, которых готовили и выпускали средние специальные учебные заведения в Коми АССР. Так, например, в середине 1950-х гг. число специалистов среднего звена, работавших в республике и имевших

специализации агрономов, зоотехников, ветеринарных работников и лесоводов составляло почти тысячу человек, в конце 1950-х гг. – уже 1.3 тыс., число специалистов-техников, определенная часть которых также работала в сельскохозяйственной сфере, в середине 1950-х гг. равнялось 4 тыс. чел., к концу исследуемого периода увеличившись до 8.8 тыс. [5, 6].

На протяжении 1950-х гг. в Коми АССР специалистов среднего звена для сельскохозяйственного сектора экономики готовили несколько средних специальных учебных заведений. В начале изучаемого периода в их число входили: Лесная школа (г. Сыктывкар), Коми Ульяновский сельскохозяйственный техникум (с. Ульяново), Сыктывкарский сельскохозяйственный техникум и Сыктывкарская средняя сельскохозяйственная школа по подготовке председателей колхозов (г. Сыктывкар, пос. Нижний Чов) [7].

В дальнейшем, по причине процесса модернизации различных отраслей народного хозяйства (в данном случае, прежде всего, сельского хозяйства), изменениями в системе подготовки специалистов, в соответствии с обновлением используемых технологий и оборудования, а также с проводимой в данный период реформой народного образования, в структуре подготовки специалистов среднего звена для сельского хозяйства республики происходят заметные изменения. Так, с 1955/56 учебного года Лесная школа уже не учитывается как среднее специальное учебное заведение [8]. В 1956/57 учебном году была закрыта Сыктывкарская средняя сельскохозяйственная школа по подготовке председателей колхозов, Коми Ульяновский сельскохозяйственный техникум был объединен с Сыктывкарским сельскохозяйственным техникумом [9].

Вопрос национального, возрастного и гендерного составов учащихся средних специальных учебных заведений республики в настоящее время имеет определенные лакуны в научных исследованиях по истории данной системы. В работах Я. Н. Безносикова, в границах конца 1950–1970-х гг. очерчены национальный и гендерный составы работавших в Коми АССР специалистов среднего звена [10, 11]. А. К. Гагиева привела данные о гендерном и национальном составе учащихся Сыктывкарского кооперативного техникума в середине 1930–середине 1940-х гг. [12, 13]. В рамках исследования системы среднего специального образования нами были затронуты вопросы национального состава учащихся изучаемой системы в Коми АССР как в целом, так и по некоторым профилям подготовки специалистов (промышленная, транспортная сферы, сфера кооперации с освещением, в последнем случае, и половозрастного состава учащихся) [14–17]. В целом по Европейскому Северу был показан гендерный состав учащихся техникумов в 1960–1980-е гг. [18]. Что касается проблемы подготовки кадров среднего звена для сельскохозяйственного сектора республики, то можно отметить, что нами данный вопрос был затронут достаточно широко, однако без выделения национального и половозрастного составов учащихся [19]. Исходя из этого, представляется актуальным проиллюстрировать на основе имеющихся статистических источников национальный, возрастной

и гендерный составы учащихся средних специальных учебных заведений сельскохозяйственного профиля, действовавших в Коми АССР в 1950-е гг.

Интересующая нас информация представлена в ежегодных статистических отчетах изучаемых учебных заведений, которые отложились в фонде Статуправления Коми АССР ГУ РК «Национальный архив Республики Коми». Отчеты по утвержденной форме состояли из нескольких таблиц, в которые руководство учебных заведений вносило необходимые данные. В нашем случае интерес представляют две таблицы: «Состав учащихся по полу и возрасту» и «Распределение учащихся по национальности». В связи с частыми изменениями шаблона отчетной формы, в том числе и внешнего вида используемых в представленном исследовании таблиц (в которых изменялось количество граф, тип вносимых данных и т.п.), для удобства мы поместили необходимую для наглядности информацию о гендерном и возрастном составе учащихся в виде унифицированных таблиц (табл. 1–3).

В табл. 1 представлена информация по общему количеству учащихся женского и мужского пола с разбивкой по учебным годам изучаемого периода. По имеющимся в статистических отчетах данным удалось подсчитать, что на протяжении 1950-х гг. гендерный состав учащихся ссузов сельскохозяйственного профиля находился в процентном соотношении примерно в одинаковых рамках. Так, учащиеся женского пола составляли большинство из всей массы обучающихся. Их численность в процентном соотношении находилась в рамках 69–75 %, в то время как число учащихся мужского пола занимало 25–31 %. Единственным учебным годом, выбивающимся из всего ряда, можно отметить 1951/52 учебный год, когда соотношение учащихся женского и мужского пола составляло 63 и 37 % соответственно.

Таблицы 2 и 3 содержат статистические данные о числе учащихся женского и мужского пола с разбивкой как по учебным годам, так и по четырем возрастным группам. Анализируя возрастной состав учащихся женского пола, следует отметить следующую динамику изменения доли учащихся той или иной возрастной группы: в группе 14 лет и младше в первой половине 1950-х гг. отмечается наличие доли учащихся от 2 до 3.8 % от общей массы всех обучающихся женского пола, в то время как во второй половине изучаемого периода доля данной группы сократилась до 2.5–0.5 %, а в 1959/60 учебном году не отмечено ни одной учащейся указанного возраста. Доля в группе 15-летних в 1951/52–1954/55 учебных годах возросла с 3.5 до 7.3–10 %, в последующем же данный показатель снизился, находясь в рамках 6.9–2.5 %, составив в среднем за вторую половину 1950-х гг. 4.7 % учащихся женского пола. Группа учащихся 16–17 лет занимала уже большую часть от общей массы, однако и она демонстрирует схожую с рассмотренными ранее группами динамику: если в первой половине изучаемого периода доля учащихся женского пола в данной возрастной группе составляла от 27.5 до 33.9 %, то во второй половине 1950-х гг. отмечено снижение этого показателя до 26.6–17.2 %. Наибольшее количество насчитывала группа 18 лет и старше, представители которой за-

Гендерный состав учащихся средних специальных учебных заведений сельскохозяйственного профиля в Коми АССР в 1950-е годы

Таблица 1

Gender composition of students in secondary specialized educational institutions of agricultural profile in the Komi ASSR in the 1950s

Table 1

Пол	Учебные годы								
	1951/52	1952/53	1953/54	1954/55	1955/56	1956/57	1957/58	1958/59	1959/60
	Число учащихся								
Жен.	426	499	491	510	495	438	387	323	302
Муж.	252	219	205	198	188	143	160	142	121

Источники: [20–28].

Sources: [20–28].

Возраст учащихся женского пола средних специальных учебных заведений сельскохозяйственного профиля в Коми АССР в 1950-е годы

Таблица 2

The age of female students of secondary specialized educational institutions of agricultural profile in the Komi ASSR in the 1950s

Table 2

Возраст	Учебные годы								
	1951/52	1952/53	1953/54	1954/55	1955/56	1956/57	1957/58	1958/59	1959/60
	Число учащихся								
14 лет и младше	16	10	13	12	9	10	2	8	-
15 лет	15	50	36	37	34	11	20	12	16
16–17 лет	138	137	164	173	123	115	84	86	52
18 лет и старше	257	302	278	288	329	302	281	217	234

Источники: см. табл. 1.

Sources: see Table 1.

Возраст учащихся мужского пола средних специальных учебных заведений сельскохозяйственного профиля в Коми АССР в 1950-е годы

Таблица 3

The age of male students of secondary specialized educational institutions of agricultural profile in the Komi ASSR in the 1950s

Table 3

Возраст	Учебные годы								
	1951/52	1952/53	1953/54	1954/55	1955/56	1956/57	1957/58	1958/59	1959/60
	Число учащихся								
14 лет и младше	13	5	4	2	8	5	-	4	-
15 лет	20	24	13	9	4	5	10	2	4
16–17 лет	80	70	79	48	41	36	32	34	8
18 лет и старше	139	120	109	139	135	97	118	102	109

Источники: см. табл. 1.

Sources: see Table 1.

нимали в первой половине 1950-х гг. от 56.5 до 60.5 %, во второй половине 1950-х гг. – от 66.5 до 77.5 %.

Динамика изменения доли учащихся мужского пола в отмеченных возрастных группах имеет некоторые сходства с динамикой, относящейся к возрастным группам учащихся-женщин. Так, доля представителей группы 14 лет и младше имела тенденцию к сокращению – с 5.2 до 1 % в первой половине 1950-х гг. и с 4.3 до 2.8 % во второй половине изучаемого периода, причем за 1957/58 и 1959/60 учебные года не отмечено ни одного учащегося мужского пола в указанной возрастной группе. Доля учащихся 15

лет в начале 1950-х гг. увеличилась с 7.9 до 10.9 %, однако уже с 1953/54 учебно-го года отмечено заметное снижение – до 1.4 % в 1958/59 учебном году. Объем учащихся-мужчин в возрасте 16–17 лет в первой половине изучаемого периода находился в рамках 38.5–24.2 %, снизившись во второй половине 1950-х гг. до 24–20 % и резко уменьшившись в 1959/60 учебном году до 6.6 %. Последняя рассматриваемая группа учащихся (18 лет и старше) имеет схожую тенденцию с представителями женского пола по постепенному увеличению своей доли на протяжении всего изучаемого периода. Так, в первой половине 1950-х гг. доля данной группы составляла от 53.2 до 70.2 %, во второй половине 1950-х гг. – от 67.8 до 90.1 %. Причем в 1959/60 учебном году здесь, как и в группе 16–17 лет, зафиксировано резкое изменение объема учащихся, только в положительную сторону.

В заключении осветим вопрос национального состава учащихся изучаемых учебных заведений. Из имеющейся в статистических отчетах информации видно, что на протяжении всего рассматриваемого периода обучение в средних специальных учебных заведениях сельскохозяйственного профиля проходили представители 13 национальностей. Причем некоторые из них были записаны за каждый учебный год, в то время как другие упоминались только за определенные учебные годы. Перечислим все отмеченные в отчетах национальности учащихся в порядке убывания численности: коми, русские, украинцы, немцы, белорусы, литовцы, поляки, удмурты, эстонцы, евреи, татары, чуваш и осетины. Ежегодно на протяжении 1950-х гг. в составе учащихся отмечены представители коми, русских и немцев. За восемь из девяти рассматриваемых учебных лет зафиксированы белорусы и украинцы, за семь лет – литовцы, за четыре учебных года – эстонцы, татары и поляки, за три – удмурты и евреи, за два – чуваш, и за один учебный год – осетины.

Что касается численности представителей той или иной национальности, сгруппируем имеющиеся данные по указанному количеству учащихся за учебный год. В самой малочисленной группе – от одного до пяти человек – зафиксированы представители следующих национальностей: белорусы (за шесть учебных лет из девяти), украинцы (за два учебных года), евреи, эстонцы, литовцы, удмурты, татары, осетины, чуваш, немцы (за два учебных

года) и поляки – т. е. подавляющее большинство из списка представителей всех национальностей, записанных в отчетах учебных заведений, относятся к группе с наименьшим числом учащихся. К группе от 6 до 40 учащихся относятся представители белорусов (за два учебных года), украинцев (за шесть учебных лет) и немцев (за семь учебных лет). К последней группе, с максимальным числом учащихся, около 600 чел., принадлежат представители коми и русских, причем последние за все 1950-е гг. находились в рамках 120–200 учащихся за учебный год.

Подводя итог, отметим, что в разрезе национального состава учащихся средних специальных учебных заведений, готовивших специалистов сельскохозяйственного профиля, по данным статистических отчетов видно, что эта категория была представлена достаточно широким спектром. Однако по численности учащихся большинство представителей тех или иных национальностей составляли весьма небольшую долю от общего количества обучающихся, и наиболее массово были представлены только коми и русские.

Что касается гендерного и возрастного составов учащихся ссузов сельскохозяйственного профиля, картина в 1950-е гг. выглядела следующим образом: в общем объеме обучающихся значительную долю занимали представители женского пола, в то время как учащиеся-мужчины практически не выходили за рамки одной трети от всей численности. Возрастной состав учащихся как женского, так и мужского пола имел тенденцию к увеличению доли обучающихся более старшего возраста, масса представителей которых (в возрастной группе 18 лет и старше) к концу изучаемого периода достигла 77.5 % среди женщин и 90.1 % среди мужчин.

Источники и литература

1. История Коми АССР с древнейших времен до наших дней / гл. ред. д.и.н., проф. И. Б. Берхин. – Сыктывкар : Коми книжное издательство, 1978. – С. 424.
2. Народное хозяйство Коми АССР. Статистический сборник. – Сыктывкар : Коми книжное издательство, 1957. – 176 с.
3. Коми АССР за 50 лет: статистический сборник. – Сыктывкар : Коми книжное издательство, 1971 – 235 с.
4. Попов, А. А. Советская северная деревня в 60-е – первой половине 80-х годов / А. А. Попов, А. Ф. Сметанин. – Сыктывкар, 1995. – 146 с.
5. Народное хозяйство РСФСР : статистический сборник. – Москва : Госстатиздат, 1957. – С. 275.
6. Народное хозяйство РСФСР в 1959 году : стат. ежегодник. – Москва : Госстатиздат ЦСУ СССР. – С. 434.
7. ГУРК «Национальный архив Республики Коми» (далее – ГУРК НАРК). Ф. Р-140. Оп. 2. Д. 4251. Л. 7. 11 об., 12.
8. Там же. Д. 5193. Л. 31.
9. Там же. Д. 5194. Л. 52, 106.
10. Безносиков, Я. Н. Культурная революция в Коми АССР / Я. Н. Безносиков. – Москва : Издательство «Наука», 1968. – С. 211, 212.
11. Безносиков, Я. Н. Развитие народного образования в Коми АССР / Я. Н. Безносиков. – Сыктывкар : Коми книжное издательство, 1973. – С. 114, 158.
12. Гагиева, А. К. Исторический опыт и проблемы кооперативного образования России в 20–90-е годы XX века (на материалах Республики Коми) / А. К. Гагиева. – Саратов : Издательство ФГОУ ВПО Саратовский ГАУ, 2004. – С. 80.
13. Гагиева, А. К. Потребительская кооперация и система кооперативного образования Республики Коми в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / А. К. Гагиева // Вестник Чебоксарского кооперативного института. – 2010. – № 1. – С. 9–14.
14. Мацук, А. М. Национальный состав учащихся средних специальных учебных заведений Коми АССР в 1950-х годах / А. М. Мацук // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2022. – № 1 (53). – С. 93–97.
15. Мацук, А. М. Национальный состав учащихся техникумов Коми АССР в 1950-е гг. в условиях модернизации народного хозяйства и реформирования системы среднего специального образования (на примере учебных заведений промышленной сферы) / А. М. Мацук // Северный регион в условиях социальных и экономических трансформаций российского общества (Республика Коми. История и современность) : сб. статей. – Сыктывкар : ГОУ ВО КРАГСиУ, 2022. – С. 115–122.
16. Мацук, А. М. Национальный состав учащихся средних специальных учебных заведений транспортной сферы в Коми АССР в 1950-е гг. / А. М. Мацук // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – 2022. – № 1 (57). – С. 28–40.
17. Мацук, А. М. Половозрастной и национальный состав учащихся кооперативного техникума г. Сыктывкара в 1950-е гг. / А. М. Мацук // Историческая демография. – № 1 (29). – 2022. – С. 28–32.
18. Мацук, А. М. Женщины-учащиеся средних специальных учебных заведений Европейского Севера СССР (1960–1980-е годы) (по материалам региональных статистических сборников) / А. М. Мацук // Историческая демография. – 2017. – № 2 (20). – С. 42–47.
19. Мацук А. М. Подготовка кадров средней квалификации для сельского хозяйства в регионах Европейского Севера России (1950–1980-е годы) / А. М. Мацук // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской Академии наук. – 2018. – № 1 (33). – С. 103–112.
20. ГУРК НАРК. Ф. Р-140. Оп. 2. Д. 4251. Л. 23 об., 41 об., 43 об., 57 об.
21. Там же. Д. 4255. Л. 59 об., 62 об., 68 об., 139 об.
22. Там же. Д. 4263. Л. 28 об., 30 об., 36 об., 37 об.
23. Там же. Д. 4268. Л. 26 об., 28 об., 33 об., 59 об.
24. Там же. Д. 5193. Л. 9 об., 11 об., 15 об.
25. Там же. Д. 5194. Л. 30 об.
26. Там же. Д. 5197. Л. 21 об.
27. Там же. Д. 5206. Л. 19 об.
28. Там же. Д. 5209. Л. 19 об.

References

1. Istoriiia Komi ASSR s drevneishikh vremen do nashikh dnei [History of the Komi ASSR from ancient times to the present day]. – Syktyvkar: Komi Book Publ. House, 1978. – P. 424.
2. Narodnoe khoziaistvo Komi ASSR. Statisticheskii sbornik [National economy of the Komi ASSR. Statistical compilation]. – Syktyvkar: Komi Book Publ. House, 1957. – 176 p.
3. Komi ASSR za 50 let. Statisticheskii sbornik [Komi ASSR for 50 years. Statistical collection]. – Syktyvkar: Komi Book Publ. House, 1971. – 235 p.
4. Popov, A. A. Sovetskaia severnaia derevnia v 60-e – pervoi polovine 80-kh godov [Soviet northern village in the 1960s – first half of the 1980s] / A. A. Popov, A. F. Smetanin. – Syktyvkar, 1995. – 146 p.
5. Narodnoe khoziaistvo RSFSR. Statisticheskii sbornik [National economy of the RSFSR. Statistical collection]. – Moscow: Gosstatizdat, 1957. – P. 275.
6. Narodnoe khoziaistvo RSFSR v 1959 godu. Statisticheskii ezhegodnik [National economy of the RSFSR in 1959. Statistical yearbook] – Moscow: Gosstatizdat Central Statistical Administration of the USSR, 1960. – P. 434.
7. GURK “Natsional’nyi arkhiv Respubliki Komi” (GURK NARK) [National Archives of the Komi Republic (GURK NARK)]. F. R-140. Op. 2. D. 4251. L. 7, 11 ob., 12.
8. Ibid. F.R-140. Op. 2. D. 5193. L. 31.
9. Ibid. F.R-140. Op. 2. D. 5194. L. 52, 106.
10. Beznosikov, Ya. N. Kul’turnaia revoliutsiia v Komi ASSR [Cultural revolution in the Komi ASSR] / Ya. N. Beznosikov. – Moscow: Nauka Publ., 1968. – P. 211, 212.
11. Beznosikov, Ya. N. Razvitie narodnogo obrazovaniia v Komi ASSR [Development of public education in the Komi ASSR] / Ya. N. Beznosikov. – Syktyvkar: Komi Book Publ. House, 1973. – P. 114, 158.
12. Gagieva, A. K. Istoricheskii opyt i problemy kooperativnogo obrazovaniia Rossii v 20-90-e gody XX veka» (na materialakh Respubliki Komi) [Historical experience and problems of cooperative education in Russia in the 1920-1990s of the XX century” (based on the materials of the Komi Republic)] / A. K. Gagieva. – Saratov: Saratov State Agrarian Univ. Publ., 2004. – P. 80.
13. Gagieva, A. K. Potrebitel’skaia kooperatsiia i sistema kooperativnogo obrazovaniia Respubliki Komi v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941-1945 gg. [Consumer cooperation and the system of cooperative education of the Komi Republic during the Great Patriotic War of 1941-1945] / A. K. Gagieva // Vestnik Cheboksarskogo kooperativnogo instituta [Bull. of Cheboksary Cooperative Inst.]. – 2010. – № 1. – P. 9-14.
14. Matsuk, A. M. Natsional’nyi sostav uchashchikhsia srednikh spetsial’nykh uchebnykh zavedenii Komi ASSR v 1950-kh godakh [National composition of students of secondary specialized educational institutions of the Komi ASSR in the 1950s] / A. M. Matsuk // Izvestiia Komi nauchnogo tsentra UrO RAN. Seriiia «Istoriiia i filologiiia» [Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS. Series “History and Philology”]. – 2022. – №1(53). – P. 93-97.
15. Matsuk, A. M. Natsional’nyi sostav uchashchikhsia tekhnikumov Komi ASSR v 1950-e gg. v usloviiax modernizatsii narodnogo khoziaistva i reformirovaniia sistemy srednego spetsial’nogo obrazovaniia (na primere uchebnykh zavedenii promyshlennoi sfery) [The national composition of students in secondary specialized educational institutions of the Komi ASSR in the 1950s in the context of the modernization of the national economy and the reform of the system of secondary specialized education (on the example of educational institutions in the industrial sector)] / A. M. Matsuk // Severnyi region v usloviiax sotsial’nykh i ekonomicheskikh transformatsii rossiiskogo obshchestva (Respublika Komi. Istoriiia i sovremennost’) [The Northern region in the conditions of social and economic transformations of Russian society (Komi Republic. History and modernity)]: collection of papers. – Syktyvkar: Komi Republican Academy of State Service and Management Publ., 2022. – P. 115-122.
16. Matsuk, A. M. Natsional’nyi sostav uchashchikhsia srednikh spetsial’nykh uchebnykh zavedenii transportnoi sfery v Komi ASSR v 1950-e gg. [National composition of students of secondary specialized educational institutions of the transport sector in the Komi ASSR in the 1950s] / A. M. Matsuk // Voprosy istorii i kul’tury severnykh stran i territorii [Problems of history and culture of northern countries and territories]. – № 1 (57). – 2022. – P. 28-40.
17. Matsuk, A. M. Polovozrastnoi i natsional’nyi sostav uchashchikhsia kooperativnogo tekhnikuma g. Syktyvkar v 1950-e gg. [Gender, age and national composition of students of the Cooperative College in Syktyvkar in the 1950s] / A. M. Matsuk // Istoricheskaia demografiia [Historical demography]. – № 1(29). – 2022. – P. 28-32.
18. Matsuk, A. M. Zhenshchiny-uchashchiesia srednikh spetsial’nykh uchebnykh zavedenii Evropeiskogo Severa SSSR (1960-1980-e gody) (po materialam regional’nykh statisticheskikh sbornikov) [Women-students of secondary specialized educational institutions of the European North of the USSR (1960s – 1980s) (based on materials from regional statistical collections)] / A. M. Matsuk // Istoricheskaia demografiia [Historical demography]. – № 2(20). – 2017. – P. 42-47.
19. Matsuk, A. M. Podgotovka kadrov srednei kvalifikatsii dlia sel’skogo khoziaistva v regionakh Evropeiskogo Severa Rossii (1950 – 1980-e gody) [Training of mid-qualified specialists for agriculture in the regions of the European North of Russia (1950s – 1980s)] / A. M. Matsuk // Izvestiia Komi nauchnogo tsentra UrO RAN [Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS]. – 2018. – №1(33). – P. 103-112.
20. National Archives of the Komi Republic (NARK). F. R-140. Op. 2. D. 4251. L. 23 ob., 41 ob., 43 ob., 57 ob.
21. Ibid. F. R-140. Op. 2. D. 4255. L. 59 ob., 62 ob., 68 ob., 139 ob.

22. Ibid. F. R-140. Op. 2. D. 4263. L. 28 ob., 30 ob., 36 ob., 37 ob. 25. Ibid. F. R-140. Op. 2. D. 5194. L. 30 ob.
23. Ibid. F. R-140. Op. 2. D. 4268. L. 26 ob., 28 ob., 33 ob., 59 ob. 26. Ibid. F. R-140. Op. 2. D. 5197. L. 21 ob.
24. Ibid. F. R-140. Op. 2. D. 5193. L. 9 ob., 11 ob., 15 ob. 27. Ibid. F. R-140. Op. 2. D. 5206. L. 19 ob.
28. Ibid. F. R-140. Op. 2. D. 5209. L. 19 ob.

Благодарность (госзадание):

Исследование выполнено в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН по теме «Трансформации общества, власти и экономики на Европейском Северо-Востоке России» (№ государственного учета 122040800166-0).

Acknowledgements (state task)

The research was carried out within the frames of the implementation of the state task of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS on the topic "Transformations of society, government and economy in European North-East of Russia" (state registration No. 122040800166-0).

Информация об авторе:

Мацук Александр Михайлович – кандидат исторических наук, заведующий лабораторией археографии и публикации документов по истории освоения Европейского Севера России Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: almmatsuk@gmail.com).

Author:

Aleksandr M. Matsuk – Cand. Sci. (History), Head of the Laboratory of Archaeography and Publication of Documents on the History of the Development of the European North of Russia of the Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Komi Republic, Russian Federation. e-mail: almmatsuk@gmail.com).

Для цитирования:

Мацук, А. М. Средние специальные учебные заведения сельскохозяйственного профиля в Коми АССР в 1950-е годы: половозрастной и национальный составы учащихся / А. М. Мацук // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Историческая демография». – 2023. – № 8 (66). – С. 80–85.

For citation:

Matsuk, A. M. Secondary specialized educational institutions of agricultural profile in the Komi ASSR in the 1950s: gender, age and national composition of students / A. M. Matsuk // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "Historical demography". – 2023.- No. 8 (66). – P. 80–85.

Дата поступления статьи: 24.08.2023

Прошла рецензирование: 28.08.2023

Принято решение о публикации: 31.08.2023

Received: 24.08.2023

Reviewed: 28.08.2023

Accepted: 31.08.2023

Социально-культурное положение северной деревни в системе сельского расселения в регионах Европейского Севера России (1950–1980-е годы)

А. А. Попов¹, И. Н. Тяпин²

¹ ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар

² Вологодский государственный университет,
г. Вологда

doctor_popov@mail.ru
i.n.tyapin@mail.ru

Аннотация

В статье осуществлен сравнительный анализ систем сельского расселения в регионах Европейского Севера России и изучено их воздействие на социально-культурное развитие северного села в период так называемой «политики неперспективных деревень».

Ключевые слова :

регионы Европейского Севера (Архангельская и Вологодская области, Карельская и Коми республики), структура сельского расселения, социально-культурное обслуживание, 1950–1980-е гг.

Анализируя процессы в системе сельского расселения Европейского Севера под углом зрения их воздействия на социально-культурное положение села, целесообразно выделить два аспекта этой проблемы. Первый состоит в том, чтобы учитывать расселенческие процессы на всей территории. В частности, имеются в виду процессы промышленного освоения, развития сети городских поселений, урбанизации. Можно обозначить эти процессы как «внешний» фактор воздействия на сельское расселение. Второй аспект – это процессы, которые происходили непосредственно в самой системе сельского расселения. Условно их можно обозначить как «внутренний» фактор воздействия на социальное развитие села.

Что касается «внешнего» фактора, то следует иметь в виду, что Европейский Север в рассматриваемый период являлся районом исключительно интенсивного промышленного освоения. В связи с этим отметим, что на обширной территории Европейского Севера процессы урбанизации проходили неравномерно. Так, в Архангельской и Вологодской областях, Карелии, по сравнению с Коми АССР, они начались гораздо раньше в силу более интенсивного индустриального развития этих районов в более ранний (до-

Socio-cultural situation of the northern village in the rural settlement system in the regions of the European North of Russia (1950s – 1980s)

A. A. Popov¹, I. N. Tyapin²

¹ Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar

² Vologda State University,
Vologda

doctor_popov@mail.ru
i.n.tyapin@mail.ru

Abstract

The paper provides a comparative analysis of rural settlement systems in the regions of the European North of Russia and their impact on the socio-cultural development of the northern village during the period of the so-called “policy of unpromising villages”.

Keywords :

regions of the European North (Arkhangelsk and Vologda regions, Karelian and Komi republics), rural settlement structure, socio-cultural services, 1950s – 1980s

военный) период. Например, в 1940 г. в Коми АССР имелся всего один город (столица) и два рабочих поселка городского типа, городское население составляло лишь 2 %. В 1975 г. их число было соответственно 7 и 45, а численность городского населения за 1939–1976 гг. выросла с 39 тыс. до 730 тыс. чел., или в 18.7 раза, тогда как в Карелии – лишь в 3.7 раза.

В целом по Европейскому Северу удельный вес городского населения за этот же период повысился с 39.3 до 75.7 % [1, с. 144]. В 1980-е гг. сельское население в Карельской и Коми республиках составляло менее четверти всего населения, в Архангельской и Вологодской областях – менее трети. Отражением бурно протекавших в эти годы на Севере процессов урбанизации является и тот факт, что если в 1959 г. минимальная доля аграрного населения (среди всего сельского населения) в Нечерноземной зоне РСФСР была характерна для Карелии и составляла 19.4 %, то в 1970 г. по этому показателю на первое место вышла Коми республика с долей аграрного населения всего 11.6 % [2, с. 302]. Процесс хозяйственного освоения в регионе сопровождался развитием всех видов транспортного сообщения: железнодорожного, воздушного, речного, авто-

мобильного. Например, в Коми АССР, районе наиболее интенсивного нового промышленно-го освоения, только за 1960–1975 гг. сеть авто-дорог с твердым покрытием увеличилась в 4.5 раза, составив 1347 км.

Все это несомненно способствовало более интенсивному общению сельского населения с городскими центрами. Хотя доступность цен-тров общественного обслуживания для них оставалась еще крайне ограниченной. В Коми республике возникшие в 1950–1970-е гг. агло-мерации вокруг новых городских поселений связывали всего около 60 населенных пун-ктов, включая сельские. Территория, занимае-мая этими группами, составляла лишь немно-гим более 17.4 тыс. кв. м (4 % всей территории) [3, с. 187]. Несомненно так же и то, что значи-тельную часть трудовых ресурсов в ходе про-мышленного освоения составили мигранты из аграрной подсистемы региона Европейского Севера.

Анализ процессов, происходивших непосредственно в системе сельского расселения по республикам и об-ластям Европейского Севера, показывает, что в системе расселения (относительно РСФСР) в целом было больше общего, чем отличий. Однако она имела свои региональ-ные и внутрирегиональные особенности, которые в свою очередь оказывали существенное влияние на практику культурного строительства, формирование системы соци-ально-культурного обслуживания в каждом конкретном административно-территориальном образовании.

По всему региону Европейского Севера за период 1960–1970-х гг. произошло значительное сокращение чис-ла сельских поселений. В основном оно происходило за счет ликвидационной политики, так как административ-ные преобразования были минимальные. Правда, способы этой политики и, следовательно, реконструкции расселе-ния были разными. В Архангельской и Вологодской обла-стях достаточно широко практиковалось наряду с други-ми «сселение», тогда как в Коми и Карелии, как правило, «ограничение к дальнейшему развитию». Несомненно, что во всем регионе сыграла свою роль и самоликвидация мелких поселений за счет стихийной миграции населения. Так, за межпереписной период 1959–1979 гг. число сельских поселений в Коми АССР сократилось с 1601 до 780 [4, с. 11], в Карелии – с 1553 до 742 [5, с. 22, 27], в Вологодской об-ласти – с 12 442 до 8583 [6, с. 13]. Процесс сокращения по-селенческой сети сопровождался значительным сокраще-нием сельского населения. Лишь в Коми АССР наблюдался рост его численности в 1960-е гг. Это привело к повсемест-ному снижению плотности сельского населения.

Сокращение поселенческой сети более интенсивно шло в Коми и Карелии. Отсюда более выраженное сниже-ние там густоты сельских поселений (табл. 1). При меньшей интенсивности оттока населения в города людность посе-лений здесь возросла, причем в Коми довольно значитель-но (табл. 2). Напротив, в Архангельской и Вологодской об-ластях продолжался процесс измелчения поселенческой сети, при этом людность поселений в Вологодской области

Таблица 1
Плотность сельского населения, густота сельских поселений в республиках и областях Европейского Севера РСФСР

Table 1
Rural population density, rural settlement density in the republics and regions of the European North of the RSFSR

Показатели	Средняя плотность сельского населения (на 1 кв. км)		Средний показатель густоты сельских поселений (на 10 тыс. кв. м)	
	1959 г.	1970 г.	1959 г.	1970 г.
Архангельская область	1.0	0.8	117.9	89.5
Вологодская область	5.9	4.7	853.9	691.0
Карельская АССР	1.4	1.3	90.1	62.0
Коми АССР	0.8	0.9	38.5	25.4
РСФСР	3.3	2.9	172.2	127.0
Нечерноземная зона РСФСР	8.0	6.3	638.7	504.6

Источник: [7, с. 23, 24].
Source: [7, p. 23, 24].

Таблица 2
Средняя людность сельских поселений в республиках и областях Европейского Севера РСФСР, чел.

Table 2
Average population of rural settlements in the republics and regions of the European North of the RSFSR

Показатели	1959 г.	1979 г.
Архангельская область	82	99
Вологодская область	68	64
Карельская АССР	155	219
Коми АССР	207	415

Источники: [8, с. 2, 3; 9, с. 8, 22, 27; 10, с. 13; 11].
Sources: [8, p. 2, 3; 9, p. 8, 22, 27; 10, p. 13; 11].

начала даже снижаться. Таким образом, в республиках региона имелась тенденция к относительной крупнано-селенности, тогда как в областях доминирующей оставалась мелконаселенность. Последнее объясняется тем, что не только в 1960–1970-е гг., но и в предшествующий период здесь более интенсивно шел процесс сокращения мель-чайших поселений, которые являлись базой для пополне-ния средних и крупных, в 1960–1970-е гг. начался процесс разукрупнения и средних поселений, что в итоге и опре-делило тенденцию к так называемому «самовосстановле-нию» структуры поселенческой сети.

Обратимся к тому, какое воздействие оказывали посе-ленческие системы на социально-культурное состояние села. Специалистами в качестве критерия связанности поселенческой сети, обеспечивающего развитие сельской территории как единого целого, рассматривается густота поселений, которая влияет на характер социальной осво-енности территории. При этом минимальный порог густоты поселений определяется примерно в 120–140 поселений на 10 тыс. кв. м территории [12, с. 365]. Если исходить из этого параметра, то данный критерий не выдерживался нигде, за исключением Вологодской области (см. табл. 1). Плот-ность размещения поселений играет значение как для социально-экономического, так и социально-культурного состояния села. Чем она выше, тем интенсивнее межселен-ные взаимообслуживающие функции поселений. В регио-

не это характерно более всего для Вологодской области и в какой-то мере для Архангельской (с учетом относительной развитости транспортной сети).

В условиях, когда непосредственная обслуживающая роль городов на Севере минимальна (хотя и постоянно возрастает), самостоятельную роль играют локальные системы расселения. При этом центрами обслуживания являются сами сельские населенные пункты. Например, в какой-то степени в Вологодской и в еще меньшей мере Архангельской областях такую роль играли районные центры (многие из них были городскими поселениями), но, как правило, на всей территории региона эта роль отводилась центрам сельсоветов. Особенно это характерно для Коми, в определенной степени – для Карелии. Так, в Коми средняя людность поселения была самой высокой – более 400 чел. в 1979 г. Здесь же в крупных поселениях с числом жителей более 1 тыс. чел. (9.5 % всех поселений) проживало 37.4 % населения (в Карелии соответственно 4.4 и 30.1 %). Для сравнения эти показатели составляли: в Вологодской области – 0.6 и 20.3 %, Архангельской – 1.3 и 26.3 %. Такая же картина отмечена и для поселений с числом жителей более 500 чел.

Таким образом, если исходить из того, что с понижением плотности населения и плотности поселений возрастает необходимость в обеспечении минимальным набором социально-культурных услуг непосредственно в самих локальных системах расселения, то поляризация пройдет между сложившимися на практике системами культурно-бытового обслуживания, с одной стороны, в Архангельской и Вологодской областях, с другой – в Коми и Карельской АССР. В литературе по вопросам социально-демографического развития села отмечается зависимость характера системы обслуживания от степени освоенности территории: чем она выше, тем выше уровень специализации предприятий обслуживания, дифференцированнее обслуживающие функции городов, а следовательно, сфера обслуживания приобретает все более «открытый» характер, взаимосвязывая группу населенных мест в единую систему. И, наоборот, в условиях низкой освоенности территории характерен «закрытый» тип системы обслуживания, рассчитанный уже, как правило, на одно поселение (или очаг поселений), возрастает универсальность учреждений соцкультбыта и реже используются наиболее квалифицированные виды обслуживания [13, с. 162]. В практике культурного строительства в рассматриваемый период тенденции развития так называемого «открытого» типа системы обслуживания характерны для всех областей и республик Европейского Севера (рост городских поселений, урбанизация, налаживание межселенных форм обслуживания). Однако для Коми АССР преобладающим оставался еще «закрытый» тип, для Карелии сочетание обоих

видов, для Архангельской и особенно Вологодской областей доминирующим становился все более «открытый» тип социально-культурного обслуживающего комплекса. Это в свою очередь определяло особенности в культурной политике и практике культурного строительства в областях и республиках региона.

Выделить региональные (относительно страны в целом) и внутрирегиональные особенности воздействия на социально-культурное положение северного села такого фактора, как исторически сложившаяся и реконструируемая в 1960–1980-е гг. система сельского расселения, возможно на основе данных итогового сводного типологического анализа социального развития села, который осуществлен по 130 областям, краям и республикам СССР коллективом ученых (экономистов и социологов) Москвы и Новосибирска под руководством Т. И. Заславской и М. Б. Мучника на информационной базе Всесоюзной переписи населения 1970 г. [там же, с. 60]. Построение интересующих нас показателей (освоенность территорий; людность поселений; транспортная доступность центров обслуживания – городов и райцентров; плотность и мощность сети учреждений соцкультбыта; обеспеченность ими сельских поселений и населения услугами; миграционный отток населения) осуществлялось путем ранжирования по уровню социально-культурного развития села, относительно достигнутого в целом по стране. Было избрано пять основных ранговых показателей оценки социально-культурного состояния села: «очень низкий», «низкий», «средний», «выше среднего», «высокий». Проведена соответствующая выборка по региону Европейского Севера СССР (Коми и Карельская АССР, Архангельская и Вологодская области), данные выборки сгруппированы нами в табл. 3.

Таблица 3

Социально-культурные характеристики села на Европейском Севере СССР
(региональный типологический анализ по материалам Всесоюзной переписи населения 1970 года)

Table 3

Socio-cultural characteristics of a village in the European North of the USSR (regional typological analysis based on materials of the All-Union Population Census of 1970)

Показатели	Коми АССР	Карельская АССР	Архангельская область	Вологодская область
Освоенность территории	2	2	2	3
Людность поселений	3	3	2	1
Транспортная доступность центров обслуживания (городов, райцентров)	1	2	2	3
Миграционный отток населения	3	5	5	5
Плотность сети учреждений обслуживания	1	1	1	1
Обеспеченность поселений учреждениями обслуживания	3	2	1	1
Мощность учреждений обслуживания	3	2	2	2

Источник: [13, с. 168, 170, 178, 179, 182, 183, 188, 192, 193, 199–201, 332, 339].

Примечание. Оценка рангов: 1 – «очень низкий»; 2 – «низкий»; 3 – «средний»; 4 – «выше среднего»; 5 – «высокий».

Source: [13, pp. 168, 170, 178, 179, 182, 183, 188, 192, 193, 199, 200, 201, 332, 339].

Note: Rank assessment: 1 – “very low”, 2 – “low”, 3 – “average”, 4 – “above average”, 5 – “high”.

Группировка сельских поселений по отдаленности от центров обслуживания и путей сообщения (Коми АССР, 1970 год)

Table 4

Grouping of rural settlements by remoteness from service centers and communication routes (Komi ASSR, 1970)

Показатели	Число поселений	В них населения, тыс. чел.	В % к итогу по числу	
			поселений	населения
Всего поселений	955	337.1	100.0	100.0
Из них на расстоянии, км:				
От райцентра:				
до 5	63	57.8	6.6	17.1
6–25	154	46.3	16.1	13.8
26–50	239	66.7	25.0	19.8
более 50	499	166.3	52.3	49.3
От сельсовета:				
до 5	483	228.1	50.6	67.7
6–10	185	43.5	19.4	12.9
более 10	287	65.5	30.0	19.4
От железной дороги:				
до 10	120	57.6	12.6	17.1
11–25	36	11.7	3.8	3.5
26–50	87	27.0	9.1	8.0
51–100	211	63.1	22.1	18.7
более 100	501	117.7	52.4	52.7
От автобусной остановки:				
до 5	408	160.6	42.7	47.7
6–10	63	15.0	6.6	4.4
более 10	484	161.5	50.7	47.9

Источник: [14].

Source: [14].

Обеспеченность сельских поселений Коми АССР культурпросветучреждениями (на 1 января 1974 года)

Table 5

Provision of rural settlements of the Komi ASSR with cultural education institutions (as of January 1, 1974)

Показатели	Всего поселений	В том числе с населением, чел.					
		до 50	51–100	101–300	301–500	501–1000	свыше 1000
Общее число поселений	922	172	156	282	128	135	49
В них населения	282 795	4379	11519	51 100	49 739	90 679	75 379
В том числе населенные пункты, не имеющие:							
1. Массовых библиотек	574	171	143	207	45	18	–
В них населения	91 093	4357	10 962	36 146	17 223	12 405	–
2. Клубов	476	170	133	131	24	16	2
В них населения	57 934	4312	9513	20 995	9530	10875	2709
3. Ни клубов, ни массовых библиотек	404	170	120	103	6	5	–
В них населения	34 488	4312	8472	15813	2359	3532	–

Источник: [15].

Source: [15].

Анализ (табл. 3) показывает, что значительная часть территории Европейского Севера, кроме Вологодской области, характеризуется низким уровнем хозяйственного и социально-культурного освоения. В этих условиях транспортная доступность центров обслуживания для сельских жителей оказывается самой низкой в Коми АССР, несколько выше она в Карелии и Архангельской области и находится на среднем уровне в Вологодской области. Система сельского расселения различается в них и по размерам поселений: более компактно проживает население в Коми и Карелии и менее – в Архангельской и Вологодской областях, где уровень людности поселений соответственно «низкий» и «очень низкий», а характер расселения преимущественно дисперсный. Это подтверждается и такими данными, как среднее число поселений, приходящихся на один совхоз: в Коми и Карелии оно составляло 9–10, а в Архангельской и Вологодской областях – 29–30. Отсюда понятна в целом невысокая плотность размещения культурно-бытовых учреждений, характерная для всего региона. В этих условиях наблюдается различная мощность учреждений обслуживания и обеспеченность ими поселений. Более высокий уровень по этим показателям в Коми АССР, «низкий» и «очень низкий» на остальной части региона. Это подтверждает уже отмеченную особенность, а именно: более «закрытый» характер системы обслуживания в Коми республике. Об этом убедительно свидетельствуют и данные единовременных обследований Статуправления Коми АССР в 1970 и 1974 гг. (табл. 4, 5).

Выделяются различия и по уровню миграционного оттока. Выше среднего он в Карелии, Архангельской и Вологодской областях, на уровне «среднего», т. е. значительно ниже – в Коми АССР. В первом случае ощутимое влияние, видимо, оказывает более высокая доступность центров обслуживания. В условиях мелконаселенности (а следовательно, отсутствия на местах многих видов обслуживания) контакты сельского населения с городскими центрами возрастают. В результате чего повышается и их притягательная сила, что стимулирует миграцию. Безусловно, сказалась и ликвидационная политика «неперспективных» деревень. Определенное влияние на сравнительно невысокий миграционный отток из села в Коми АССР, видимо, оказывает меньшая подвижность сельского населения коренной национальности (коми). Конечно, речь идет об относительных показателях в региональном разрезе, а применительно к местным условиям эта проблема везде имела исключительно острый характер.

Отметим, что по результатам проведенного нами в 1978–1979 гг. социологического исследования, из числа опрошенных сельских жителей Коми республики 8.7 % выразили стремление к перемене места жительства, т.е. были ориентированы на переезд в город, и еще 16.1 % не сумели дать определенный ответ по этому поводу. Среди опро-

шенных, утвердительно ответивших на вопрос о переезде из села в город, примечательно, что в качестве причин отметили неудовлетворенность: оплатой труда – 38.6 %, характером работы – 40.9, организацией труда – 46.5, и, что важно, культурно-бытовыми условиями – 59.1 % (сумма ответов превышает 100 %, так как можно было указать на несколько причин) [16, с. 70].

Необходимо обратить внимание еще на одну особенность: степень охвата стационарными формами обслуживания периферии поселенческой системы. По сходным в целом ситуациям, но имевшим место в разных условиях (т. е. в различных по структуре поселенческих системах), например, Вологодской области и Коми АССР, – применялись разные способы их разрешения. Если в условиях расселения Вологодской области ставился вопрос о преимущественной рентабельности передвижных форм обслуживания в условиях более развитых межселенных связей, то в условиях более «закрытого» типа обслуживания Коми АССР в большей степени практиковалось развертывание сети учреждений обслуживания непосредственно на местах.

Таковы особенности реконструкции сельского расселения на Европейском Севере России во II половине XX в. и их воздействие на социально-культурное состояние территориальной общности «село-деревня».

Литература

1. Добров, В. В. Хозяйственное освоение и заселение территории Европейского Севера за 60 лет Советской власти / В. В. Добров, И. П. Покровская // Вопросы истории Европейского Севера : межвуз. науч. сб. – Петрозаводск, 1978. – С. 144–146.
2. Староверов, В. И. Социальная структура сельского населения СССР на этапе развитого социализма / В. И. Староверов. – Москва : Наука, 1978. – 326 с.
3. Шимановская, З. Ф. Особенности градостроительного освоения северных районов (на примере Коми АССР) / З. Ф. Шимановская, Е. П. Виноградов, Л. К. Панов. – Ленинград : Стройиздат, 1976. – 250 с.
4. Основные итоги переписи населения 1979 года по Коми АССР : стат. сб. – Сыктывкар, 1979.
5. Клементьев, Е. И. Основные тенденции развития сельской поселенческой сети в Карелии в послевоенные годы / Е. И. Клементьев. – Петрозаводск, 1988. – 40 с.
6. Вологодская область в цифрах : стат. сб. – Вологда, 1991.
7. Расселение в Нечерноземной зоне РСФСР : Стат. сб. – Москва, 1975. – 115 с.
8. Сельские населенные пункты Коми АССР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года) : стат. сб. – Сыктывкар, 1990.
9. Народное хозяйство Карельской АССР : стат. сб. – Петрозаводск, 1988.
10. Вологодская область в цифрах : стат. сб. – Вологда, 1991.
11. Государственный архив Архангельской области. Ф. 1892. Оп. 5. Д. 75. Л. 2–4.
12. Социально-экономическое развитие сибирского села / под ред. : Т. И. Заславской и З. В. Куприяновой. – Новосибирск, 1987. – 447 с.
13. Социально-демографическое развитие села : Региональный анализ / под ред. : Т. И. Заславской и М. Б. Мучника. – Москва : Статистика, 1980. – 343 с.
14. Архив Госкомстата Республики Коми. Д. Данные о наличии культурно-бытовых учреждений в сельских населенных пунктах Коми АССР в 1970 г. Л. 48–55.
15. Архив Госкомстата Республики Коми. Д. Единовременное обследование Статуправления Коми АССР в 1974 г.
16. Попов, А. А. Советская северная деревня в 60-е – первой половине 80-х годов / А. А. Попов, А. Ф. Сметанин. – Сыктывкар, 1995. – 146 с.

References

1. Dobrov, V. V. Hozyaistvennoe osvoenie i zaselenie territorii Evropeiskogo Severa za 60 let Sovetskoi vlasti [Economic development and settlement of the territory of the European North over 60 years of Soviet power] / V. V. Dobrov, I. P. Pokrovskaya // Voprosy istorii Evropeiskogo Severa [Problems of the history of the European North]: Interuniversity sci. collection. – Petrozavodsk, 1978. – P. 144–146.
2. Staroverov, V. I. Socialnaya struktura selskogo naseleniya SSSR na etape razvitogo socializma [Social structure of the rural population of the USSR at the stage of developed socialism] / V. I. Staroverov. – Moscow: Nauka, 1978. – 326 p.
3. Shimanovskaya, Z. F. Osobennosti gradostroitel'nogo osvoeniya severnykh raionov (na primere Komi ASSR) [Peculiarities of urban development of northern regions (case study of the Komi ASSR)] / Z. F. Shimanovskaya, E. P. Vinogradov, L. K. Panov. – Leningrad: Stroyizdat, 1976. – 250 p.
4. Osnovnie itogi perepisi naseleniya 1979 goda po Komi ASSR [Main results of the 1979 population census for the Komi ASSR]. Statistical compilation. – Syktyvkar, 1979.
5. Klementyev, E. I. Osnovnie tendencii razvitiya selskoi poselencheskoi seti v Karelii v poslevoennye gody [Main trends in the development of the rural settlement network in Karelia in the post-war years] / E. I. Klementyev. – Petrozavodsk, 1988. – 40 p.
6. Vologodskaya oblast' v zifrah [Vologda region in figures]. Statistical compilation. – Vologda, 1991.
7. Rasselenie v Nechernozemnoi zone RSFSR [Settlement in the Non-Black Earth Zone of the RSFSR]. – Moscow: Statistical compilation, 1975. – 115 p.
8. Selskie naselennye punkty Komi ASSR (po dannym Vsesoyuznoi perepisi naseleniya 1989 goda) [Rural settlements of the Komi ASSR (according to the 1989 All-Union Population Census)]. Statistical compilation. – Syktyvkar, 1990.
9. Narodnoe hozyaistvo Karelskoi ASSR [National economy of the Karelian ASSR]. Statistical compilation. – Petrozavodsk, 1988.
10. Vologodskaya oblast' v zifrah [Vologda region in figures]. Statistical compilation. – Vologda, 1991.
11. Gosudarstvennii arhiv Arhangelskoi oblasti [State Archives of the Arkhangelsk Region]. F. 1892. Op. 5. D. 75. L. 2–4.

12. Socialno-ekonomicheskoe razvitie sibirskogo sela [Socio-economic development of the Siberian village] / Eds. T. I. Zaslavskaya, Z. V. Kupriyanova. – Novosibirsk, 1987. – 447 p.
13. Socialno-demograficheskoe razvitie sela: Regionalnii analiz [Socio-demographic development of the village: Regional analysis] / Eds. T. I. Zaslavskaya, M. B. Muchnik. – Moscow: Statistics, 1980. – 343 p.
14. Arhiv Goskomstata Respubliki Komi. D. Dannii o nalichii kulturno-bytovykh uchrezhdenii v selskikh naselennykh punktakh Komi ASSR v 1970 g. [Archive of the State Statistics Committee of the Komi Republic. D. Data on the presence of cultural and social institutions in rural settlements of the Komi ASSR in 1970]. L. 48–55.
15. Arhiv Goskomstata Respubliki Komi. D. Edinovremennoe obsledovanie Statupravleniya Komi ASSR v 1974 g. [Archive of the State Statistics Committee of the Komi Republic. D. One-time survey of the Statistical Office of the Komi ASSR in 1974].
16. Popov, A. A. Sovetskaya severnaya derevnya v 60-e–pervoi polovine 80-h godov [Soviet northern village in the 1960s – first half of the 1980s] / A. A. Popov, A. F. Smetanin. – Syktyvkar, 1995. – 146 p.

Благодарность (госзадание):

Исследование выполнено в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН по теме «Трансформации общества, власти и экономики на Европейском Северо-Востоке России» (№ государственного учета 122040800166–0).

Acknowledgements (state task)

The research was carried out within the frames of the implementation of the state task of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS on the topic “Transformations of society, government and economy in European North-East of Russia” (state registration No. 122040800166–0).

Информация об авторах:

Попов Александр Александрович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: doctor_popov@mail.ru).

Тяпин Игорь Никифорович – доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор кафедры философии Вологодского государственного университета; ORCID ID: 0000-0003-0896-590X (160000, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15; e-mail: i.n.tyapin@mail.ru).

Authors:

Aleksandr A. Popov – Dr. Sci. (History), Senior Researcher of the Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation; e-mail: doctor_popov@mail.ru).

Igor N. Tyapin – PhD, Cand. Sci. (History), Prof. of the Department of Philosophy of the Vologda State University; ORCID ID: 0000-0003-0896-590X (15, Lenin st., Vologda 160000, Russian Federation, e-mail: i.n.tyapin@mail.ru).

Для цитирования:

Попов, А. А. Социально-культурное положение северной деревни в системе сельского расселения в регионах Европейского Севера России (1950–1980-е годы) / А. А. Попов, И. Н. Тяпин // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Историческая демография». – 2023. – № 8 (66). – С. 86–91.

For citation:

Popov, A. A. Socio-cultural situation of the northern village in the rural settlement system in the regions of the European North of Russia (1950s–1980s) / A. A. Popov, I. N. Tyapin // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series «Historical demography». – 2023. – No. 8 (66). – P. 86–91.

Дата поступления статьи: 21.09.2023

Прошла рецензирование: 25.09.2023

Принято решение о публикации: 28.09.2023

Received: 21.09.2023

Reviewed: 25.09.2023

Accepted: 28.09.2023

Брачные предпочтения женщин и мужчин из числа представителей коренных народов Нижнего Амура и Сахалина

Е. В. Фадеева

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
г. Владивосток
ev_fadeeva@mail.ru

Аннотация

Анализ статистических, архивных материалов и литературы позволил сделать следующие выводы. Если во второй половине XIX в. у всех народов преобладали одноэтнические браки, то со второй половины XX в. стали превалировать смешанные браки, в которые более охотно вступали уже женщины. Кроме этого, если раньше межэтнические браки заключались, главным образом, между представителями разных коренных малочисленных народов Севера, то в настоящий момент преобладают браки со славянским населением. Причины данного явления: большой процент кровнородственных связей внутри этносов, неблагоприятное соотношение полов (женщин больше, чем мужчин, особенно в репродуктивном возрасте), нежелание мужчин заниматься хоть чем-нибудь, что еще более способствует поиску брачных партнеров вне своего этноса.

Ключевые слова :

коренные малочисленные народы Севера, Нижний Амур, Сахалин, брачные предпочтения, мужчины, женщины

Территория Дальнего Востока России практически всегда представляла собой конгломерат различных народов и культур, соприкасающихся друг с другом на протяжении долгого времени. Эти взаимодействия, затрагивающие многие области жизнедеятельности, не всегда были мирными. И на сегодняшний день вопрос толерантности стоит очень остро. В связи с этим, актуальность проблемы изучения брачных предпочтений женщин и мужчин из среды коренных этносов Нижнего Амура и Сахалина в прошлом и настоящем не вызывает сомнений.

Цель исследования – проанализировать динамику изменений брачных предпочтений женщин и мужчин из среды коренных этносов Нижнего Амура и Сахалина в прошлом и настоящем в контексте межэтнических отношений и межкультурного взаимодействия.

В статье нашли отражение указанные процессы у трех этносов – нивхов, эвенков и уйльта (ороков), представ-

Marriage preferences of women and men from among the representatives of the indigenous peoples of the Lower Amur and Sakhalin

E. V. Fadeeva

Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch, RAS,
Vladivostok
ev_fadeeva@mail.ru

Abstract

The analysis of statistical, archival materials and literature allowed us to draw the following conclusions. If in the second half of the XIX century among all the indigenous peoples of the Lower Amur and Sakhalin (for example, the Nivkhs, Evenks, Uilta (Oroks)) same-ethnic marriages prevailed, then from the second half of the XX century mixed marriages began to prevail, women more willingly preferred mixed marriages. Besides, if previously interethnic marriages were registered mainly between representatives of different indigenous minorities of the North, then now marriages with the Slavic population predominate. The reasons for this phenomenon are: a large percentage of consanguineous ties within ethnic groups, an unfavorable sex ratio (there are more women than men, especially in reproductive age), and the reluctance of men to do anything, which further contributes to the search for marriage partners outside their ethnic group.

Keywords :

indigenous peoples of the North, Lower Amur, Sakhalin, marriage preferences, men, women

ляющих интерес с той точки зрения, что представители первых двух этносов проживают и на Нижнем Амуре, и на Сахалине, а третий этнос исторически территориально разделен на две группы – северную и южную. Эти факторы накладывают свой отпечаток на брачные предпочтения мужчин и женщин, о чем и будет сказано далее.

Перестройка культуры, хозяйства и быта, рост грамотности, возникновение новых профессий, создание национальной интеллигенции, миграция населения в города, совместный труд в колхозах, на предприятиях и в учреждениях – все эти разнохарактерные и различные по значимости явления оказали большое влияние не только на общий подъем культуры, но и на рост числа смешанных браков и особенно коренных малочисленных народов Севера (далее – КМНС) с русскими. При заключении подобных браков национальные признаки не являлись особым препятствием. Даже старики говорили о том, что при за-

ключении межэтнических браков дети будут красивее и крепче.

После Отечественной войны и особенно после 1950-х гг. на Север стала массами переселяться молодежь из разных концов СССР в связи с интенсификацией его промышленного освоения. Параллельно велась перестройка сельского хозяйства тайги, что также сопровождалось притоком некоренного населения. В местах, где жили коренные народы, либо по соседству с ними открывались рыбозаводы, леспромхозы и т. п. Все эти факторы существенно изменили характер национально-смешанных браков, а также обусловили их постоянный рост. Увеличение численности приезжего населения в XX в., укрупнение национальных сел, превращение их в многонациональные поселения не могли не привести к быстрому росту числа смешанных в этническом отношении семей.

Стоит отметить, что смешанные браки между разными народами Севера были обычны в прошлом, особенно на границах расселения ульчей и нивхов, нивхов и негидальцев, нанайцев и ульчей, негидальцев и эвенков. Однако браки с русскими встречались не столь часто, так как строй жизни русских и народов Севера различался весьма существенно. В конце 1920-х и особенно в 1930-х гг. участились смешанные браки русских с представителями коренного населения. Все же их количество было невелико. Так, например, в Нижне-Амурском районе в 1930-х гг. из 82 зарегистрированных браков коренного населения русско-нивхских и нивхско-русских оказалось всего семь (8,5 %). В дальнейшем количество смешанных браков ежегодно возрастало [1, с. 268].

Данные исследований показывают, что у амурских нивхов во все временные промежутки процент однонациональных браков был меньше, чем смешанных, причем в 1950–1970-е гг. преобладали браки нивхов с представителями других коренных народов (главным образом, с негидальцами – 40 %, и ульчами – 20 %), тогда как с конца 1970-х гг. стали превалировать браки со славянским населением. В конце 90-х гг. XX в. однонациональные нивхские семьи на Нижнем Амуре составляли 37 %, а смешанные – 63 % от общего числа семей, из них нивхо-славянские семьи насчитывали 5,7 %; славянско-нивхские – 24,5; нивх-прочие – 39,6; прочие-нивха – 30,2 % [1, с. 269; 2, л. 175–208; 3, л. 45–69, 211–243, 331–341, 423–428, 479–503].

У сахалинских нивхов картина иная: процент однонациональных браков в советские годы всегда превышал процент смешанных браков, и лишь с конца 1990-х гг. процент смешанных браков существенно возрастает по сравнению с процентом однонациональных. Еще одна особенность смешанных браков сахалинских нивхов заключается в том, что у них во все периоды отмечался очень высокий процент браков со славянским населением (главным образом, с русскими: 27,5 % в 1960-е гг. и 61,9 % в 2000-е гг.). У нивхов Сахалинской области однонациональные семьи составляли 77 %, а смешанные – 23 % от общего числа семей. Смешанные семьи, в свою очередь, подразделялись на нивхо-славянские – 21,6 %; славянско-нивхские – 40,2; нивх-прочие – 13,7; прочие-нивхинка – 24,5 %. Такое по-

ложение вещей объясняется, скорее всего, тем, что нивхи Сахалина проживают достаточно компактной группой, тогда как амурские нивхи как бы растворены по территории Нижнего Амура и окружены не только славянским населением, но и достаточно большой группой других коренных народов – ульчами, негидальцами, нанайцами [4, с. 69, 70].

Приведенные материалы относятся к вновь заключенным бракам. Данные о наличных семьях несколько иные. В 1960-х гг. из 121 нивхской семьи на Лимане однонациональными оказались 105 (86 %). На Амуре из 127 нивхских семей однонациональными оказались 85 (67 %) и 42 смешанные: нивх – негидалка – 9; негидалец – нивхинка – 8; нивх – русская – 7; нивх – ульчанка – 7; русский – нивхинка – 3; кореец – нивхинка – 2; нивх – нанайка – 1; нивх – якутка – 1; нивх – хантыйка – 1; нанец – нивхинка – 1; эвенк – нивхинка – 1; чуваш – нивхинка – 1. Прежде на Амуре среди смешанных преобладали браки нивхов с негидальцами (40 %), на втором месте были браки с русскими (23 %). В 60-х гг. XX в. среди вновь заключенных браков первое место в смешанных браках заняли браки нивхов с русскими (41 % всех смешанных браков), второе – нивхов с ульчами (20 %). В конце 90-х гг. XX в. однонациональные нивхские семьи на Нижнем Амуре составляли 37 %, а смешанные – 63 % от общего числа семей, из них нивхо-славянские семьи – 5,7; славянско-нивхские – 24,5; нивх-прочие – 39,6; прочие-нивха – 30,2 %. У нивхов Охинского района Сахалинской области процент однонациональных семей достигал 77 %, а смешанных – 23 % от общего числа семей. Смешанные семьи, в свою очередь, подразделялись на нивхо-славянские – 21,6 %; славянско-нивхские – 40,2; нивх-прочие – 13,7; прочие-нивхинка – 24,5 %. Причина таких «расхождений» очевидна и свидетельствует о важных современных тенденциях: существующие семьи складывались в течение длительного времени, иногда нескольких десятилетий [5, с. 52, 53].

Интенсивно протекали процессы этнического сближения и межэтнической интеграции и у дальневосточных эвенков. Смешанные в этническом отношении браки имеют у данного народа давнюю традицию и были обусловлены разными причинами. Этнически смешанные браки имели место в прошлом преимущественно в этноконтактных зонах – на границах компактного расселения нескольких народностей, но особенно при их дисперсном, чересполосном расселении. Важную роль играли законы экзогамии. Для представителей малочисленных родов межэтнические браки были нередко единственной возможностью создать семью. Характер таких браков зависел от этнического окружения, но преобладающими были браки с якутами и местными русскими. В бассейне р. Уды эвенки смешивались с казаками Удского острога. К началу 1930-х гг. здесь имелось 114 эвенков-метисов с якутами и потомками казаков. У нелькано-майских эвенков браки с якутами и отчасти русскими стали обычным явлением со второй половины XIX в. в связи с открытием Аяно-Якутского тракта. Для обслуживания почтовых станций в долину Маи тогда были переселены якуты и русские крестья-

не. В целом же к началу XX в. русские и якутские корни «разной глубины залегания» имело большинство дальневосточных эвенков. Тем не менее смешанные браки с русскими, скорее, исключение из правил. Чтобы жениться на русской девушке, необходимо было принять христианство, венчаться в церкви. Большинство русских крестьян считали коренных жителей «нехристями», даже если они и были крещены, поскольку те продолжали сохранять свои традиционные обычаи и обряды. Но не только религиозные предубеждения разъединяли обе стороны: весь быт тех и других значительно различался, что также не способствовало росту смешанных браков. Там, где подобные браки все же имели место, они были односторонними: мужчина принимал крещение, женился на русской и, как правило, поселялся среди русских, часто отрываясь от своих сородичей. Взять русскую жену с собой в тайгу, в хозяйство со столь специфическим укладом было почти невозможно [6, с. 334]. Гораздо чаще русские мужчины женились на представительницах коренного населения. Отметим, что широко распространенные по Сибири эвенки, охотно вступавшие в браки с бурятами, кетами, селькупам, якутами, русскими и другими, в Приамурье и на Сахалине, будучи в большинстве своем православными, в XIX–начале XX в. по религиозным причинам избегали браков с местным коренным населением, считая его язычниками, не выполняющими основных предписаний христианства [7, с. 24, 25].

Если в конце 1970-х гг. они составляли у эвенков Амурской области 10,7 % от общего числа парных семей [8, с. 58], то в 2002 г. – 56,7 %. Аналогичная ситуация отмечается в Хабаровском крае и на Сахалине. Среди смешанных преобладают браки с русскими и другими приезжими. В Амурской области они составляют 91,7 % от всех смешанных, в Хабаровском крае – 81 %, при этом в абсолютном большинстве таких семей муж является представителем приезжего населения [9, с. 112].

Изменения в жизни эвенков оказали огромное влияние и на характер браков. Теперь во многих районах в иноэтнические браки вступает больше женщин. Для мужчин характерны однонациональные браки, браки с якутками и представительницами других народов Севера. Бамовский «след» отчетливо прослеживается в национальной принадлежности супругов (мужчин) в смешанных семьях. Женщины выходят замуж часто за приезжих различных национальностей. Например, появились браки с азербайджанцами, евреями, тувинцами, цыганами и др., однако преобладают все же браки местных женщин с русскими и украинцами как со старожилами, так и с прибывшими недавно. Подобная тенденция во многом объясняется и неблагоприятным соотношением полов у эвенков.

Устойчивая тенденция к росту числа смешанных браков наблюдается в последние десятилетия. Нельзя не учитывать и то, что новые семьи уже создают и будут создавать метисов во втором и третьем поколениях. Так, у эвенков Тындинского и Зейского районов в связи со строительством БАМа в национальных селах выросло целое поколение, которое сами эвенки называют «дети

БАМа». Молодежь из этнически неоднородных семей легче вступает в смешанные браки. Во всех селах преобладают семьи, в которых муж является русским или представителем другой некоренной национальности [10, с. 258].

У ороков (уйльта) Сахалина в конце XIX–начале XX в. предпочтительны были брачные партнеры, ведущие аналогичный образ жизни: орочен, тунгусы и негидальцы имели схожие сферы деятельности; в то время как с гыляками, а особенно со славянским населением, ведущими иной вид деятельности, межэтнические браки были редки [11, с. 96]. Со второй половины XIX в. по 1990-е гг. больше половины браков уйльта (ороков) было заключено с людьми других национальностей, большая половина из них – расовые и этнические метисы, предки которых принадлежали к двум–четырем национальностям; однонациональные браки составляли менее 10 %. Мужьями в смешанных браках были эвенки, нивхи, негидальцы, айны, японцы, корейцы, украинцы, русские, а также мордвин, тувинец, казах, узбек.

Огромное влияние на рост смешанных браков оказывает тот факт, что этнос разделен на две территориальные группы, между которыми практически не поддерживаются брачные связи. Во-вторых, молодое поколение женщин предпочитает заключать браки с представителями других этносов, чаще с русскоязычными европеоидами, чем с представителями монголоидной расы (корейцами, эвенками). Поэтому отмечается высокий уровень метисации на протяжении второго и третьего поколений. Кроме того, для уйльта характерны запреты на близкородственные браки. Анализ родословных, а также удельный вес общего числа фамилий в северной группе свидетельствуют о наличии высокой степени родства современного репродуктивного поколения. Поэтому молодым мужчинам, учитывая сохраняющийся у северной группы кочевой образ жизни и низкий социальный уровень жизни, труднее создать семью с представительницами других этносов. По этим же причинам молодые женщины не хотят вступать в брак с представителями своего этноса [12].

На сегодняшний день 19 % всех смешанных семей приходится на браки с русскими или украинцами. Нужно отметить, что для женщин уйльта наиболее престижным считается брак с приезжим европеоидом. Чаще всего это русский или русскоязычный человек другой национальности, которого в большинстве случаев называют русским. Не случайно также, что 70 % браков русских с уйльтами заключены в пос. Вал, где работает много молодых неженатых приезжих мужчин, тогда как одиноких приезжих женщин практически нет [3, л. 82].

Примерно столько же, сколько и русско-уйльтских семей, составляют смешанные семьи, где уйльт женат на эвенкилке, нанайке, нивхке и уйльтка замужем за эвенком, нивхом и нанайцем. В промышленном городе Поронайске, в котором преобладает постоянное приезжее население, в основном семейное, браков русских с уйльтами всего 30 %. В то же время есть браки уйльтов с русскими и украинскими женщинами. Одна из причин подобных браков в том, что уйльта, живущие в Поронайске и работающие

в промышленности и сфере обслуживания, почти ничем не отличаются в культурно-бытовом отношении от приезжего населения [13, с. 90, 91].

Следует отметить, что, по утверждению самих уйльта, брак уйльта с эвенкийкой или эвенка с уйльткой рассматривается не как межнациональный, а как одноэтничный. Очевидно, это объясняется близостью языков, культуры, хозяйства, антропологического типа, которая еще более усилилась после ликвидации мелких колхозов и сселения всех уйльта в пос. Вал (северные ороки) и Поронайск (южные ороки), а эвенков – в центральную усадьбу совхоза «Оленевод» – пос. Виахту на западном побережье Сахалина. Окончательный переход к оседлости, нивелировка культурно-бытового уклада привели к значительному сближению эвенков и уйльта, к осознанию своей близости, похожести, по сравнению, например, с нивхами. Данные родословных линий уйльта говорят о существовании эвенкийско-уйльтских браков еще во второй половине XIX в. Уйльто-нивхские семьи есть только в Поронайске и районном центре Ноглики, т.е. в городских условиях, в отрыве от традиционных занятий и при почти полной потере традиционной культуры. В пос. Вал, где в той или иной степени сохраняются традиционная культура и хозяйства, и где уйльта живут компактно, объединяясь вокруг отделения совхоза, браков между нивхами и уйльта нет. Не было их и в прошлом, что объясняют несхожестью их хозяйственной деятельности и связанными с этим различиями в материальной и духовной культуре [14, с. 143; 3, л. 83].

Таким образом, анализ актовых записей управления ЗАГСов Хабаровского края и Сахалинской области, данных Амурского областного комитета государственной статистики и похозяйственных книг, позволил сделать вывод о том, что если во второй половине XIX в. у всех народов преобладали одноэтнические браки, а в смешанные, за исключением разве только южной группы ороков, чаще вступали мужчины; то со второй половины XX в. стали превалировать смешанные браки, в которые более охотно вступали уже женщины. Кроме этого, если раньше межэтнические браки заключались, главным образом, между представителями разных КМНС, то в настоящий момент преобладают браки со славянским населением.

Причины современной демографической ситуации, а именно ориентации молодежи на модель «русский-аборигенка» и «абориген-русская» необходимо искать, исходя из исторических и социальных особенностей этносов. Во-первых, огромное влияние на это оказывает тот факт, что этносы разделены на территориальные группы, между которыми, в силу большого процента кровнородственных связей, практически не поддерживаются брачные связи. Во-вторых, неблагоприятное соотношение полов. У всех КМНС, согласно переписям населения, женщин больше, чем мужчин, особенно в репродуктивном возрасте. Поэтому получается, что для почти пятой части всех женщин-аборигенок смешанный в этническом отношении брак – единственная возможность создать семью. В реальной жизни ситуация еще сложнее. Помимо этого, при заключении браков в настоящее время важ-

ную роль играют психологические и культурные факторы. Подобная тенденция во многом объясняется неблагоприятным соотношением полов у указанных этносов. Так, по данным переписи 2020 г., в Хабаровском крае на 833 мужчин-нивхов приходится 1009 женщин, на 1509 мужчин-эвенков 2200 женщин, на пять мужчин-уйльта – семь женщин; в Сахалинской области ситуация аналогичная: на 816 мужчин-нивхов приходится 1032 женщины, на 75 мужчин-эвенков – 96 женщин, на 93 мужчин-уйльта – 123 женщины [15]. Получается, что для почти пятой части всех женщин-эвенкиек смешанный в этническом отношении брак – единственная возможность создать семью. В целом социальный статус женщин выше, чем у мужчин, и далеко не каждая нивхинка, эвенкийка, уйльтинка соглашается связать свою жизнь с человеком, социально-культурные характеристики которого не соответствуют ее ожиданиям. Одной из причин того, что девушкам перестали нравиться парни из народов Севера, служит нежелание последних заниматься хоть чем-нибудь. Все это еще более усугубляет диспропорцию полов и поиск брачных партнеров вне своего этноса.

Источники и литература

1. Смоляк, А. В. Социальная организация народов Нижнего Амура и Сахалина в XIX–начале XX в. / А. В. Смоляк // Общественный строй у народов северной Сибири: XVII – нач. XX вв. / отв. ред. : И. С. Гувич, Б. О. Долгих. – Москва, 1970. – С. 264–299.
2. Архив Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (далее – Архив ИИАЭ ДВО РАН). Ф. 1. Оп. 2. Д. 403. 3–02 л.
3. Архив ИИАЭ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 416. 711 л.
4. Фадеева, Е. В. Социально-демографические процессы у нивхов Сахалина / Е. В. Фадеева // Историческая демография. – 2009. – № 1 (3). – С. 69–73.
5. Фадеева, Е. В. Семья нивхов / Е. В. Фадеева // История и культура нивхов. Историко-этнографические очерки / отв. ред. В. А. Тураев – Санкт-Петербург : Наука, 2008. – С. 28–59, 250–252.
6. Смоляк, А. В. Народы Севера и Дальнего Востока / А. В. Смоляк // Семейный быт народов СССР. – Москва, 1990. – С. 307–336.
7. Пилсудский, Б. О. Из поездки к орокам о. Сахалина в 1904 г. Препринт / Б. О. Пилсудский. – Южно-Сахалинск : ИМГиГ ДВО АН СССР, 1989. – 76 с.
8. БАМ и народы Севера / отв. ред. В. И. Бойко. – Новосибирск : Наука: Сибирское отделение, 1979. – 176 с.
9. Фадеева, Е. В. Социальная организация и семья / Е. В. Фадеева // История и культура дальневосточных эвенков / отв. ред. В. А. Тураев. – Санкт-Петербург : Наука, 2010. – С. 98–121.
10. Тураев, В. А. Дальневосточные эвенки между прошлым и будущим / В. А. Тураев // Тунгусо-маньчжурская проблема сегодня (Первые Шавкуновские чтения): сборник научных статей. – Владивосток : Дальнаука, 2008. – С. 251–270.

11. Миссонова, Л. И. Уйльта Сахалина: большие проблемы малочисленного народа / Л. И. Миссонова. – Москва : Наука, 2006. – 295 с.
12. Стеблина, Н. П. Демографические процессы в популяции уйльта (ороков) Сахалинской области / Н. П. Стеблина, Т. П. Роон. – URL : [http:// icrap.org/ru/ steb-roon3.html](http://icrap.org/ru/steb-roon3.html) (дата обращения: 28.04.2013).
13. Фадеева, Е. В. Семья и семейный быт / Е.В. Фадеева // История и культура уйльта (ороков) Сахалина: историко-этнографические очерки (XIX–XXI вв.) / отв. ред. В. В. Подмаскин. – Владивосток : ООО «Дальнаука», 2021. – С. 74–96.
14. Кузнецов, А. И. Ульта о. Сахалина через 86 лет после Бронислава Пилсудского / А. И. Кузнецов // Б. О. Пилсудский – исследователь народов Сахалина (Материалы Междун. науч. конф. 31 октября – 2 ноября 1991 г. г. Южно-Сахалинск). – Южно-Сахалинск : Сахалинский областной краеведческий музей, 1992. – С. 142–147.
15. Национальный состав населения Российской Федерации согласно переписи населения 2021 года // Архивировано 30 декабря 2022 года. (дата обращения : 05.01.2023).
7. Pilsudsky, B. O. Iz poezdki k orokam o. Sahalina v 1904 g. Preprint [From a trip to the Oroks of Sakhalin in 1904. Preprint] / B. O. Pilsudsky. – Yuzhno-Sakhalinsk: IMGiG (Institut morskoj geologii i geografii) DVO AN SSSR [Institute of Marine Geology and Geography, Far Eastern Branch of the USSR Academy of Sciences], 1989. – 76 p.
8. BAM i narody Severa [BAM and the peoples of the North] / Ed. V. I. Bojko. – Novosibirsk: Nauka: Siberian Branch, 1979. – 176 p.
9. Fadeeva, E. V. Social'naya organizaciya i sem'ya [Social organization and family] / E. V. Fadeeva // Istoriya i kul'tura dal'nevostochnyh evenkov [History and culture of the Far Eastern Evenks] / Ed. V. A. Turaev. – St.Petersburg: Nauka, 2010. – P. 98–121.
10. Turaev, V. A. Dal'nevostochnye evenki mezhdru proshlym i budushchim [The Far Eastern Evenks between past and future] / V. A. Turaev // Tunguso-man'chzhurskaya problema segodnya. (Pervye Shavkunovskie chteniya) [The Tungus-Manchu problem today (First Shavkunov readings)]: Collection of sci. papers. – Vladivostok: Dal'nauka, 2008. – P. 251–270.
11. Missonova, L. I. Ujl'ta Sahalina: bol'shie problemy malochislennogo naroda [Uil'ta of Sakhalin: big problems of national minority] / L. I. Missonova. – Moscow: Nauka, 2006. – 295 p.
12. Steblina, N. P. Demograficheskie processy v populycii Uyl'ta (Orokov) Sahalinskoj oblasti [Demographic processes in the Uyl'ta (Oroks) population of the Sakhalin region] / N. P. Steblina, T. P. Roon. URL: [http:// icrap.org/ ru/steb-roon3.html](http://icrap.org/ru/steb-roon3.html) (accessed: 28.04.2013).
13. Fadeeva, E. V. Sem'ya i semejnyj byt [Family and family life] / E. V. Fadeeva // Istoriya i kul'tura ujl'ta (orokov) Sahalina: istoriko-etnograficheskie ocherki (XIX–XXI vv.) [History and culture of the Uyl'ta (Oroks) of Sakhalin: historical and ethnographic essays (XIX–XXI centuries)] / Ed. V. V. Podmaskin. – Vladivostok: ООО «Dal'nauka», 2021. – P. 74–96.
14. Kuznetsov, A. I. Uil'ta o.Sahalina cherez 86 let posle Bronislava Pilsudskogo [Uil'ta of Sakhalin 86 years after Bronislav Pilsudsky] / A. I. Kuznetsov // B. O. Pilsudsky – issledovatel' narodov Sahalina (Materialy mezhdun. nauch. konf. 31 oktyabrya – 2 noyabrya 1991 g. Yuzhno-Sahalinsk) [B.O. Pilsudsky – researcher of the peoples of Sakhalin (Materials of the Intern. Sci. Conf. October 31 – November 2, 1991, Yuzhno-Sakhalinsk)]. – Yuzhno-Sakhalinsk, Sakhalin Regional Museum of Local Lore, 1992. – P. 142–147.
15. Nacional'nyj sostav naseleniya Rossijskoj Federacii soglasno perepisi naseleniya 2021 goda [National composition of the population of the Russian Federation according to the 2021 population census] // Accessed: 05.01.2023 / Archived: 30.12.2022.

References

1. Smolyak, A. V. Social'naya organizaciya narodov Nizhnego Amura i Sahalina v XIX – nachale XX v. [Social organization of the peoples of the Lower Amur and Sakhalin in the XIX – early XX centuries.] / A. V. Smolyak // Obshchestvennyj stroj u narodov severnoj Sibiri: XVII – nach. XX vv. [Social system in the peoples of northern Siberia: XVII – early XX centuries] / Eds. I. S. Guvich, B. O. Dolgikh. – Moscow, 1970. – P. 264–299.
2. Arhiv IIAE DVO RAN (Arhiv Instituta istorii, arheologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka DVO RAN) [Archive of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch, RAS]. F. 1. Op. 2. D. 403. 302 L.
3. Arhiv IIAE DVO RAN (Arhiv Instituta istorii, arheologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka DVO RAN) [Archive of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch, RAS]. F. 1. Op. 2. D. 416. 711 L.
4. Fadeeva, E. V. Social'no-demograficheskie processy u nivhov Sahalina [Socio-demographic processes among the Nivkhs of Sakhalin] / E. V. Fadeeva // Istoricheskaya demografiya. Nauchnyj zhurnal [Historical demography. Science J.]. – 2009. – №1 (3). – P. 69–73.
5. Fadeeva, E. V. Sem'ya nivhov [The Nivkhs family] / E. V. Fadeeva // Istoriya i kul'tura nivhov. Istoriko-etnograficheskie ocherki [History and culture of the Nivkhs. Historical and ethnographic essays] / Ed. V. A. Turaev – St.Petersburg: Nauka, 2008. – P. 28 – 59, 250 – 252.
6. Smolyak, A. V. Narody Severa i Dal'nego Vostoka [Peoples of the North and the Far East] / A. V. Smolyak // Semejnyj

Информация об авторе:

Фадеева Елена Викторовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии, ФГБУН Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (690001, Российская Федерация, г. Владивосток, ул. Пушкинская, д. 89; e-mail: ev_fadeeva@mail.ru).

Author:

Elena V. Fadeeva – Cand. Sci. (History), Senior Researcher at the Department of Ethnography, Ethnology and Anthropology, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch, RAS (89, Pushkin st. Vladivostok 690001, Russian Federation; e-mail: ev_fadeeva@mail.ru).

Для цитирования:

Фадеева, Е. В. Брачные предпочтения женщин и мужчин из числа представителей коренных народов Нижнего Амура и Сахалина / Е. В. Фадеева // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Историческая демография». – 2023. – № 8 (66). – С. 92–97.

For citation:

Fadeeva, E. V. Marriage preferences of women and men from among the representatives of the indigenous peoples of the Lower Amur and Sakhalin / E. V. Fadeeva // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "Historical demography". – 2023.– No. 8 (66).– P. 92–97.

Дата поступления статьи: 31.08.2023

Прошла рецензирование: 04.09.2023

Принято решение о публикации: 07.09.2023

Received: 31.08.2023

Reviewed: 04.09.2023

Accepted: 07.09.2023

Кавказская компонента в динамике численности населения Европейского Севера и Республики Коми

И. Л. Жеребцов¹, В. В. Фаузер²

¹ ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,

г. Сыктывкар

² ИСЭ и ЭПС ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,

г. Сыктывкар

zherebtsov@mail.illhkomisc.ru

fauzer.viktor@yandex.ru

Аннотация

Работа посвящена истории формирования многонационального населения Республики Коми и конкретно появлению на территории республики представителей народов Кавказа. По данным Национального архива Республики Коми и итогам российских переписей населения 1897–2021 гг. приведен статистический материал о роли отдельных этносов в формировании населения в ходе добровольных и принудительных миграций. Основное внимание уделено представителям кавказских народов. Отмечено, что в освоении и заселении Республики Коми народы Кавказа приняли опосредованное участие.

Ключевые слова :

Республика Коми, народы Кавказа, колонизация, принудительные миграции, естественный и миграционный прирост, демографический подход, этнический состав населения

Миграции населения играли чрезвычайно важную, а временами – ключевую роль в истории освоения и заселения Европейского Северо-Востока России в динамике численности населения. Ряд важных аспектов развития миграционных процессов и формирования населения региона в различные исторические эпохи получили освещение в имеющихся публикациях [1–6 и др.] (подробнее ход изучения миграционных процессов в регионе рассмотрен в специальных работах [7–12]). В формировании населения Севера, Сибири, Дальнего Востока и иных окраинных территорий принимали участие все народы Российской империи, позже – Союза ССР. Имеется ряд изданий, в которых дается, в частности, сравнительный анализ организации жизненного пространства жителей Коми и Северного Кавказа [13–17]. Предметом настоящей статьи является выявление роли отдельных этносов, в частности, кавказских народов России в заселении территории

The Caucasian component in the population dynamics of the European North and the Komi Republic

I. L. Zherebtsov¹, V. V. Fauzer²

¹ Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,

Syktывkar

² Institute of Socio-Economic & Energy Problems of the North, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,

Syktывkar

zherebtsov@mail.illhkomisc.ru

fauzer.viktor@yandex.ru

Abstract

The work deals with the history of the formation of the multinational population of the Komi Republic and, specifically, the appearance of representatives of the peoples of the Caucasus on the territory of the republic. Based on the data from the National Archives of the Komi Republic and the results of Russian population censuses of 1897–2021, statistical material on the role of individual ethnic groups in the formation of the population during voluntary and forced migrations is provided. The main attention is paid to representatives of the Caucasian peoples. It is noted that the peoples of the Caucasus took an indirect part in the development and settling of the Komi Republic.

Keywords :

Komi Republic, peoples of the Caucasus, colonization, forced migrations, natural and migration growth, demographic approach, ethnic composition of the population

Коми края в разные периоды времени. Информационной базой исследования стали архивные данные Национального архива Республики Коми, материалы российских переписей населения.

Коми народ сформировался в начале XI в., тысячу лет назад. В 1481 г. было проведено описание земель и населения великого княжества Московского, завершившее длительный процесс вхождения Коми края в единое Московское государство [18; 19, с. 68]. Наличие свободных земель и отсутствие крепостного угнетения, а также то, что Коми край находился на пути из Поморья в Сибирь, способствовали значительному притоку сюда переселенцев извне – из Центрального и Западного Поморья и центральной России [20]. Огромное воздействие на миграционные процессы оказывали изменения климата. Относительно теплый период начала II тыс. н. э. способствовал притоку на Север земледельцев, похолодание середины тысячелетия

оказало обратное влияние, а потепление последующего периода – стабилизирующее воздействие на демографическое развитие [21].

Бурные миграции привели к существенным изменениям в размещении населения. Если в XVI в. оно сосредоточивалось на западе и юго-западе Коми края, то к середине XIX в. были заселены верхняя Вычегда, Печора, Ижма, Мезень. Наиболее плотно заселенным стал район Усть-Сысольска – новый центр Коми края. Прежний центр – Яренск – в значительной мере утратил свое значение, что нашло отражение в более медленном приросте населения нижневыхгодских волостей. Численность населения Европейского Северо-Востока возросла с 19–19,5 тыс. чел. в конце XVI в. до 125 тыс. чел. в середине XIX в. и примерно до 214 тыс. чел. в 1917–1918 гг. Наиболее бурный рост населения происходил в тех районах, чье освоение началось только в этот период [22–25].

Количественно оценить роль кавказских народов в колонизации Коми края крайне сложно из-за недостаточной информативности источников [26]. В опубликованных работах нет упоминания о присутствии представителей Кавказа на территории современной Коми в дореволюционный период [3; 5; 19; 27; 28 и др.]. Скучные упоминания об «инородцах» связаны с Первой всеобщей переписью населения Российской империи 1897 г. Эта перепись учитывала вероисповедание и владение языками, а национальность в ней не фиксировалась. Усложняет анализ и то, что территория современной Республики Коми была в тот период разделена между Вологодской, Архангельской, Вятской и Пермской губерниями. Перепись показала, что представителей Кавказа на Европейском Севере практически не было. Так, в Вологодской губернии, куда входила значительная часть Коми края, проживало 176 магометан (163 мужчины и 13 женщин). Родным языком семь человек указали армянский (4 мужчины и 3 женщины), 10 чел. (4 мужчины и 6 женщин) – наречия кавказских горцев (черкесское). В Архангельской губернии насчитывалось 55 магометан (48 мужчин и 7 женщин); грузинский язык указали родным четыре человека (3 мужчины и 1 женщина), наречия кавказских горцев (черкесское) – 10 чел. (7 мужчин и 3 женщины). Для сравнения: на Кавказе проживали всего два человека, считавших коми-зырянский родным языком [29, с. 31].

По Всероссийской переписи населения 1926 г. в Коми Автономной области проживали: осетины – один человек (мужчина, сельское население, Мохченская волость Ижмо-Печорского уезда), армяне – два человека (мужчина и женщина, городское население, г. Усть-Сысольск) [30, с. 60]. Как видим, до начала 1930-х гг. Кавказ практически не был представлен на Европейском Северо-Востоке России. Но это и закономерно – колонизируются в первую очередь территории, обладающие избытком плодородных земель. Коми край к их числу не относился, а природные ресурсы (уголь, нефть, газ) лишь предстояло открыть и сделать пригодными для промышленной эксплуатации. В Закавказской СФСР в 1926 г. проживали 18 зырян [29, с. 67].

Росту этнического многообразия на Севере и в Коми, в частности, способствовала вначале нацеленность ру-

ководства страны и региона на ускоренное развитие всеми возможными способами лесозаготовок и лесопиления в 1930-е гг., а затем и другие индустриальные проекты, потребовавшие привлечения значительного числа трудовых мигрантов, в том числе и за счет принудительной миграции. В конце 1920–1930-х гг. Коми край становится местом, где наиболее полно нашли применение гугаговские методы колонизации и индустриализации края. В регион направляют партии «раскулаченных» крестьян и заключенных, которые должны были развивать лесной, угольный, нефтяной комплексы и железнодорожное строительство [31–34].

На начало 1941 г. в Коми АССР было 11,2 тыс. ссыльных, 37,8 тыс. спецпереселенцев и 249,3 тыс. заключенных, всего – 298,3 тыс. подневольных тружеников. При этом численность населения республики в 1939 г. составляла всего 320,3 тыс. чел., а занятых в народном хозяйстве – 166,4 тыс. чел., в том числе в промышленности 37,5 тыс. чел. [35, с. 389]. С учетом спецпереписи НКВД суммарная численность населения Коми АССР по переписи 1939 г. насчитывала 450,9 тыс. чел. Общая численность заключенных и спецпереселенцев на момент проведения переписи насчитывала в республике 146 719 чел., или 32,5 % общей численности населения [30, с. 78]. Среднесписочный состав заключенных, спецпереселенцев и ссыльных в 1942 г. – 216,9 тыс. чел., 1943 г. – 118, 1944 г. – 162, 1945 г. – 172,6 тыс. чел. [36, с. 443]. На 1 января 1953 г. в лагерях, дислоцировавшихся в Коми АССР, находились более 205 000 чел.

Можно предположить, что появление кавказских народов в республике в 1930–1950-е гг. связано именно с принудительной миграцией. За 1932–1938, 1940 гг. численность заключенных, содержащихся в ИТЛ НКВД СССР, составила 5 842 278 чел., из них на представителей народов Кавказа пришлось 122 854 чел., или 2,1 % [37, с. 5, 238]. Вполне вероятно, что определенная часть заключенных и спецпереселенцев была направлена в Коми край. Так, в 1932 г. в Ленском районе (по соседству с Коми) разместили 1711 спецпереселенцев с Северного Кавказа. В 1933 г. 300 чел. наметили к отправке в Коми [38, с. 38]. Можно предположить, что таких «актов передачи» спецпереселенцев было значительное количество. Данные о численности спецконтингента представлены в приведенной ниже табл. 1.

Однако в условиях разворачивавшейся НТР советская экономика все в большей степени нуждалась в свободном и высококвалифицированном труде. Труд заключенных, основанный на внеэкономическом принуждении, оказался плохо восприимчивым к техническому прогрессу и новым формам хозяйствования [39, с. 35, 36]. На смену принудительной миграции пришла новая форма привлечения населения в Коми край – организованный набор рабочей силы на предприятия и стройки Коми АССР (в СССР начало оргнабору было положено в 1930-е гг.). В 1956–1960 гг. наблюдался пик оргнабора. За 1956–1958 гг. по организованному набору прибыло 125 тыс. чел., из них более половины (свыше 65 тыс.) поступили на предприятия угольной промышленности и примерно одна треть – в лес-

Таблица 1
Динамика численности населения Коми АССР
с учетом спецконтингента, 1929–1959 годы

Table 1
Population dynamics of the Komi ASSR, taking into account
the special contingent, 1929–1959

Год	Численность населения, тыс. чел.	В том числе	
		численность спецконтингента, тыс. чел.	удельный вес спецконтингента, %
1929	237.0	2.3	1.0
1930	272.5	30.9	11.3
1931	304.5	53.3	17.5
1932	326.1	68.0	20.9
1933	303.5	42.9	14.1
1934	300.2	37.9	12.6
1935	307.2	39.7	12.9
1936	-	42.9	-
1937	315.7	51.9	16.4
1938	-	143.1	-
1939*	450.9	146.7	32.5
1940	509.4	207.0	40.6
1941	591.4	286.0	48.4
1942	493.1	200.1	40.6
1943	372.6	104.0	27.9
1944	408.2	149.7	36.7
1945	416.0	155.3	37.3
1946	532.4	229.7	43.1
1947	572.2	250.3	43.7
1949	632.4	286.2	45.3
1950	643.7	282.9	43.9
1951	633.4	241.3	38.1
1952	691.7	268.0	38.7
1953	615.1	144.9	23.6
1955	695.6	123.4	17.7
1959	822.5	8.3	1.0

Источник: [33, с. 159].

Примечание. * Всесоюзная перепись населения 1939 г.; «-» сведения отсутствуют.

Source: [33, p. 159].

Note. * All-Union Population Census of 1939; “-” no information.

ные поселки (39 179 чел.). Оставшаяся часть рабочих поступила в остальные отрасли народного хозяйства Коми АССР. Лесозаготовительные предприятия за 1956–1960 гг. приняли на работу по оргнабору около 60 тыс. рабочих. В конце исследуемого периода оргнабор в таких отраслях, как нефтяная и угольная, постепенно начал уменьшаться, и соответственно стала возрастать доля других форм комплектования кадров и, в частности, прием рабочих самими предприятиями. Основными районами, откуда привлекалась рабочая сила в Коми АССР, были Архангельская, Вологодская, Ярославская, Кировская и Московская области, Краснодарский край, Белорусская ССР [40, с. 497, 498; 41].

Период активных миграционных процессов в регионе завершился, когда на смену основному компоненту увеличения численности жителей осваиваемой территории – переселению – пришел другой компонент – естественный прирост населения. Это произошло в 1960-е гг.,

Таблица 2
Прирост населения Республики Коми по источникам формирования, 1927–2010 годы, тыс. чел.

Table 2
Population growth in the Komi Republic by sources of formation,
1927–2010, thousand people

Годы	Прирост (убыль)			Среднегодовой прирост (убыль)	
	общий	естественный	механический	естественный	механический
1927–1938	94.5	47.1	47.4	3.9	4.0
1939–1950	89.8	21.6	68.2	1.8	5.7
1951–1955	206.2	78.1	128.1	15.6	25.6
1956–1960	181.5	99.3	82.2	19.9	16.4
1961–1965	98.2	83.2	15.0	16.7	3.0
1966–1970	30.0	54.8	-24.8	11.0	-4.9
1971–1975	87.5	56.2	31.3	11.2	6.3
1976–1980	80.6	57.1	23.5	11.4	4.7
1981–1985	77.0	70.1	6.9	14.0	1.4
1986–1990	28.3	60.5	-32.2	12.1	-6.4
1991–1995	-107.2	-2.3	-104.9	-0.5	-21.0
1996–2000	-89.8	-11.6	-78.2	-2.3	-15.6
2001–2005	-79.9	-19.9	-60.0	-4.0	-12.0
2006–2010	-63.8	-4.5	-59.3	-0.9	-11.9

Источник: [47, с. 12, 13].

Source: [47, p. 12, 13].

когда закончилась «гулаговская экономика» и сократились масштабы оргнабора и приема предприятиями рабочих из других регионов. Естественный прирост населения стал превышать механический [42; 43]. С этого времени начинается нормальное демографическое развитие и дальнейшее освоение данной территории [44, с. 40, 42]. В последующие годы естественный прирост был определяющим в демографической динамике населения Республики Коми [45, с. 108; 46, 47] (табл. 2).

Переписи населения дают информацию о национальном составе населения. С 1926 по 1939 г. численность народов Кавказа в Коми увеличилась с 3 до 515 чел. Десятикратное их увеличение произошло с 1939 по 1959 г. и достигло 5310 чел. Пик численности кавказских народов пришелся на 1989 г. – 13 616 чел., или 1.1 % от численности населения республики; в последующие годы шло постоянное их уменьшение. К 2021 г. численность кавказских народов составила 44.5 % к уровню 1989 г. (табл. 3).

В целом можно заключить, что в освоении и заселении Республики Коми народы Кавказа приняли опосредованное участие. Другое дело – влияние на культурное развитие республики. Среди представителей народов Кавказа много ученых, общественных деятелей, квалифицированных специалистов и рабочих, трудящихся во всех отраслях народного хозяйства республики.

Источники и литература

1. Миграционный фактор в формировании этнословных групп Северного Приуралья (XVI – начало XX века) / отв. ред. М. Шмигель. – Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2019. – 20 с.

Представительство народов Кавказа в Республике Коми, переписи населения 1926–2021 годов, чел.

Representation of the peoples of the Caucasus in the Komi Republic, population census 1926–2021, people

Национальность	Год								
	1926*	1939	1959**	1970	1979	1989	2002	2010	2021
Все национальности	207 314	318 996	806 199	964 802	1 110 361	1 250 847	1 018 674	901 189	737 853
Русские	13 731	70 226	389 995	512 203	629 523	721 780	607 021	555 963	398 547
Коми (зыряне)	191 245	231 301	245 074	276 178	280 798	291 542	256 464	202 348	127 089
Народы Кавказа	3	515	5310	4748	8502	13616	13017	10927	6056
В том числе:									
Азербайджанцы	-	112	1374	950	2158	4728	6066	4858	2710
Армяне	2	164	1894	1276	2104	2171	2102	1717	907
Лезгины	-	12	-	179	331	930	1198	1406	812
Грузины	-	62	1328	851	1526	1683	896	614	295
Ногайцы (ногаи)	-	-	-	10	26	75	53	201	222
Чеченцы	-	58	282	125	309	537	410	311	205
Аварцы (авары)	-	6	-	125	243	529	374	292	164
Даргинцы	-	6	-	77	121	263	268	251	140
Осетины	1	40	432	503	670	758	418	323	116
Табасараны	-	-	-	13	42	95	105	116	75
Кумыки	-	11	-	43	111	246	198	142	70
Кабардинцы	-	8	-	156	267	348	191	128	52
Ингуши	-	11	-	78	129	249	156	123	46
Лакцы (лаки)	-	1	-	41	44	112	94	61	43
Талыши	-	-	-	-	-	-	49	29	42
Черкесы	-	-	-	31	61	108	29	39	35
Рутульцы	-	-	-	2	-	37	52	25	30
Адыгейцы	-	9	-	115	95	181	64	40	17
Карачаевцы	-	2	-	32	75	97	84	76	16
Абхазы	-	2	-	32	48	115	45	40	12
Абазины	-	-	-	12	15	58	33	14	10
Балкарцы	-	4	-	12	42	149	33	21	10
Агулы	-	-	-	-	5	25	19	28	7
Курды	-	-	-	34	26	37	7	11	5
Цахуры	-	-	-	3	1	6	16	15	5
Ассирийцы	-	5	-	25	34	33	16	9	3
Езиды	-	-	-	-	-	-	11	27	3
Таты	-	-	-	9	13	17	5	6	3
Евреи горские	-	-	-	14	6	24	24	4	1
Евреи грузинские	-	-	-	-	-	2	1	0	-
Удины	-	-	-	-	-	3	-	-	-

Источники: [48, 49].

Примечание. * в границах 1926 г.; ** по предварительным итогам.

Source: [48, 49].

Note. * within the boundaries of 1926; ** based on preliminary results.

- Жеребцов, И. Л. Русские в Коми. Взгляд сквозь тысячелетие / И. Л. Жеребцов // Жизнь национальностей. – 1998. – № 1–2. – С. 79–87.
- От первобытных стоянок – к городам. Очерки истории заселения Республики Коми с древнейших времен до конца XX века / отв. ред. И. Л. Жеребцов. – Сыктывкар, 2014. – 296 с.
- Подоплелов, В. П. Население Республики Коми на рубеже веков: исторический опыт и перспективы развития / В. П. Подоплелов, В. В. Фаузер, И. Л. Жеребцов // XXI век: взаимодействие языков и культур (бесконфликтное существование). – Сыктывкар, 1999. – С. 45–52.
- Рожкин, Е. Н. Миграции и исторические предпосылки формирования многонационального населения Республики Коми (до начала XX века) / Е. Н. Рожкин, И. Л. Жеребцов. – Сыктывкар, 2001. – 40 с.
- Антропология коми / отв. ред. Г. А. Аксянова. – Москва: Институт этнологии и антропологии РАН, 2005. – 277 с.
- Жеребцов, И. Л. Проблемы движения населения Коми края феодального и капиталистического периодов в дореволюционной и советской историографии / И. Л. Жеребцов // Крестьянство Коми края (досоветский период). – Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1986. – С. 119–135.

8. Жеребцов, И. Л. Общество изучения Коми края и становление историко-демографических исследований на территории Коми АССР / И. Л. Жеребцов // Проблемы историографии Европейского Северо-Востока СССР. – Сыктывкар : Коми филиал АН СССР, 1987. – С. 67–72.
9. Жеребцов, И. Л. История заселения современной Республики Коми в новейших исследованиях (2001–2006) / И. Л. Жеребцов // История и современное развитие Республики Коми в составе Российской Федерации. – Сыктывкар : ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2006. – С. 124–135.
10. Жеребцов, И. Л. Развитие историко-демографических исследований в Республике Коми / И. Л. Жеребцов // Историческая демография. – 2007. – С. 193–201.
11. Меньковский, В. И. Историко-демографические исследования в Республике Коми (1980–е–2016 гг.) / В. И. Меньковский, И. Л. Жеребцов, А. М. Таскаев. – Сыктывкар : ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2016. – 24 с.
12. Жеребцов, И. Л. Исследования этнодемографических процессов на Европейском Северо-Востоке России в Институте языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН / И. Л. Жеребцов // Социокультурная динамика российской северной провинции : история и современность. – Сыктывкар : ГОУ ВО КРАГСИУ, 2016. – С. 245–260.
13. Фаузер, В. В. Динамика численности и расселение немцев в СССР и новой России / В. В. Фаузер // Север и рынок : формирование экономического порядка. – 2019. – № 2 (64). – С. 51–60.
14. Лыткина, Т. С. Трансформация семьи и домашнего хозяйства. Опыт социологического описания жизни табасаранцев / Т. С. Лыткина // Социологические исследования. – 2008. – № 5 (289). – С. 119–124.
15. Лыткина, Т. С. Трансформация гендерного порядка : от традиции к современности. Опыт этносоциологического анализа Северного Кавказа / Т. С. Лыткина // Laboratorium: журнал социальных исследований. – 2010. – № 3. – С. 96–125.
16. Лейман, И. И. Белорусы в Республике Коми / И. И. Лейман, И. Л. Жеребцов, Е. Н. Рожкин // История. Журнал Белорусского государственного университета. – 2018. – № 2. – С. 82–93.
17. Фаузер, В. В. Роль народов Кавказа в колонизации и освоении Республики Коми / В. В. Фаузер, И. Л. Жеребцов, И. О. Васкул, Г. Н. Фаузер // Народы Кавказа в XVIII–XXI вв. : история, политика, культура : материалы X Международного форума историков-кавказоведов (г. Ростов-на-Дону, 12–13 октября 2023 г.). – Ростов-на-Дону : Издательство ЮНЦ РАН, 2023. – С. 246–254.
18. Жеребцов, И. Л. Тысячелетие народа коми: время, климат, человек / И. Л. Жеребцов // Природа. – 2000. – № 7. – С. 71–75.
19. История Коми с древнейших времен до современности / под ред. : И. Л. Жеребцова, А. А. Попова, А. Ф. Сметанина. Т. 1. 2-е изд., испр. и доп. – Сыктывкар : ОО «Анбур», 2011. – 544 с.
20. Жеребцов, И. Л. Население Коми края в конце XV – начале XX века : численность, миграции, этнический состав / И. Л. Жеребцов. – Сыктывкар : Коми НЦ УрО РАН, 2000. – 28 с.
21. Жеребцов, И. Л. Изменения климата и демографические процессы в Коми крае в XV–XVIII вв. / И. Л. Жеребцов // Европейский Север : взаимодействие культур в древности и средневековье. – Сыктывкар : Коми НЦ УрО РАН, 1995. – С. 153–159.
22. Жеребцов, И. Л. Внутренние миграции в Коми крае в конце XVI–начале XVII в. // Проблемы этногенеза народа коми / И. Л. Жеребцов. – Сыктывкар : Коми филиал АН СССР, 1985. – С. 133–147.
23. Жеребцов, Л. Н. Численность населения Коми края в XVI–XVII вв. / Л. Н. Жеребцов, И. Л. Жеребцов // Археолого-этнографические аспекты изучения Северного Приуралья. – Сыктывкар : Коми филиал АН СССР, 1984. – С. 64–76.
24. Жеребцов, И. Л. Численность населения Коми края по данным переписей 1916–1918 гг. / И. Л. Жеребцов // Крестьянство Европейского Севера России в XVII–XX вв.: проблемы изучения. – Сыктывкар : Коми НЦ УрО РАН, 1993. – С. 54–62.
25. Жеребцов, И. Л. Иноязычный этнический компонент в составе населения Коми края в XVI–XVII вв. / И. Л. Жеребцов // Вопросы этнографии народа коми. – Сыктывкар : Коми филиал АН СССР, 1985. – С. 22–33.
26. Жеребцов, И. Л. Этнический состав населения Коми края первой половины XIX века глазами губернских властей / И. Л. Жеребцов // Материальная и духовная культура населения европейского Севера России в XIX–XX веках. – Яренск, 2003. – Ч. 1. – С. 63–67.
27. Жеребцов, Л. Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами / Л. Н. Жеребцов. – Москва, 1982. – 224 с.
28. Жеребцов, И. Л. Основные этапы этнодемографического развития народа коми / И. Л. Жеребцов. – Сыктывкар : Коми НЦ УрО РАН, 1995. – 20 с.
29. Этнический фактор в демографическом развитии Республики Коми (середина XIX – начало XXI века). Очерки истории народонаселения / отв. ред. И. Л. Жеребцов. – Сыктывкар, 2006. – 184 с.
30. Население Республики Коми : прошлое, настоящее, будущее (о чем рассказывают переписи) / науч. ред. И. Л. Жеребцов. – Сыктывкар : Госкомстат Республики Коми, 2001. – 201 с.
31. Морозов, Н. А. ГУЛАГ в Коми крае. 1929–1956 / Н. А. Морозов. – Сыктывкар : Сыктывкарский университет, 1997. – С. 181.
32. Игнатова, Н. М. Спецпереселенцы в Республике Коми в 1930–1950-е гг. / Н. М. Игнатова. – Сыктывкар : ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2009. – 192 с.
33. Фаузер, В. В. Государственное управление миграцией населения: от принуждения к поощрению / В. В. Фаузер, Т. С. Лыткина, Г. Н. Фаузер // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера : Вестник НИЦ КПУВИ СыктГУ (электронный журнал). – 2015. – № 3. – С. 151–168.
34. Лыткина, Т. С. Государственное управление принудительной миграцией как способ освоения Севера Рос-

- сии в 1930-1950-е гг. / Т. С. Лыткина, В. В. Фаузер // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2016. – Т. 19. – № 1 (84). – С. 90-109.
35. Турубанов, А. Н. Индустриальный прогресс в Коми АССР / А. Н. Турубанов, Н. М. Игнатова, Л. А. Максимова, М. Б. Рогачев, Н. И. Сурков, А. Ф. Сметанин // История Коми с древнейших времен до современности. – Т. 2. 2-е изд., испр. и доп. – Сыктывкар : ООО «Анбур», 2011. – С. 381-398.
36. Турубанов, А. Н. Развитие основных отраслей промышленности и транспорта Коми АССР в годы войны / А. Н. Турубанов, Е. Е. Митюшев, Н. М. Игнатова // История Коми с древнейших времен до современности. Т. 2. 2-е изд., испр. и доп. – Сыктывкар : ООО «Анбур», 2011. – 688 с. – С. 435-449.
37. Рыбаковский, Л. Л. Политический террор. 1937-1938 гг. (к 75-летию сталинских репрессий в СССР) / Л. Л. Рыбаковский. – Москва : Экон-информ, 2013. – 245 с.
38. Коротаяев, В. И. На пороге демографической катастрофы : принудительная колонизация и демографический кризис в Северном крае в 30-е годы XX века / В. И. Коротаяев. – Архангельск : Поморский университет, 2004. – 136 с.
39. Упадышев, Н. В. ГУЛАГ на Европейском Севере России : генезис, функционирование, распад (1929-1960 гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Н. В. Упадышев. – Архангельск, 2009. – 44 с.
40. Турубанов, А. Н. Особенности решения проблемы кадров в индустриальных отраслях народного хозяйства Коми АССР во II половине 40-х – 50-е годы / А. Н. Турубанов, Н. М. Игнатова, В. О. Светопольская // История Коми с древнейших времен до современности. Т. 2. – 2-е изд., испр. и доп. – Сыктывкар : ООО «Анбур», 2011. – С. 494-506.
41. Подоплелов, В. П. Население Коми АССР. Серия препринтов «Научные доклады; вып. 231» / В. П. Подоплелов, В. В. Фаузер, Г. В. Загайнова. – Сыктывкар, 1990. – 20 с.
42. Фаузер, В. В. Финно-угорские народы : история демографического развития. – Сыктывкар, 2005. – 24 с.
43. Северный экономический район : проблемы, тенденции, перспективы развития. – Санкт-Петербург : Наука, 1992. – 256 с.
44. Рыбаковский, Л. Л. Колонизация азиатской части России : особенности осуществления и геополитические последствия / Л. Л. Рыбаковский // Социологические исследования. – 2018. – № 8. – С. 38-46.
45. Фаузер, В. В. Оценка демографического и трудового потенциалов Республики Коми / В. В. Фаузер // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. – Сыктывкар, 2010. – № 1. – С. 105-111.
46. Фаузер, В. В. Республика Коми на рубеже веков: демография, миграция, расселение / В. В. Фаузер. – Ижевск : ООО «Принт», 2023. – 308 с. (Б-ка демографа; Вып. 22).
47. Фаузер, В. В. Колонизация Республики Коми: роль этнической компоненты / В. В. Фаузер, И. Л. Жеребцов. – Сыктывкар, 2023. – 36 с. (Б-ка демографа; Вып. 23).
48. Демоскоп Weekly Переписи населения. – URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=1> (дата обращения: 27.07.23).
49. Всероссийская перепись населения 2020. – URL: <https://11.rosstat.gov.ru/vpn2020> (дата обращения: 27.07.23).

References

1. Migracionnii faktor v formirovanii etnososlovnih grupp Severnogo Priuralya (XVI-nachalo XX veka) [Migration factor in the formation of ethno-class groups in the Northern Urals (XVI - early XX centuries)]. – Syktyvkar: Inst. of language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, 2019. – 20 p.
2. Zherebtsov, I. L. Russkie v Komi. Vzglyad skvoz' tysyachetletie [The Russians in Komi. A view through a millennium] / I. L. Zherebtsov // Zhizn' nacionalnosti [Life of Nationalities]. – 1998. – No. 1-2. – P. 79-87.
3. Ot pervobytnih stoyanok – k gorodam. Ocherki istorii zseleniya Respubliki Komi s drevneishih vremen do konca XX veka [From primitive sites to towns. Essays on the history of settling of the Komi Republic from ancient times to the end of the XX century] / Ed. I. L. Zherebtsov. – Syktyvkar, 2014. – 296 p.
4. Podoplelov, V. P. Naselenie Respubliki Komi na rubezhe vekov: istoricheskii opyt i perspektivy razvitiya [Population of the Komi Republic at the turn of the centuries: historical experience and development prospects] / V. P. Podoplelov, V. V. Fauzer, I. L. Zherebtsov // XXI vek: vzaimodeistvie yazykov i kultur (beskonfliktnoe suschestvovanie) [XXI century: interaction of languages and cultures (conflict-free existence)]. – Syktyvkar, 1999. – P. 45-52.
5. Rozhkin, E. N. Migracii i istoricheskie predposilki formirovaniya mnogonacionalnogo naseleniya Respubliki Komi (do nachala XX veka) [Migrations and historical prerequisites for the formation of the multinational population of the Komi Republic (before the beginning of the XX century)] / E. N. Rozhkin, I. L. Zherebtsov. – Syktyvkar, 2001. – 40 p.
6. Antropologiya Komi [Anthropology of the Komi]. – Moscow: Inst. of Ethnology and Anthropology, RAS, 2005. – 277 p.
7. Zherebtsov, I. L. Problemy dvizheniya naseleniya Komi kraja feodalnogo i kapitalislicheskogo periodov v dorevolucionnoi i sovetskoj istoriografii [Problems of population movement of the Komi region of the feudal and capitalist periods in pre-revolutionary and Soviet historiography] / I. L. Zherebtsov // Krestynstvo Komi kraja (dosovetskii period) [Peasantry of the Komi region (pre-Soviet period)]. – Syktyvkar: Komi Branch, USSR Academy of Sciences, 1986. – P. 119-135.
8. Zherebtsov, I. L. Obschestvo izucheniya Komi kraja i stanovlenie istoriko-demograficheskikh issledovanii na territorii Komi ASSR [Society for the Study of the Komi Region and the formation of historical and demographic research on the territory of the Komi ASSR] / I. L. Zherebtsov // Problemy istoriografii Evropeiskogo Severo-Vostoka SSSR [Problems of historiography of the

- European North-East of the USSR]. – Syktyvkar: Komi Branch, USSR Academy of Sciences, 1987. – P. 67–72.
9. Zherebtsov, I. L. Istoriya zaseleniya sovremennoi Respubliki Komi v noveisshih issledovaniyah [History of settling of the modern Komi Republic in the latest research (2001–2006)] / I. L. Zherebtsov // Istoriya i sovremennoe razvitie Respubliki Komi v sostave Rossiiskoi Federacii [History and present development of the Komi Republic as part of the Russian Federation]. – Syktyvkar: Inst. of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, 2006. – P. 124–135.
 10. Zherebtsov, I. L. Razvitie istoriko-demograficheskikh issledovaniy v Respublike Komi [Development of historical and demographic research in the Komi Republic] / I. L. Zherebtsov // Istoricheskaya demografiya [Historical demography]. – Moscow–Syktyvkar, 2007. – P. 193–201.
 11. Men'kovsky, V. I. Istoriko-demograficheskie issledovaniya v Respublike Komi (1980-e–2016 gg.) [Historical and demographic studies in the Komi Republic (1980s – 2016)] / V. I. Men'kovsky, I. L. Zherebtsov, A. M. Taskaev. – Syktyvkar: Inst. of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, 2016. – 24 p.
 12. Zherebtsov, I. L. Issledovaniya etnodemograficheskikh processov na Evropeiskom Severo-Vostoke Rossii v Institute yazyka, literatury i istorii Komi NTs UrO RAN [Research of ethnodemographic processes in the European North-East of Russia at the Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS] / I. L. Zherebtsov // Sociokulturnaya dinamika rossiiskoi severnoi provincii: istoriya i sovremennost' [Sociocultural dynamics of the Russian northern province: history and modernity]. – Syktyvkar: Komi Republican Academy of Civil Service and Management, 2016. – P. 245–260.
 13. Fauzer, V. V. Dinamika chislennosti i rasselenie nemtsev v SSSR i novoi Rossii [Population dynamics and settlement of the Germans in the USSR and new Russia] / V. V. Fauzer // Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poryadka [The North and the market: formation of economic order]. – 2019. – No. 2(64). – P. 51–60.
 14. Lytkina, T. S. Transformaciya semyi i domashnego hozyaistva. Opyt socioetnologicheskogo opisaniya zhizni tabasarancev [Transformation of family and household. Experience of socioethnological description of the life of the Tabasarans] / T. S. Lytkina // Sociologicheskie issledovaniya [Sociological studies]. – 2008. – No. 5 (289). – P. 119–124.
 15. Lytkina, T. S. Transformaciya gendernogo poryadka: ot tradicii k sovremennosti [Transformation of the gender order: from tradition to modernity. Experience of ethno-sociological analysis of the North Caucasus] / T. S. Lytkina // Laboratorium: zhurnal socialnykh issledovaniy [Laboratorium: J. of social research]. – 2010. – No. 3. – P. 96–125.
 16. Leyman, I. I. Belorusy v Respublike Komi [The Belarusians in the Komi Republic] / I. I. Leyman, I. L. Zherebtsov, E. N. Rozhkin // History. J. of Belarusian State Univ. – 2018. – No. 2. – P. 82–93.
 17. Fauzer, V. V. Rol' narodov Kavkaza v kolonizacii i osvoenii Respubliki Komi [The role of the peoples of the Caucasus in the colonization and development of the Komi Republic] / V. V. Fauzer, I. L. Zherebtsov, I. O. Vaskul, G. N. Fauzer // Narody Kavkaza v XVIII–XXI vv.: istoriya, politika, kultura [Peoples of the Caucasus in the XVIII–XXI centuries: history, policy, culture]: materials of the X Intern. Forum of Caucasian historians (Rostov-on-Don, October 12–13, 2023). – Rostov-on-Don: Publishing House of the Southern Science Centre, RAS, 2023. – P. 246–254.
 18. Zherebtsov, I. L. Tysyacheletie naroda komi: vremya, klimat, chelovek [Millennium of the Komi people: time, climate, people] / I. L. Zherebtsov // Priroda [Nature]. – 2000. – No. 7. – P. 71–75.
 19. Istoriya Komi s drevneishih vremen do sovremennosti [History of Komi from ancient times to the present] / Eds. I. L. Zherebtsov, A. A. Popov, A. F. Smetanin. Vol. 1. – 2nd edition, revised and updated. – Syktyvkar: Anbur LLC, 2011. – 544 p.
 20. Zherebtsov, I. L. Naselenie Komi kraya v konce XV-nachale XX veka: chislennost', migracii, etnicheskii sostav [Population of the Komi region at the end of the XV – beginning of the XX centuries: number, migrations, ethnic composition] / I. L. Zherebtsov. – Syktyvkar: Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, 2000. – 28 p.
 21. Zherebtsov, I. L. Izmeneniya klimata i demograficheskie processy v Komi krae v XV–XVIII vv. [Climate changes and demographic processes in the Komi region in the XV–XVIII centuries] / I. L. Zherebtsov // Evropeiskii Sever: vzaimodeistvie kultur v drevnosti i srednevekove [European North: interaction of cultures in ancient times and the Middle Ages]. – Syktyvkar: Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, 1995. – P. 153–159.
 22. Zherebtsov, I. L. Vnutrennie migracii v Komi krae v konce XVI-nachale XVII vv. [Internal migrations in the Komi region at the end of the XVI – beginning of the XVII centuries] // Problemy etnogeneza naroda komi [Problems of ethnogenesis of the Komi people] / I. L. Zherebtsov. – Syktyvkar: Komi Branch, USSR Academy of Sciences, 1985. – P. 133–147.
 23. Zherebtsov, L. N. Chislennost' naseleniya Komi kraya v XVI–XVII vv. [Population of the Komi region in the XVI–XVII centuries] / L. N. Zherebtsov, I. L. Zherebtsov // Arheologo-etnograficheskie aspekty izucheniya Severnogo Priuralya [Archaeological and ethnographic aspects of the study of the Northern Urals]. – Syktyvkar: Komi Branch, USSR Academy of Sciences, 1984. – P. 64–76.
 24. Zherebtsov, I. L. Chislennost' naseleniya Komi kraya po dannym perepisei 1916–1918 gg. [Population of the Komi region according to censuses of 1916–1918] / I. L. Zherebtsov // Krestyanstvo Evropeiskogo Severa Rossii v XVII–XX vv.: problemy izucheniya [Peasantry of the European North of Russia in the XVII–XX centuries: problems of study]. – Syktyvkar: Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, 1993. – P. 54–62.
 25. Zherebtsov, I. L. Inoyazichni etnicheskii komponent v sostave naseleniya Komi kraya v XVI–XVII vv. [Foreign-language ethnic component in the population of the Komi region in the XVI–XVII centuries] / I. L. Zherebtsov // Voprosy etnografii naroda komi [Questions of ethnogra-

- phy of the Komi people]. – Syktyvkar: Komi Branch, USSR Academy of Sciences, 1985. – P. 22–33.
26. Zherebtsov, I. L. Etnicheskii sostav naseleniya Komi kraja pervoi poloviny XIX veka glazami gubernskikh vlastei [Ethnic composition of the population of the Komi region in the first half of the XIX century through the eyes of provincial authorities] / I. L. Zherebtsov // Materialnaya i duhovnaya kultura naseleniya evropeiskogo Severa Rossii v XIX–XX vekah [Material and spiritual culture of the population of the European North of Russia in the XIX–XX centuries]. – Yarensk, 2003. – Part 1. – P. 63–67.
 27. Zherebtsov, L. N. Istoriko-kulturnie vzaimootnosheniya komi s sosednimi narodami [Historical and cultural relationships of the Komi with neighboring peoples] / L. N. Zherebtsov. – Moscow, 1982. – 224 p.
 28. Zherebtsov, I. L. Osnovnie etapy etnodemograficheskogo razvitiya naroda komi [The main stages of the ethnodemographic development of the Komi people] / I. L. Zherebtsov. – Syktyvkar: Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, 1995. – 20 p.
 29. Etnicheskii faktor v demograficheskom razvitii Respubliki Komi (seredina XIX–nachalo XXI veka). Ocherki istorii narodonaseleniya [Ethnic factor in the demographic development of the Komi Republic (mid-XIX– early XXI centuries). Essays on the history of population]. – Syktyvkar, 2006. – 184 p.
 30. Naselenie Respubliki Komi: proshloe, nastoyashee, budushee (o chem rasskazyvayut perepisi) [Population of the Komi Republic: past, present, future (what the census tells us about)]. – Syktyvkar: Goskomstat Respubliki Komi [State Statistics Committee of the Komi Republic], 2001. – 201 p.
 31. Morozov, N. A. GULAG v Komi krae [GULAG in the Komi region. 1929–1956] / N. A. Morozov. – Syktyvkar: Syktyvkar Univ., 1997. – P. 181.
 32. Ignatova, N. M. Specpereselentsy v Respublike Komi v 1930–1950-e gg. [Special settlers in the Komi Republic in the 1930s–1950s] / N. M. Ignatova. – Syktyvkar: Inst. of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, 2009. – 192 p.
 33. Fauzer, V. V. Gosudarstvennoe upravlenie migratsiei naseleniya: ot prinuzhdeniya k pooschreniyu [State management of population migration: from coercion to encouragement] / V. V. Fauzer, T. S. Lytkina, G. N. Fauzer // Korporativnoe upravlenie i innovatsionnoe razvitie ekonomiki Severa [Corporate governance and innovative development of the economy of the North]: Vestnik NITs KPIUVI SyktGU [Bull. of the Scientific Research Center KPIUVI (Corporate Governance and Innovative Development of the Economy of the North) of Syktyvkar State Univ]. (electronic J.). – 2015. – No. 3. – P. 151–168.
 34. Lytkina, T. S. Gosudarstvennoe upravlenie prinuditelnoi migratsiei kak sposob osvoeniya Severa Rossii v 1930–1950-e gg. [State management of forced migration as a way of developing the Russian North in the 1930–1950s] / T. S. Lytkina, V. V. Fauzer // Zhurnal sotsiologii i socialnoi antropologii [J. of Sociology and Social Anthropology]. – 2016. – Vol. 19. – No. 1 (84). – P. 90–109.
 35. Turubanov, A. N. Industrialnii progress v Komi ASSR [Industrial progress in the Komi ASSR] / A. N. Turubanov, N. M. Ignatova, L. A. Maksimova, M. B. Rogachev, N. I. Surkov, A. F. Smetanin // Istoriya Komi s drevneishih vremen do sovremennosti [History of Komi from ancient times to the present]. – Vol. 2. – 2nd edition, revised. and updated. – Syktyvkar: Anbur LLC, 2011. – P. 381–398.
 36. Turubanov, A. N. Razvitie osnovnykh otraslei promyshlennosti i transporta Komi ASSR v gody voiny [Development of the main industries and transport of the Komi ASSR during the war years] / A. N. Turubanov, E. E. Mityushev, N. M. Ignatova // Istoriya Komi s drevneishih vremen do sovremennosti [History of Komi from ancient times to the present]. – Vol. 2. – 2nd edition, revised. and updated. – Syktyvkar: Anbur LLC, 2011. – 688 p. – P. 435–449.
 37. Rybakovsky, L. L. Politicheskii terror. 1937–1938 gg. (k 75-letiyu stalinskih repressii v SSSR) [Political terror. 1937–1938 (to the 75th anniversary of Stalin's repressions in the USSR)] / L. L. Rybakovsky. – Moscow: Ekon-inform, 2013. – 245 p.
 38. Korotaev, V. I. Na poroge demograficheskoi katastrofy: prinuditelnaya kolonizatsiya i demograficheskii krizis v Severnom krae v 30-e gody XX veka [On the threshold of a demographic catastrophe: forced colonization and demographic crisis in the Northern Territory in the 1930s of the XX century] / V. I. Korotaev. – Arkhangel'sk: Pomor Univ., 2004. – 136 p.
 39. Upadyshev, N. V. GULAG na Evropeiskom Severe Rossii: genezis, funkcionirovanie, raspad (1929–1960 gg.) [GULAG in the European North of Russia: genesis, functioning, collapse (1929–1960)]: abstract of diss...Dr. Sci. (History) / N. V. Upadyshev. – Arkhangel'sk, 2009. – 44 p.
 40. Turubanov, A. N. Osobennosti resheniya problemy kadrov v industrialnykh otraslyah narodnogo hozyaistva Komi ASSR vo II polovine 40-h–50-e gody [Features of solving the problem of personnel in the industrial sectors of the national economy of the Komi ASSR in the second half of the 1940s – 1950s] / A. N. Turubanov, N. M. Ignatova, V. O. Svetopolskaya // Istoriya Komi s drevneishih vremen do sovremennosti [History of Komi from ancient times to the present]. – Vol. 2. – 2nd edition, revised and updated. – Syktyvkar: Anbur LLC, 2011. – P. 494–506.
 41. Podoplelov, V. P. Naselenie Komi ASSR [Population of the Komi ASSR] / V. P. Podoplelov, V. V. Fauzer, G. V. Zagainova. – Syktyvkar, 1990. – 20 p.
 42. Fauzer, V. V. Finno-ugorskie narody: istoriya demograficheskogo razvitiya [Finno-Ugric peoples: history of demographic development] / V. V. Fauzer. – Syktyvkar, 2005. – 24 p.
 43. Severnii ekonomicheskii raion: problemy, tendentsii, perspektivy razvitiya [Northern economic region: problems, trends, development prospects]. – St. Petersburg: Nauka, 1992. – 256 p.
 44. Rybakovsky, L. L. Kolonizatsiya aziatskoi chasti Rossii: osobennosti osuschestvleniya i geopoliticheskie posledstviya [Colonization of Asian Russia: features of implementation and geopolitical consequences] / L. L. Ry-

- bakovsky // Sociologicheskie issledovaniya [Sociological studies]. – 2018. – No. 8. – P. 38–46.
45. Fauzer, V. V. Ocenka demograficheskogo i trudovogo potencialov Respubliki Komi [Assessment of demographic and labor potential of the Komi Republic] / V. V. Fauzer // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. – Syktyvkar, 2010. – № 1. – P. 105–111.
46. Fauzer, V. V. Respublika Komi na rubezhe vekov: demografiya, migraciya, rasselenie [Komi Republic at the turn of the century: demography, migration, settlement] / V. V. Fauzer. – Izhevsk: Print LLC, 2023. – 308 p. (Library of demographer, Issue 22).
47. Fauzer, V. V. Kolonizaciya Respubliki Komi: rol' etnicheskoi komponenty [Colonization of the Komi Republic: the role of the ethnic component] / V. V. Fauzer, I. L. Zherebtsov. – Syktyvkar, 2023. – 36 p. (Library of demographer, Issue 23).
48. Demoskop Weekly Perepisi naseleniya [Demoscope Weekly Population Census]. – URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=1> (27.07.23).
49. Vserossiiskaya perepis' naseleniya [All-Russian Population Census 2020]. – URL: <https://11.rosstat.gov.ru/vpn2020> (27.07.23).

Благодарность (госзадание)

Статья подготовлена в рамках НИР «Человеческие ресурсы северных регионов России: потенциал развития или ограничение экономического роста» (№ Государственной регистрации 122012700169-9, 2022-2024 гг.).

Acknowledgements (state task)

The paper was prepared within the frames of the research project «Human resources of the northern regions of Russia: development potential and limitation of economic growth» (state registration No. 122012700169-9, 2022-2024).

Информация об авторах:

Жеребцов Игорь Любомирович – доктор исторических наук, директор Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: zherebtsov@mail.illhkomisc.ru).

Фаузер Виктор Вильгельмович – доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук; Scopus Author ID: 57190415976, <http://orcid.org/0000-0002-8901-4817> (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: fauzer.viktor@yandex.ru).

Authors:

Igor L. Zherebtsov – Dr. Sci. (History), Director of the Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation; e-mail: zherebtsov@mail.illhkomisc.ru)

Viktor V. Fauzer – Dr. Sci. (Economy), Chief Researcher, Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North, Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation; e-mail: fauzer.viktor@yandex.ru)

Для цитирования:

Жеребцов, И. Л. Кавказская компонента в динамике численности населения Европейского Севера и Республики Коми / И. Л. Жеребцов, В. В. Фаузер // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Историческая демография». – 2023. – № 8 (66). – С. 98–106.

For citation:

Zherebtsov, I. L. The Caucasian component in the population dynamics of the European North and the Komi Republic / I. L. Zherebtsov, V. V. Fauzer // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series «Historical demography». – 2023. – No. 8 (66). – P. 98–106.

Дата поступления статьи: 12.09.2023

Прошла рецензирование: 15.09.2023

Принято решение о публикации: 18.09.2023

Received: 12.09.2023

Reviewed: 15.09.2023

Accepted: 18.09.2023

Особенности постсоветской трансформации систем городского расселения Республики Коми в условиях сжимающихся городов и убывающих поселков городского типа

А. П. Обедков

ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
ObedkovAP@gmail.com

Аннотация

В статье рассмотрен постсоветский период трансформации городской поселенческой сети и городского расселения Республики Коми. Проанализирована динамика людности сжимающихся городов и убывающих поселков городского типа в условиях нарастания негативных демографических процессов в период между переписями населения 1989 и 2020 гг. Раскрыты основные проблемы развития и типология городских населенных пунктов и городских агломераций региона. Предложены общие подходы к их решению и возможные варианты дальнейших действий в зависимости от сложности социально-экономической и демографической ситуации.

Ключевые слова :

город, поселок городского типа, городской населенный пункт, городская поселенческая сеть, городское население, динамика людности, городское расселение, урбанизация, урбанистическая структура, городская агломерация, трансформация, управляемое сжатие, сжимающиеся города, моногород, Республика Коми

В истории формирования городской поселенческой сети и городского расселения населения в границах современной территории Республики Коми четко просматриваются доиндустриальный, индустриальный и постиндустриальный периоды, отразившие принципиальные изменения характера хозяйственного освоения, заселения и урбанизации региона. В доиндустриальный период в пределах этнической территории коми-зырян в результате преобразования села Усть-Сысола в 1780 г. был образован уездный город Усть-Сысольск, который выполнял преимущественно административные функции. В течение последующих 163 лет он оставался единственным городом в регионе. В 1921 г. Усть-Сысольск получил статус города областного подчинения, в 1930 г. переименован в Сыктывкар, а в 1936 г. стал столицей Коми АССР и городом республиканского значения.

Features of the post-soviet transformation of urban settlement systems of the Komi Republic in conditions of shrinking towns and decreasing urban-type settlements

A. P. Obedkov

Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar
ObedkovAP@gmail.com

Abstract

The paper considers the post-Soviet period of transformation of the urban settlement network and urban settlement system of the Komi Republic. The dynamics of the population of shrinking towns and decreasing urban-type settlements under the conditions of increasing negative demographic processes in the period between the population censuses of 1989 and 2020 is analyzed. The main problems of development and typology of urban settlements and urban agglomerations of the region are revealed. General approaches to their solution and possible options for further actions are proposed, depending on the complexity of the socio-economic and demographic situation.

Keywords :

town, urban-type settlement, urban settlement, urban settlement network, urban population, population dynamics, urban settlement system, urbanization, urban structure, urban agglomeration, transformation, controlled compression, shrinking towns, monotown, Komi Republic

Индустриальный период освоения региона проходил под знаком социалистической индустриализации в условиях командно-отраслевой плановой экономики. Одним из важнейших результатов начавшихся в 1930-е гг. выборочного освоения природных ресурсов и индустриализации экономики Коми АССР явилось расширение городской поселенческой сети, которая достигла максимального уровня развития к концу советского этапа. Ускоренная урбанизация региона в индустриальный период сопровождалась устойчивым ростом числа и людности городских населенных пунктов. В период между всесоюзными переписями населения 1939 и 1989 гг. число городских населенных пунктов Коми АССР увеличилось в 15 раз (с 3 до 45), а численность городского населения – в 32,6 раза (с 29,2 тыс. до 951,7 тыс. чел.) [1, с. 5]. После того, как в 1990 г. Максаква и Краснозатонский, входившие в течение семи лет в

состав города Сыктывкара, восстановили статус поселков городского типа (далее – пгт), в республике не появился ни один новый городской населенный пункт.

Отсчет постиндустриального периода совпал с началом постсоветского этапа и рыночных преобразований, вызвавших постиндустриальную трансформацию региональной экономики и системы городского расселения. Кризисные процессы в экономике и обществе усугубили и без того сложную социально-экономическую и демографическую обстановку в большинстве поселков городского типа, которые вследствие монопрофильности плохо вписались в рыночные условия. В условиях нестабильной экономики переходного периода наиболее уязвимым элементом городской поселенческой сети региона оказались поселки городского типа, ставшие средоточием социально-экономической, демографической и трудовой напряженностей. Ускорившаяся в постсоветское время деградация городской поселенческой сети стала одним из индикаторов нарастающего неблагополучия в экономическом и социальном развитии региона.

За всю историю формирования городской поселенческой сети в республике было образовано 62 рабочих поселка (поселка городского типа), из которых девять (Воркута, Вуктыл, Железнодорожный, Ижма, Инта, Микунь, Печора, Усинск, Ухта) были преобразованы в города, 17 (Абезь, Берёзовка, Верхнеколвинск, Вожаэль, Ираэль, Каджером, Кажым, Косью, Кырта, Нижняя Омра, Нювчим, Сивомаскинский, Сыня, Тракт, Хановой, Щельяюр, Югыдъяг) – в сельские населенные пункты, пять (Горняцкий, Слободской Рейд, Советский, Цементнозаводский, Эжва) – включены в состав других городов и поселков городского типа, два (Ошкурья, Хальмер-Ю) – упразднены как населенные пункты и сняты с учетных данных. К началу 1991 г. в республике насчитывалось 47 поселков городского типа, что стало максимальным показателем за всю историю формирования городской поселенческой сети. С этого времени число поселков городского типа стало непрерывно сокращаться главным образом за счет их преобразования в сельские населенные пункты. В течение 1991 г. в категорию сельских населенных пунктов были переведены рабочие поселки Абезь, Вожаэль, Кажым и Югыдъяг, в 1992 г. – Ираэль, Нижняя Омра и Тракт, в 1993 г. – Сивомаскинский, в 1995 г. – Нювчим и Щельяюр, в 1996 г. – Берёзовка, в 1997 г. – Каджером, в 1998 г. – Верхнеколвинск и Косью, в 2000 г. – Сыня. После прекращения добычи угля в 1994 г. на шахте «Хальмер-Ю» в октябре 1995 г. последние жители рабочего поселка Хальмер-Ю были переселены в Воркуту и примыкающие к ней шахтерские поселки, а в марте 1996 г. этот рабочий поселок был исключен из учетных данных. В 2002 г. пгт Советский был включен в состав г. Воркуты, а пгт Цементнозаводский – в состав пгт Северный. Таким образом, всего за десятилетие число пгт республики сократилось в 1.5 раза. С этого времени в Республике Коми насчитывается 29 пгт, из которых четыре не имеют постоянного населения.

Характерной особенностью хода демографической динамики пгт республики является непрерывное сокращение численности постоянного населения после дости-

жения ими максимальной людности. Разница между ними состоит лишь во времени достижения максимальной людности. С конца 1950-х гг. сокращалась людность поселков городского типа Войвож, Елецкий, Кожим, Комсомольский, Мульда, Октябрьский и Промышленный, с конца 1960-х гг. – пгт Заполярный и Краснозатонский, с конца 1970-х гг. – Кожва, с середины 1980-х гг. – Водный, Жешарт, Парма, Путьец, Синдор, Усогорск и Ярега, с конца 1980-х гг. – Боровой, Верхняя Инта, Воргашор, Изъяю, Междуреченск, Нижний Одес, Северный, Троицко-Печорск и Шудаяг, с начала 2000-х гг. – Седкыркещ, с конца 2010-х гг. – пгт Верхняя Максаковка. При этом поселки городского типа Кожым, Мульда, Октябрьский и Промышленный с конца 2000-х гг. полностью обезлюднили (табл. 1).

Убывающие поселки городского типа республики существенно отличаются по уровням динамики сокращения людности. Для оценки глубины отрицательной динамики людности была использована следующая шкала уровней оценки демографических потерь поселков городского типа на дату переписи населения 2020 г. по сравнению с данными Всесоюзной переписи населения 1989 г.: низкий (до 10 %), умеренный (10.1–20), высокий (20.1–40), критический (40.1–60), обвальный (60.1–80) и катастрофический (80.1–100 %). Самыми многочисленными группами убывающих поселков городского типа республики стали поселки с критическим (10), катастрофическим (9) и обвальным (7) уровнями демографических потерь, на долю которых в совокупности пришлось 89.6 % от их общего числа. Катастрофические показатели демографической динамики в период между переписями населения 1989 и 2020 гг. показали полностью лишившиеся населения поселки городского типа Кожым, Мульда, Октябрьский и Промышленный, а также поселки городского типа Комсомольский (-99.3 %), Заполярный (-93.5), Парма (-92), Верхняя Инта (-91.1) и Северный (-81.9 %), в которых демографический потенциал в абсолютном выражении сократился в пределах от 5.5 до 15.4 раза. Обвальный уровень демографических потерь показали поселки городского типа Елецкий (-75 %), Воргашор (-73.4), Боровой (-69.2), Кожва (-69), Войвож (-67.9), Междуреченск (-66.7) и Изъяю (-65.4), критический уровень – поселки городского типа Благоево (-59.6), Усогорск (-56.6), Путьец (-46.7), Седкыркещ (-45.8), Жешарт (-44.1), Троицко-Печорск (-43), Нижний Одес (-42.1), Водный (-41.2), Шудаяг (-41.2) и Ярега (-40.6 %), высокий уровень – пгт Синдор (-22.2 %), умеренный уровень – поселки городского типа Краснозатонский (-18.7 %) и Верхняя Максаковка (-11.6 %).

Начавшаяся на постсоветском этапе деградация сети поселков городского типа сопровождалась трансформацией их урбанистической структуры. В период между переписями населения 1989 и 2020 гг. в структуре поселков городского типа республики увеличился удельный вес статистически малых (с 53.3 до 60.0 %), средних (с 15.6 до 16 %) и больших (с 15.6 до 24.0 %) поселков городского типа. Переписью населения 1989 г. в Коми АССР были учтены два крупнейших (Воргашор, Северный) и шесть крупных (Жешарт, Комсомольский, Нижний Одес, Троицко-Печорск, Усогорск, Ярега) поселков городского типа, в которых проживало соответственно 1.8 и 30.2 % жителей пгт. При

Таблица 1
Динамика численности населения поселков городского типа
Республики Коми в 1989–2020 годах, тыс. чел.

Table 1
Dynamics of the population of urban-type settlements in the Komi
Republic in 1989–2020 (thousands of people)

№ п/п	Наименование поселка городского типа	1989 г.	2002 г.	2010 г.	2017 г.	2020 г.
1	Благоево	4.7	2.6	2.2	2.1	1.9
2	Боровой	2.6	1.9	1.6	1.2	0.8
3	Верхняя Инта	4.5	2.1	1.1	1.1	0.4
4	Верхняя Максаковка	4.3	4	4.2	4.3	3.8
5	Водный	8	6.6	6.2	6.1	4.7
6	Войвож	5.6	3.9	3.4	2.9	1.8
7	Воргашор	24.8	19.1	12	10.3	6.6
8	Елецкий	1.2	0.8	0.6	0.5	0.3
9	Жешарт	12.7	10	8.6	7.6	7.1
10	Заполярный	7.7	4.7	1.9	1.5	0.5
11	Изьяю	2.6	1.7	1.3	1.1	0.9
12	Кожва	5.8	3.5	3	2.6	1.8
13	Кожым	0.7	0.1	0	0	0
14	Комсомольский	14.8	4	1	0.7	0.1
15	Краснозатонский	9.1	8.5	8.6	8.6	7.4
16	Междуреченск	3.3	2	1.4	1.2	1.1
17	Мульда	1.2	0.2	0	0	0
18	Нижний Одес	12.6	11.7	9.7	9.2	7.3
19	Октябрьский	3.7	0.7	0	0	0
20	Парма	8.8	1.4	1.2	1.2	0.7
21	Промышленный	8.5	1.2	0	0	0
22	Путеец	1.5	1.3	1.1	1	0.8
23	Северный	20.4	12	9	8.4	3.7
24	Седкыркеш	2.4	2.5	2	1.9	1.3
25	Синдор	2.7	3	2.5	2.2	2.1
26	Троицко-Печорск	10.7	8.9	7.3	6.3	6.1
27	Усогорск	11.3	5.6	5.3	5.2	4.9
28	Шудаяг	5.1	3.6	3.4	1.5	3
29	Ярега	10.6	8.5	7.8	7.7	6.3

Составлено по: данным всеобщих переписей населения 1989, 2002, 2010, 2020 гг. и текущего учета населения на начало 2017 г.
Compiled based on: data from general population censuses of 1989, 2002, 2010, 2020. and current population records at the beginning of 2017.

этом на рубеже веков в низшие группы людности перешли крупнейшие, а к концу 2010-х гг. – крупные пгт. В переписи населения 2020 г. пгт этих групп людности уже отсутствовали. Одновременно с этим с 1989 по 2020 г. доля проживающих в малых поселках городского типа увеличилась с 17.8 до 23.3 %, в средних поселках городского типа – с 12.5 до 22.5 %, в больших поселках городского типа – с 22.2 до 54.1 %. По данным Всероссийской переписи населения 2020 г., в урбанистической структуре пгт Республики Коми насчитывалось шесть больших пгт, четыре средних и 15 малых пгт, а также четыре пгт без населения (табл. 2).

В 1980-е гг. все города республики увеличили свой демографический потенциал. Наиболее динамично в демографическом отношении развивался г. Усинск, людность которого увеличилась в 2.4 раза. Стабильный рост был от-

мечен в Сыктывкаре и Ухте, повысивших численность постоянного населения в 1.3 раза. При этом в середине 1980-х гг. столица республики не только сохранила за собой позицию наиболее людного города региона, но и впервые преодолела отметку в 200 тыс. жителей, а г. Ухта стал третьим в республике статистически большим городом. В остальных семи городах республики темпы роста численности населения стали постепенно замедляться. С середины 1980-х гг. в Республике Коми насчитывается 10 городов, из которых девять возникли как населенные пункты в советский период в результате преобразования пгт в города районного или республиканского значения (табл. 3).

На рубеже 1980–1990-х гг. девять из 10 городов Республики Коми достигли пика людности, после чего началось устойчивое падение численности их постоянного населения. В 1989 г. исторический максимум людности был зафиксирован в Емве (18.7 тыс. чел.) и Микуни (12.5), в 1991 г. – в Воркуте (117.1), Вуктыле (19.4), Инте (62.5), Печоре (66.5) и Ухте (114.5), в 1993 г. – в Усинске (53.2), в 1997 г. – в Сосногорске (31.7 тыс. чел.). Дольше всех продержалась столица Республики Коми, демонстрировавшая незначительный, но устойчивый рост людности с 1991 г. Максимальная численность постоянного населения г. Сыктывкара была зафиксирована по данным текущего учета населения на начало 2018 г. и составила 245.1 тыс. чел. С этого времени Сыктывкар присоединился к доминирующему типу городов региона с отрицательной динамикой численности постоянного населения (табл. 4).

В последние 30 лет во всех городах республики наблюдалось нарастание негативных демографических процессов, вызванных естественной убылью и (или) миграционным оттоком населения. Сжимающиеся города региона существенно отличаются по уровням динамики сокращения людности. Для оценки глубины отрицательной динамики людности городов была использована шкала уровней оценки демографических потерь в сравнении с показателями 1991 г., когда подавляющее большинство городов региона достигло максимальной людности за всю историю их существования. В период с 1991 по 2020 г. самыми многочисленными группами сжимающихся городов республики стали пять городов с высоким и три города с критическими уровнями демографических потерь, на долю которых в совокупности пришлось 80 % от их общего числа. В рассматриваемый период обвальный уровень сокращения людности показал и г. Инта (-67.5 %), критический уровень – города Вуктыл (-52.1), Воркута (-51.3) и Печора (-46.9), высокий уровень – города Емва (-39.2), Усинск (-38.7), Микунь (-32), Ухта (-30.2) и Сосногорск (-27.7), низкий уровень – г. Сыктывкар (-1.3 %). С 1991 по 2020 г. людность г. Инты в абсолютном выражении уменьшилась в 3.1 раза, численность населения в группе городов с критическим уровнем демографических потерь – в пределах

Урбанистическая структура населения поселков городского типа
Республики Коми в 1989, 2002, 2010 и 2020 годы

Таблица 2

Urban structure of the population of urban-type settlements in the Komi Republic
in 1989, 2002, 2010 and 2020

Table 2

Показатели	Всего	В том числе с числом жителей, чел.				
		менее 3000	3000– 4999	5000– 9999	10 000– 19 999	20 000– 29 999
1989 г.						
Число поселков городского типа	45	21	8	8	6	2
Численность населения в них	240 724	35 604	31 938	55 199	72 686	45 297
2002 г.						
Число поселков городского типа	31	15	7	5	4	-
Численность населения в них	140 566	22 683	26 904	38 077	52 902	-
2010 г.						
Число поселков городского типа	26	13	4	8	1	-
Численность населения в них	106 866	18 105	14 105	62 674	12 044	-
2020 г.						
Число поселков городского типа	25	15	4	6	-	-
Численность населения в них	75 375	17 551	17 050	40 774	-	-

Составлено и рассчитано по: данным всеобщих переписей населения 1989, 2002, 2010 и 2020 гг.

Compiled and calculated based on: data from the general population censuses of 1989, 2002, 2010 and 2020.

были один статистически большой город (Сыктывкар), два средних (Воркута и Ухта), четыре полусредних (Инта, Печора, Сосногорск, Усинск) и три малых (Вуктыл, Емва, Микунь) города. По данным Всероссийской переписи населения 2020 г., в единственном статистически большом городе проживали 44.5 % жителей городов республики, в двух средних – 27.6, в четырех полусредних – 22.1 и в трех малых городах – 5.8 % (табл. 5).

В период между всеобщими переписями населения 1989 и 2020 гг. численность городского населения республики снизилась в 1.7 раза (с 952.3 до 571.6 тыс. чел.), проживающих в городах – в 1.4 (с 711.6 до 496.2 тыс. чел.), в поселках городского типа – в 3.2 раза (с 240.7 до 75.4 тыс. чел.). При этом средняя людность городского населенного пункта незначительно уменьшилась – с 17.3 до 16.3 тыс. чел., в то время как средняя людность города сократилась в 1.4 раза (с 71.2 до 49.6 тыс. чел.), а поселка городского типа – в 1.8 раза (с 5.3 до 3.0 тыс. чел.).

Таблица 3

Города Республики Коми

Table 3

Towns of the Komi Republic

№ п/п	Название города		Год основания или первого упоминания населенного пункта	Год утверждения статуса		Дата получения статуса города	
	современное	прежние наименования населенного пункта (годы)		поселка город- ского типа	города	районного (уездного) значения	республиканского (областного) значения
1	Сыктывкар	Усть-Сысольск (1780–1930)	1586	-	1780	05.02.1780	22.08.1921
2	Воркута		1931	1940	1943	-	20.11.1943
3	Вуктыл		1968	1968	1984	21.08.1984	17.07.1989
4	Емва	Железнодорожный (1936–1985)	1936	1941	1985	02.08.1985	-
5	Инта		1940	1944	1954	04.10.1954	28.08.1957
6	Микунь		1937	1948	1959	23.03.1959	-
7	Печора		1940	1942	1949	18.01.1949	01.02.1963
8	Сосногорск	Ижма (1939–1957)	1939	1944	1955	01.12.1955	17.07.1989
9	Усинск		1966	1971	1984	-	20.07.1984
10	Ухта	Чибью (1929–1939)	1929	1938	1943	20.11.1943	16.11.1953

Составлено по: Административно-территориальное и муниципальное устройство Республики Коми (на 1 августа 2006 года). Издание шестое, официальное / ГУ «ТФИ РК». – Сыктывкар, 2006. – С. 13.

Compiled from: Administrative-territorial and municipal structure of the Komi Republic (as of August 1, 2006). Sixth edition, official / State Institution "Territorial Information Fund of the Komi Republic". - Syktuykar, 2006. - P. 13.

1.9–2.1 раза, в группе городов с высоким уровнем демографических потерь – в пределах 1.4–1.6 раза.

В постсоветский период вслед за устойчивым сокращением численности городского населения республики началось непрерывное снижение числа и людности городов. Сокращение числа больших (с 3 до 1), средних (с 3 до 2) городов в эти годы сопровождалось расширением сети полусредних городов (с 1 до 4) при сохранении числа малых городов (3). Ряды средних по людности городов пополнили бывшие статистически большие города Воркута и Ухта, а группу полусредних – Инта, Печора и Усинск. Таким образом, в 2020 г. в Республике Коми

Девять из десяти городов республики, а также все упраздненные и ныне существующие пгт были образованы в советское время. До 1930 г. был образован только один рабочий поселок (Нювчим), в 1930-е гг. – два (Воркута, Чибью), в 1940-е гг. – три города (Воркута, Печора, Ухта) и шесть рабочих поселков (Водный, Войвож, Елецкий, Комсомольский, Октябрьский, Ярега), в 1950-е гг. – три города (Инта, Микунь, Сосногорск) и восемь рабочих поселков (Верхняя Инта, Заполярный, Кожва, Кожым, Краснозатонский, Мульда, Промышленный, Северный), в 1960-е гг. – три рабочих поселка (Воргашор, Жешарт, Нижний Одес), в 1970-е гг. – 10 рабочих поселков (Благоево, Боровой,

Динамика численности населения городов Республики Коми в 1989–2020 годах, тыс. чел.

Таблица 4

Population dynamics of towns in the Komi Republic in 1989–2020 (thousands of people)

Table 4

№ п/п	Название города	1989 г.	1991 г.	2002 г.	2010 г.	2017 г.	2020 г.
1	Сыктывкар	232	223.6	230	235	244.6	220.6
2	Воркута	115.6	117.1	84.9	70.6	58.1	57
3	Вуктыл	19.3	19.4	14.5	12.4	10.2	9.3
4	Емва	18.7	18.1	16.7	14.6	12.9	11
5	Инта	60.2	62.5	41.2	32	26.3	20.3
6	Микунь	12.5	12.5	11.7	10.7	9.8	8.5
7	Печора	64.7	66.5	48.7	43.5	40	35.3
8	Сосногорск	30.4	30.7	29.6	27.8	26.6	22.2
9	Усинск	47	52.5	45.4	41.4	38.8	32.2
10	Ухта	110.5	114.5	100.3	99.6	97.8	79.9

Составлено и рассчитано по данным всеобщих переписей населения 1989, 2002, 2010 и 2020 гг.

Compiled and calculated based on: data from the general population censuses of 1989, 2002, 2010 and 2020.

Урбанистическая структура населения городов Республики Коми в 1989, 2002, 2010 и 2020 годах

Таблица 5

Urban structure of the population of towns of the Komi Republic in 1989, 2002, 2010 and 2020

Table 5

Показатели	Всего	В том числе с числом жителей, чел.						
		менее 3000	3000–4999	5000–9999	10 000–19999	20 000–49999	50 000–99999	100 000–249999
1989 г.								
Число городов	10	-	-	-	3	2	2	3
Численность населения в них	711 554	-	-	-	50 619	77 658	124 966	458 311
2002 г.								
Число городов	10	-	-	-	3	4	1	2
Численность населения в них	621 021	-	-	-	42 891	164 862	84 917	333 351
2010 г.								
Число городов	10	-	-	-	3	4	2	1
Численность населения в них	586 570	-	-	-	37 656	143 769	170 139	235 006
2020 г.								
Число городов	10	-	--	2	1	4	2	1
Численность населения в них	496 203	-	-	17 849	10 994	109 896	136 884	220 580

Составлено и рассчитано по данным всеобщих переписей населения 1989, 2002, 2010, 2020 гг.

Compiled and calculated based on: data from the general population censuses of 1989, 2002, 2010 and 2020.

Междуреченск, Парма, Пудеец, Седкыркещ, Синдор, Троицко-Печорск, Усогорск, Шудаяг), в 1980-е гг. – три города (Вуктыл, Емва, Усинск) и два рабочих поселка (Верхняя Максаковка, Изъяю).

Основой экономики городов Республики Коми остается промышленность. Подавляющее большинство городов республики, за исключением Инты, сохранили сложившуюся в советский период промышленную специализацию, определяющую профиль городской экономики. Сыктывкар будет и впредь развиваться как крупнейший лесопромышленный узел деревообработки и целлюлозно-бумажной промышленности, Ухта – как центр нефтепереработки, машиностроения и производства строительных материалов, Сосногорск – как центр газопереработки и электроэнергетики. Остальные города республики продолжают

развиваться как монопрофильные промышленные центры. Профилирующей отраслью промышленности Воркуты останется угольная промышленность, Печоры – электроэнергетика, Вуктыла – газовая отрасль, Усинска – нефтедобывающая, Емвы – деревообрабатывающая, Микуни – лесозаготовительная отрасль. Город Инта на протяжении нескольких десятилетий развивался как крупный углепромышленный центр, специализированный на добыче энергетических углей. Однако после закрытия последней шахты основного градообразующего предприятия ОАО «Интауголь» город перестал развиваться как углепромышленный центр. В связи с планируемым вводом в эксплуатацию завода по производству карбида и ферросплавов, который будет работать на местных марганцевых рудах, энергетических углях и известняках, город Инта трансформируется в химико-металлургический центр, специализированный на производстве ацетелена, различных полимеров и ферросплавов. Подавляющее большинство поселков городского типа республики сохранит монопрофильную промышленную специализацию, связанную главным образом с добычей и первичной переработкой природных ресурсов. Исключение составит пгт Ярега, в котором помимо традиционной добычи высоковязкой (тяжелой) нефти шахтным способом добавятся производства по переработке титановых руд и кварцевых песчаников.

Большинство городских населенных пунктов республики является монопрофильными поселениями. Между тем только три города и один поселок городского типа получили официальный статус моногорода – монопрофильного муниципального образования. Города

Воркута и Инта имеют угледобывающую моноспециализацию, а городские поселения Емва и Жешарт – лесоперерабатывающую моноспециализацию. Градообразующим предприятием Воркуты является АО «Воркутауголь», Инты – АО «Шахта «Интауголь», Емвы – СЛДК «Северный лес» (ООО «Княжпогостский завод ДВП»), Жешарта – ЗАО «Жешартский завод ДВП». Официальная статистика относит городское поселение Емвы к группе моногородов с наиболее сложным социально-экономическим положением, в то время как города Воркуту и Инту, а также городское поселение Емвы включены в группу моногородов, имеющих риски ухудшения социально-экономического положения [2]. Экономический анализ производственной деятельности моногородов Республики Коми показал устойчивость градообразующих предприятий Воркуты

и Емвы, недостаточную устойчивость – Жешарта и слабую устойчивость – Инты [3].

Проблемы развития городских населенных пунктов во многом обусловлены особенностями их транспортно-географического положения, характером экономики-демографической обстановки, наличием действующих предприятий материального производства и социальной сферы. В зависимости от этого в составе городских населенных пунктов Республики Коми можно выделить города и поселки городского типа с высоким, средним и низким потенциалами и перспективами развития.

Города и поселки городского типа с высоким потенциалом развития характеризуются благоприятным транспортно-географическим положением, относительно диверсифицированной экономической базой и социально-культурной сферой, значительной людностью и высокой занятостью экономически активного населения. В эту группу входят практически все города республики за исключением Вуктыла и Инты, а также крупные и большие поселки городского типа. Среди перспективных поселков городского типа республики – Воргашор, Нижний Одес и Жешарт с крупными градообразующими предприятиями, а также поселки городского типа Троицко-Печорск, Усогорск и Ярега, в которых планируется создание новых производств.

Городские населенные пункты со средним потенциалом развития представлены проблемными городами и пгт со средними показателями людности и занятости экономически активного населения, уровня экономического и социального развития. Как правило, они выполняют роль субцентров в локальных системах расселения или центров автономных групповых систем населенных мест, сформировавшихся в стороне от основных баз и трасс освоения региона. Наиболее проблемными с точки зрения современного состояния и перспектив дальнейшего развития являются ресурсные города Вуктыл и Инта с падающей добычей топливно-энергетических ресурсов. В состав городских населенных пунктов со средним потенциалом развития входят также 14 средних и малых поселков городского типа. Их дальнейшее развитие и функционирование связано либо с сохранением сложившегося профиля (Благовое, Боровой, Верхняя Инта, Верхняя Максаковка, Заполярный, Изъяю, Комсомольский, Междуреченск, Путьец, Седкыркеш, Синдор, Шудаяг) и реструктуризацией существующей экономической базы (Войвож, Кожва), либо с организацией новых добывающих (Кожва) и обрабатывающих (Благовое, Верхняя Инта, Изъяю) производств. В условиях формирующегося рынка решающую роль в повышении потенциала развития населенных пунктов и создании в них комфортной жизненной среды и условий для размещения новых производств будут играть мероприятия по укреплению экономической базы и усилению транспортной связанности населенных пунктов, повышению надежности электроснабжения и уровня централизованного теплообеспечения.

Городские населенные пункты с низким потенциалом развития представлены малолюдными поселками городского типа с неудобным транспортно-географи-

ческим положением, слабой экономической базой, низким уровнем развития социальной сферы, повышенной долей безработных и пенсионеров. Наиболее неблагополучными среди них являются периферийные поселки городского типа с устойчивыми тенденциями депопуляции и старения населения, падения уровня доходов и социального обслуживания, роста безработицы и обнищания населения. Малолюдные поселки городского типа с низким потенциалом развития являются потенциальными кандидатами на перевод в категорию сельских населенных пунктов или на упразднение.

На наш взгляд, необходимыми и достаточными основаниями для отнесения поселков городского типа к категории сельских населенных пунктов являются непрерывное снижение численности населения после достижения ими людности менее 3 тыс. чел. при отсутствии перспектив экономического развития по пути поселений несельскохозяйственного типа. В 2020 г. в регионе насчитывалось 15 малых и четыре безлюдных рабочих поселка. В рамках реализации муниципальной программы «Управляемого сжатия» МО ГО «Воркута» планируется осуществить к 2025 г. полное закрытие воркутинских поселков Заполярный и Комсомольский с переселением из них семей в г. Воркуту и рабочие поселки Воргашор и Северный.

Продолжающаяся деградация городской поселенческой сети и систем городского расселения региона будет сопровождаться дальнейшим сжатием интенсивно используемого экономического пространства с одновременным стягиванием населения в наиболее людные и перспективные городские населенные пункты с нормально функционирующей инфраструктурой. Основные причины стремления к компактности локальных систем городского расселения связаны с проведением целенаправленной работы по закрытию всех бесперспективных, малонаселенных и затратных рабочих поселков, ликвидации ветхого жилья и оптимизации муниципальных расходов. С учетом вышеназванных тенденций и возможных изменений городская поселенческая сеть республики в ближайшее пятилетие сократится примерно до 28–30 городских населенных пунктов.

Для эффективного решения проблем социально-экономического и демографического развития конкретного города необходимо учитывать ведущие факторы его формирования, особенности и проблемы современного этапа развития. В самом общем виде возможны два основных варианта развития сжимающихся городов и дальнейших действий в их отношении: 1) принятие целенаправленных мер по активизации социально-экономического развития города; 2) ставка на управляемое сжатие (уплотнение). При этом необходимо учитывать, что реализация любого варианта действий в отношении сжимающихся городов так или иначе ставит вопрос о целесообразности их существования в статусе города [4, с. 445].

Первый вариант развития сжимающихся городов предполагает разработку и реализацию комплекса мер, направленных на сохранение городского статуса и дальнейшее развитие экономики города путем внедрения механизмов активизации его социально-экономическо-

го развития. В этом случае решение проблем городов будет связано с определением долгосрочных целей социально-экономического развития, направленных на реализацию комплексных программ модернизации градообразующих предприятий и профилирующих отраслей; организацию механизмов саморазвития города на основе собственных ресурсов, средств и возможностей за счет более эффективного использования его экономического, финансового и трудового потенциалов; улучшение имиджа и ребрендинг города; повышение уровня благосостояния и качества жизни населения. Реализация этих целей будет способствовать повышению конкурентоспособности градообразующих предприятий и уровня занятости населения, привлечению инвестиционных ресурсов и уменьшению рисков, что позволит создать адекватный рыночный механизм изменения неблагоприятной социально-экономической ситуации и обеспечить устойчивое развитие городов в долгосрочной перспективе.

Второй вариант трансформации сжимающихся городов предназначен для наиболее проблемных городов со сложным социально-экономическим положением и обвальным сокращением численности населения. В основе данного варианта лежит реализация программы комплексного градоэкономического преобразования города путем управляемого сжатия. В этой программе делается упор на сокращение неэффективных расходов местного бюджета; содействие развитию малого и среднего предпринимательства; проведение инвентаризации городского имущества; оптимизацию инфраструктурных объектов, модернизацию инженерных сетей и коммунального хозяйства; реализацию мероприятий по снижению напряженности на рынке труда и созданию новых рабочих мест; поэтапное переселение семей из аварийного жилья и малонаселенных домов в более благоустроенные и заселенные микрорайоны города или соседние поселения. Реализация этих мероприятий будет способствовать стабилизации социально-экономической ситуации в городе и повышению уровня комфортности городской среды [5, с. 166]. В отдельных случаях может возникнуть необходимость понижения административного статуса города путем его преобразования в поселок городского типа, сельский населенный пункт или в вахтовое поселение.

В условиях Республики Коми с ее обширными слабозаселенными территориями и значительными расстояниями между соседними населенными пунктами существенно возрастает роль агломерированных форм городского расселения во главе с большими и средними городами, выполняющими функции центральных поселений. С учетом специфики северных городских агломераций в качестве основных критериев их выделения были приняты следующие делимитирующие признаки: общая людность агломерации не менее 100 тыс. чел., а для формирующихся агломераций (протоагломераций) – не менее 50 тыс. чел.; людность ядра агломерации не менее 50 тыс. чел.; не более чем 1,5-часовая транспортная доступность в один конец, выражающаяся в затратах времени на преодоление расстояния от центра до крайнего пункта агломерации при ежедневных и периодических поездках жителей;

наличие в зоне непосредственного влияния центрального города как минимум двух городских населенных пунктов; массовые маятниковые миграции трудового, бытового, учебного, культурного и рекреационного характера при наличии регулярного пригородного сообщения [6, с. 6].

Процесс городского агломерирования активизировался в регионе в 1960-е гг. с началом этапа широкомасштабного промышленного освоения топливно-энергетических и лесных ресурсов. В эти годы обозначились контуры и состав ныне существующих Сыктывкарской, Воркутинской и Ухтинской городских агломераций. Развитие и функционирование этих агломераций связано с выполнением промышленной, организационно-хозяйственной, транспортной и транзитно-коммуникационной функций, а также с научно-технической подготовкой территории и кадров. В отдельных случаях их дополняют туристская и рекреационная, таможенная и внешнеэкономическая, оборонная и военно-стратегическая функции. Промышленный профиль Сыктывкарской городской агломерации определяют отрасли лесопромышленного комплекса, Воркутинской городской агломерации – угольная отрасль, Ухтинской городской агломерации – отрасли топливно-энергетического, машиностроительного и горнопромышленного комплексов.

Выгодное географическое положение Сыктывкара в месте слияния двух судоходных рек, наличие всех видов современных транспортных коммуникаций и продолжительное выполнение городом столичных функций во многом способствовали формированию влиятельной Сыктывкарской городской агломерации, полностью отвечающей принятым в отечественной геобуранистике и градостроительстве критериям и методике выделения. Она развивается как трехлучевая локальная система расселения на базе участков автомобильных дорог республиканского значения от Сыктывкара на Киров, Ухту и Троицко-Печорск, тупиковой железнодорожной ветки Микунь–Сыктывкар и двух судоходных рек – Вычегды и ее притока Сысолы. Ядром Сыктывкарской городской агломерации выступает на сегодня единственный в республике и в обозримой перспективе большой город Сыктывкар. Границы агломерации, определяемые 1,5–2-часовой транспортной доступностью, охватывает территорию радиусом 80 км. Во внешней зоне Сыктывкарской городской агломерации расположены административно-территориальные образования, объединенные с центром агломерации общностью лесозаготовительно-агропромышленной специализации. В зону влияния Сыктывкарской городской агломерации попадает Сыктывдинский район, а также прилегающие к ним населенные пункты части территорий Корткеросского, Сысольского и Усть-Вымского районов, связанные с городом Сыктывкаром устойчивыми организационно-хозяйственными, производственными, транспортными, трудовыми, деловыми, культурно-бытовыми и учебными связями.

В период между переписями населения 1989 и 2020 гг. численность городского населения Сыктывкарской агломерации, уменьшилась на 1,4 тыс. чел. По данным Всероссийской переписи населения 2020 г., численность городского населения Сыктывкарской городской агломе-

рации, сосредоточенного в Сыктывкаре и трех тяготеющих к нему поселках городского типа, составила 233.1 тыс. чел., или около 90 % всего населения агломерации. В ядре Сыктывкарской городской агломерации концентрируется 94.6 % городского населения агломерации. Среди населенных пунктов агломерации людностью более 1 тыс. чел. выделяются поселки городского типа Краснозатонский (7.4 тыс. чел.), Верхняя Максаковка (3.8) и Седкыркеш (1.3), села Вильгорт (10.6), Корткерос (4.7), Зеленец (2.8) и Пажга (1.1 тыс. чел.) (табл. 6).

Ухтинская группа населенных мест представляет собой городскую агломерацию во главе с бывшим большим городом Ухтой, которая развивается как пятилучевая локальная система расселения населения на базе участков железнодорожных линий Котлас – Воркута и Сосногорск – Троицко-Печорск, автомобильных дорог Сыктывкар – Ухта, Ухта – Троицко-Печорск и Ухта – Нижний Одес. Зона влияния ее центра составляет около 70 км. Лучевой характер транспортной схемы Ухтинской группы населенных мест обусловил тенденцию к опережающему развитию города-центра Ухты.

Ядром Ухтинской городской агломерации выступает бывший большой город Ухта с тяготеющими к нему городскими и сельскими населенными пунктами. Его важнейшим подцентром является город Сосногорск. В период между переписями населения 1989 и 2020 гг. численность городского населения Ухтинской городской агломерации уменьшилась на 50.6 тыс. чел., или в 1.4 раза. По данным Всероссийской переписи населения 2020 г., численность городского населения Ухтинской городской агломерации, сосредоточенного в городах Ухте и Сосногорске и тяготеющих к ним четырех поселках городского типа, составила 116.7 тыс. чел. В ядре Ухтинской агломерации концентрируется 79.9 тыс. чел., или 68.4 % городских жителей агломерации. Среди населенных пунктов Ухтинской городской агломерации людностью более 1 тыс. чел. выделяются город Сосногорск (22.2 тыс. чел.), поселки городского типа Ярега (6,3), Водный (4.7) Шудаяг (3 тыс. чел.). В зоне тяготения Ухтинской агломерации находятся несколько сельских населенных пунктов, наиболее значимые из которых село Усть-Ухта и поселки сельского типа Керки и Седью (табл. 7).

Центром Воркута-Интинской системы группового расселения является город Воркута, к которому тяготеют поселки городского типа Воргашор, Заполярный, Комсомольский и Северный. С конца 1970-х гг. по середину 1990-х гг. Воркутинская группа населенных мест, возглавлявшаяся статистически большим городом Воркутой, полностью отвечала принятым в отечественном градостроительстве критериям выделения городской агломерации. Она сформировалась как локальная радиально-кольцевая система расселения населения на основе

участка железнодорожной магистрали Котлас–Воркута и местных автомобильных дорог, объединяющих Воркуту с пришахтными поселками.

Воркутинская городская агломерация включает средний по людности город с четырьмя тяготеющими к нему поселками городского типа, находящимися в зоне влияния Воркуты в радиусе 40 км. В период между переписями населения 1989 и 2020 гг. число городских населенных пунктов с населением Воркутинской городской агломерации сократилось вдва раза (с 10 до 5), а численность проживающего в них городского населения – в три (с 206.8 до 67.8 тыс. чел.). При этом численность городского населения и средняя людность городского населенного пункта этой агломерации уменьшились в 1.4 раза. Если в 1989 г. в составе Воркутинской агломерации было семь рабочих поселков (Воргашор, Заполярный, Комсомольский, Мульда, Октябрьский, Промышленный, Северный) с численностью постоянного населения свыше 1 тыс. чел., то в 2020 г. осталось только два рабочих поселка (Воргашор, Северный) с такой людностью (табл. 8).

Выявленные городские агломерации во многом отражают основные черты территориального распределения главных центров урбанистической концентрации насе-

Таблица 6
Динамика характеристик Сыктывкарской городской агломерации
(по данным всеобщих переписей населения 1989, 2002, 2010 и 2020 годов)
Table 6
Dynamics of characteristics of the Syktyvkar urban agglomeration
(according to the general population censuses of 1989, 2002, 2010 and 2020)

Показатели	1989 г.	2002 г.	2010 г.	2020 г.
Сыктывкарская городская агломерация				
Число городских населенных пунктов	2	4	4	4
Число городов	1	1	1	1
Число поселков городского типа	1	3	3	3
Численность городского населения, чел.	234 529	244 609	249 806	233 128
Средняя людность городского населенного пункта, чел.	117 265	61 152	62 452	58 282

Составлено и рассчитано по: данным всеобщих переписей населения 1989, 2002, 2010, 2020 гг.
Compiled and calculated based on: data from the general population censuses of 1989, 2002, 2010, 2020.

Таблица 7
Динамика характеристик Ухтинской городской агломерации
(по данным всеобщих переписей населения 1989, 2002, 2010 и 2020 годов)
Table 7
Dynamics of characteristics of the Ukhta urban agglomeration
(according to the general population censuses of 1989, 2002, 2010 and 2020)

Показатели	1989 г.	2002 г.	2010 г.	2020 г.
Число городских населенных пунктов	6	6	6	6
Число городов	2	2	2	2
Число поселков городского типа	4	4	4	4
Численность городского населения, чел.	167 370	151 698	146 507	116 743
Средняя людность городского населенного пункта, чел.	27 895	25 283	24 418	19 457

Составлено и рассчитано по: данным всеобщих переписей населения 1989, 2002, 2010, 2020 гг.
Compiled and calculated based on: data from the general population censuses of 1989, 2002, 2010, 2020.

Таблица 8
Динамика характеристик Воркутинской городской агломерации
(по данным всеобщих переписей населения 1989, 2002, 2010 и 2020 годов)
Table 8
Dynamics of characteristics of the Vorkuta urban agglomeration
(according to the general population censuses of 1989, 2002, 2010 and 2020)

Показатели	1989 г.	2002 г.	2010 г.	2020 г.
Число городских населенных пунктов	10	10	5	5
Число городов	1	1	1	1
Число поселков городского типа	9	9	4	4
Численность городского населения, человек	206 794	131 598	94 610	67 809
Средняя людность городского населенного пункта, человек	20 679	13 160	18 922	13 562

Составлено и рассчитано по: данным всеобщих переписей населения 1989, 2002, 2010, 2020 гг.
Compiled and calculated based on: data from the general population censuses of 1989, 2002, 2010, 2020.

ления и могут быть использованы для уточнения схемы социально-экономического районирования территории региона. Городские агломерации сохраняют за собой роль ведущих организующих центров пространственного развития и расселения населения, полюсов роста и модернизации региона. На немногочисленные городские агломерации республики возложена задача усиления регулярности региональной и локальных систем городского расселения. Стратегия их дальнейшего устойчивого развития должна быть нацелена на восстановление положительной динамики демографических процессов, улучшение качества жизни населения, сохранение и восстановление региональных экосистем, ограничение вредного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую природную среду и ее рациональное использование в интересах настоящего и будущего поколений.

В постсоветское время проблемы социально-экономического развития городских агломераций приобрели актуальность в рамках постиндустриальной трансформации экономики, урбанизации и расселения населения [7, с. 20, 21]. В условиях курса на модернизацию и инновационный сценарий развития агломерирование становится ключевым инструментом развития северных территорий, создающим более комфортную среду для появления новых видов экономической деятельности, повышения уровня занятости и качества жизни населения. Это позволит сформировать городскую агломерацию как единое административно-правовое, природно-экологическое, социально-экономическое и инвестиционное пространство с общей инфраструктурой и единой схемой развития.

Дальнейшее совершенствование городской поселенческой сети республики будет зависеть от параметров дальнейшего демографического и социально-экономического развития Республики Коми. Оно должно быть направлено прежде всего на укрепление опорного каркаса расселения населения и осуществляться на основе комплексного подхода с учетом адаптации расселения к наметившимся структурным преобразованиям в региональной экономике, перспектив изменения численности населения и эффективного использования трудовых ресурсов, решения задач интеграции и многоуровневой

организации сети населенных мест, создания и сохранения благоприятной экологической ситуации в регионе.

Литература

1. Население Республики Коми за 100 лет. – Сыктывкар : Госкомстат Республики Коми, 1998. – С. 5.
2. Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2021 года (Статистический бюллетень). – Москва : Росстат, 2022. – С. 18–29.
3. Никоноров, С. М. Управление социально-экономической политикой в моногородах Республики Коми / С. М. Никоноров, А. И. Кривичев, Ю. И. Максимов // Экономика устойчивого развития. Научный журнал. – 2021. – № 4 (48). – С. 123–129.
4. Обедков, А. П. Убывающие города Российского Севера: проблемы и решения / А. П. Обедков // Международный демографический форум: материалы заседания / отв. редактор д.геогр.н. Н. В. Яковенко. – Воронеж : Издательство «Цифровая полиграфия», 2020. – С. 445.
5. Обедков, А. П. Типология и механизмы модернизации моногородов Российского Севера / А. П. Обедков // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Выпуск 13 / отв. ред. В. И. Герасимов. – Москва : ИНИОН РАН, 2018. – Ч. 2. – С. 166.
6. Обедков, А. П. Особенности и проблемы формирования городских агломераций в условиях Российского Севера / А. П. Обедков. – Сыктывкар, 2013. – С. 6. («Научные доклады по проблемам развития экономики и сервиса в регионе»; Выпуск 6).
7. Обедков, А. П. Эволюция городских агломераций России и особенности их формирования на этапе постиндустриальной урбанизации / А. П. Обедков. – Сыктывкар, 2012. – С. 20, 21. («Научные доклады по проблемам развития экономики и сервиса в регионе»; Выпуск 5).

References

1. Naselenie Respubliki Komi za 100 let [Population of the Komi Republic for 100 years]. – Syktyvkar: State Statistics Committee of the Komi Republic, 1998. – P. 5.
2. Chislennost naseleniya Rossiiskoi Federacii po munitsipalnym obrazovaniyam na 1 yanvarya 2021 goda (Statisticheskii byulleten) [Population of the Russian Federation by municipalities as of January 1, 2021 (Statistical Bull.)]. – Moscow: Rosstat, 2022. – P. 18–29.
3. Nikonorov, S. M. Upravlenie sotsialno-ekonomicheskoy politikoy v monogorodah Respubliki Komi [Management of socio-economic policy in monotowns of the Komi Republic] / S. M. Nikonorov, A. I. Krivichev, Yu. I. Maximov // *Economica ustoychivogo razvitiya. Nautschny zhurnal* [Economics of Sustainable Development. Science J.]. – 2021. – № 4 (48). – P. 123–129.
4. Obedkov, A. P. Ubyvayushchie goroda Rossiiskogo Severa: problemy i resheniya [Shrinking towns of the Russian North: problems and solutions] / A. P. Obedkov //

- Mezhdunarodny demografitscheskii forum: materialy zasedaniya [Intern. Demographic Forum: materials of the meeting] / Ed. N. V. Yakovenko. – Voronezh: Publishing House “Digital Printing”, 2020. – P. 445.
5. Obedkov, A. P. Tipologiya i modernizaciya monogorodov Rossiiskogo Severa [Typology and mechanisms of modernization of monotowns of the Russian North] / A. P. Obedkov // Rossiya: tendencii i perspektivy razvitiya [Russia: trends and prospects of development]. – Ezhegodnik. Vypusk 13 [Yearbook. Issue 13] / Ed. V. I. Gerasimov. – Moscow: Inst. of Scientific Information for Social Sciences, RAS, 2018. – Part 2. – P. 166.
 6. Obedkov, A. P. Osobennostie i problemy formirovaniya gorodskih aglomeratsii v usloviyah Rossiiskogo Severa [Features and problems of formation of urban agglomerations in the Russian North] / A. P. Obedkov. – Syktyvkar, 2013. – P. 6. (“Sci. repots on problems of economic and service development in the region”; Issue 6).
 7. Obedkov, A. P. Evolyuciya gorodskih aglomeracii v Rossii i osobennosti ih formirovaniya na etape postindustrialnoi urbanizacii [Evolution of urban agglomerations in Russia and features of their formation during post-industrial urbanization] / A. P. Obedkov. – Syktyvkar, 2012. – P. 20-21. (“Sci. repots on problems of economic and service development in the region”; Issue 5).

Благодарность (госзадание)

Исследование выполнено в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН по теме «Трансформации общества, власти и экономики на Европейском Северо-Востоке России» (номер государственного учета 122040800166-0).

Acknowledgements (state task)

The research was carried out within the frames of the implementation of the state task of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, on the topic “Transformations of society, government and economy in European North-East of Russia” (state registration No. 122040800166-0).

Информация об авторе:

Обедков Анатолий Павлович – кандидат географических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора историко-демографических и историко-географических исследований Российского Севера Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук; ORCID: 0000-0001-8785-0881 (167000, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: ObedkovAP@gmail.com).

Author:

Anatoly P. Obedkov – Cand. Sci. (Geography), docent, Senior Researcher of the Sector of Historical-demographic and Historical-geographical Problems of the North, Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences; ORCID: 0000-0001-8785-0881 (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167000, Russian Federation; e-mail: ObedkovAP@gmail.com).

Для цитирования:

Обедков, А. П. Особенности постсоветской трансформации систем городского расселения Республики Коми в условиях сжимающихся городов и убывающих поселков городского типа / А. П. Обедков // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Историческая демография». – 2023. – № 8 (66). – С. 107–116.

For citation:

Obedkov, A. P. Features of the post-soviet transformation of urban settlement systems of the Komi Republic in conditions of shrinking towns and decreasing urban-type settlements / A. P. Obedkov // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series “Historical demography”. – 2023.– No. 8 (66).– P. 107–116.

Дата поступления статьи: 05.10.2023

Прошла рецензирование: 09.10.2023

Принято решение о публикации: 12.10.2023

Received: 05.10.2023

Reviewed: 09.10.2023

Accepted: 12.10.2023

Современные этнические процессы у коми-ижемцев Кольского полуострова

В. П. Кривоногов

Гуманитарный институт Сибирского федерального университета,
г. Красноярск
victor950@yandex.ru

Аннотация

Исследование, проведенное среди коми-ижемцев Мурманской области в ходе этнографической экспедиции в августе 2023 г., ставило целью выявление характера современных этнических процессов. Основная часть коми проживает в селах Ловозерского района. В ходе исследования проведен массовый опрос 25 % сельских ижемцев по специальному опросному листу, на взрослых опросный лист составлялся при непосредственной беседе, опросные листы на детей формировались со слов родителей. Всего получено 252 опросных листа. Выяснилось, что коми-ижемцы почти забыли свой язык и традиционную культуру. Произошел прорыв эндогамии – $\frac{2}{3}$ семей коми – смешанные по национальному составу, чаще всего с саамами и русскими. Доля лиц смешанного происхождения среди коми составляет $\frac{2}{3}$, а среди детей и молодежи приближается к 100 %. Абсолютная численность коми-ижемцев на основной территории расселения сокращается в результате миграций в города и отрицательного естественного прироста.

Ключевые слова :

коми-ижемцы, этнические процессы, этнодемография, языковые процессы, национально-смешанные браки

Коми-ижемцы мигрировали на Кольский полуостров в конце XIX в. со своими оленями и основали несколько поселков в восточной части тундровой зоны полуострова (территория современного Ловозерского района), вступили в контакт с проживающими здесь саамами и русскими [1, с. 195–200; 2, 3]. К началу XXI в. оленеводство значительно сократилось, большинство коми перешли к нетрадиционным занятиям. Изменилась система расселения, многие поселки исчезли, в настоящее время большинство ижемцев (по нашей оценке, около 80 %) сконцентрированы в районном центре – селе Ловозеро, остальные – в небольшом селе Краснощелье. В Ловозеро доля ижемцев невелика, около $\frac{1}{4}$ населения райцентра, в Краснощелье их доля составляет более половины всего населения. Некоторые ижемцы покинули Ловозерский район – основное место обитания, разъехались по полуострову, нигде не со-

Modern ethnic processes among the Komi-Izhma people of the Kola Peninsula

V. P. Krivonogov

Humanitarian Institute of the Siberian Federal University,
Krasnoyarsk
victor950@yandex.ru

Abstract

The study conducted among the Komi-Izhma people of the Murmansk region during an ethnographic expedition in August 2023, aimed to identify the nature of modern ethnic processes. The main part of the Komi population lives in the villages of the Lovozero region. In the course of the study, a mass survey of 25% of rural Izhma residents was conducted using a special questionnaire; for adults, the questionnaire was compiled during a direct conversation, questionnaires for children were compiled from the words of their parents. A total of 252 questionnaires were compiled. It turned out that the Komi-Izhma people had almost forgotten their language and traditional culture. There was a breakthrough in endogamy – two thirds of Komi families were mixed in ethnic composition, most often with Saami and Russians. The share of people of mixed origin among the Komi is $\frac{2}{3}$, and among children and youth is close to 100%. The absolute number of Komi-Izhma people in the main settlement area is declining as a result of migration to towns and negative natural growth.

Keywords :

Komi-Izhma people, ethnic processes, ethnodemography, linguistic processes, national mixed marriages

ставляя существенного процента, 34.4 % стали горожанами [2]. В начале XXI в. численность коми в сельской части Ловозерского района составляла около 1.2 тыс. чел., но к настоящему времени, в связи с миграциями и другими причинами, по нашей оценке, их стало несколько меньше 1 тыс. чел.

Этнографическая экспедиция в августе 2023 г. ставила задачу изучения современных этнических процессов на основной этнической территории. Опросом было охвачено 25 % проживающих здесь коми-ижемцев. Всего получено 252 опросных листа.

Половозрастная структура ижемцев показана в табл. 1 (рис. 1).

Анализ половозрастной пирамиды говорит о том, что доля детей явно не достаточна даже для простого воспроизводства, очень мало молодых женщин детородного воз-

Таблица 1
Половозрастной состав саамов (по данным опроса, %)

The gender age composition of the Saami
(according to the survey, %)

Возраст	Мужчины	Женщины
70 и старше	3.2	7.9
60-69	2.4	11.9
50-59	14.3	7.9
40-49	7.1	5.6
30-39	7.9	5.5
20-29	5.6	3.2
10-19	6.3	4.0
до 10	2.4	4.8

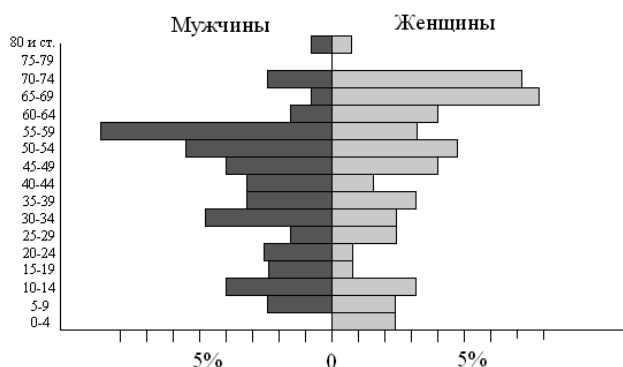

Рис. 1. Половозрастная структура коми.
Fig. 1. Gender and age structure of the Komi.

раста. Наблюдается значительный перекоп по численности в пользу мужчин в возрасте до 60 лет, что можно объяснить более интенсивной миграцией женщин за пределы основной этнической территории. Это, наряду с другими причинами, объясняет сокращение абсолютной численности коми-ижемцев на данной территории.

Среди коми в последние десятилетия возросла доля одиночек, а также небольших по размеру семей, самая многочисленная категория – семьи из двух человек (табл. 2). Средний размер семьи – 2.9 чел. – говорит о завершении перехода к малодетным семьям и подтверждает вывод об отрицательном естественном приросте коми.

Судя по всему, миграции в города в предстоящие годы усилятся, об этом говорят данные опроса по потенциальным мигрантам. Всего при опросе выразили желание покинуть свои поселки 9.6 % респондентов в возрасте 18 лет и старше. А среди молодежи до 30 лет этот показатель составил 45.5 % (старше этого возраста – 5.4 %).

Уровень образования коми довольно высок, доля лиц с высшим и средним специальным образованием у мужчин достигла 54.9 %, а у женщин – 59.3 %, и это притом, что покидают сельскую местность чаще всего лица с наиболее высоким уровнем образования (нередко молодые коми, окончившие вузы в городах, не возвращаются обратно). Доля имеющих только начальное образование невелика, это в основном старики, и число их сокращается по естественным причинам.

Хозяйство коми представляло собой сочетание полукочевого оленеводства, охоты и рыболовства со скотоводством и огородничеством. Коми-ижемцы не были полностью кочевой группой, скорее вели полукочевой образ жизни, у них были поселки с основательными бревенчатыми домами, надворными постройками, имелись огороды и домашний скот. Но все же, в наибольшей степени отличительной чертой хозяйства являлось оленеводство, которое отличало ижемцев от русских и остальных коми. Были у оленеводства ижемцев и черты, отличающиеся от саамского оленеводства [1, с. 195–200; 4, с. 227; 5, с. 198].

В настоящее время подавляющее большинство мужчин и практически все женщины трудятся в сфере, далекой от их традиционных занятий (табл. 3).

Согласно нашему опросу, лишь $\frac{1}{10}$ часть из мужчин на официальной работе заняты оленеводством и другими промыслами, больше оказалось тех, кто освоил рабочие профессии. Среди женщин весьма высока доля специалистов. Однако традиционные промыслы остались в фокусе интересов народа, правда, в нерабочее время. Если учесть занятия оленеводством, охотой и рыболовством на досуге, «для себя», то показатель у мужчин оказался 86.3 % от числа опрошенных в возрасте от 18 лет и старше, а 55.6 % женщин не утратили навыков традиционной женской работы. Эти показатели меняются у женщин по возрастным группам в сторону уменьшения (старше 30 лет – 59.2 %, младше – 20.0 %). У мужчин во всех возрастных группах сохраняется приверженность рыболовству, у многих – охоте, а вот про навыки оленеводства, на наличие которых указали 47.0 % опрошенных, многие говорят в прошедшем времени – занимались оленеводством в прошлом, но в настоящее время осталось только рыболовство.

Национальная одежда коми представляла собой сочетание одежды собственно коми, с заимствованной у ненцев после перехода к оленеводству.

Ижемцы-олeneводы задолго до переселения на полуостров имели основные виды ненецкой зимней одеж-

Таблица 2
Размер семей коми (по данным опроса, %)

The size of the Komi families (according to the survey, %)

Показатель	Размер семьи, чел.				
	1	2	3	4	5
Количество семей	20.3	40.5	17.7	10.1	11.4

Таблица 3
Социально-профессиональный состав коми-ижемцев (по данным опроса, %)

The socio-professional composition of the Komi-Izhma people
(according to the survey, %)

Показатель	Социально-профессиональные группы						
	Традиционные занятия	Неквалифицированные рабочие	Квалифицированные рабочие	Специалисты	Руководители	Домохозяйки	Безработные
Мужчины	10.0	27.5	40.0	12.5	2.5	0	7.5
Женщины	-	34.5	3.5	44.8	10.3	6.9	0

ды и обуви из оленьего меха. Восприняли эту одежду из шкур творчески, добавив к ним разные усовершенствования. У женщин бытовал сарафанный комплекс одежды. Он состоял из рубахи и косоклинного или прямого сарафана, надевавшегося поверх ее. Украшением рубахи служили вставки из ткани другого цвета или вышитый узор на плечах, цветная кайма по вороту и оборки на рукавах. Поверх сарафана обязательно надевался передник. Сарафан подпоясывался тканым и плетеным узорным поясом. Мужскую туникообразную рубаху обычно шили из белого домотканого холста или пестряди со стоячим воротником или совсем без воротника. Носили такие рубахи навывпуск, подпоясывая плетеным или тканым пояском, завязывая узел на левом боку [6].

В настоящее время, согласно нашему опросу, национальную одежду имеют 30.5 % коми (все возрастные группы, включая детей), чаще – женщины – 33.3 % (мужчины – 27.6 %). У мужчин национальная одежда или ее элементы (например, промысловая обувь) чаще встречается в старших возрастах (30 лет и старше – 36.4 %, младше 30 лет – 13.3 %), а у женщин в равной степени как у пожилых, так и у молодежи, и даже у детей. У детей и подростков чаще всего это одежда коллективов художественной самодеятельности, фольклорных групп, и хранится она не дома, а в школе или Доме культуры.

У коми по-прежнему широко используются продукты традиционной кухни. Кухня ижемцев была связана с системой хозяйствования. Включение оленины в рацион питания и способы закладки рыбы на длительное хранение отличают кухню ижемцев от кухонь остальных групп коми. Кочевой образ жизни внес свои коррективы: пищу готовили на открытом огне, в рацион питания включили сыромятие. Кроме оленины в пищу шли баранина, телятина, дичь. Самым распространенным мясным блюдом был суп из мяса домашних животных и дичи. В качестве заправки супов использовалась крупа-сечка или мука из ячменя, позднее стали добавлять картошку. Из голов и ног животных готовили студень. Хлебобулочные изделия выпекали из ржаной, ячменной и пшеничной муки. В ассортимент выпечных изделий входили сочни, шаньги, рыбники, пироги, колобки. Из огородных культур употребляли капусту, репу, редьку. Рыбу ели довольно часто, из нее варили уху, тушили, солили, квасили. Употреблялись семга, сиг, хариус, пелядь и др. Рыбаки на промысле и оленеводы в тундре часто употребляли в пищу сырую, слегка подсолонную рыбу. В зимний период лакомством считалась строганина – свежая мороженная рыба, тонко нарезанная ножом. Дары леса и тундры охотно включались в рацион питания, прежде всего свежие ягоды (брусника, черника, голубика, малина, морошка). Их ели с молоком, из них готовили прохладительные напитки, кисели [7; 8, с. 93–97; 9, с. 65–74].

В настоящее время, согласно опросу, традиционные продукты используют в своем рационе 82.9 % опрошенных взрослых, при этом 69.5 % – регулярно. Однако при более подробных беседах выяснилось, что большинство не видит разницы в приготовлении блюд из этих продуктов

с саамами и русскими, так что речь идет именно о продуктах (оленина, рыба и т.д.), а не о конкретных блюдах. Наш информатор (женщина старше 80 лет) на вопрос о разнице кухни ижемцев с кухней соседних саамов и русских, вспомнила только одно блюдо, которое, по ее мнению, было только у коми – в детстве в ее семье к праздникам готовили фаршированную щуку. В остальном, как считает информант, особой разницы с кухней саамов и русских нет (точнее, не сохранилась в памяти).

Разные предметы традиционной материальной культуры коми-ижемцев (кроме одежды), согласно опросу, имеются в 52.1 % семей. Чаще всего это вещи, связанные с оленеводством, охотой и рыболовством, а также разного рода сувенирная продукция с национальными мотивами. По мере сокращения числа занятых в оленеводстве, количество этих вещей сокращается. Во многих семьях нам сообщили, что такие вещи были у них раньше, но они сдали их в музей.

Язык ижемцев быстро уходит из жизни. Признали его родным всего 9.5 % опрошенных и их детей. Еще 16.7 % признали родным сразу два языка, коми и русский. Остальные 73.8 % считают родным исключительно русский язык. Распределение показателей родного языка по возрастным группам показано в табл. 4. С уменьшением возраста называют коми язык в качестве родного все меньше респондентов, а в детских группах родным является только русский язык.

Таблица 4
Родной язык коми-ижемцев (по данным опроса, %)

Table 4
Native language of the Komi-Izhma people
(according to the survey, %)

Возраст, лет	Родной язык		
	Коми	Коми и русский	Русский
70 и старше	42.9	50.0	7.1
60–69	33.3	27.8	38.9
50–59	0	25.0	75.0
40–49	0	6.3	93.7
30–39	0	0	100
20–29	0	9.1	90.9
10–19	0	0	100
До 10	0	0	100

Показатели по основному разговорному оказались таковыми: всего 0.8 % – язык своей национальности, 8.7 % назвали два языка, коми и русский, остальные 90.5 % – исключительно русский. Назвали основным коми язык или два языка только старики.

По степени владения коми языком показатели опрошенных распределяются таким образом: 14.3 % владеют этим языком свободно, 6.4 % – с некоторыми затруднениями, 10.3 % – со значительными затруднениями, 23.0 % – только понимают, а говорить не могут, остальные 46.0 % данным языком не владеют вообще. Распределение этих показателей по возрастным группам показано в табл. 5 (рис. 2).

Таблица 5
Степень владения языком своей национальности в разных возрастных группах (по данным опроса, %)
 Table 5
Degree of proficiency in the language of their nationality in different age groups (according to the survey, %)

Возраст, лет	Степень владения языком				
	Владеют свободно	С некоторым затруднением	Со значительным затруднением	Понимают, но не говорят	Не владеют
70 и старше	64.3	14.3	7.1	14.3	0
60-69	27.8	22.2	5.5	27.8	16.7
50-59	14.3	3.6	17.8	28.6	35.7
40-49	0	6.2	18.8	31.2	43.8
30-39	0	0	5.9	23.5	70.6
20-29	0	0	9.1	27.3	63.6
10-19	0	0	7.7	15.4	76.9
До 10	0	0	0	0	100

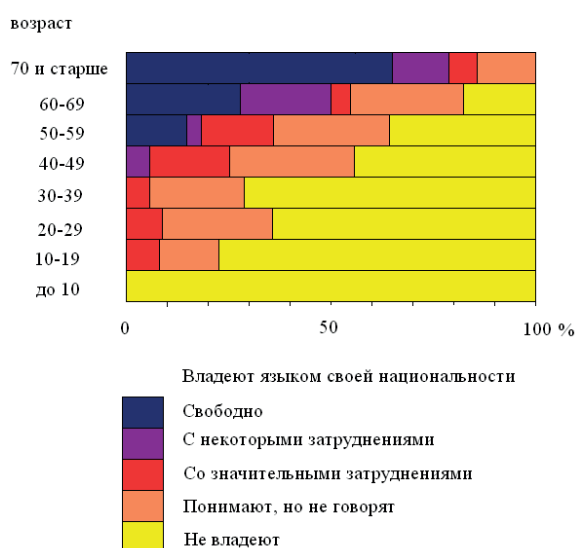

Рис. 2. Степень владения языком своей национальности коми разных возрастных групп.
 Fig. 2. Degree of proficiency in the language of Komi nationality in different age groups.

В разных сферах общения преобладает русский язык, коми язык используется немногими (табл. 6). Коми язык или два языка называли только пожилые люди, и чаще в прошедшем времени: «Раньше, когда я была маленькой,

Таблица 6
Использование коми и русского языков в разных ситуациях (по данным опроса, %)
 Table 6
The use of Komi and Russian languages in different situations (according to the survey, %)

Используют при общении	Языки		
	Коми	Коми и русский	Русский
С родителями	11.9	33.3	54.8
С братьями и сестрами	6.4	12.8	80.8
С друзьями	0	18.4	81.6
С супругами	0	12.8	87.2
С детьми	0	5.6	94.4
На производстве	2.1	6.1	91.8

разговаривала с бабушкой и мамой на этом языке, а сейчас разговаривать не с кем».

Очень мало кому из коми-ижемцев довелось изучать язык своей национальности в школе. Однако многие из тех, кто владеет разговорной речью, считают, что могли бы прочитать текст на этом языке и понять его – 27.1 % взрослых и школьников. Из них 2.5 % выразили уверенность, что при необходимости могли бы и писать на нем (правда, «с ошибками – как слышу, так и пишу»). Но необходимости в этом особой нет, так как русской речью и русской письменностью владеют все без исключения.

Фольклор ижемцев включал песни, сказки, обрядовую поэзию, похоронные причитания, трудовую импровизацию, эпос, былички о Яг Морте – лесном человеке, пословицы, загадки и т.д. [10].

В настоящее время, согласно нашему опросу, большинство коми поют только на русском языке – 85.5 %, еще 13.7 % ответили, что поют на двух языках, и лишь 0.8 % – преимущественно на своем языке. Те, кто поет на родном языке – пожилые люди.

Лишь 19.5 % опрошенных взрослых и школьников ответили, что знают слова песен своего народа, но в этом числе только 8.5 % помнят их больше трех.

С таким видом фольклора, как национальные сказки, знакомы 31.4 % опрошенных (взрослые и дети школьного возраста), но на память их помнят только 10.2 %. Среди пожилых людей эти показатели, разумеется, выше. Некоторые дети читали эти сказки на русском языке.

О некоторых традиционных обрядах небольшая часть ижемцев сохранила представления, но многие считают, что, так как они православные, то и обряды проводились по православным канонам, «как у русских». Правда, в научной литературе имеются сведения о некоторых особенностях православного погребального обряда у ижемцев [11, с. 220–226]. На наши вопросы об этих обрядах 15.1 % взрослых ответили, что слышали об отдельных элементах сватовства и свадебного обряда, а 2.3 % – об элементах погребального обряда, но никто не видел эти обряды в жизни.

При опросе 67.6 % взрослых отнесли себя к православным, 30.5 % выразили равнодушие к любой религии, приверженцев западных сект оказалось 0.9 %, еще 1.0 % ответили, что верят в «высшие силы», но ни к одной из церквей и религий себя не относят.

Большое влияние на этнические процессы оказывают национально-смешанные браки. В первое время после переселения на полуостров отношения между коми и саамами были не слишком дружескими, поэтому браки между ними не заключались. При этом продолжалось брачное смешение с ненцами, прибывшими сюда вместе с ижемцами. Но со временем отношения улучшились, и в 1929 г. отмечен первый брак между саамом и ижемкой [2; 12, с. 41]. В дальнейшем эта тенденция продолжилась, браков с саамами и русскими заключалось всё больше. В настоящее время в нашей выборке однонациональных семей (кро-

ме одиночек) у коми-ижемцев оказалось 42, национально-смешанных – 84, или 66.7 %, что указывает на прорыв эндогамии. Большинство браков саами заключают с саамами и русскими (табл. 7).

Национальный состав супружеских пар показан в табл. 8.

Более высокая доля смешанных браков у мужчин связана с тем, что в связи с активной миграцией девушек за пределы этнической территории их стало меньше, чем мужчин, а значит, эту нехватку невест мужчины вынуждены восполнять за счет браков с другими национальностями.

Высокий процент национально-смешанных семей привел к появлению значительного количества лиц смешанного происхождения, несмотря на то, что в коми-саамских семьях практически всех детей родители записывают саамами. А вот в семьях коми-русских 60.0 % детей относят к коми. В нашей выборке имеют смешанное происхождение, согласно записи генеалогий 67.5 % (табл. 9), а среди детей метисами являются 88.9 % (табл. 10, рис. 3, фото 1, 2). Это означает, что при естественной смене поколений почти все ижемцы станут смешанной в этническом плане популяцией.

Таблица 7

Национальный состав семей коми-ижемцев
(по данным опроса 2023 года)

Table 7

National composition of the Komi-Izhma families
(according to the survey, 2023)

Национальный состав семей	Количество семей
Коми	42
Коми-саамы	38
Коми-русские	42
Коми-украинцы	3
Коми-чуваши	1

Таблица 8

Национальность супругов коми-ижемцев
(данные экспедиции 2022 года)

Table 8

Nationality of the Komi-Izhma spouses
(data from the expedition of 2022)

Национальность супругов	Мужчины	Женщины
Коми-ижемцы	32	32
Русские	28	11
Саамы	24	14
Украинцы	2	1
% смешанных браков	62.8	44.8

Таблица 9

Инонациональный компонент в генеалогии коми-ижемцев
(по данным опроса, %)

Table 9

A component of another nationality in the genealogy
of the Komi-Izhma people (according to the survey, %)

Доля инонационального компонента среди ближайших предков			
Нет	Менее ½ компонента	½ компонента	Более ½ компонента
32.5	11.1	48.4	8.0

возраст

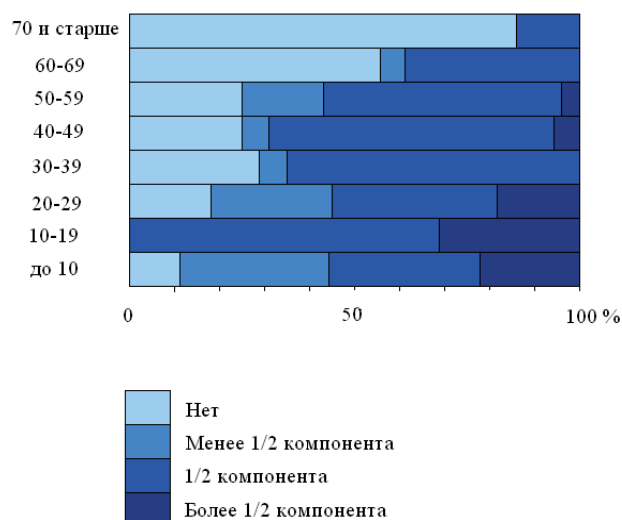

Рис. 3. Доля инонационального компонента в родословных коми разных возрастных групп.

Fig. 3. The share of a component of another nationality in the pedigrees of Komi in different age groups.

Фото 1. Метиска (мать – коми, отец – ненец).

Фото 2. Метисы коми-русские (а, б, в).

Photo 2. Komi-Russian mestizos (a, б, в).

Из числа метисов, определивших себя как коми, 84.5 % уверены в своем выборе, остальные 15.5 % «колеблются» между двумя национальностями родителей.

В нашей выборке в родословных коми встретились 14 сочетаний разных национальностей (табл. 11). Чаще всего в родословных коми встретились русские – у 48 % опрошен-

Таблица 10
Инонациональный компонент в генеалогии коми-ижемцев
в разных возрастных группах (по данным опроса, %)

Table 10
A component of another nationality in the genealogy of the Komi-Izhma people in different age groups (according to the survey, %)

Возраст, лет	Доля инонационального компонента среди ближайших предков			
	Нет	Менее ½ компонента	½ компонента	Более ½ компонента
70 и старше	85.7	0	14.3	0
60-69	55.6	5.5	38.9	0
50-59	25.0	17.8	53.6	3.6
40-49	25.0	6.3	62.5	6.2
30-39	29.4	5.9	64.7	0
20-29	18.2	27.3	36.3	18.2
10-19	0	0	69.2	30.8
До 10	11.1	33.3	33.3	22.3

Таблица 11
Национальность ближайших предков коми (по данным опроса)
Table 11

Nationality of the closest Komi ancestors (according to the survey)

Национальность	Человек	Национальность	Человек
Коми (к)	82	К-армяне	1
К-русские	91	К-саамы-русские	8
К-саамы	4	К-русские-мордва	2
К-ненцы	26	К-русские-белорусы	12
К-украинцы	7	К-саамы-русские-белорусы	2
К-белорусы	9	К-русские-украинцы-белорусы	4
К-немцы	2	К-русские-татары-ненцы	2

ных, а также ненцы (11.1 %) и саамы (5.6 %), остальные национальности встречаются реже. Высокая доля русского компонента в родословных ижемцев соответствует числу смешанных семей этого типа. Но странным является небольшая доля саамского компонента, ведь браков с ними у ижемцев не меньше, чем с русскими. Объясняется это тем, что в семьях этого типа, как уже говорилось, почти все дети становятся саамами. Это в свою очередь можно объяснить тем, что саамы имеют статус коренного малочисленного народа с вытекающими отсюда льготами, в то время как коми-ижемцы этого статуса не имеют. Родители определяют национальность детей в таких семьях, как саамы, и дети, вырастая, привыкают к этому выбору и позже подтверждают его. Обращает также на себя внимание весьма заметное количество коми-ненецких метисов, в то время как ни одной семьи этого типа нам не встретилось и в выборку не попало. Объясняется это тем, что браки этого типа коми заключали с ненцами в прошлом, а в последнее время их действительно стало мало, так как немного осталось самих ненцев (их число сократилось в результате ассимиляции их ижемцами). Подтверждает этот вывод тот факт, что нам встретилось мало коми, которые имели бы ненцев среди родителей, у большинства они были в поколении их бабушек, дедушек и более отдалённых предков (22 из 28 опрошенных с ненецким компонентом).

Из других национальностей у родословных ижемцев чаще встречаются украинцы и белорусы, остальные – единично.

В целом можно констатировать, что коми-ижемцы быстро превращаются в группу этнически смешанного населения с родным русским языком, но с сохранением этнического самосознания. При этом остаётся приверженность мужчин традиционным промыслам (охоте и рыболовству), хотя бы на любительском уровне, которые поставляют продукцию для традиционной кухни. Усугубляет ассимиляционные процессы то, что численность коми в пределах этнической территории сокращается, в связи с тем, что значительная часть коми-ижемцев, особенно девушек, мигрирует в города, из-за малого количества молодых семей уменьшается коэффициент рождаемости. Теряют коми в численности вследствие браков с саамами – почти все дети определяются как саамы. Все эти процессы, а также смешанный характер расселения и вытекающий отсюда прорыв эндогамии, не способствуют сохранению традиционной культуры.

Источники и литература

1. Жеребцов, Л. Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами / Л. Н. Жеребцов. – Москва : Наука, 1982. – 224 с.
2. Колчина, Е. В. Традиционная пищевая модель и современные предпочтения / Е. В. Колчина, Е. А. Куликова // Традиционное хозяйство в системе культуры этноса : материалы Девятых Санкт-Петербургских этнографических чтений. – Санкт-Петербург : Издательско-полиграфический центр Санкт-Петербургского университета технологии и дизайна, 2010. – С. 93–97.
3. Конаков, Н. Д. Традиционная система природопользования и хозяйственные занятия коми / Н. Д. Конаков // Зырянский мир : Очерки о традиционной культуре коми народа. – Сыктывкар : Коми книжное издательство, 2004. – С. 65–74.
4. Лукьянченко, В. В. Современное хозяйство, быт и культура саамов Кольского полуострова / В. В. Лукьянченко // Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера. – Москва, 1971. – С. 227.
5. Народы России. Энциклопедия / гл. ред. В. А. Тишков. – Москва : Большая Российская энциклопедия, 1994. – 480 с.
6. Терюков, А. П. К изучению погребального обряда коми-ижемцев / А. П. Терюков // Полевые исследования института этнографии, 1980-1981. – Москва, 1984. – С. 220–226.
7. Чарнолуский, В. В. Материалы по быту лопарей / В. В. Чарнолуский. – Ленинград, 1930. – 176 с.
8. Артеева, К. В. Ижемский народный костюм : история, традиции, современность / К. В. Артеева // Молодой ученый. – 2017. – № 10.1 (144.1). – С. 7–9. – URL : <https://moluch.ru/archive/144/40455/> (дата обращения : 14.09.2023).
9. Большакова (Ревда), Н. П. Коми-ижемцы на Кольском севере (кольские коми) / Н. П. Большакова (Ревда) //

Кольский север: энциклопедический лексикон. А-Я. – URL : [lexicon.dobrohot.xn--org/index-vx3d.php/КОМИ-И-ЖЕМЦЫ НА КОЛЬСКОМ СЕВЕРЕ \(КОЛЬСКИЕ КОМИ\)...](http://lexicon.dobrohot.xn--org/index-vx3d.php/КОМИ-И-ЖЕМЦЫ НА КОЛЬСКОМ СЕВЕРЕ (КОЛЬСКИЕ КОМИ)...) (дата обращения : 14.09.2023).

10. Чудова, Т. И. Локальная традиция питания ижемских Коми / Т. И. Чудова // Известия Коми НЦ УрО РАН. – 2014. – № 4 (20). – С. 66–73. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/lokalnaya-traditsiya-pitaniya-izhemskih-komi> (дата обращения : 14.09.2023).
11. Переселения коми-ижемцев на Кольский полуостров // Дзен : [платформа]. – URL : dzen.ru/a/ZQFUR2CqTz_Vd31R (дата обращения : 14.09.2023).
12. Традиционная культура Ижемского района: информация для сайта. – URL : <https://www.admizhma.ru/content/menu/912/Informaziya-dlya-saita-1.doc> (дата обращения : 14.09.2023).

References

1. Zherebtsov, L. N. Istoriko-kul'turnye vzaimootnosheniya komi s sosednimi narodami [Historical and cultural relations of Komi with neighboring peoples] / L. N. Zherebtsov. – Moscow: Nauka, 1982. – 224 p.
2. Kolchina, E. V. Tradicionnaya pishchevaya model' i sovremennye predpochteniya [Traditional food model and modern preferences] / E. V. Kolchina, E. A. Kulikova // Tradicionnoe hozyajstvo v sisteme kul'tury etnosa: Materialy Devyatyh Sankt-Peterburgskih etnograficheskikh chtenij [Traditional economy in the system of ethnos culture: Proceedings of the Ninth St. Petersburg Ethnographic Readings]. – St.Petersburg: Izdatel'sko-poligraficheskii tsentr Sankt-Peterburgskogo universiteta tekhnologii i dizaina [Publishing and Polygraphic Center of St. Petersburg University of Technology and Design], 2010. – P. 93–97.
3. Konakov, N. D. Tradicionnaya sistema prirodopol'zovaniya i hozyajstvennye zanyatiya komi [Traditional system of nature management and occupations of the Komi] / N. D. Konakov // Zyryanskij mir. Oчерki o tradicionnoj kul'ture naroda [The Zyryans world. Essays on the traditional culture of the Komi people]. – Syktyvkar: Komi Book Publishing House, 2004. – P. 65–74.
4. Lukyanchenko, V. V. Sovremennoe hozyajstvo, byt i kul'tura saamov Kol'skogo poluoostrova [Modern economy, life

and culture of the Saami of the Kola Peninsula] / V. V. Lukyanchenko // Osushchestvlenie leninskoj nacional'noj politiki u narodov Krajnego Severa [The implementation of Lenin national policy among the peoples of the Far North]. – Moscow, 1971. – P. 227.

5. Narody Rossii. Enciklopediya [Peoples of Russia. Encyclopedia]. – Moscow: Great Russian Encyclopedia, 1994. – 480 p.
6. Teryukov, A. P. K izucheniyu pogrebal'nogo obryada komi-izhemcev [To the study of the funeral rite of the Komi-Izhma people] / A. P. Teryukov // Polevye issledovaniya instituta etnografii [Field studies of the Institute of Ethnography], 1980–1981. – Moscow, 1984. – P. 220–226.
7. Charnolusky, V. V. Materialy po bytu loparej [Materials on the life of the Laplanders] / V. V. Charnolusky. – Leningrad, 1930. – 176 p.
8. Arteeva, K. V. Izhemskij narodnyj kostyum: istoriya, tradicii, sovremennost' [Izhma folk costume: history, traditions, modernity] / K. V. Arteeva // Molodoj ucheny [Young scientist]. – 2017. – № 10.1 (144.1). – P. 7–9. – URL: <https://moluch.ru/archive/144/40455/> (accessed: 14.09.2023).
9. Bolshakova (Revda), N. P. Komi-izhemcy na Kol'skom severe (kol'skie komi) [Komi-Izhma people in the Kola North (Kola Komi)] / N. P. Bolshakova (Revda) // Kol'skii sever: entsiklopedicheskii leksikon. A-YA [Kola North: encyclopedic lexicon. A-YA]. – URL: [lexicon.dobrohot.xn--org/index-vx3d.php/КОМИ-ИЖЕМЦЫ НАКОЛЬСКОМ СЕВЕРЕ \(КОЛЬСКИЕ КОМИ\)...](http://lexicon.dobrohot.xn--org/index-vx3d.php/КОМИ-ИЖЕМЦЫ НАКОЛЬСКОМ СЕВЕРЕ (КОЛЬСКИЕ КОМИ)...) (accessed: 14.09.2023).
10. Chudova, T. I. Lokal'naya traditsiya pitaniya izhemskih komi [Local food tradition of the Izhma Komi people] / T. I. Chudova // Izvestiya Komi Nauchnogo Tsentra Ural'skogo Otdeleniya RAN [Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS]. – 2014. – № 4 (20). – P. 66–73. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lokalnaya-traditsiya-pitaniya-izhemskih-komi> (accessed: 14.09.2023).
11. Pereseleniya komi-izhemcev na Kol'skij poluoostrov [Resettlement of the Komi-Izhma people to the Kola Peninsula] // Dzen : [platforma] [Dzen : [platform]]. – URL: dzen.ru/a/ZQFUR2CqTz_Vd31R (accessed: 14.09.2023).
12. Tradicionnaya kul'tura Izhemskogo rajona: informatsiya dlya saita [Traditional culture of the Izhma region] – URL: <https://www.admizhma.ru/content/menu/912/Informaziya-dlya-saita-1.doc> (accessed: 14.09.2023).

Информация об авторе:

Кривоногов Виктор Павлович – доктор исторических наук, доцент, профессор Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Scopus Author ID: 57204798676, <http://orcid.org/0000-0003-1255-2366> (660041, Российская Федерация, г. Красноярск, пр. Свободный, д. 79; e-mail: victor950@yandex.ru).

Author:

Viktor P. Krivonogov – Dr. Sci. (History), Associate Professor, Prof. of the Humanitarian Institute of the Siberian Federal University, Scopus Author ID: 57204798676, <http://orcid.org/0000-0003-1255-2366> (79, Svobodny Avenue, Krasnoyarsk 660041, Russian Federation; e-mail: victor950@yandex.ru).

Для цитирования:

Кривоногов, В. П. Современные этнические процессы у коми-ижемцев Кольского полуострова / В. П. Кривоногов // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Историческая демография». – 2023. – № 8 (66). – С. 117-124.

For citation:

Krivosnogov, V. P. Modern ethnic processes among the Komi Izhma people of the Kola Peninsula / V. P. Krivosnogov // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "Historical demography". – 2023.– No. 8 (66).– P. 117–124.

Дата поступления статьи: 18.09.2023

Прошла рецензирование: 21.09.2023

Принято решение о публикации: 25.09.2023

Received: 18.09.2023

Reviewed: 21.09.2023

Accepted: 25.09.2023

Юбилеи

Виктор Вильгельмович Фаузер

3 октября 2023 г. отметил 70-летний юбилей **Виктор Вильгельмович ФАУЗЕР**, доктор экономических наук, профессор, известный своими трудами в области демографических и миграционных процессов, занятости населения и социального менеджмента, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Заслуженный работник Республики Коми, Почетный деятель науки Республики Коми, заведующий лабораторией демографии и социального управления Института социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

Виктор Вильгельмович родился в пос. Собино Корткеросского района Республики Коми. После блестящего окончания экономического факультета Сыктывкарского государственного университета в 1979 г. получил направление в Отдел экономики Коми филиала Академии наук СССР, а затем – на стажировку в Центральный экономический научно-исследовательский институт при Госплане РСФСР. Будучи необыкновенно работоспособным и чрезвычайно ответственным исследователем, Виктор Вильгельмович совершил поистине героический поступок – досрочно окончил аспирантуру Института социологических исследований АН СССР, последовавшую вслед за стажировкой, защитив к концу второго года обучения диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук «Проблемы формирования населения в районах Севера (на примере Коми АССР)».

После защиты диссертации В. В. Фаузер несколько лет проработал на Сыктывкарском ЛПК, возглавляя лабораторию научной организации труда, управления производством и социологии. Разработки в области практической социологии, методики сбора и обработки социологической информации впоследствии оказались востребованы в научной работе в Институте социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН, куда Виктор Вильгельмович пришел в 1988 г.

Anniversaries

Viktor V. Fauzer

В своих работах В. В. Фаузер обосновал новые подходы к формированию населения в северных районах, предложил методологию и разработал методический аппарат раскрытия общих черт и региональных особенностей воспроизводства и миграции населения, позволяющие социологическими методами выявлять факторы и условия демографического развития Российского Севера, разработал концепцию формирования населения северных регионов, отвечающую жизненным интересам коренных жителей и экологическим требованиям северной природы. По результатам исследований в 1996 г. в Институте социально-политических исследований РАН В. В. Фаузер защитил докторскую диссертацию на тему «Проблемы демографического развития Российского Севера».

Виктором Вильгельмовичем создана школа северной и арктической демографии, в которой развиваются три направления: 1) Демографическое измерение социально-экономических процессов; 2) Оценка демографической и миграционной емкости северных территорий России; 3) Устойчивое развитие северных и арктических территорий: демографическое и трудовое измерение.

В рамках указанных направлений получены следующие фундаментальные результаты:

- разработана теория формирования населения в районах нового хозяйственного освоения, обосновывающая предпочтительные варианты социально-экономического и демографического развития Севера России. В ходе многолетних исследований установлена связь между системой расселения и эффективностью формирования населения, доказано, что учет демографических структур при формировании системы расселения в разные периоды освоения Севера позволяет значительно повысить приживаемость новоселов;

- доказано, что трансформация демографических и миграционных процессов на российском Севере характеризуется значительным сокращением численности населения, что обусловлено как отсутствием развитой социальной инфраструктуры, стимулирующей накопление человеческого капитала, так и низкой диверсификацией рынков труда. Показано, что трудоустройство местного населения должно иметь приоритетное значение для предприятий, расположенных в районах Севера;

- разработана методология оценки устойчивого развития северных регионов по демографическим и трудовым показателям, с ее использованием рассчитаны интегральные индексы, позволяющие оценить устойчивость развития региона как в статике, так и в динамике.

Много лет Виктор Вильгельмович занимается подготовкой специалистов для экономики Республики Коми – с 1985 по 2018 г. он преподавал в Сыктывкарском государственном университете им. Питирима Сорокина, с 1997 по 2011 г. заведовал кафедрой менеджмента на факультете управления. Более 30 лет В. В. Фаузер возглавляет Государственные экзаменационные комиссии в ведущих ву-

зах республики. Будучи человеком широкой души, Виктор Вильгельмович щедро делится с молодыми сотрудниками своим опытом, научными идеями и житейской мудростью, под его научным руководством подготовлены три доктора и 23 кандидата экономических наук.

С 1993 по 2007 г. В. В. Фаузер являлся ученым секретарем, а затем заместителем председателя регионального диссертационного совета по защите кандидатских диссертаций при ИСЭ и ЭПС Коми НЦ УрО РАН, дельным советом и корректным замечанием помогал соискателям четче сформулировать защищаемые положения подготовленных диссертаций. Защитившиеся ученые в этом диссертационном совете составили впоследствии костяк научных сотрудников Института среднего возраста.

В. В. Фаузер является членом редакционных коллегий и советов многих высокорейтинговых изданий: научного и информационно-аналитического журнала «Арктика: экология и экономика» (г. Москва, из списка ВАК, индексируется в Scopus и Web of Science RSCI); научного журнала «Арктика и Север» (г. Архангельск, индексируется в Web of Science RSCI); электронного научного издания «Корпоративное управление и инновационное развитие Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета» (г. Сыктывкар, из списка ВАК); научного журнала Вестник Института экономики НАН Беларуси (г. Минск, из списка ВАК Республики Беларусь); научного журнала «Экономическая наука сегодня» (г. Минск, Белорусский национальный технический университет, из списка ВАК Республики Беларусь); научного журнала «Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления», серия «Теория и практика управления» (г. Сыктывкар); научно-практического журнала «Сельское хозяйство» (г. Москва); электронного научного журнала «Социальные аспекты здоровья населения» (г. Москва).

Виктор Вильгельмович ведет большую научно-организационную работу, является членом Научного совета «Демографические и миграционные проблемы России» при Отделении общественных наук РАН, экспертом НИИ Республиканский исследовательский научно-консультационный центр экспертизы Министерства образования и науки РФ, членом научного экспертного совета при Ассоциации финно-угорских народов России, членом Объединенного Ученого совета УрО РАН по экономическим наукам, членом Совета по гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений при Правительстве Республики Коми.

В. В. Фаузер уделяет большое внимание укреплению межнациональных и межконфессиональных отношений в нашем многонациональном регионе, много времени и сил отдает популяризации демографических знаний.

В. В. Фаузер – действительный член (академик) Российской академии социальных наук, Академии военно-исторических наук, Международной общественной академии наук российских немцев.

Научную деятельность В. В. Фаузер сочетает с разработкой практических предложений, им была обоснована

необходимость возвращения выплаты районного коэффициента к стипендиям и пенсиям жителям северных районов. Под его руководством группой специалистов была разработана Концепция демографического развития Республики Коми на периоды до 2015 и 2025 гг.

В. В. Фаузером опубликовано свыше 600 работ, он – автор и соавтор 55 монографий, 40 брошюр и 22 учебных пособий, ответственный редактор и член редколлегий 58 научных изданий. Является редактором двух серий: «Библиотека демографа» (издается с 2003 г., подготовлено 23 выпуска) и «Библиотека менеджера» (издается с 2001 г., подготовлено 26 выпусков). Созданные Виктором Вильгельмовичем серии монографий, брошюр и учебных пособий адресованы самому широкому кругу читателей: от высшего управленческого персонала, исследователей в области общественных наук и специалистов-практиков до аспирантов, студентов и всех, кто интересуется демографическими проблемами северных территорий России.

Имеет государственные награды и почетные грамоты: Орден Дружбы (2021), медали «За заслуги в проведении Всероссийской переписи населения 2002 года» и «За заслуги в проведении Всероссийской переписи населения 2010 года», памятная медаль Республики Коми «95 лет Республике Коми» (2016), Почетный знак «За активную работу в студенческих отрядах» (2015). Отмечен Почетной грамотой РАН и профсоюза работников РАН (2008), Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Республики Коми (1994), Почетной грамотой Государственного Совета Республики Коми (2018), Почетной грамотой Министерства экономического развития (2008) и Министерства национальной политики Республики Коми (2014).

В. В. Фаузер отмечен благодарственными письмами и благодарностями от Сыктывкарского лесного института (2010), Федеральной национально-культурной автономии российских немцев (2011), Агентства Республики Коми по социальному развитию (2015), УФМС России по Республике Коми (2016), Коми республиканской академии государственной службы и управления (2016), Уральского отделения РАН (2018), Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (2018), депутата Государственной Думы О. В. Савастьяновой (2019).

Виктор Вильгельмович удостоен многочисленных почетных званий: Заслуженный работник Республики Коми (2004), Заслуженный деятель науки Российской Федерации (2010), лауреат премии Правительства Республики Коми в области научных исследований (2010 и 2012), Почетный деятель науки Республики Коми (2013), лауреат Всероссийского конкурса «Лучшие имена немцев России» в области науки им. Бориса Раушенбаха (2016).

От всей души поздравляем известного ученого и талантливое человека Виктора Вильгельмовича Фаузера с юбилеем и желаем ему счастливой, долгой, плодотворной и творческой жизни!

Коллектив Института социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми НЦ УрО РАН

Лариса Павловна Рощевская

11 декабря 2023 г. отметила свой юбилей заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела гуманитарных междисциплинарных исследований ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, известный и уважаемый ученый-историк, талантливый педагог, ведущий активную творческую жизнь, **Лариса Павловна РОЩЕВСКАЯ**.

До перехода в 1996 г. в ФИЦ Коми НЦ УрО РАН Л. П. Рощевская преподавала в Тюменском педагогическом университете (1961–1978), Сыктывкарском государственном университете (1978–1998). В научной деятельности большое внимание уделяла подготовке высококвалифицированных кадров для Республики Коми. С 1995 по 2007 г. являлась председателем Диссертационного совета по отечественной истории Сыктывкарского государственного университета, в котором за этот период были защищены 68 диссертаций, из них 56 – специалистами республики. Под руководством Ларисы Павловны восемь аспирантов ФИЦ Коми НЦ УрО РАН и Сыктывкарского госуниверситета защитили кандидатские диссертации и успешно трудятся в научных коллективах Республики Коми.

Можно выделить несколько самостоятельных, но взаимосвязанных направлений, которые в разное время находились в сфере внимания ученого. Продолжая лучшие традиции, заложенные выдающимися русскими учеными-историками науки, Лариса Павловна Рощевская внесла существенный вклад в развитие исследований в области историко-культурных процессов европейского Севера России и Сибири, общественного движения и репрессивной политики в отечественной истории, архивоведения и библиотековедения, истории академической науки. Крайне важным и актуальным представляется используемый Л. П. Рощевской комплексный междисциплинарный подход к исследованию социокультурных проблем, при котором традиционные методы анализа исторических

Larisa P. Roshchevskaya

источников органично дополняются методами смежных наук – книговедения, библиотековедения, библиографии, архивоведения, музееведения, что позволяет получать значимые в научном отношении результаты.

С именем Л. П. Рощевской связано формирование новых направлений исследований, основанных на глубоком анализе документальных комплексов культурного наследия региона, таких как модернизация локальной библиотечной культуры Европейского Севера России; становление и развитие республиканского книгоиздания в контексте общероссийского развития книжного дела; участие академической науки в модернизации северных территорий. На основании полученных данных ею опубликована серия монографических и документально-справочных работ.

Автор более 600 научных работ, в том числе монографий, учебных пособий, научно-справочных изданий, Л. П. Рощевская – известный в стране и за ее пределами ученый-новатор.

Исследования Ларисы Павловны в области теории архивного дела претворены в практической плоскости. Под ее руководством профессионально подготовлены путеводители по фондам ведущих республиканских архивов: Центрального государственного архива Республики Коми и Коми республиканского государственного архива общественно-политических движений и формирований, Научного архива ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ее работа по введению в научный оборот огромного массива документальной, научно-справочной информации о Республике Коми отмечена высокими наградами. В 2022 г. она стала дипломантом конкурса работ в области архивоведения, документоведения и археологии Федерального архивного агентства.

Последние 10 лет Л. П. Рощевская активно занимается проблемами истории научного освоения северных территорий России. Ею проведено комплексное изучение процесса возникновения и функционирования научных сообществ Северного Приуралья в XVII – начале XX в. Под ее руководством впервые в отечественной историографии комплексно исследована проблема формирования, сохранения и изучения архивных и библиотечных фондов Российской академии наук на европейском Севере России. Введены в научный оборот уникальные комплексы документов профессора Д. В. Бубриха, чл.-корр. АН СССР В. Г. Базанова. Проведена документальная реконструкция масштабной академической экспедиции – Печорской бригады академика А. П. Карпинского (1933), оказавшей значительное влияние на научное освоение региона.

Человеческое обаяние, жизнелюбие, внимательное и уважительное отношение к коллегам – особо ценные качества характера Ларисы Павловны. Искренне поздравляем Л. П. Рощевскую с юбилейной датой и желаем доброго здоровья, благополучия и творческого долголетия!

Коллектив отдела гуманитарных междисциплинарных исследований ФИЦ Коми НЦ УрО РАН

Николай Алексеевич Громов

19 декабря 2023 г. отметил 75-летний юбилей **Николай Алексеевич ГРОМОВ** – доктор физико-математических наук, профессор, главный научный сотрудник Физико-математического института ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, заслуженный работник Республики Коми.

Детство и юность Н. А. Громова прошли в Ставропольском крае. В 1966 г. он окончил с золотой медалью среднюю школу № 6 г. Невинномысска. В 1967 г. поступил на физический факультет Ленинградского государственного университета. Сразу же после его окончания в 1973 г. он как молодой специалист по приглашению С. Н. Белова приехал в г. Сыктывкар для работы в математической группе, недавно организованной в Коми филиале АН СССР. Группой руководил известный ленинградский математик и правозащитник Р. И. Пименов, отбывавший в Сыктывкаре ссылку. Развивая идеи Р. И. Пименова по использованию дуальных чисел в геометрии, Н. А. Громов предложил описывать группы движений и их алгебры Ли всех пространств с постоянной кривизной (пространств Кэли-Клейна) с помощью контракций (предельных переходов) и аналитических продолжений хорошо известных классических ортогональных групп. Первые публикации Н. А. Громова на эту тему появились в 1978 г., а в 1982 г. он успешно защитил кандидатскую диссертацию «Предельные переходы между группами и элементы механики в полугиперболическом и полусферическом мирах». В последующие годы он развивал идею единого описания, применив ее ко всем сериям классических групп, а также исследовал связи между пространствами с постоянной кривизной произвольной размерности.

В 1985 г. Н. А. Громов стал заведующим лабораторией прикладной математики отдела информатики и автоматизации Института биологии Коми филиала. В 1988 г. проходил стажировку в Физическом институте АН СССР под руководством доктора физ.-мат. наук В. И. Манько. При-

Nikolai A. Gromov

менение разработанного Н. А. Громовым метода контракций и аналитических продолжений к сформулированным В. И. Манько задачам привело к построению представлений Иордана-Швингера ортогональных, унитарных и симплектических групп Кэли-Клейна, исследованию групповых квантовых систем в представлении когерентных и коррелированных состояний. Одним из первых он исследовал контракции квантовых групп. Обобщив полученные результаты, Н. А. Громов защитил в 1991 г. докторскую диссертацию «Контракции и аналитические продолжения классических и квантовых групп». В этом же году он был введен в состав Президиума Коми научного центра УрО АН СССР, начал преподавательскую деятельность на математическом факультете Сыктывкарского университета, которую вел до 2004 г.

В 1993 г. Отдел математики Коми НЦ УрО РАН обрел статус самостоятельного учреждения, и в его организации велика роль Н. А. Громова. В 1993–1994 гг. он совместно с испанскими коллегами работает в университете г. Вальядолид, попутно перенимая опыт организации исследований. По возвращении в Сыктывкар он активно занялся продвижением и внедрением информационных и телекоммуникационных технологий в Коми научном центре. Одним из первых в Республике Отдел математики приступил к созданию корпоративной сети Коми НЦ и обеспечению ее выхода в Интернет. Впоследствии при поддержке Института математики и механики УрО РАН и активном участии Н. А. Громова в Отделе математики был создан суперкомпьютерный центр коллективного пользования.

С начала 1990-х гг. Н. А. Громов приступает к систематическому изучению контракций квантовых групп и алгебр, с докладами выступает на престижных международных конференциях. На рубеже веков вместе со своими учениками и коллегами распространяет метод контракций на новые классы объектов: бесконечномерные алгебры Вирасоро, а также супергруппы и супералгебры, что дает возможность сформулировать новое общее понятие – контракция алгебраических структур. Были построены некоммутативные аналоги как релятивистских, так и нерелятивистских моделей пространства-времени двух типов: с фундаментальной длиной и фундаментальным временем.

Начиная с 2006 г. научные интересы Н. А. Громова сосредоточились на изучении Стандартной электрослабой модели – современной теории взаимодействия элементарных частиц. К последним его крупным достижениям относится теоретическое описание взаимодействия элементарных частиц в первые мгновения после образования Вселенной, полученное в результате исследования предельного поведения Стандартной модели, порождаемого контракцией ее калибровочной группы с параметром обратно пропорциональным температуре Вселенной.

Умелый организатор, Николай Алексеевич, помимо руководства Отделом математики (преобразованным в 2017 г. в Физико-математический институт ФИЦ Коми НЦ УрО РАН) входил также в состав Объединенного ученого

совета по математике, механике и информатике УрО РАН, являлся членом Президиума Коми НЦ и членом ученого совета Института математики и механики УрО РАН. В настоящее время Н.А. Громов – главный научный сотрудник Физико-математического института ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, ответственный редактор научного журнала «Известия Коми научного центра УрО РАН. Серия Физико-математические науки».

Н. А. Громов является автором четырех монографий, он опубликовал более 150 научных работ и сделал более 70 докладов на международных, всероссийских и региональных конференциях, под его руководством защищены две кандидатские диссертации. За плодотворную научную работу, большую научно-организационную и педаго-

гическую деятельность Н. А. Громову присвоено почетное звание «Заслуженный работник Республики Коми» (2004). Он награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени (2010). Является лауреатом премии Правительства Республики Коми в области научных достижений (2013). В 2023 г. Николаю Алексеевичу присвоено звание «Почетный ветеран Уральского отделения РАН».

Сердечно поздравляем Николая Алексеевича с юбилеем! Желаем крепкого здоровья, благополучия и новых научных достижений!

*Руководство ФИЦ Коми НЦ УрО РАН
и редколлегия журнала «Известия Коми НЦ УрО РАН»*

События

**III Всероссийская
научно-практическая конференция
(с международным участием)**

**«Социально-экономические,
демографические и исторические
исследования на Севере России»**

21-22 декабря 2023 г. Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера и Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (Республика Коми, г. Сыктывкар) совместно провели III Всероссийскую научно-практическую конференцию «Социально-экономические, демографические и исторические исследования на Севере России».

Конференция прошла в рамках научных мероприятий, приуроченных к:

- 100-летию со дня рождения видного ученого-экономиста, Заслуженного деятеля науки и техники РСФСР, Заслуженного работника народного хозяйства Коми АССР, д.э.н., профессора Подоплелова Владислава Павловича (1923-2000);
- 300-летию Российской академии наук;
- 80-летию создания Коми научного центра УрО РАН;
- 75-летию проведения экономических исследований в Коми научном центре;
- 35-летию образования Института социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

Events

**III All-Russian Scientific
and Practical Conference
(with international participation)**

**«Socio-economic, demographic
and historical research
in the North of Russia»**

Работа конференции была организована по тематическим направлениям:

1. Социально-экономические проблемы развития Севера России.
2. Демографические и исторические исследования на Севере России.
3. Проблемы занятости и безработицы, их особенности на Севере России.
4. Развитие трудового потенциала в условиях инновационной экономики.
5. Эффективное использование человеческих ресурсов как фактор устойчивого социально-экономического развития региона.
6. Государственный, муниципальный и корпоративный менеджмент.
7. Устойчивое развитие социально-экономических и экологических систем.

XII Международный симпозиум по исторической демографии

**Северная секция Научного совета
по исторической демографии
и исторической географии РАН
Институт языка, литературы
и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН
Отделение Российского исторического
общества в Республике Коми**

XII International Symposium on Historical Demography

**Northern Section of the Scientific Council
on Historical Demography and Historical
Geography, RAS
Institute of Language, Literature and History,
Federal Research Centre Komi Science
Centre, Ural Branch, RAS
Department of the Russian Historical Society
in the Komi Republic**

3-5 июля 2024 г. в Сыктывкаре состоится XII Междуна-
родный симпозиум по исторической демографии.

Основная тема симпозиума – влияние демографиче-
ских процессов на освоение и развитие арктических и су-
барктических территорий России и других стран. Симпо-
зиум – многофункциональная площадка для обсуждения
различных вопросов, связанных с историческим опытом,
современным состоянием и перспективами развития се-
верных территорий.

Традиционно на симпозиуме обсуждаются проблемы
источниковедения и историографии: типы источников по
историко-демографическим и этнодемографическим про-
цессам, методы их анализа, доступность и достоверность
источников, возможности их публикации, современное
состояние этнодемографических и историко-демографи-
ческих исследований, перспективы их развития и прак-
тическая значимость. Предполагается обсудить демогра-
фические процессы и факторы влияния на них в России
и других странах в различные исторические периоды и

на современном этапе, общее и особенное историко-де-
мографического и этнодемографического развития госу-
дарств мира, а также актуальные вопросы историко-гео-
графических исследований.

Для участия в работе симпозиума необходимо до 15
июня 2024 г. сообщить темы докладов и анкетные данные
(фамилия, имя, отчество автора(-ов) полностью, город (на-
селенный пункт), ученая степень, должность, место работы
(без сокращений), служебный адрес, адрес электронной по-
чты), форма участия (очно, заочно, онлайн)), постер-докла-
ды прислать до 25 июня 2024 г. в Институт языка, литера-
туры и истории Коми НЦ УрО РАН ответственному секретарю
оргкомитета симпозиума Вишняковой Дарье Викторовне по
электронному адресу : vishnyakova_dari@mail.ru.

Все доклады участников симпозиума будут опублико-
ваны в научном журнале, входящем в список ВАК «Изве-
стия Коми научного центра УрО РАН», серия «Историче-
ская демография» в 2024-2025 гг. Правила для авторов :
<https://izvestia.komisc.ru/index.php/ru/dlya-avtorov-2/>

Научный журнал

ИЗВЕСТИЯ

Коми научного центра
Уральского отделения Российской академии наук

**Серия «Историческая демография»
№ 8 (66)**

Номер подготовили:

Ответственный редактор серии – д.и.н. И. Л. Жеребцов
Ответственный секретарь серии – к.и.н. Д. В. Вишнякова
Выпускающий редактор – И. В. Курляк
Редактор – О. А. Гросу
Переводчик – Т. А. Исакова
Оригинал-макет – Е. Н. Старцева
Дизайн обложки – Я. С. Куликова

Лицензия № 0047 от 10.01.1999.

Подписано в печать 21.12.2023. Дата выхода в свет 25.12.2023.

Уч.-изд.л. 16.5. Усл.-печ.л. 17.0. Тираж 300. Заказ № 57.

Формат 60x84¹/₈. Свободная цена.

Подготовлено к изданию и отпечатано в редакционно-издательском центре ФИЦ Коми НЦ УрО РАН
167982, Российская Федерация, ГСП-2, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 24.

Адрес учредителя, издателя: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр «Коми научный центр УрО РАН».
167982, Российская Федерация, ГСП-2, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 24.